

Том 14, Номер 1, 2021
Vol 14, No 1, 2021

ISSN 2542-0240 (Print)
ISSN 2587-9324 (Online)
ogt-journal.com

КОНТУРЫ ГЛОБАЛЬНЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ

OUTLINES OF GLOBAL TRANSFORMATIONS

*Сепаратизм, сецессионизм
и государственные границы*

*Separatism, Secessionism and State
Borders*

ТОМ 14 • НОМЕР 1 • 2021

Контурь глобальных трансформаций:

ПОЛИТИКА • ЭКОНОМИКА • ПРАВО

VOLUME 14 • NUMBER 1 • 2021

Outlines of Global Transformations:

POLITICS • ECONOMICS • LAW

DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-1

Контурсы глобальных трансформаций

ПОЛИТИКА • ЭКОНОМИКА • ПРАВО

В журнале публикуются материалы, посвященные актуальным проблемам политической науки, мировой политики, международных отношений, экономики и права. Журнал призван объединить представителей российского и зарубежного экспертного и научного сообщества, сторонников различных научных школ и направлений. Главная цель журнала — предоставить читателю глубокий анализ какой-либо проблемы, показать различные подходы к ее решению. Каждый из выпусков журнала посвящен одной определенной теме, что позволяет обеспечить комплексное рассмотрение процессов, явлений или событий.

Редакционная коллегия

Кузнецов А.В., главный редактор, ИНИОН РАН, Москва, РФ
Исаков В.Б., заместитель главного редактора, НИУ ВШЭ, Москва, РФ
Лексин В.Н., заместитель главного редактора, Институт системного анализа РАН, Москва, РФ
Соловьев А.И., заместитель главного редактора, МГУ, Москва, РФ
Багдасарян В.Э., МГУ, Москва, РФ
Булатов А.С., МГИМО (Университет), Москва, РФ
Вершинин А.А., МГУ, Москва, РФ
Вилисов М.В., Центр изучения кризисного общества, Москва, РФ
Володенков С.В., МГУ, Москва, РФ
Володин А.Г., ИМЭМО РАН, Москва, РФ
Жебит А., Федеральный университет Рио-де-Жанейро, Рио-де-Жанейро, Бразилия
Звягельская И.Д., ИМЭМО РАН, Москва, РФ
Качинс Э., Центр стратегических и международных исследований, Вашингтон, США
Кривопапов А.А., ИМЭМО РАН, Москва, РФ
Либман А.М., Берлинский Свободный университет, Берлин, Германия
Лившин А.Я., МГУ, Москва, РФ
Лиухто К., Университет Турку, Турку, Финляндия
Лукин А.В., МГИМО (Университет), Москва, РФ
Мигранян А.А., Институт экономики РАН, Москва, РФ
Миронюк М.Г., НИУ ВШЭ, Москва, РФ
Орлов И.Б., НИУ ВШЭ, Москва, РФ
Пабст А., Кентский университет, Кентербери, Великобритания
Сибал К., бывший первый заместитель министра иностранных дел Индии, Нью-Дели, Индия
Сильвестров С.Н., Финансовый университет при Правительстве РФ, Москва, РФ
Схолте Я.А., Гетеборгский университет, Гетеборг, Швеция
Телин К.О., МГУ, Москва, РФ

Редакционный совет

Якунин В.И., председатель редакционного совета, МГУ, Москва, РФ
Абрамова И.О., Институт Африки РАН, Москва, РФ
Гаман-Голутвина О.В., МГИМО (Университет), Москва, РФ
Гринберг Р.С., Институт экономики РАН, Москва, РФ
Громыко А.А., Институт Европы РАН, Москва, РФ
Лисицын-Светланов А.Г., юридическая фирма «ЮСТ», Москва, РФ
Макаров В.Л., Центральный экономико-математический институт РАН, Москва, РФ
Никонов В.А., МГУ, Москва, РФ
Порфирьев Б.Н., Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН, Москва, РФ
Садовничий В.А., МГУ, Москва, РФ
Торкунов А.В., МГИМО (Университет), Москва, РФ
Шутов А.Ю., МГУ, Москва, РФ

Учредитель и издатель: Ассоциация независимых экспертов «Центр изучения кризисного общества», Москва, РФ

Адрес: 119146, Москва, Комсомольский проспект, д. 32, к. 2.

Сайт: <http://www.oigt-journal.com>

Тел.: +7 (495) 664-52-07

© Контурсы глобальных трансформаций, 2021

E-mail: journal@centero.ru

Периодичность: 6 раз в год

Тираж: 1000 экз.

Издается с 2016 г.

DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-1

Содержание

Политические процессы в меняющемся мире

АНДРЕЕВА Г.Н. Двойные стандарты в отношении современных государств к сецессии: правовой аспект 6–22

КОЛОСОВ В.А., СЕБЕНЦОВ А.Б., ТУРОВ Н.Л. Неконтролируемые территории в современном мире: теория, генезис, типы, динамика 23–51

Страницы прошлого

ХАЩИНА Э.Э. Правовые акты о независимости прибалтийских республик 1988–1990 гг. как основа для моделирования механизма предотвращения сецессий 52–73

ЕФРЕМЕНКО Д.В. Идентичность и сецессия: казус отделения Словении и Хорватии от Югославии 74–97

Проблемы Старого Света

КОДАНЕВА С.И. Брекзит: сепаратизм, популизм и социальная трансформация британского общества 98–117

КРИВОРОТОВ А.К. Гренландия и Дания: арктический сецессионизм в силовом поле мировой политики 118–134

Азия: вызовы и перспективы

САЛИЦКИЙ А.И., ВИНОГРАДОВ А.В. Гонконгское противостояние: внутренняя динамика и внешние аспекты 135–150

ПУГАЧЕВА О.С. Межкорейские отношения: факторы и перспективы развития 151–175

РОГОЖИНА Н.Г. Проблема Глубокого юга Таиланда – сепаратизм малайских мусульман 176–193

В национальном разрезе

ДЕНИСОВА Т.С., КОСТЕЛЯНЕЦ С.В. Сепаратизм в Южном Камеруне: истоки и перспективы 194–213

ФИЛИППОВ В.Р. Азавад – самопровозглашенное государство туарегов .. 214–227

В рамках дискуссии

КУДРЯШОВА И.В., МЕЛЕШКИНА Е.Ю. Косово: сецессия как национальный проект 228–249

СЕМЕНОВ М.Е. Подходы президентов П. Порошенко и В. Зеленского к урегулированию конфликта в Донбассе: сравнительный анализ 250–270

DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-1

Outlines of Global Transformations

POLITICS • ECONOMICS • LAW

Kontury global'nyh transformacij: politika, ekonomika, pravo

The Outlines of Global Transformations Journal publishes papers on the urgent aspects of contemporary politics, world affairs, economics and law. The journal is aimed to unify the representatives of Russian and foreign academic and expert communities, the adherents of different scientific schools. It provides a reader with the profound analysis of a problem and shows different approaches for its solution. Each issue is dedicated to a concrete problem considered in a complex way.

Editorial Board

Alexey V. Kuznetsov – Editor-in-Chief, INION, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
Vladimir B. Isakov – Deputy Editor-in-Chief, National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russian Federation
Vladimir N. Leksin – Deputy Editor-in-Chief, Institute of System Analysis, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
Alexander I. Solovyev – Deputy Editor-in-Chief, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation
Vardan E. Bagdasaryan, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation
Alexander S. Bulatov, MGIMO University, Moscow, Russian Federation
Aleksey A. Krivopalov, IMEMO, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
Andrew C. Kuchins, Center for Strategic and International Studies, Washington, USA
Alexander M. Libman, The Free University of Berlin, Berlin, Germany
Alexander Ya. Livshin, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation
Kari Liuhio, University of Turku, Turku, Finland
Alexander V. Lukin, MGIMO University, Moscow, Russian Federation
Aza A. Migranyan, Institute of Economics, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
Michail G. Mironyuk, National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russian Federation
Igor B. Orlov, National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russian Federation
Adrian Pabst, University of Kent, Canterbury, Great Britain
Jan A. Scholte, University of Gothenburg, Gothenburg, Sweden
Kanwal Sibal, Former Foreign Secretary of India, New Delhi, India
Sergey N. Silvestrov, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation
Kirill O. Telin, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation
Alexander A. Vershinin, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation
Maksim V. Vilisov, Center for Crisis Society Studies, Moscow, Russian Federation
Sergey V. Volodenkov, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation
Andrey G. Volodin, IMEMO, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
Alexander Zhebit, Federal University of Rio de Janeiro, Rio de Janeiro, Brazil
Irina D. Zvyagel'skaya, IMEMO, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Editorial Council

Vladimir I. Yakunin – Head of the Editorial Council, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation
Irina O. Abramova, Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
Oksana V. Gaman-Goluvina, MGIMO University, Moscow, Russian Federation
Ruslan S. Grinberg, Institute of Economics, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
Alexey A. Gromyko, Institute of Europe, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
Andrey G. Lisitsyn-Svetlanov, Law Firm "YUST", Moscow, Russian Federation
Valeriy L. Makarov, Central Economics and Mathematics Institute, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
Viacheslav A. Nikonov, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation
Boris N. Porfiryev, Institute of Economic Forecasting, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
Viktor A. Sadovnichiy, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation
Anatoly V. Torkunov, MGIMO University, Moscow, Russian Federation
Andrei Y. Shutov, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

Founder and Publisher: Association for Independent Experts "Center for Crisis Society Studies", Moscow, Russian Federation

Address: 2, 32, Komsomolskij Av., Moscow, 119146,
 Russian Federation
Web-site: <http://www.oqt-journal.com>
Tel.: +7 (495) 664-52-07

E-mail: journal@centero.ru
Frequency: 6 per year
Circulation: 1000 copies
 Published since 2016

DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-1

Contents

Political Processes in the Changing World

- ANDREEVA G.N.** Double Standards Regarding the Attitude of the Contemporary States towards Secession: The Legal Aspect 6–22
- KOLOSOV V.A., SEBENTSOV A.B., TUROV N.L.** Uncontrolled Territories in the Contemporary World: Theory, Genesis, Types and Dynamics 23–51

The Pages of the Past

- HASCHINA E.E.** Legal Acts on the Independence of the Baltic Republics 1988–1990 As a Basis for Modeling the Secession Prevention Mechanism 52–73
- EFREMENKO D.V.** Identity and Secession: The Case of the Secession of Slovenia and Croatia from Yugoslavia 74–97

Problems of the Old World

- KODANEVA S.I.** The Anatomy of Brexit: Separatism, Populism and the Social Transformation of British Society 98–117
- KRIVOROTOV A.A.** Greenland and Denmark: Arctic Secessionism in a Global Powerplay 118–134

Asia: Challenges and Perspectives

- VINOGRADOV A.V., SALITSKII A.I.** Hong Kong's Stand-off: Indigenous Dynamics and International Perspective 135–150
- PUGACHEVA O.S.** Inter-Korean Relations: Factors and Prospects 151–175
- ROGOZHINA N.G.** The Problem of the Deep South of Thailand – Separatism of the Malay Muslims 176–193

National Peculiarities

- DENISOVA T.S., KOSTELYANETS S.V.** Separatism in South Cameroon: Sources and Prospects 194–213
- FILIPPOV V.R.** Azawad As a Self-proclaimed Tuareg State 214–227

Under Discussion

- KUDRYASHOVA I.V., MELESHKINA E.YU.** Kosovo: Secession as a Nation-building Project 228–249
- SEMENOV M.E.** The Approaches of Presidents P. Poroshenko and V. Zelensky to the Settlement of the Conflict in the Donbass: Comparative Analysis 250–270

Политические процессы в меняющемся мире

DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-1-1

Двойные стандарты в отношении современных государств к сецессии: правовой аспект

Галина Николаевна АНДРЕЕВА

кандидат юридических наук, ведущий научный сотрудник
Институт научной информации по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН),
117218, ул. Кржижановского, д. 15, к. 2, Москва, Российская Федерация
E-mail: galinaandr@rambler.ru
ORCID: 0000-0002-3465-522X

ЦИТИРОВАНИЕ: Андреева Г.Н. (2021) Двойные стандарты в отношении современных государств к сецессии: правовой аспект // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. Т. 14. № 1. С. 6–22.
DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-1-1

Статья поступила в редакцию 01.10.2020.

ФИНАНСИРОВАНИЕ: Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00418 «Теоретические основы правовых механизмов предотвращения сецессии».

АННОТАЦИЯ. В конституциях большинства современных государств в различных формулировках отражается негативное отношение к сецессии: от установления ряда конституционных принципов (единства нации, целостности государства и др.), которые интерпретируются органами конституционного контроля как прямо или косвенно препятствующие осуществлению сецессии, до прямого ее запрещения. Только небольшая группа конституций содержит положения, допускающие сецессию. Наряду с этим в международном правовом поле, в котором действуют современные государства и признают принципы которого они декларируют, существует принцип признания права наций на самоопределение. В рамках национального права сецессия, ко-

торая предшествовала возникновению значительного числа современных государств и служила основанием провозглашения и утверждения их независимости, рассматривается на официальном уровне как важное и знаменательное событие. Его отмечают в качестве официальных праздников, юбилеев независимости, с ним связывают обычаи и традиции, которые поддерживаются современными государствами.

В статье показано, что двойные стандарты, применяемые значительной частью современных государств к прошлым и будущим сецессиям, обусловлены, с одной стороны, его очевидными интересами по сохранению целостности, с другой – корнями в прошлом традициями и теориями. Обосновывающая строго негативное от-

ношение государства к допустимости сецессии части этого государства доктрина не идеальна, противоречива, базируется на трансформирующихся в настоящее время концепциях, и в отношении любого ее аргумента разработаны контраргументы, опирающиеся на фундаментальные конституционные теории и исследования. Пестрота и противоречивость доктрины заставляют современные государства либо искать баланс между противоречащими друг другу теориями и подходами, либо примыкать к одной из них, причем обычно далеко не самой современной. Необходимое совмещение, синхронизацию международно-правового и конституционно-правового отношения к регулированию сецессии можно обеспечить, если в основу такого регулирования будет положен, прежде всего, принцип приоритета обеспечения прав человека. При этом, в отличие от имеющего феодальные корни принципа суверенного права распоряжения государствами своими территориями по образцу права собственности (который также в условиях глобализации осовременивается и трансформируется), гуманитарный подход к обеспечению права народов на самоопределение призван гарантировать возможность свободного и рационального выбора формы своего государственного существования региональным и местным сообществам.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *современные государства, сецессия, конституционные нормы, решения конституционных судов, доктрина, акты о независимости, права человека*

Сецессия, понимаемая в конституционно-правовом и международно-правовом смысле как отделение части территории государства по решению его населения или соответствующей

политической элиты, была известна задолго до появления современных государств. Можно сказать, что сецессии сопровождают государство на протяжении всей его истории, в т. ч. конституционной. Поскольку сецессии – постоянная составляющая процессов государствообразования, казалось бы, уже должна была сформироваться учитывающая это обстоятельство, более или менее однозначная, сбалансированная, подкрепленная высокими фундаментальными конституционными ценностями и сопряженная с ними позиция государства по отношению к сецессии, выраженная на национальном и международном уровне. Тем не менее этого не наблюдается применительно ни к национальному конституционному праву, ни к международному праву; конституционные нормы, как будет показано далее, свидетельствуют о том, что большинство государств склонно скорее негативно относиться к вопросу о регулировании сецессии. Такое «единодушие» не может не настораживать. Даже если принять в расчет заимствования и подражания известным образцам, теоретически, исходя из идеи необходимости учета особенностей национального государства в конституциях, вроде бы, не должно было быть единообразного конституционного регулирования по этому вопросу в государствах с моноэтническим составом без сецессионистских настроений и в государствах, где имеется движение, нацеленное на сецессию, а также в сложносоставных государствах, в государствах с полиэтническим составом, в федерациях, возникших на основе договора и т. д. Понятно, что в моноэтнических государствах потребность регулирования права на выход может вообще не возникнуть. И, разумеется, речь не идет о том, что все государства со сложным составом или обремененные чреватými сецессией

проблемами должны включить в конституции положения, регулирующие право на сецессию: национальное конституционное регулирование в этом вопросе должно быть продуманным, «индивидуализированным» и учитывающим множество факторов. Тем не менее возникает вопрос, насколько последовательно современные государства выдерживают негативное отношение к сецессии, т. е. распространяется ли оно на все сецессии?

Конституционное регулирование, касающееся сецессии

В современных конституциях содержатся различные нормы, которые могут быть отнесены к регулированию ситуации сецессии (или уже используются органами конституционного контроля для этого). Одни конституции допускают сецессию (как уже указывалось, меньшинство), другие прямо или косвенно запрещают, часть конституций по этому вопросу хранит молчание, которое в ситуации опасности сецессии может быть истолковано по-разному. Конституционные положения по вопросу о сецессии предопределяют содержание актов о порядке выхода или о запрещении сецессии там, где они уже приняты [Андреева 2020].

С точки зрения содержания положений, которые могут быть применены или применяются в ситуации возможной сецессии, конституции можно разбить на основные три группы: 1) содержащие право на сецессию; 2) не содержащие норм, устанавливающих право на сецессию или запрещающих сецес-

сию; 3) закрепляющие принцип единства нации или единства государства.

Первая группа является малочисленной и включает конституции Сент-Китса и Невиса, Узбекистана, Эфиопии и Лихтенштейна. Право на сецессию закреплено в них в разной форме и по отношению к разному кругу субъектов. Конституция Сент-Китса и Невиса и Конституция Узбекистана содержат положения, относящиеся к конкретным субъектам. Статья 113 Конституции Сент-Китса и Невиса 1982 г. допускает выход Невиса из состава федерации, и процедура отделения урегулирована в ней довольно подробно. Жители Невиса в 1998 г. воспользовались данным правом и провели референдум о выходе из состава федерации. За выход проголосовали 62% граждан¹, однако для успешного решения вопроса нужна, согласно пп. b п. 2 ст. 113 Конституции этой страны, поддержка большинства в 2/3 голосов, поэтому отделение не состоялось. Статья 74 Конституции Узбекистана 1992 г. содержит положение о том, что «Республика Каракалпакстан обладает правом выхода из состава Республики Узбекистан на основании всеобщего референдума народа Каракалпакстана»². Две другие конституции не содержат конкретизации субъектов права выхода. Статья 39 Конституции Эфиопии 1994 г. предусматривает безусловное право каждой национальности, народности и народа страны на самоопределение, включая право на выход из государства (п. 1). Статья 4 Конституции Княжества Лихтенштейн 1921 г. после конституционного референдума 2003 г. устанавливает, что теперь каждый муниципалитет обладает правом выхода, если за это проголо-

1 St. Kitts and Nevis: 1998 Referendum (2000) // Political Database of the Americas // <https://pdba.georgetown.edu/Elecdata/Kitts/ref1998.html>, дата обращения 19.09.2020.

2 Конституции государств Азии: В 3 т. Т. 2. Средняя Азия и Индостан (2010). М.: Норма. С. 837.

сует большинство проживающих в нем граждан.

Значительным своеобразием отличается отношение государства к сецессии в Великобритании. В отношении сецессии действует конституционный принцип, согласно которому ни одна часть Соединенного королевства не может удерживаться в его составе насильственно. Он сложился не сразу и явился результатом соединения политического и юридического подходов в некое единое целое еще в период решения вопроса о статусе доминионов [Coffey 2018]. Политический подход состоял в том, что выход доминионов зависел от их политической воли, он возможен, но не нужен при отсутствии стремления доминиона к независимости. При наличии желания предполагалось и обсуждение целесообразности такого шага. Эта идея была афористично выражена на одной из пресс-конференций государственным секретарем Великобритании по делам колоний Дж. Х. Томасом: «Никто не ставит под сомнение чье-либо право на отделение, равно как и его право застрелиться. Но можно усомниться в целесообразности такого образа действий» [Coffey 2018, p. 121]. Кроме того, официальная доктрина имплицитно подразумеваемой возможности выхода означала выполнение всех легально установленных требований и условий в предписанных правом и правовым обычаем формах. На практике переход от частичной самостоятельности доминионов к их полной независимости как субъектов международного права происходил постепенно с одновременным изменением статуса Короны и трансформацией единого государства в международную конфедеративную организацию под эгидой бри-

танской Короны. Основания и порядок выхода для доминионов были индивидуализированы, но при этом выход осуществлялся на основе определенной, во многом повторяющейся модели. Этот подход сохраняется и в настоящее время. Например, за Шотландией признается право выхода из Соединенного Королевства прежде всего в силу того, что в основе ее вхождения в объединенное государство лежит договор, заключенный в 1707 г. [Breda 2013, pp. 79–80]; что же касается Северной Ирландии, то она может выйти на основании ст. 1 Акта о Северной Ирландии 1998 г., которая прямо предусматривает такую возможность, если за нее высказается большинство населения Северной Ирландии³.

Во вторую группу входят конституции, не содержащие нормы, которые устанавливали бы право на сецессию или запрещали ее. Условно их можно назвать «хранящими молчание» по этому вопросу (Аргентина, Гватемала, Гондурас, Исландия, Нидерланды, Канада, Швейцария и др.). Там, где сецессионистские движения отсутствуют или проблемы, которые потенциально могут вызвать сецессию, разрешаются за счет существующих механизмов согласования решений, такое конституционное регулирование находится в «латентном» состоянии, но при возникновении конфликта интересов они могут быть задействованы, причем как в пользу, так и против сецессии. В англосаксонской системе права, где действует принцип «не запрещено – значит, разрешено», вопрос о допустимости сецессии в случае молчания конституции становится объектом игры политических сил, а органы государства стремятся придать этой игре традицион-

3 Northern Ireland Act 1998 // UK Government // <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/1998/47/section/1>, дата обращения 19.09.2020.

ные для данной системы формы, в этом смысле показательна ситуация в Канаде с Квебеком [Rocher 2018]. Как определил Верховный суд Канады в своем решении по вопросу о референдуме о независимости Квебека⁴, Конституция Канады не содержит препятствий для проведения референдума по вопросу о выходе из федерации, но при этом он установил ряд требований, которым должна соответствовать процедура выхода [Dumberry 2006, pp. 425–426].

Наиболее многочисленной является третья группа конституций, в которых прямо не говорится о сепарации, но сформулированы принципы, позволяющие органам конституционного контроля сделать вывод о ее недопустимости. К этим принципам относятся принцип единства или целостности государства и принцип единства нации.

Изложенные в виде принципа единства или целостности государства положения, содержащиеся в целом ряде конституций (Болгария, Грузия, Италия, Йемен и др.), могут быть применены и к ситуации сепарации, хотя диапазон регулирования соответствующими конституционными нормами отношений шире. Принцип единства нации (Испания, Мексика, Суринам, Эквадор, Саудовская Аравия и др.) получил известность в качестве запрета сепарации в результате его трактовки в связи с событиями в Испании. Положение ст. 2 Конституции Испании гласит: «Конституция основана на нерушимом единстве испанской нации, едином и неделимом отечестве всех испанцев»⁵. Конституционный

суд Испании в целом ряде решений охарактеризовал данную статью как содержащую важнейший конституционный принцип, который не может быть преодолен на основании соглашения центра и регионов⁶.

Источник идей для судебной доктрины по вопросу о сепарации

Трактовка конституционных положений, затрагивающих вопросы единства государства и возможности выхода из его состава, находится в настоящее время главным образом в руках современных органов конституционного контроля, которые формируют свою собственную доктрину по данному вопросу. Однако теоретический «фундамент» и подходы для решений этих органов были заложены еще в XIX в. Верховным судом США.

В 1869 г. Верховный суд США по делу «Texas vs. White» вынес знаменитое решение, в котором указал, что Техас, став частью США, вступил в «вечный и нерасторжимый союз», поэтому документы об отделении являются «совершенно недействительными»⁷. Суд ответил отрицательно на вопрос о том, может ли штат выйти из Союза, и тем самым заложил основу для всех последующих решений по этому вопросу, включая современные⁸.

В научной литературе проанализированы обоснования данного решения социальными причинами (запрет рабства как изжившего себя в истории

4 Reference by the Governor in Council Concerning Certain Questions Relating to the Secession of Quebec from Canada, as Set out in Order in Council P.C. 1996-1497 (1996) // Supreme Court of Canada, September 30, 1996 // <https://web.archive.org/web/20040229132319/http://www.canlii.org/ca/cas/scc/1998/1998scc63.html>, дата обращения 19.09.2020.

5 Конституции государств Европы (2001). В 3-х т. М.: Норма. Т. 2. С. 50.

6 STS 103/2008, de 11 de septiembre; ST C42/ 2014, de 25 de marzo; STC 201/2015, de 25 de febrero.

7 Case «Texas v. White» (1869) // <https://www.law.cornell.edu/supremecourt/text/74/700>, дата обращения 19.09.2020.

8 О т. н. калексите – движении за сепарацию Калифорнии 2019 г., а также об отрицательном решении Верховного суда Аляски 2010 г. относительно референдума по вопросу о выходе Аляски из США см. [Ryan 2017, pp. 126, 132–134].

ческом плане явления, экономические преимущества Юга перед более промышленно развитым Севером, не использовавшим рабство и т. д.), а также различия во взглядах на рабство южан и северян, которые призывали к его отмене с момента революции (об этом см., в частности [Ryan 2017, pp. 131–132]). Однако, во-первых, исследователи обращают внимание на то, что конституционные положения, относящиеся к рабству, были далеко не однозначными [Левчук 2016, с. 36–41; Ryan 2017, pp. 142–143]; во-вторых, юридическое обоснование запрета сецессии Верховным судом США было связано не с ними. В качестве основного обоснования выступали положения статей Конфедерации, объявлявшие союз «вечным», и положение преамбулы Конституции США об установлении «более совершенного союза». Уже тогда трое судей не согласились с данным решением, считая его слишком формальным, и до сих пор оно является предметом дискуссии, поскольку содержит целый ряд спорных в правовом отношении моментов.

Во-первых, решение Верховного суда было принято после Гражданской войны и отражало позицию победившей стороны, однако с современной точки зрения военное, силовое подавление нельзя считать правомерным основанием решения вопроса о государственном устройстве, на что, наряду с политической некорректностью произошедшего, обращается внимание в правовой литературе [Miguel Bárcena 2014, p. 21].

Во-вторых, современными историками переосмыслена оценка Гражданской войны в США и с помощью правовых аргументов доказано, что вторжение в южные штаты и их последующая

военная оккупация были незаконными, а Четырнадцатая поправка к Конституции дефектна, поскольку является результатом незаконного вооруженного вторжения [Ostrowsky 1998, p. 189].

В-третьих, ссылка на положения о вечном и нерасторжимом союзе была заимствована отцами-законодателями Конституции США из теологической формулировки в Договоре Англии с Шотландией 1707 г. Однако эта формулировка не стала препятствием для признания Великобританией возможности проведения референдума по вопросу об отделении Шотландии [Miguel Bárcena 2014, p. 25], соответственно, не исключает возможность сецессии.

В-четвертых, хотя в своих решениях Верховный суд опирался на идею существования единой американской нации и ее волю, на самом деле ее формирование в указанный период только начиналось [Tirado Sarti 2017].

В-пятых, и это, пожалуй, наиболее важно для данной статьи, обоснование южан о неизбежности и необходимости сецессии строилось на идее нарушения центральными властями взятых ими на себя обязательств, перечни этих нарушений были изложены ими в декларациях⁹ по образцу Декларации независимости США 1776 г., создавшей правовую основу для появления этого государства. Иначе говоря, в отличие от северян, положившихся на военную силу, южане пытались пойти легальным путем, используя уже известный им вполне успешный прецедент. В силу этого возникает парадоксальная ситуация, требующая либо признания подхода южан к решению проблемы в виде заявления деклараций о причинах сецессии и недопустимости дальнейшего сосуществования в

9 The Declaration of Causes of Seceding States. Georgia. Missisipi. South Carolina. Texas. Virginia (1861) // American Battlefield Trust // <https://www.battlefields.org/learn/primary-sources/declaration-causes-seceding-states>, дата обращения 19.09.2020.

рамках Союза законным и конституционным, и, соответственно, вторжение в южные штаты войск незаконным и неконституционным [Ostrowski 1998, p. 189], либо признание незаконной и неконституционной Декларации независимости США 1776 г.¹⁰ Некоторые американские ученые полагают, что, хотя изначально Декларация независимости 1776 г. была неконституционной, последующие события придали ей легитимность и законность [Eekelaar 1973]. Уязвимость и дефектность этой точки зрения с позиций конституционного права состоит в том, что она увязывает легитимность акта не с имманентно присущими ему конституционными чертами и свойствами, а с военной силой победившей стороны, что находится в противоречии с самой природой конституционного права, тем самым нарушается целостность и демократичность доктрины конституционного права. По этой логике следует признать, что если бы победили отделившиеся южные штаты, то волшебная палочка юриспруденции чудесным образом превратила бы их акты в конституционные, а сецессию сделала бы правомерной. Это проявление двойных стандартов в истории об американских сецессиях и отношении к ним Верховного суда может служить иллюстрацией известной эпиграммы поэта Джона Харингтона (1561–1612 гг.) «Of Treason»:

Treason doth never prosper;
what's the reason?
For if it prosper, none dare call it
treason¹¹.

Доктринальные аспекты проблемы сецессии

Следует отметить, что в судебной практике для более обстоятельной и юридически тонкой аргументации недопустимости сецессии используются и другие конституционные нормы, прежде всего нормы о национальном суверенитете, носителем которого является весь народ государства в целом, а не население какой-либо его части, как это сделал Конституционный суд Испании в решении от 10 сентября 2008 г.¹²; также примером может служить концепция учредительной власти, на которую сослался в своем решении от 16 декабря 2016 г. Федеральный Конституционный суд Германии по вопросу о недопустимости референдума о сецессии в Баварии¹³. При этом Суд проигнорировал тот факт, что не весь немецкий народ голосовал за Основной закон, а Бавария – против. Таким образом Суд, по сути, запретил выход из состава государства землям, перечень которых содержится в современной редакции преамбулы. Кроме того, в преамбуле Основного закона ФРГ говорится о свободном самоопределении земель, что также противоречит жесткой, ограничительной трактовке Основного закона Федеральным конституционным судом ФРГ (подробнее об этом см. [Андреева 2018, с. 135–137]).

Используемые органами конституционного контроля для запрета сецессии понятия и стоящие за ними теории (суверенитета, единства государства,

10 Дебаты о ее конституционности в американской литературе отражены в ряде работ [Black 1976; Flaherty 1987, p. 21 и др.].

11 В России эта эпиграмма известна в переводе С. Маршака под названием «Простая истина»: «Мятеж не может кончиться удачей, // В противном случае его зовут иначе». Маршак С. (1969) Собр. соч.: В 8 т. Т. 4. М.: Художественная литература. С. 92.

12 Sentencia 103/2008, de 11 de (BOE núm. 245, de 10 de octubre de septiembre) (2008) // Tribunal Constitucional de España // <http://hj.tribunalconstitucional.es/HJ/es-ES/Resolucion/Show/SENTENCIA/2008/103>, дата обращения 19.09.2020.

13 Die Entscheidung über Verfassungsbeschwerde gegen die Nichtzulassung einer Volksabstimmung über den Austritt Bayerns aus der BRD in Bayern und gegen die Bestimmung, dass die Volksabstimmung im ganzen Bundesgebiet und nicht nur in Bayern durchgeführt werden müsste (2016) // Bundesverfassungsgericht // http://www.bundesverfassungsgericht.de/SharedDocs/Entscheidungen/DE/2016/12/rk20161216_2bvr034916.html, дата обращения 19.09.2020.

единства нации, учредительной власти и др.) относятся к доктринальным аспектам вопроса о сецессии, но не исчерпывают доктрину, которая может быть к ней применена.

Органы конституционного контроля, защищая, прежде всего, интересы государства в целом, задействуют только верхнюю часть «айсберга» конституционно-правовой доктрины и интерпретируют ее как однозначную. Между тем тот же принцип единства нации, который был использован в качестве основного аргумента в решении Конституционного суда Испании, может трактоваться в достаточно широком диапазоне [Vergottini 2018, p. 107] от использования его в качестве основания для жесткой унификации общества до поддержки учета и отражения в организации государства интересов различных, в т. ч. этно-культурных, сообществ и автономизации статуса территорий их проживания. Последнее при соблюдении принципов демократии, правильной их реализации и постоянном совершенствовании механизмов взаимодействия органов государства и граждан может способствовать формированию устойчивых механизмов предотвращения сецессии (как, например, в Южном Тироле в Италии).

Ограниченность использования конституционных норм при решении органами конституционного контроля вопросов сецессии явно проявляется при сравнении их с доводами и теориями исследователей, анализирующих возможные конституцион-

ные основания для обеспечения прав и интересов той части населения государства, которая по каким-то причинам предпочитает выход из его состава. В зависимости от типа аргументации такие теории делят на основывающиеся на праве на объединения, т. е. в них речь идет о выборе, определяемом волей группы¹⁴; националистические, опирающиеся на коллективные права нации или народа¹⁵; ремедиальные, обосновывающие сецессию необходимостью восстановления нарушенных прав [Beobide Espelata 2008, p. 67; Алексанян 2017]. В аргументации этих теорий задействованы нормы о признаваемых современным конституционным правом правах и свободах (право/свободу объединения, плебисцитарные права, право на культурную, языковую, этническую идентичность и др.), которые интерпретируются в пользу признания возможности реализации права на сецессию.

Однако ключевое несоответствие существует между запретом сецессии в конституциях и правом наций на самоопределение. Последнее не сводится к праву на выход из состава «материнского» государства, поскольку имеет множество форм реализации [Пашенцев 2015, с. 216], но допускает при определенных условиях и возможность сецессии. После включения принципа равноправия и самоопределения народов в Устав ООН¹⁶ он было урегулирован в целом ряде других международных актов, в т. ч. Декларации о принципах международного права 1970 г., в которой содержится призыв к государ-

14 Существует обоснование права на самоопределение вплоть до отделения, основанное на принципе добровольного политического объединения, возникающего из индивидуального права на объединение (см. об этом [Beobide Espelata 2008, pp. 63–112]).

15 Эти группы – это нация или народ, и для этих теорий нация или народ – это любая социальная группа, которая имеет общую культуру, историю, язык, осознание своего различия и, возможно, общее стремление сформировать политическое сообщество [Beobide Espelata 2008, p. 67].

16 Устав ООН // <https://www.un.org/ru/charter-united-nations/index.html>, дата обращения 19.09.2020.

ствам «воздерживаться от любых насильственных действий, лишающих народы <...> их права на самоопределение, свободу и независимость»¹⁷. Международно-правовое регулирование данного права отразило отход от заимствованного из феодального (но восходящего к более древнему) правопонимания населения как объекта, как «принадлежности, следующей главной вещи»¹⁸, в качестве которой рассматривалась определенная территория и которую можно было подарить или продать (вместе с его населением, не спрашивая мнение последнего), к признанию различных групп населения в качестве субъектов международного права. Следует отметить, что однозначно в 1960-е гг. международное право урегулировало право на сецессию за колониями¹⁹. Что касается других случаев сецессии, то здесь важную роль играет признание новых государств в качестве полноценных субъектов международных отношений международным сообществом, на что влияет целый ряд политических факторов. Отсутствие системы четких формальных критериев (в отличие от случаев с колониальными народами, где международное сообщество сумело найти такие критерии) ведет к появлению так называемых непризнанных государств, что является свидетельством недостаточной урегулированности данного аспекта международной жизни. Как представляется, это в определенной мере объяснимо сравнительной новизной этого права.

Право наций на самоопределение находится в одном ряду с другими важными коллективными правами, признаваемыми современным международным правом: правами меньшинств и правами коренных малочисленных народов. Будучи членами ООН, современные государства, вроде бы, должны были активно искать приемлемые пути гармонизации коллективных прав, появившихся в результате развития и углубления представлений о правах человека, с внутренним конституционным правом. Однако это наблюдается только в небольшой группе государств, что неизбежно порождает в правовом регулировании большей части государств противоречия и применение двойных стандартов применительно к собственной истории сецессий, закрепленной в виде актов о независимости, и к возможности отделения части этих государств в будущем.

Отношение современного государства к актам о независимости

Отношение значительной части современных государств к актам о независимости, т. е. к документам, которые провозглашают факт сецессии, является, как правило, в высшей степени уважительным. Традиция принятия таких актов ведет свое начало от американской Декларации независимости 1776 г. Оригинал этого докумен-

17 Декларация о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций. Принята резолюцией 2625 (XXV) Генеральной Ассамблеи ООН (1970) // ООН. 24 октября 1970 // https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/intlaw_principles.shtml, дата обращения 19.09.2020.

18 Здесь использована калька латинского выражения *accessio cedit principali* («принадлежность следует судьбе главной вещи»), которое применялось для определения статуса, например, футляра от музыкального инструмента и других аналогичных ситуаций и аналогия с которым прямо просматривается в прежнем отношении к территории и ее населению.

19 См.: Декларация о предоставлении независимости колониальным странам и народам. Принята резолюцией 1514 (XV) Генеральной Ассамблеи ООН (1960) // ООН. 14 декабря 1960 // https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/colonial.shtml, дата обращения 19.09.2020.

та, считающегося в США важным публичным достоянием, хранится в специально изготовленном пуленепробиваемом киоте в Ротонде Хартий свободы Национального архива в Вашингтоне вместе с оригиналами Конституции США и Билля о правах²⁰, чем подчеркивается судьбоносное значение Декларации для США. Дата принятия данного документа считается праздником – днем рождения США как независимого государства. Декларация независимости в США является значимым элементом различного рода юбилеев и годовщин независимости и тем самым играет важную роль в формировании и поддержании американской правовой культуры и идентичности.

Практика принятия актов о независимости была воспринята множеством стран и сохраняется до нашего времени (в частности была использована сравнительно недавно в постсоциалистических странах) [Андреева, Хащина 2020]. Акты о независимости являются важной (документальной) основой обретения этими странами независимости и процесса создания новых государств, а также, по образцу США, составной частью различного рода государственных ритуалов и праздников, включая празднования годовщин независимости, особенно «круглых» их юбилеев (столетнего и двухсотлетнего²¹), которые рассматриваются как способ упрочения культурной и исторической идентичности [Vanegas 2010, pp. 104–127].

Доминирующее отрицательное отношение к сецессии со стороны современных государств, выраженное в конституциях, находится в определенном логическом противоречии с тем обстоятельством, что значительная часть этих государств являются продуктом

сецессии, произошедшей в прошлом, причем для многих недавнем. Причем в этом случае сецессии получают характеристику «обретения независимости» (т. е. очевидно позитивную трактовку). Это означает, что негативный оттенок отношения государства к возможным будущим сецессиям вообще как таковым как бы «компенсируется» честованием (и тем самым одобрением) прошлой сецессии, в результате которой данное государство возникло, чем двойные стандарты применительно к однородным явлениям закрепляются и в сознании граждан в качестве нормы.

Пути решения проблемы двойных стандартов

При исследовании проблемы отражения сецессии в праве большинства современных государств их отношение к данному процессу вызывает множество вопросов. Хорошо известно, что сецессии – это не единичные явления, они распространены, о чем свидетельствует и статистика: в 1945 г. было 74 независимых государства, а в настоящее время их 195 [Miro, Woertz 2018, p. 17]. Эмпирические исследования подтверждают устойчивость притязаний на сецессию в различных регионах мира [Кудряшова 2011, с. 75–76], имеются работы, показывающие, что неолиберальная глобализация расширяет возможности сецессионистских движений [Cox 2008, p. 67]. Государства, особенно многонациональные или исторически дифференцированные, запрещая сецессию в прямой или косвенной форме, на конституционном уровне поступают недальновидно, игнорируя реально существующую проблему и не используя демократиче-

20 Founding Documents in the Rotunda for the Charters of Freedom // National Archives Museum // <https://museum.archives.gov/founding-documents>, дата обращения 19.09.2020.

21 См., например, Documentos de la vida independiente de Guatemala. Cdad. de Guatemala: Escuela de Estudios Generales. Universidad de San Carlos de Guatemala. Primera edición, 1967. Pág. 2.

ские конституционные механизмы для ее решения. Строго говоря, такое настороженное отношение государства к сецессии является проявлением одного из тех страхов конституционного законодателя, с которыми А. Шайо связывает принятие конституций [Шайо 1999, с. 12–25], а страх, в свою очередь, «обнажает ненадежность общественно-го устройства» [Шустров 2017, с. 335] и свидетельствует о слабости и неразвитости государственных демократических механизмов, которые могли бы предотвращать сецессию, т. е. об отсутствии соответствующей современной ситуации гибкости государства²².

Поиски путей преодоления присутствия двойных стандартов в современном праве разнообразны, ведутся в разных направлениях, анализ которых выходит за рамки данной статьи. Отметим только некоторые, наиболее важные для конституционного воплощения, аспекты.

Часть исследователей склонны отдавать предпочтение институтам совещательной демократии, полагая, что жесткие нормы конституционного или международного права могут сделать реализацию сецессии либо слишком легким, либо слишком сложным делом [Buchanan 1998, pp. 230–234; Norman 1998, pp. 35–43]. Очевидно, что сомнения в возможностях современного конституционного и международного права по созданию адекватных механизмов регулирования сецессии связаны с недоверием к их возможностям и явными недостатками правового регулирования, поскольку «даже в наиболее развитых странах <...> доминирующие на уровне идеологии ценности прав человека не получили адекватной практической реализации» [Медушевский 2018, с. 115].

Безусловно объективные трудности воплощения в конституционных нормах соответствующих адекватных демократических механизмов существуют. Очевидно и то, что здесь требуется индивидуализированный подход к конституционному регулированию, учитывающий особенности национальной законодательной техники, способов реализации плебисцитарной демократии, имеющих форм учета интересов меньшинств, сложившейся конституционной культуры и т. д.

Тем не менее на основе британского и канадского опыта исследуются возможности такого регулирования, и ученые констатируют в этом смысле появление новых подходов и новой парадигмы [Сатрапа 2019, pp. 111–119]. В российской науке границы и возможности регулирования права на сецессию довольно подробно проанализированы И.В. Лексиным [Лексин 2014, с. 9].

Заключение

Отношение современного государства к сецессии как политическому явлению двойственно. Сецессии, которые привели к его появлению, рассматриваются как благо, становятся частью официальной легитимации данного государства. Сецессионные требования и попытки отделения части современных государств воспринимаются ими чаще всего как намерение разрушения данного государства. Как представляется, все это является отголоском прежних подходов. Разумеется, на первом месте должно стоять предотвращение сецессии как во всех смыслах затратного для всех участников процесса, но не в виде жесткого и однозначного запрета, а в ви-

22 Справедливости ради следует отметить, что саму сецессию некоторые исследователи также связывают с проявлениями страха и недоверия как раз в отношении государства [Dion 1996].

де создания и совершенствования различных механизмов достижения общественного согласия через удовлетворение потребностей и учет интересов различных сообществ в государстве. Что же касается регулирования собственно права на сецессию, то наиболее современный подход является гуманитарным, мягким, обеспечивающим сочетание различных современных конституционно-правовых концепций: демократии, учета мнения меньшинств, права на самоопределение, защиты национально-культурной идентичности других – призванных гарантировать возможность свободного и рационального выбора формы своего государственного существования региональным и местным сообществам. Такой подход не только снимает вопрос о двойных стандартах, но в современных условиях во многих ситуациях имеет шанс стать лучшей гарантией целостности государства, чем простой запрет ее нарушения.

Список литературы

- Алексанян С.Р. (2017) К вопросу о теории ремедиальной сецессии в современном международном праве // Московский журнал международного права. № 4. С. 141–150. DOI: 10.24833/0869-0049-2017-4-141-150
- Андреева Г.Н. (2018) Конституционно-правовая доктрина по вопросам в странах-членах ЕС (на примере Испании, Германии, Италии, Великобритании) // Lex Russica. № 8. С. 130–143. DOI: 10.17803/1729-5920.2018.141.8.130-143
- Андреева Г.Н. (2020) Опыт законодательного регулирования сецессий в трех странах: СССР, КНР, Канаде // Lex Russica. Т. 73. № 11(168). С. 118–128. DOI: 10.17803/1729-5920.2020.168.11.118-128
- Андреева Г.Н., Хащина Э.Э. (2020) Правовые акты о независимости в Латинской Америке и в Восточной Европе как источники изучения сецессии: сравнительный анализ // Историко-правовые проблемы: новый ракурс. № 3. С. 56–77. DOI: 10.24411/2309-1592-2020-10018
- Кудряшова И.В. (2011) Можно ли легитимировать сецессии или о государственной состоятельности новых политий // Политическая наука. № 2. С. 75–104 // <https://cyberleninka.ru/article/n/mozhno-li-legitimirovat-setsessii-ili-o-gosudarstvennoy-sostoyatelnosti-novyh-politii/viewer>, дата обращения 10.12.2020.
- Левчук С.В. (2016) Политические коллизии правовых основ государственного устройства США // Вестник РГГУ. Серия: Экономика. Управление. Право. № 1. С. 35–42 // <https://economics.rsuh.ru/jour/article/view/35/36#>, дата обращения 10.12.2020.
- Лексин И.В. (2014) Сецессия территориального образования: правовые риски и механизмы защиты // Государство и право. № 2. С. 5–14 // https://www.elibrary.ru/download/elibrary_21359809_14881722.pdf, дата обращения 10.12.2020.
- Медушевский А.Н. (2018) Популизм и конституционная трансформация: Восточная Европа, постсоветское пространство и Россия // Полития. № 3. С. 113–139. DOI: 10.30570/2078-5089-2018-90-3-113-139
- Пашенцев Д.А. (2015) Формы и способы реализации права народов на самоопределение в Европе в XVIII–XX вв. // Историческая и социально-образовательная мысль. Т. 7. № 6. Часть 2. С. 214–216. DOI: 10.17748/2075-9908-2015-7-6/2-214-216
- Шайо А. (1999) Самоограничение власти (краткий курс конституционализма). М.: Юрист.
- Шустров А.Г. (2017) Сущность конституции: основные теории. М.: Юрлитинформ.
- Beobide Espelata J.M. (2008) Las Teorías Democráticas de la Auto-determinación y Secession // Estudios de Deusto, vol. 56/1, pp. 63–112. DOI: 10.18543/ed-56(1)-2008pp63-112

Black B.A. (1976) *The Constitution of Empire: The Case for the Colonists* // *University of Pennsylvania Law Review*, vol. 124, pp. 1157–1211. DOI: 10.2307/3311596

Breda V. (2013) *La Devolución de Escocia el Referendum de 2014: ¿Cuáles son las Repercusiones Potenciales en España?* // *Teoría y Realidad Constitucional*, no 31, pp. 69–88. DOI: 10.2139/ssrn.2294381

Buchanan A. (1998) *Democracy and Secession* // *National Self-determination and Secession* (ed. Moore M.), Oxford: Oxford University Press, pp. 14–33.

Campaña N.G. (2019) *Secesión y Constitucionalismo Comparado* // UNED. *Revista de Derecho Político*, no 106, pp. 105–135 // <http://revistas.uned.es/index.php/derechopolitico/article/view/26149/20723>, дата обращения 10.12.2020.

Coffey D.K. (2018) *The Right to Shoot Himself: Secession in the British Commonwealth of Nations* // *The Journal of Legal History*, vol. 39, no 2, pp. 117–139. DOI: 10.1080/01440365.2018.1484323

Cox L. (2008) *Neo-liberal Globalisation, Nationalism, and Changed “Conditions for Possibility” for Secessionist Mobilization* // *On the Way to Statehood: Secession and Globalization* (eds. Pavković A., Radan P.), Aldershot: Ashgate, pp. 33–49.

Dion S. (1996) *Why Is Secession Difficult in Well-Established Democracies? Lessons from Quebec* // *British Journal of Political Science*, vol. 26, no 2, pp. 269–283. DOI: 10.1017/S0007123400000466

Dumberry P. (2006) *Lessons Learned from Quebec Secession Reference before Supreme Court of Canada* // *Secession: International Law Perspectives* (ed. Kohen M.G.), Cambridge: Cambridge University Press, pp. 416–452.

Eekelaar J.M. (1973) *The Principles of Revolutionary Legality* // *Oxford Essays in Jurisprudence* (ed. Simpson A.W.B.), Oxford: Oxford University Press, pp. 22–44.

Flaherty M.S. (1987) *The Empire Strikes Back: Annesley v Sherlock and the*

Triumph of Imperial Parliamentary Supremacy // *Columbia Law Review*, vol. 87, no 3, pp. 593–622. DOI: 10.2307/1122673

Miguel Bárcena J. de (2014) *Secesión y Constitución en los Estados Unidos* // *Cuadernos Manuel Giménez Abad*, no 8, pp. 20–30 // <https://dialnet.unirioja.es/servlet/articulo?codigo=5499541>, дата обращения 10.12.2020.

Miro D., Woertz E. (eds.) (2018) *Secession and Counter-secession an International Relations Perspective*, Barcelona: CIDOB // https://www.cidob.org/en/publications/publication_series/monographs/monographs/secession_and_counter_secession_an_international_relations_perspective, дата обращения 10.12.2020.

Norman W. (1998) *The Ethics of Secession as the Regulation of Secessionist Politics* // *National Self-determination and Secession* (ed. Moore M.), Oxford: Oxford University Press, pp. 34–61.

Ostrowski J. (1998) *Was The Union Army’s Invasion of the Confederate States a Lawful Act? An Analysis of President Lincoln’s Legal Arguments against Secession* // *Secession, State & Liberty* (ed. Gordon D.), New Brunswick, London: Transaction Publishers, pp. 155–190.

Rocher F. (octubre 2017 – marzo 2018) *La Incidencia Democrática de la Nebulosa Obligación Claridad del Dictamen Relative a la Secesión del Quebec* // *Eunomía. Revista en Cultura de la Legalidad*, no 13, pp. 31–60. DOI: 10.20318/eunomia.2017.3804

Ryan E. (2017) *Secession and Federalism in the United States: Tools for Managing Regional Conflict in a Pluralist Society* // *Oregon Law Review*, vol. 96, pp. 123–184. DOI: 10.2139/ssrn.2775377

Tirado Sarti F.J. (2017) *La Evolución del Concepto de Nación en la Historia de los Estados Unidos (s. XIX)*. Tesis doctoral, Madrid, Universidad Complutense de Madrid // <http://eprints.ucm.es/42563/1/T38759.pdf>, дата обращения 10.12.2020.

Vanegas C. (2010) *Representaciones de la Independencia y la Construcción de una*

‘Imagen Nacional’ en la Celebración del Centenario en 1910 // Las Historias de un Grito. Doscientos Años de ser Colombianos. Exposición Conmemorativa del Bicentenario, Bogotá (Colombia), pp. 104–127.

Vergottini G. (2019) Referendum y Secesión // Teoría y Realidad Constitucional, no 43, pp. 103–119. DOI: 10.5944/trc.43.2019.24400

Political Processes in the Changing World

DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-1-1

Double Standards Regarding the Attitude of the Contemporary States towards Secession: The Legal Aspect

Galina N. ANDREEVA

PhD in Law, Leading Researcher

Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (INION RAN), 117218, Krzhizhanovsky St., 15/2, Moscow, Russian Federation

E-mail: galinaandr@rambler.ru

ORCID: 0000-0002-3465-522X

CITATION: Andreeva G.N. (2021) Double Standards Regarding the Attitude of the Contemporary States towards Secession: The Legal Aspect. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 14, no 1, pp. 6–22 (in Russian).

DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-1-1

Received: 01.10.2020.

ACKNOWLEDGEMENTS: The study was carried out as part of the work on the RFBR project no 20-011-00418.

ABSTRACT. *The constitutions of the majority of the existing states reflect a negative attitude towards secession: from the establishment of a number of constitutional principles (the unity of the nation, the integrity of the state, etc.), which are interpreted by the bodies of constitutional control as directly or indirectly hindering the implementation of secession, to its direct prohibition. Only a small group of constitutions contain provisions allowing secession. Along with this, in the international legal field, where in the states operate and declare the recognition of the principles thereof, there is a prin-*

ciple of recognition of the right of nations to self-determination. Within the framework of national law the secession, which was a precondition for the existence of the significant number of the contemporary states and, as such, served as the basis for the proclamation and approval of their independence, is considered at the official level as an important and significant event. It is celebrated as official holidays, anniversaries of independence, also states may support customs and traditions that are associated with the secession.

The article shows that this “double standards”, applied by a significant part of modern

states to past and future secessions is caused by, on the one hand, state obvious interest to preserve integrity, and, on the other hand, the traditions rooted in the past. The doctrine that justifies the strictly negative state attitude towards secession is not ideal, contradictory, based on the currently transforming concepts and theories; thus counter-arguments were developed based on fundamental constitutional theories and research. The diversity and inconsistency of the doctrine forces the contemporary state to either seek a balance between conflicting theories and approaches, or to adhere to one of them — usually not the most actual one. The necessary combination, synchronization of international legal and constitutional legal attitudes towards the regulation of secession can be ensured, first of all, if such regulation is based on the principle of the priority of human rights. At the same time, in contrast to the principle of the sovereign right to dispose of their territories by the states based on the model of property rights, which has feudal roots (which is also being modernized and transformed in the context of globalization), the humanitarian approach to ensure the right of people to self-determination is designed to guarantee the possibility of a free and rational choice of the form of their state existence by regional and local communities.

KEYWORDS: contemporary state, secession, constitutional provisions, decisions of constitutional courts, doctrine, acts of independence, human rights

References

- Aleksanyan S.R. (2017) On Theory of Remedial Secession in Contemporary International Law. *Moscow Journal of International Law*, no 4, pp. 141–150 (in Russian). DOI: 10.24833/0869-0049-2017-4-141-150
- Andreeva G.N. (2018) Constitutional Doctrine on the Issues of Secession in the EU Member States (Case Study of Spain, Germany, Italy, UK). *Lex Russica*, no 8, pp. 130–143 (in Russian). DOI: 10.17803/1729-5920.2018.141.8.130-143
- Andreeva G.N. (2020) Experience of Legislative Regulation of Secessions in Three Countries: The USSR, China, and Canada. *Lex Russica*, vol. 73, no 11(168), pp. 118–128 (in Russian). DOI: 10.17803/1729-5920.2020.168.11.118-128
- Andreeva G.N., Hashhina E.E. (2020) Legal Acts on Independence in Latin America and Eastern Europe as Sources for the Study of Secession: A Comparative Analysis. *Historical-Legal Problems: The New Viewpoint*, no 3, pp. 56–77 (in Russian). DOI: 10.24411/2309-1592-2020-10018
- Beobide Espelata J.M. (2008) Las Teorías Democráticas de la Autodeterminación y Secession. *Estudios de Deusto*, vol. 56/1, pp. 63–112. DOI: 10.18543/ed-56(1)-2008pp63-112
- Black B.A. (1976) The Constitution of Empire: The Case for the Colonists. *University of Pennsylvania Law Review*, vol. 124, pp. 1157–1211. DOI: 10.2307/3311596
- Breda V. (2013) La Devolución de Escocia el Referendum de 2014: ¿Cuáles son las Repercusiones Potenciales en España? *Teoría y Realidad Constitucional*, no 31, pp. 69–88. DOI: 10.2139/ssrn.2294381
- Buchanan A. (1998) Democracy and Secession. *National Self-determination and Secession* (ed. Moore M.), Oxford: Oxford University Press, pp. 14–33.
- Campaña N.G. (2019) Secesión y Constitucionalismo Comparado. *UNED. Revista de Derecho Político*, no 106, pp. 105–135. Available at: <http://revistas.uned.es/index.php/derechopolitico/article/view/26149/20723>, accessed 10.12.2020.
- Coffey D.K. (2018) The Right to Shoot Himself: Secession in the British Commonwealth of Nations. *The Journal of Legal History*, vol. 39, no 2, pp. 117–139. DOI: 10.1080/01440365.2018.1484323
- Cox L. (2008) Neo-liberal Globalisation, Nationalism, and Changed “Conditions for Possibility” for Secessionist Mobilization. *On the Way to Statehood: Seces-*

sion and Globalization (eds. Pavković A., Radan P.), Aldershot: Ashgate, pp. 33–49.

Dion S. (1996) Why Is Secession Difficult in Well-Established Democracies? Lessons from Quebec. *British Journal of Political Science*, vol. 26, no 2, pp. 269–283. DOI: 10.1017/S0007123400000466

Dumberry P. (2006) Lessons Learned from Quebec Secession Reference before Supreme Court of Canada. *Secession: International Law Perspectives* (ed. Kohen M.G.), Cambridge: Cambridge University Press, pp. 416–452.

Eckelaar J.M. (1973) The Principles of Revolutionary Legality. *Oxford Essays in Jurisprudence* (ed. Simpson A.W.B.), Oxford: Oxford University Press, pp. 22–44.

Flaherty M.S. (1987) The Empire Strikes Back: *Annesley v Sherlock* and the Triumph of Imperial Parliamentary Supremacy. *Columbia Law Review*, vol. 87, no 3, pp. 593–622. DOI: 10.2307/1122673

Kudryashova I.V. (2011) Is It Possible to Legitimate Secession or the State Viability of New Polities. *Political Science*, no 2, pp. 75–104. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/mozhno-li-legitimirovat-setsessii-ili-o-gosudarstvennoy-sostoyatelnosti-novyh-politii/viewer>, accessed 10.12.2020 (in Russian).

Leksin I.V. (2014) Secession of a Territorial Entity: Legal Risks and Protection Mechanisms. *State and Law*, no 2, pp. 5–14. Available at: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_21359809_14881722.pdf, accessed 10.12.2020 (in Russian).

Levchuk S.V. (2016) Political Conflict of Legal Fundamentals of the USA State Form. *RSUH/RGGU Bulletin*. Series Economics. Management. Law, no 1, pp. 35–42. Available at: <https://economics.rsu.ru/jour/article/view/35/36#>, accessed 10.12.2020 (in Russian).

Medushevskij A.N. (2018) Populism and Constitutional Transformation: Eastern Europe, the Post-Soviet Space and Russia. *Politeia*, no 3, pp. 113–139 (in Russian). DOI: 10.30570/2078-5089-2018-90-3-113-139

Miguel Bárcena J. de (2014) Secesión y Constitución en los Estados Unidos. *Cuadernos Manuel Giménez Abad*, no 8, pp. 20–30. Available at: <https://dialnet.unirioja.es/servlet/articulo?codigo=5499541>, accessed 10.12.2020.

Miro D., Woertz E. (eds.) (2018) *Secession and Counter-secession an International Relations Perspective*, Barcelona: CIDOB. Available at: https://www.cidob.org/en/publications/publication_series/monographs/monographs/secession_and_counter_secession_an_international_relations_perspective, accessed 10.12.2020.

Norman W. (1998) The Ethics of Secession as the Regulation of Secessionist Politics. *National Self-determination and Secession* (ed. Moore M.), Oxford: Oxford University Press, pp. 34–61.

Ostrowski J. (1998) Was The Union Army's Invasion of the Confederate States a Lawful Act? *An Analysis of President Lincoln's Legal Arguments against Secession. Secession, State & Liberty* (ed. Gordon D.), New Brunswick, London: Transaction Publishers, pp. 155–190.

Pashencev D.A. (2015) Forms and Ways of Realization of the Right of Nation and Peoples to Self-Determination Europe in the XVIII–XX Centuries. *Historical and Social-Educational Idea*, vol. 7, no 6, ch. 2, pp. 214–216 (in Russian). DOI: 10.17748/2075-9908-2015-7-6/2-214-216

Rocher F. (octubre 2017 – marzo 2018) La Incidencia Democrática de la Nebulosa Obligación Claridad del Dictamen Relative a la Secesión del Quebec. *Eunomia. Revista en Cultura de la Legalidad*, no 13, pp. 31–60. DOI: 10.20318/eunomia.2017.3804

Ryan E. (2017) Secession and Federalism in the United States: Tools for Managing Regional Conflict in a Pluralist Society. *Oregon Law Review*, vol. 96, pp. 123–184. DOI: 10.2139/ssrn.2775377

Shajo A. (1999) *Self-restraint of Power. A Brief Course on Constitutionalism*, Moscow: Yurist (in Russian).

Shustrov A.G. (2017) *Essence of the Constitution: Basic Theories*, Moscow: Yur-литinform (in Russian).

Tirado Sarti F.J. (2017) *La Evolución del Concepto de Nación en la Historia de los Estados Unidos (s. XIX)*. Tesis doctoral, Madrid, Universidad Complutense de Madrid. Available at: <http://eprints.ucm.es/42563/1/T38759.pdf>, accessed 10.12.2020.

Vanegas C. (2010) Representaciones de la Independencia y la Construcción de una

‘Imagen Nacional’ en la Celebración del Centenario en 1910. *Las Historias de un Grito. Doscientos Años de ser Colombianos. Exposición Conmemorativa del Bicentenario*, Bogota (Colombia), pp. 104–127.

Vergottini G. (2019) Referendum y Secesión. *Teoría y Realidad Constitucional*, no 43, pp. 103–119. DOI: 10.5944/trc.43.2019.24400

DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-1-2

Неконтролируемые территории в современном мире: теория, генезис, типы, динамика

Владимир Александрович КОЛОСОВ

доктор географических наук, профессор, заведующий лабораторией
геополитических исследований, заместитель директора
Института географии РАН, 119017, Старомонетный пер., д. 29, Москва, Российская
Федерация
E-mail: kolosov@igras.ru
ORCID: 0000-0003-2817-9463

Александр Борисович СЕБЕНЦОВ

кандидат географических наук, старший научный сотрудник лаборатории
геополитических исследований
Институт географии РАН, 119017, Старомонетный пер., д. 29, Москва, Российская
Федерация
E-mail: asebentsov@igras.ru
ORCID: 0000-0001-9665-5666

Никита Леонидович ТУРОВ

младший научный сотрудник лаборатории геополитических исследований
Институт географии РАН, 119017, Старомонетный пер., д. 29, Москва, Российская
Федерация
E-mail: turov@igras.ru
ORCID: 0000-0001-7611-4985

ЦИТИРОВАНИЕ: Колосов В.А., Себенцов А.Б., Туров Н.Л. (2021)

Неконтролируемые территории в современном мире: теория, генезис, типы,
динамика // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право.
Т. 14. № 1. С. 23–51. DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-1-2

Статья поступила в редакцию 15.10.2020.

ФИНАНСИРОВАНИЕ: Статья подготовлена в рамках проекта Российского
научного фонда «Постсоветские непризнанные государства: факторы
жизнеспособности и риски для России» № 19-17-00232.

АННОТАЦИЯ. Неконтролируемые территории (НТ) привлекают внимание все большего числа исследователей. Однако большинство публикаций посвящено лишь одному из типов НТ – непризнанным государствам. Цель рабо-

ты – оценить и проанализировать изменения площади и населения всех НТ в разных макрорегионах мира в 2006–2010 и 2014–2019 гг. Условно выделены и охарактеризованы пять направлений исследования таких террито-

рий. Авторы различают несколько видов и территориальных рисунков контроля над территорией, предлагают типологию НТ и подробно рассматривают методику и трудности создания базы данных о них. Обострение геополитической обстановки во втором десятилетии XXI в. привело к росту числа международных конфликтов, увеличению площади и численности населения НТ в Азии, Африке и Европе. Фактическая сецессия в наибольшей степени затронула обширные зоны проблемной государственности в Азии и Африке, в которых, по оценке авторов, проживало соответственно около 45 млн и 138 млн человек. Возникновение НТ представляет собой частный случай фрагментации политического пространства на разных территориальных уровнях – следствие турбулентной трансформации мирового геополитического порядка.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: неконтролируемые территории, непризнанные государства, фрагментация политического пространства, сепаратизм, сецессионизм

Введение

Неконтролируемые официальными правительствами территории (в т. ч. непризнанные государства) еще в эпоху биполярного мира стали неотъемлемым элементом мирового геополитического порядка. Они возникли в результате процессов деколонизации, избирательности процессов глобализации, обошедших стороной многие страны и регионы мира, лишенные благ современной цивилизации, прозябающие в нищете и увязшие в локальных конфликтах за скудные ресурсы, распада полиэтнических сложносоставных государств, столкновения интересов

крупных мировых игроков. На неконтролируемых территориях официально признанные другими государствами власти не способны или не хотят полноценно осуществлять силовой и иные виды контроля, а также участвовать в создании и распределении политических благ. НТ управляются собственными властями (непризнанные государства, НГ) или же лидерами партизанских армий, полевыми командирами, наркобаронами и местными вождями [Колосов, Мироненко 2001; Большаков 2007; Добронравин 2011; McGarry 2004]. Общепринятой терминологии для обозначения неконтролируемых территорий ни в отечественной, ни в зарубежной литературе не сложилось. Для их обозначения используется множество терминов, иногда отличающихся некоторыми нюансами, но по сути идентичными: регионы оспариваемой (или неполной, слабой, дефектной, конкурирующей и т. п.) государственности, серые зоны, зоны фактической сецессии. В качестве синонимов термина «непризнанное государство» нередко используются «де-факто государство», «квазигосударство», «псевдогосударство» (подробнее об этом см. [Попов 2011]).

За последние три десятилетия их число умножилось, хотя некоторые неконтролируемые территории просуществовали лишь короткое время. НГ относительно более стабильны, некоторые из них существуют уже несколько десятилетий. Однако отсутствие прочных международных договоренностей по урегулированию конфликтов, связанных с их образованием, всегда таит риск нового опасного кризиса, что ярко показало возобновление полномасштабных военных действий между Азербайджаном и Арменией в сентябре 2020 г.

Кризис государственности во многих регионах мира и связанные с ним процессы фрагментации политическо-

го пространства, спровоцированные как внутренними причинами, так и иностранным вмешательством, – фундаментальная научная проблема. Число государств в мире медленно, но неуклонно увеличивается: в 1991 г. в ООН состояло 166 членов, а в настоящее время – уже 193.

Сецессионистские движения разной интенсивности и генезиса охватили не менее 75 стран [Попов 2012]. Фрагментация политического пространства, несомненно, будет и дальше продолжаться на разных территориальных уровнях: государств, их районов и других территорий.

Причины возникновения неконтролируемых территорий – чаще всего острый национальный конфликт, гражданская война, в которую нередко вовлекаются иностранные державы. Большую роль играют экономические интересы местных лидеров, для обоснования которых привлекаются этнокультурные аргументы и требования справедливости. В теоретическом плане образование НТ – результат избирательности процессов глобализации, углубляющих контрасты между странами и регионами и влияющих на соотношение тенденций интеграции и дезинтеграции политического пространства, перераспределение барьерных и контактных функций политических границ (*de-bordering* и *re-bordering*). Фрагментации политического пространства способствуют неопределенность перспектив, рост социальной и политической турбулентности, асимметрия и асинхронность развития соседних территорий, фрустрация и неуверенность граждан в завтрашнем дне, усложнение и кризис их идентичности. Вынужденное подчинение международным нормам и правилам, разработанным при решающем участии и в интересах наиболее сильных игроков, вызывает во многих странах и регионах закономерный протест.

Другой глобальный фактор, влекущий за собой глубокие социальные трансформации на уровне стран и регионов, связан с ростом территориальной мобильности граждан. «Миграционный навес» (выражение А.Г. Вишневого), порожденный драматическими территориальными различиями в уровне благосостояния, довлеет не только над странами «золотого миллиарда», но и другими регионами. В результате расширяющихся международных миграций размываются границы культурного и повседневного жизненного опыта людей, коллективная память прежних территориальных сообществ теряет свое единство и целостность (Ульрих Бек).

Большая часть стран мира – полиэтнические, и образование НТ – следствие полной неудачи правящего режима в создании общей для всего населения политической (национальной) идентичности в условиях клановости, трайбализма и ослабления в процессе глобализации и без того слабого государства. Критически важное значение этот фактор имел в Африке, где для этого требуются особые усилия, поскольку независимые государства унаследовали произвольные границы, возникшие как разделительные линии между колониальными владениями и разделившие ареалы расселения этнических групп [Foucher 1991].

Одним из базисов непримиримых конфликтов служит укрепление в ряде регионов мира, в т. ч. на постсоветском пространстве, «негативной» идентичности, основанной на противопоставлении себя «другому», в роли которого обычно выступает соседняя этническая или культурная общность, соседняя страна. В подобных случаях в целях обретения политической субъектности воскрешаются старые, «спящие» или конструируются новые идентичности. Предпринимаются попытки новой

интерпретации, реконструкции и политизации совместной истории, поддержания комплекса жертвы, культивирования действительных и мнимых исторических обид, проведения агрессивной «политики памяти». Политический дискурс обретает повышенную эмоциональность, «катастрофичность», что также часто ведет к политико-территориальным расколам (например, на Украине).

Цель настоящей работы – оценить динамику феномена НТ в макрорегионах мира в начале нынешнего столетия. Для этого потребовалось решить следующие задачи: 1) выявить основные направления изучения НТ и попытаться упорядочить терминологию; 2) разработать на этой основе методику создания информационной базы сравнительного исследования НТ и предложить подходы к оценке контроля над территорией; 3) рассмотреть динамику их площади, населения и особенности по макрорегионам.

Фрагментация мирового политического пространства в условиях глобализации: направления исследований

Изучение НТ как социального и политического феномена и неотъемлемой черты современного геополитического порядка долгое время оставалось на втором плане в тематике научных центров, да и число авторов, занимавшихся данным вопросом, было относительно невелико. Преобладали чисто «региональные» работы; сопоставительных исследований, в которых феномен НТ рассматривался бы в широком контексте, почти не было. Условно можно выделить следующие пять теоретических направлений исследования неконтролируемых территорий.

Первое направление касается фундаментальных междисциплинарных проблем, которые прямо или косвенно привели к образованию неконтролируемых территорий – глобализации и ее противоречивого воздействия на идентичность, суверенитет и государственность, процессов регионализации и интеграции. В работах видных отечественных и зарубежных авторов показано, что глобализация глубоко затронула возможности государств влиять на экономические и культурные процессы на их территории [Иноземцев 2008; Agnew 2009; Taylor, Flint 2018]. Это стало следствием, во-первых, формирования транснациональными корпорациями производственно-сбытовых и финансовых сетей глобального уровня [Krugman, Venables 1995]. Во-вторых, совершенствование транспорта и ИКТ усилило взаимозависимость стран, регионов, социальных сообществ. Повышение мобильности капитала и рабочей силы дало импульс развитию трансграничных регионов разного территориального уровня, основу которых составили экономические взаимодействия, сходная этническая и культурная идентичность, отличная от общегосударственных. В-третьих, процессы глобализации носят глубоко избирательный характер и усугубляют межрегиональные контрасты, что наряду с возросшими масштабами международных миграций оказывает серьезное воздействие на идентичность, ослабляя ассоциацию себя гражданами с общегосударственной общностью и, наоборот, укрепляя региональную идентичность, особенно в регионах, населенных этническими меньшинствами [Jones M., Jones R. 2004].

Еще одним проявлением глобализации стали два многоуровневых и связанных между собой процесса – интеграция и регионализация [Hettne, Söderbaum 1998]. Дialeктическое со-

отношение между ними глубоко анализируется Дж. Розенау, автором концепции «фрагмерации» (*fragmeration*) [Rosenau 2002]. Этим и другими авторами показано, что на уровне отдельных регионов процесс регионализации тождественен интеграции, в то время как на внутригосударственном уровне регионализация часто проявляется в деволюции – передаче полномочий от центра к регионам [Schmitt-Egner 2002]. Для объяснения соотношения между интеграцией и регионализацией такими известными мыслителями, как А. Аппадурай, Э. Гидденс и их последователями [Appadurai 1996; Giddens 1990; Elden 2007 и др.], выдвинуты понятия де- и ретерриторизации, означающие перераспределение властных полномочий между политиями и территориями под влиянием культурных и политических изменений. Ретерриторизация включает фрагментацию отдельных государств – следствие ослабления политического режима и его способности контролировать территорию и ключевые ресурсы страны, разрушение монополии государства на насилие, размывание общенациональной идентичности, неспособности предоставлять общественные услуги, замещение формальных институтов неформальными [Knight 1982].

НТ в этом контексте рассматриваются, с одной стороны, в качестве признака несостоятельности государства, а с другой – как проявление недостаточного статуса фактически существующих политий [Ильин 2008; Ильин 2011; Ильин, Мелешикина, Мельвиль 2010; Berg, Kuusk 2010]. Попытка оценить соотношение между статусностью и состоятельностью привела к формированию концепции «неудавшихся» государств (*failed state*) [Rotberg (1) 2003]. Американский политолог Р. Ротберг полагает, что современные формы государственности представляют собой

непрерывный ряд от сильного (*strong state*) до «неудавшегося» или даже «рухнувшего» государства (*collapsed state*) [Rotberg (2) 2003]. Похожие типологии предлагали также российские исследователи в рамках проекта «Политический атлас современности» [Политический атлас 2007].

В работах, которые можно отнести ко **второму** из выделенных нами направлений, развивается теория государственного суверенитета и анализируются проблемы его эволюции в условиях глобализации. Важное теоретическое достижение этого направления в контексте нашего исследования – представление о том, что суверенитет, как и государственность, «делим» и измерим. Концепт «градуированного суверенитета» отсылает к различиям в степени государственного контроля над разными территориями одной и той же страны, например, «обычными» территориями и свободными экономическими зонами [Ong 2000]. Различают внутренний суверенитет, подразумевающий право и способность государства осуществлять контроль над своей территорией, и внешний, отражающий готовность других государств это право признавать. Косвенными показателями внешнего суверенитета и фактической легитимности непризнанного государства могут служить участие в международной торговле или переговорах по разрешению конфликта, сотрудничество с зарубежными акторами в борьбе с терроризмом и т. п. [Сергунин 2010; Ильин 2011; Jackson 2007; Kolstø 2006; Blakkisrud, Kolstø 2012]. Согласно С. Краснеру [Krasner 2009] и другим авторам, внешний суверенитет можно также определить как способность государства контролировать потоки людей, товаров и капиталов через его границы, запрет на вмешательство внешних акторов в его дела и международно-правовое основание равнопра-

вия с другими государствами. Косвенными показателями внешнего суверенитета непризнанного государства могут служить участие в международной торговле или переговорах по разрешению конфликта, сотрудничество с зарубежными акторами в борьбе с терроризмом и т. п. [Ильин 2011; Jackson 2007; Kolsto 2006].

С позиции теории государственного суверенитета существование НТ рассматривается в качестве одного из признаков деградации внутреннего суверенитета «материнского» государства. Одновременно рост способности властей НТ к созданию и распределению экономических и политических благ приводит к росту их внутреннего суверенитета. При этом накопление внутреннего суверенитета рассматривается как важнейшая предпосылка роста суверенитета внешнего, который проявляется в разной степени фактического признания, а затем и юридического признания. Зарубежные политики и географы ярко показали большие различия в характере отношений между внешними акторами и непризнанными государствами (от военной интервенции до частичного признания) и степени их вовлеченности в международные связи [Murphy 2002; Murphy 2010; Sidaway 2003; Caspersen 2012; Berg, Vits 2018]. Разработанные в рамках этого направления градации признания и варианты перехода от провозглашения суверенитета к утверждению в качестве признанного международным сообществом государства можно использовать для типологии НТ.

Большинство авторов делят НТ на территории с неразвитой государственностью («повстанческие государства», по Р.Ф. Туrowsкому [Туrowsкий 1999]), «безгосударственные территории» (по Ф.А. Попову [Попов 2014]) и государства де-факто, обладающие всеми признаками суверенного государства, за

исключением формального признания («повстанческие государства», по Р. Макколу, М. Гласснеру и Х. де Блау; «квазигосударства», по Р.Ф. Туrowsкому; «псевдогосударства», по В.А. Колосову и Дж. О'Локлину) [Туrowsкий 1999; McColl 1969; Glassner, De Blij 1989; Kolosov, O'Loughlin 1999].

Позже В.А. Колосов и А.Б. Себенцов предложили иную, более дробную типологию НТ, которая применяется и в данной работе [Себенцов, Колосов 2012]. Наиболее распространенный тип НТ – безгосударственные территории, в пределах которых ни материнское государство, ни повстанцы не способны или не могут осуществлять контроль и выполнять государственные функции. Наиболее типичная территория децентрализованного контроля – юг Сомали, состоящий из мозаики ареалов расселения клановых и субклановых групп и религиозных объединений.

Второй, более разнообразный тип НТ, представлен территориями транзитной государственности (ТТГ) разной степени зрелости (повстанческое государство – квазигосударство – государство де-факто – частично признанное государство). В политиях этого типа повстанцы пытаются установить устойчивый контроль над территорией с последующим формированием органов государственной власти и выполнением государственных функций.

Источниками существования НТ почти всех типов могут быть примитивное потребительское сельское хозяйство, добыча и первичная переработка полезных ископаемых, но чаще – производство и торговля наркотиками, контрабанда, перепродажа оружия, отмывание денег.

Третье направление сфокусировано на исследовании специфического, самого «продвинутого» типа НТ – непризнанных государств. Это направление можно назвать геополитическим:

оно состоит в анализе их места в системе международных отношений и до сих пор преобладало в изучении конфликтов вокруг НГ. Наиболее полное определение непризнанного государства дал С. Пегг, согласно которому такое государство есть организованная политика, сформировавшаяся в существенной степени за счет местных факторов, получающая поддержку населения и имеющая возможности оказания государственных услуг населению определенной территории, над которой руководство этой политики сохраняет в течение длительного периода эффективный контроль, однако остающаяся незаконной в глазах международного сообщества [Pegg 1998, p. 26].

Д.В. Заяц насчитал в мире 13 политий [Заяц 2020]. А. Флоря [Florea 2014] полагает, что в период между 1945 и 2011 гг. возникло 34 НГ, из которых 18 существовали в 2014 г., Н. Касперсен и Г. Стенсфилд насчитали 21 политию [Dembinska, Campa 2017].

Главное внимание уделяется отношениям между «материнским» государством и непризнанным политическим образованием, роли и интересам третьих стран, переговорным процессам, возможным путям разрешения конфликта [Силаева, Большаков 2012; Hoch 2018]. Любые проявления сецессионизма рассматриваются как территориальный конфликт, отражающий несовместимость интересов государства и негосударственных акторов. Такой подход применяли многие российские и зарубежные географы и политологи [Голубчик 1998; Мироненко, Денисенцев 2004; Заяц 2020; Wallensteen 2002; Berg 2018]. Анализируя развитие сецессионистских движений, Ф.А. Попов показал, что фактическая сецессия не во всех случаях предполагает стремление новой политики к юридическому отделению. Часто потеря контроля над территорией связана с деятельностью дви-

жения, изначально не преследовавшего цели юридической сецессии [Попов 2012].

Четвертое направление представляет собой попытки «заглянуть внутрь черного ящика» – изучение причин появления НГ и жизнеспособности. Длительность существования многих НГ поставила вопрос о ее источниках. Очевидно, что для НГ крайне важна поддержка внешнего «патрона», а экономическая база нередко включает незаконные виды деятельности (Р. Ротберг, Дж. О'Локлин). «Качество» государственности непризнанных и легитимных государств определяются в основном общими критериями (прочность национальной идентичности, уровень поддержки правящего режима, устойчивость экономической базы, выгодность географического положения). Особое внимание уделяется процессам национального и государственного строительства – соответственно, способам укрепления общей идентичности граждан (независимо от их этнического происхождения) и эффективности государственных институтов, которая отражается в способности властей удерживать население, обеспечив его рабочими местами, достойным уровнем доходов и общественных услуг. Непризнанные государства конкурируют за лояльность граждан в первую очередь с «материнским» государством, и благосостояние граждан отделившегося региона в сравнении с остальной частью страны – один из важнейших показателей состоятельности их политических режимов и критерий оценки претензий на независимость и внешнюю легитимность. Мера эффективности экономической и социальной политики НГ – «голосование ногами» (переезд на другое место жительства) и волеизъявление избирателей.

Демократизация политической жизни и соответствие нормативным кри-

териям суверенитета – другой не менее важный критерий внутренней легитимности НГ. Мобилизация граждан на основе внешней угрозы, исходящей обычно от «материнского государства», пытающегося вернуть отделившийся регион в свое лоно если не с помощью военной силы, то путем экономической блокады и других санкций, со временем неизбежно ослабевает, и власти вынуждены искать поддержки граждан на выборах, которые отнюдь не всегда носят формальный характер [Маркедонов 2012; O'Loughlin, Kolosov 2017; Dembinska 2018]. Не может вечно оставаться главной идеологической «скрепой» режима и героизация борцов за независимость, поэтому власти НГ вынуждены искать другие исторические и иные маркеры идентичности, пути диверсификации внешних связей и неформальной дипломатии, осторожного дистанцирования от внешнего «патрона» [O'Loughlin, Kolosov, Toal 2015; Bakke et al. 2018].

Пятое направление можно условно назвать «синтетическим», поскольку его представители сочетают подходы, развиваемые в разных дисциплинах [Неклецца 1997; Raufer 2000; Whelan 2006; Rabasa et al. 2007; Lamb 2008]. Особое внимание представители этого направления уделяют классификации безгосударственных территорий (*ungoverned area*) – основных источников террористической угрозы и незаконных видов деятельности. Так, выделяются территории, на которых негосударственные акторы активно противостоят легитимным властям, перехватывая непосредственный контроль над территорией (*contested governance areas*, по А. Рабасе и Р. Лэмбу; *competing governance*, по Т. Уэлану). Однако большинство авторов отмечает, что, во-первых, измерить степень контроля над территорией бывает чрезвычайно сложно, во-вторых, чаще встречаются терри-

тории, где контроль потерян частично (*incomplete governance*, по А. Рабасе; *ill-governed/misgoverned areas* – в работах Р. Лэмба). Большинство авторов полагают, что существование подобных территорий во многом зависит от различных незаконных видов деятельности, особо выделяя «серые зоны» [Неклецца 1997; MacDonald 1993; Raufer 2000] и «зоны эксплуатации» (*exploitable areas*, по Р. Лэмбу). А. Рабаса с соавторами выделяют также случаи «регионов переданной государственности» (*abdicated governance*), в которых государство добровольно передает негосударственным акторам функции контроля над территорией (например, приграничные районы Саудовской Аравии).

Ключевое понятие при изучении НГ – контроль над территорией, представляющий собой естественную потребность и «идеологический фундамент» любого государства, поскольку позволяет ему получать ресурсы для существования, служит основой его суверенитета, отличает от других политических организаций. Контроль над территорией – это возможность полноценно управлять территорией и ее элементами (природным, человеческим, производственным, инфраструктурным и финансовым капиталом). А.Б. Себенцов и В.А. Колосов предложили различать виды контроля над территорией – силовой (военный, полицейский, партизанский, террористический), политический, идеологический, экономический – и выделяли его разные «территориальные рисунки» (сплошной, очаговый, сетевой, спорадический), а также постоянный и временный (сезонный, суточный) [Себенцов, Колосов 2012]. «Качественная» государственность предполагает наличие всех видов сплошного и постоянного контроля. Понятно, что определение степени и набора видов контроля, осуществляемого каким-либо по-

литическим движением или режимом в каждом конкретном случае фактической сецессии, – сложная научная задача, поэтому в дальнейшем анализе изменения численности, площади и населения во внимание принимался в основном силовой контроль.

Представления о делимости и соотношении внешнего и внутреннего суверенитета, концепция контроля над территориями и разработанная на основе анализа литературы типология НТ были положены в основу создания оценки изменения их параметров за последнее десятилетие.

Методика оценки площади и населения неконтролируемых территорий

Основой конкретной оценки НТ всех типов за период с 2006–2010 по 2014–2019 гг. послужила база данных, в которую авторы стремились включить максимально возможное число показателей площади, численности населения, политического устройства, экономической базы и внешних связей. Ее подготовка проводилась в несколько этапов и потребовала преодоления ряда сложностей методического, методологического и информационного характера. На *первом этапе* был уточнен перечень НТ по состоянию на 2014–2019 гг. Выбор такого интервала времени определяется скудностью и нерегулярностью информации по многим НТ, чрезвычайной подвижностью и неопределенностью их границ в связи с разной степенью контроля и невозможностью получить о них представление на какую-либо единую дату. Если переход контроля над отдельными населенными пунктами в результате боестолкновений от одной стороны к другой еще можно проследить по сообщениям СМИ, то регистрация изменений, происшедших в результате

ненасильственных действий, вызывает множество проблем.

Поскольку возникновение и дальнейшее существование большинства НТ сопряжено с острыми вооруженными конфликтами, источником информации послужили материалы Уппсальской базы данных конфликтов (Uppsala Conflict Data Program), в которой содержатся наиболее полные сведения о территориальных конфликтах по всему миру на компактной территории с более чем 25 жертвами за год. В результате отобрано 97 кейсов, потенциально подходящих под определение НТ. К ним добавлено еще пять, которые в настоящее время не связаны с насилием (Тайвань, Приднестровская Молдавская Республика, Косово, Абхазия и Южная Осетия).

На *втором этапе* определено соответствие каждого кейса признакам НТ, а также соотношение уровня контроля территории сецессионистами и материнским государством. Наибольшую сложность представили кейсы, которые можно отнести к безгосударственным территориям. Утрата контроля над территорией материнским государством при этом обычно не приводит к появлению полноценных институтов власти и эффективному контролю над территорией новых властей. Чаще на первый план выходит силовой контроль, а институты государства заменяются традиционными методами управления (обычное право). В этих условиях руководители повстанцев не стремятся к провозглашению независимости или не имеют такой возможности. Частым мотивом сецессии становится неформальная или незаконная деятельность повстанцев.

В некоторых государствах (Ливии, Сирии, Йемене, Мали, Афганистане, Мали и др.) в недавний период или ныне центральным правительствам неподконтрольны огромные зоны, которые иногда занимают свыше 50% тер-

ритории. Порой негосударственные акторы, контролирующие только часть государства, претендуют на всю его территорию. Так, организация «Сендеро Луминосо» в XX в. стремилась установить контроль над всей территорией Перу.

Из-под контроля центральной власти могут быть выведены как крупные части государств, так и небольшие специфические по социальному и/или этническому составу территории городских кварталов. Так, практически в любом крупном латиноамериканском городе существуют отдельные кварталы или даже целые районы, которые наравне с государством контролирует местный криминалитет. В крупных городах США и Западной Европы есть сегрегированные территории, в которые доступ представителям властей ограничен – от «маленьких Италий» и «чайнатаунов» до «цветных гетто» [Алов 2020]. Похожие территории существуют и вне городов. В труднодоступной местности нередко проживают «неконтактные народы» (*uncontacted people*). Они почти не взаимодействуют с окружающим миром, и на их территорию не распространяются законы «материнского государства» [Lawler 2015]. Однако в данном случае государство осознанно проводит политику сохранения самобытности этнической группы, тем самым осуществляя контроль над территорией.

Некоторые авторы считают, что наличие подобных городских кварталов свидетельствует о неполноценности государственности «материнской» страны [Попов 2014]. Однако в настоящей работе мелкие городские территории не рассматриваются, т. к. государство контролирует преобладающую часть страны, хотя иногда и не полностью. Ввиду низкой степени контроля негосударственными акторами не учтены также такие территории, как район

проживания мапуче в чилийской Араукании. В некоторых случаях правительству и оппозиционным силам удалось заключить перемирие до 2014 г. (к примеру, в Паттани), и, соответственно, они не попали в список НТ.

При недостатке информации для точной делимитации НТ и определения уровня контроля над ними негосударственных акторов невозможно использовать единую методику, тем более что контроль над территорией, как и суверенитет, – понятие «делимое»: он может быть разным. Признаки полного силового (военного) контроля – местоположение неофициальной столицы или центров управления и военных баз. Стремление противоборствующих сторон к силовому контролю над территорией значительно различается в зависимости от стратегии ведения боевых действий, поддержки внешних акторов и географических условий – например, рельефа, характера расселения и плотности дорожной сети, наличия природных богатств и др. В реальности негосударственные акторы нередко контролируют только отдельные объекты, такие как населенные пункты, основные транспортные пути, блокпосты, источники полезных ископаемых и др. [Kalyvas 2006]. Основываясь на сообщениях о боестолкновениях с точной географической привязкой, локализацией населенных пунктов и дорог, можно с помощью ГИС выделить территории с разной степенью силового контроля, приняв допущение о том, что он возможен на определенном расстоянии от опорных баз с учетом проходимости местности [Tao et al. 2016].

В этом исследовании границы непризнанных государств и уровень контроля территории фактическими властями в некоторых случаях (Абхазия, Южная Осетия, Приднестровье, Тайвань, Сомалиленд и др.) установлены на основании данных международ-

ных контактных групп по разрешению кризисов, миротворческих миссий ООН, реже – межгосударственных договоров. Использовались также сведения ведомств «материнских» и самих непризнанных государств, их официальные заявления в прессе и др. В других случаях при оценке площади территории и населения НТ приходилось использовать менее надежные или нестандартные источники информации. Так, для определения зон контроля повстанцами в ЦАР использовались данные о блокпостах, размещенных государственными и оппозиционными силами на дорогах страны. При делимитации зон, контролируемых повстанцами в Колумбии, Мексике и Перу, анализировались карты и спутниковые снимки Управления ООН по наркотикам и преступности (UN ODC) [Бражало-вич 2018].

Дополнительной задачей стало определение конфликтующих сторон и их статуса, чтобы отличить от НТ межгосударственные конфликты и фактическую оккупацию территории одной страны другой, когда главный противник суверенного государства – государственный актор, пусть и при поддержке внешнего «патрона». Пример – межгосударственный конфликт между Израилем и Палестиной. Хотя часть ее территории контролирует Израиль, она признана 122 государствами мира, включая Россию, и с 2012 г. имеет статус «государства-наблюдателя, не являющегося членом ООН».

На *третьем этапе* собраны данные о площади, численности населения, длительности существования, экономическом потенциале, внешних связях, внутреннем устройстве 42 НТ. Полнота и достоверность данных зависят от степени зрелости НТ. Так, часть территорий транзитной государственности (Тайвань, Приднестровье, Косово и некоторые другие) предоставля-

ют весьма полную информацию о своей внутренней жизни и внешних связях; другие (Южная Осетия, ДНР, ЛНР) публикуют весьма ограниченные сведения. Третьи (Сомалиленд, САДР, Иракский Курдистан) не обнародуют практически никакой информации в связи с отсутствием или низким качеством статистического учета.

Специфические проблемы возникали при сборе сведений о безгосударственных территориях. Большинство из них появилось в «рухнувших» и «несостоявшихся» государствах, где нет налаженной системы статистического учета. Кроме того, конфликт, дезорганизующий местную преимущественно аграрную экономику, не позволяет с достаточной достоверностью учесть мощные потоки беженцев и внутренне перемещенных лиц. Подвижность границ большинства безгосударственных территорий также затрудняла оценку их параметров. В этих условиях основными источниками информации становились, во-первых, аналитические отчеты ведущих разведывательно-аналитических центров Stratfor и WorldAware; во-вторых, открытые данные оборонных и других ведомств «материнских» государств, а также стран, вовлеченных в решение данного территориального конфликта. Например, для получения информации о районах Афганистана, контролируемых талибами, использовались данные одного из подразделений Государственного департамента США – Специального генерального инспектора по реконструкции Афганистана (Special Inspector General for Afghanistan Reconstruction). В-третьих, в наиболее сложных случаях приходилось использовать наименее надежные источники – данные путешественников-исследователей, местную прессу, различные интернет-ресурсы. В отдельных случаях использовалась информация Международного

комитета Красного креста (МККК), который отслеживает движения беженцев, учитывает запросы гуманитарной помощи (предоставление продовольствия и воды) и даже составляет карты отдельных конфликтов (Сирии, Ливии, ДРК и т. д.).

Наконец, на *четвертом этапе* составлены карты отобранных кейсов (рис. 1 и 4). Анализ полученных материалов позволил проследить эволюцию НТ в разных частях света, динамику их площади и населения.

Неконтролируемые территории на карте мира

В разных регионах мира изменения НТ происходили неравномерно (рис. 2 и 3). Хотя таких территорий нет только в Северной Америке, по-прежнему подавляющая часть их населения проживает в Азии и Африке, тогда как по площади их доля наиболее велика в Африке.

В **Африке** фрагментация политического пространства с середины XX в. выражена наиболее ярко и устойчиво [Ekeke, Lubisi 2019]. Там не только быстро растет число признанных государств, но и происходит их последующее дробление на более мелкие политии разной зрелости. В последние годы наблюдается рост общей площади НТ (с 9% в 2006–2010 гг. до 12% в 2014–2019 гг.) и численности проживающего там населения (с 3,5 почти до 7%). В 2014–2019 гг. на Африку приходилось практически 70% общемировой площади и около 35% общемирового населения НТ.

Глобализация и вмешательство региональных и мировых держав приводят к снижению активности одних очагов конфликтов (Кабинда в Анголе, Казаманс в Сенегале, северные районы Кот-д'Ивуара и др.), но в то же время

росту активности других и появлению новых, чему способствуют и локальные последствия изменений климата [Barlow 2020]. Так, гражданская война в Ливии привела к распаду страны. Признанное ООН Правительство национального согласия в конце 2019 г. контролировало с помощью миротворческого контингента лишь ближайшие окрестности Триполи, в то время как обширная территория была поделена между сторонниками фельдмаршала Хафтара и Палаты представителей, повстанцами из разных племенных групп (туарегов, тубу и др.) и сторонниками ИГИЛ (организация, запрещенная в России) [Carboni, Moody 2018; Joffe 2020].

Другой характерный пример – Южный Судан, признание которого, казалось, положило конец кровопролитной борьбе с центральным правительством в Хартуме; сама страна была ввергнута в пучину гражданской войны. В результате конфликта между двумя крупнейшими народами (нуэр и динка) в период с 2013 по 2020 г. официальные власти потеряли контроль над обширными территориями на северо-востоке страны. Более того, сам факт успешной сецессии Южного Судана вызвал очередное обострение конфликта в Дарфуре и появление новых НТ в суданских провинциях Южный Кордофан и Голубой Нил [Justin, De Vries 2019].

Искусственный характер большей части африканских границ, малый опыт собственной государственности, трайбалистское и клановое сознание определяют низкий уровень проникновения государственных институтов в повседневную практику африканских обществ и общую слабость африканских государств, из которых значительную часть можно отнести к категории несостоявшихся [Menkhaus 2007]. Во многом с этим связано и то, что подавляющее большинство африканских НТ

Рисунок. 1. Неконтролируемые территории в Евразии и Африке
Figure 1. Uncontrolled territories in Eurasia and Africa

территории транзитной государственности

государственные территории

Цифрами на карте показаны:

1. Республика Косово
2. Приднестровская Молдавская Республика
3. ДНР и ДНР
4. Турецкая Республика Северного Кипра
5. Районы действия Хезболлы
6. Районы действия Хезболлы
7. Сикхская автономная зона
8. Республика Южная Осетия
9. Иракский Курдистан
10. Республика Арцах
11. Афгано-пакистанская безгосударственная зона
12. Азад-Кашмир
13. Компактные революционные зоны действия наксалитов («Красный коридор»)
14. Мьянманская безгосударственная зона
15. Китайская республика (Тайвань)
16. Тайваньская зона
17. Индийская безгосударственная зона
18. Сахарская Арабская Демократическая Республика
19. Безгосударственная зона Мали
20. Районы Ливии, контролируемые ЛНА
21. Ливийская безгосударственная зона
22. Безгосударственные районы дельты Нигера
23. Безгосударственные районы Северной Нигерии
24. Безгосударственная зона Дарфура
25. Безгосударственная зона голубого Нила и Южного Кирдифана
26. Безгосударственная зона
27. Безгосударственные районы ЦАР, контролируемые анти-баладой
28. Безгосударственные районы Южного Судана
29. Сомалиленд
30. Пунтленд
31. Безгосударственные районы юга Сомали
32. Северо-Конголезская безгосударственная зона
33. Южно-Конголезская безгосударственная зона
34. Северо-Мозамбикская безгосударственная зона

Источник: составлено авторами.

Рисунок 2. Динамика площади неконтролируемых территорий по регионам мира
Figure 2. Dynamics of the area of uncontrolled territories by regions of the world

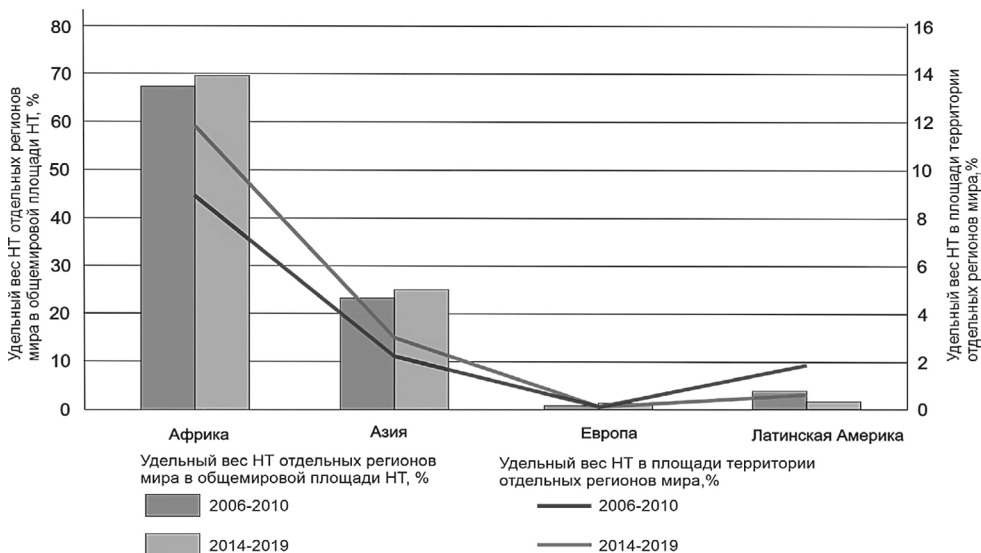
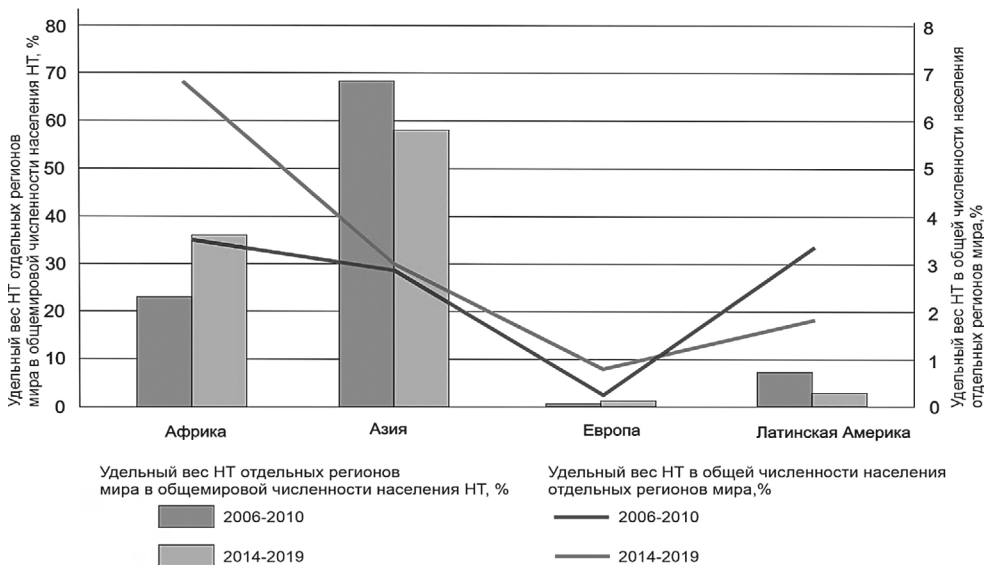

Рисунок 3. Динамика численности населения неконтролируемых территорий по регионам мира
Figure 3. Dynamics of the population of uncontrolled territories by regions of the world

Источник: составлено авторами

следует относить к категории безгосударственных территорий, управляемых харизматическими лидерами – полевыми командирами и вождями местных племен. Среди наиболее зрелых территорий транзитной государственности следует выделить САДР в Западной Сахаре, Сомалиленд. САДР имеет достаточно широкое международное признание (40 стран), однако жизнеспособность этого образования чрезвычайно ограничена: основная часть населения страны проживает в лагерях беженцев в соседнем Алжире, там же в лагере Рабуни в окрестностях Тиндуба располагается правительство [Fernandez-Molina, Ojeda-García 2020].

Сомалиленд, наоборот, хотя и не имеет формального признания, гораздо более жизнеспособен. Основу его экономики составляет животноводство, транзит грузов из Эфиопии через порт Бербера, а также денежные переводы членов диаспоры, проживающих в странах ЕС, США, Великобритании, ОАЭ и Саудовской Аравии. Отсутствие признания не мешает западным и ближневосточным компаниям вести нефтеразведку на шельфе, что вызывает протесты центральных властей в Могадишо [Brazhalovich, Klyuchnikov, Lukyanov 2016].

Среди других территорий транзитной государственности можно выделить Пунтленд, имеющий собственное правительство, налоги, визы и армию, но формально стремящийся к единству с официальными властями Сомали. С некоторыми оговорками сюда можно отнести также Республику Логон (Дар аль-Кути) в ЦАР, контролируемую с 2013–2015 гг. мусульманскими повстанцами.

Азия занимает второе после Африки место по распространенности феномена НТ: на них приходится около 3% территории и населения региона. При этом на Азию приходится око-

ло 25% общемировой площади НТ. Высокая плотность населения объясняет также большой удельный вес азиатских НТ в общей численности жителей неконтролируемых территорий (в 2014–2019 гг. – около 60%). Здесь, как и в Африке, многие государства принято относить к категории слабых (*weak state*) или несостоявшихся (Сирия, Афганистан, Ирак, Йемен, Ливан и др.). Множественность этнических и конфессиональных разломов, их несовпадение со сравнительно недавно возникшими государственными границами, проведенными в колониальную эпоху, приводят здесь к многочисленным конфликтам, провоцирующим возникновение НТ. В условиях повышенной конфликтности и этноконфессионального многообразия политические силы, опирающиеся или стремящиеся укрепить определенные идентичности, превращаются в сепаратистские движения, приобретают военизированный характер и добиваются высокой степени контроля над территорией [Staniland 2012]. В Индии идеологической основой сепаратизма стал марксизм маоистского толка, который позволил разнородным племенным группам создать «компактные революционные зоны», совокупность которых еще десять лет назад создавала обширный «Красный коридор», протягивавшийся вдоль побережья Бенгальского залива и захватывавший отдельные районы соседнего Непала. В странах Ближнего Востока основой для объединения разных этнических групп служат радикальные формы ислама. Деятельность исповедующих их группировок приводила к длительной потере контроля над обширными территориями в Сирии, Ираке, Йемене и других странах.

Специфическая ситуация наблюдается в Мьянме, население которой чрезвычайно раздроблено по племенному признаку. Конкуренция с отно-

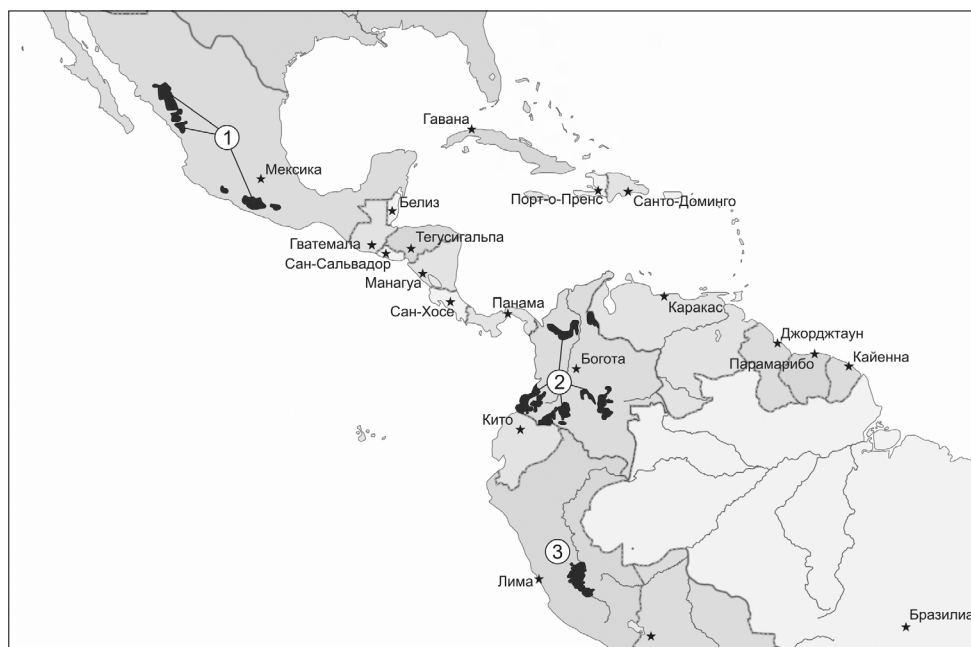
сительно слабым центральным правительством за местные ресурсы (древесину, драгоценные камни, сельскохозяйственные угодья) вызвала появление множества парамилитаристских групп (племенных армий) и возникновение вооруженных конфликтов. В обмен на отказ от продолжения вооруженной борьбы правительство официально закрепляло контроль повстанцев над определенной территорией, создавая разного рода «специальные регионы». Границы этих территорий неоднократно менялись, в частности при заключении военных альянсов между центральными властями с одними повстанцами против других. Мощную экономическую подпитку многочисленным НТ в Мьянме обеспечивает наркобизнес: страна остается одним из мировых лидеров по выращиванию

опиумного мака и производству опиатов [South 2018].

Наиболее высокая степень институционализации характерна для таких НТ, как Китайская Республика (Тайвань), Турецкая Республика Северного Кипра, Иракский Курдистан и трех постсоветских НТ: Абхазии, Южной Осетии и Нагорного Карабаха. Из них три государства относятся к категории частично признанных: Тайвань, признанный 15 странами – членами ООН, Абхазия и Южная Осетия, получившие признание шести стран.

В **Латинской Америке** площадь НТ и число проживающих там жителей заметно сократились. Если в 2006–2010 гг. НТ занимали почти 2% территории региона, то в 2014–2019 гг. – только 0,84%, а их население уменьшилось соответственно с 3,4 до 1,8%. В этом регионе

Рисунок 4. Неконтролируемые территории в Латинской Америке
Figure 4. Uncontrolled territories in Latin America

Цифрами на карте указаны безгосударственные районы: 1 – Мексики, 2 – Колумбии, 3 – Перу

мира наиболее распространены случаи так называемой побочной сецессии, поскольку ни одно из движений в НТ не ставило целью юридическое отделение и создание нового государства (рис. 4). Так, целью ФАРК и АНО в Колумбии и «Сендеро Луминосо» в Перу было свержение существующей власти и изменение общественного строя в материнских государствах. В конце 1980-х – начале 1990-х гг. эти организации контролировали свыше 40% территории своих стран. Однако после практически полного прекращения помощи из стран бывшего социалистического лагеря их активность снизилась.

Внутренними источниками доходов стали производство и экспорт на североамериканский рынок наркотических средств (в основном выращиваемой здесь коки), «революционные налоги» на местных фермеров, контрабанда оружия и др. При активном содействии США, заинтересованных в снижении наркотрафика из стран Латинской Америки, руководству обеих стран удалось по большей части решить проблему контроля над собственной территорией. В 2013 г. перуанское правительство окончательно разгромило основные силы повстанцев, а правительство Колумбии в 2016 г. подписало мирный договор с ФАРК. Тем не менее труднодоступные районы обеих стран по-прежнему контролируются бывшими «командирами фронтов», а в Колумбии – также и боевыми группами других военизированных организаций: Армии национального освобождения, Народно-освободительной армии и др.

Похожая ситуация сложилась в труднодоступных районах мексиканских штатов Синалоа, Дуранго и Вера-

крус, где в горах и предгорьях располагаются обширные плантации каннабиса. Контролирующий большую часть этих территорий Тихоокеанский наркокартель занимается также реэкспортом в США колумбийского и перуанского кокаина, восполняя возросший недостаток зарубежных поставок наркотиков продукцией собственного производства [Holmes 2015; Norman 2018].

Европа остается одним из регионов мира, в наименьшей степени затронутых феноменом НТ. Пик фрагментации политического пространства пришелся на рубеж 1991–1993 гг. Почти все НТ расположены в странах бывшего соцлагеря на периферии бывшей Югославии (СФРЮ) и СССР. Распад этих стран сопровождался индукцией и «атомизацией сецессионизма», при которой сецессия охватывала уже отколовшиеся и даже получившие частичное международное признание политии. Широкое распространение получил также «возвратный ирредентизм», при котором отдельные части новых государств требовали присоединения к материнскому государству или его правопреемнику¹.

Часть этих НТ исчезла в результате силовых операций США и их союзников или же в результате переговорного процесса (Сербская Краина в Хорватии, Республика Сербская в Боснии). Другие НТ, возникшие в результате распада сложносоставных государств («возвратный ирредентизм»), существуют и поныне. Так, в отличие от большей части бывшей советской Молдавии, подавляющее большинство населения нынешней Приднестровской Молдавской Республики голосовало за сохранение СССР на Всесоюзном референдуме 1991 г., а в дальнейшем на ре-

¹ Такие особенности, как «атомизация сецессии», «возвратный ирредентизм», высокая степень институционализации возникающих политий, позволили Ф.А. Попову выделить особый постсоциалистический тип сецессии, характерный также для некоторых территорий Азии.

ферендуме 2006 г. выразило желание присоединиться к России. Сходная ситуация сложилась после признания в 2008 г. многими государствами Косово, где населенные сербами районы Косовской Митровицы также потребовали права на самоопределение.

Геополитический кризис 2014 г. привел к появлению в восточной части Украины Донецкой и Луганской Народных Республик, ставших еще одним примером «возвратного ирредентизма». В результате площадь НТ в Европе выросла практически вдвое, но составила скромные 0,29% от территории. При этом доля населения, проживающего на их территории, выросла с 0,26 до 0,8%.

Заключение

Последние годы ознаменовались существенным прогрессом в изучении НТ. Работы в этой области внесли заметный вклад в понимание природы современной государственности. Во-первых, они хорошо показали «делимость» суверенитета: разная его степень определяет глубокие различия между видами НТ – безгосударственными территориями и территориями транзитной государственности разной степени зрелости. Во-вторых, продемонстрирована связь между степенью суверенитета, видами и характером контроля над территорией, обосновано само его понятие. В-третьих, рассмотрено соотношение между внутренним и внешним суверенитетом: укрепление внутреннего суверенитета увеличивает шансы непризнанного государства на повышение внешнего. При этом внешний суверенитет совсем не сводится к международному признанию: отсутствие статуса далеко не всегда ограничивает внешние связи непризнанного государственного образования. Да и призна-

ние, как показывают примеры Косово или Тайваня, также носит «делимый» характер. И наоборот, чем выше внешний суверенитет, тем больше вероятность укрепления экономики непризнанного государства, больше его возможности по распределению политических и социальных благ, шире поддержка гражданами и прочнее внутренний суверенитет.

Иными словами, границы между суверенитетом внешним и внутренним, легитимностью и отсутствием признания, интеграцией и регионализацией (фрагментацией политического пространства) весьма зыбки. Размытыми, неопределенными, неустойчивыми нередко становятся и территориальные границы между НТ и материнскими государствами. Они могут не иметь замкнутых контуров, проявляться периодически, выполнять лишь ограниченные функции или даже отсутствовать вовсе в случаях формирования оппозиционными легитимному государству силами сетевых структур.

НТ – яркое проявление кризиса государственности. Обострение геополитической обстановки во втором десятилетии XXI в. привело к росту числа международных конфликтов, увеличению площади и численности населения НТ. Они появляются преимущественно в странах, относящихся к категории несостоявшихся (*failed*) или рухнувших государств (*collapsed state*). Неудивительно, что фактическая сецессия особенно характерна для обширных зон проблемной государственности Азии и Африки. С 2014 по 2019 г. около 17% территории Африки и 19% территории Азии не контролировалось легитимными правительствами «материнских государств». По нашим оценкам, там проживало соответственно до 44,7 млн и 138,2 млн чел. На Африку и Азию приходится свыше 90% общей площади и населения НТ. Несмотря на исчезнове-

ние некоторых старых НТ в Азии (например, ликвидация непризнанного государства тамиллов) и Африке (объединение Северного и Южного Сенегала, подавление восстания туарегов на севере Нигера, провозглашение независимости Южного Судана), возникли новые НТ в Ливии, Камеруне и др. Расширились НТ в ЦАР, ДРК, Нигерии. Аналогичные процессы наблюдались и в Азии, где, несмотря на интервенцию Саудовской Аравии и ее союзников, правительство Йемена потеряло контроль над большей частью страны, в т. ч. над столицей.

Возникновение НТ представляет собой частный случай фрагментации политического пространства на разных территориальных уровнях. Этот процесс – элемент турбулентной трансформации мирового геополитического порядка, вызванной обострением противоречия между принципами национального самоопределения и целостности государственной территории, глобализацией и многими другими социальными и политическими факторами. Фрагментация ведет к перестройке (ретерриториализации) пространства, в т. ч. повышению числа и разнообразия политико-территориальных систем. Многие из них принадлежат к категории малых или микрообразований, что уже само по себе вызывает перекройку политической карты на основе сложного сочетания разноуровневых процессов интеграции и регионализации.

В «иерархии» НТ высшее место занимают НГ, что, однако, вовсе не означает, что все НТ достигнут этой ступени. Существование НГ – во многом следствие противоречий и невозможности компромисса между крупными международными игроками, нередко извлекающими определенные выгоды из отсутствия политического статуса таких территорий. Оно, однако, не

исключает создания институциональных и нормативных основ для взаимодействия с ними и не препятствует развитию парадипломатии, межрегионального сотрудничества и других механизмов выстраивания двусторонних отношений. Тенденция к дерегулированию международных отношений означает, что в современной обстановке достичь международного консенсуса о принципах легитимации новых государств в обозримой перспективе вряд ли удастся.

Список литературы

Алов И.Н. (2020) Пространственная концентрация афроамериканского населения в крупных городских агломерациях США // Известия Российской академии наук. Серия географическая. № 5. С. 694–703. DOI: 10.31857/S2587556620050040

Большаков А.Г. (2007) Непризнанные государства европейской периферии и пограничья // Международные процессы. № 3(15). С. 83–88 // <http://intertrends.ru/old/fifteen/008.htm>, дата обращения 25.09.2020.

Бражалович Ф.Л. (2018) География наркотрафика в Латинской Америке // Латинская Америка. № 8. С. 32–47. DOI: 10.31857/S0044748X0000444-7

Голубчик М.М. (1998) Политическая география мира. Смоленск: Изд. Смоленского университета.

Добронравин Н. (2011) Непризнанные государства в «серой зоне» мировой политики: основы выживания и правила суверенизации. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге.

Заяц Д.В. (2020) Феномен непризнанных государств в современном мире // Географическая среда и живые системы. № 1. С. 53–69. DOI: 10.18384/2712-7621-2020-1-53-69

Ильин М.В. (2008) Возможна ли универсальная типология государств? // Политическая наука. № 4. С. 8–41 // https://elibrary.ru/download/elibrary_11838485_68205239.pdf, дата обращения 25.09.2020.

Ильин М.В. (2011) Альтернативные формы современной государственности // Сравнительная политика. № 2. С. 11–19. DOI: 10.18611/2221-3279-2011-2-3(5)-11-19

Ильин М.В., Мелешкина Е.Ю., Мельвиль А.Ю. (2010) Формирование новых государств: внешние и внутренние факторы консолидации // Полис. № 3. С. 26–39 // <https://www.politstudies.ru/files/File/2010/3/3.pdf>, дата обращения 25.09.2020.

Иноземцев В.Л. (2008) Современная глобализация и ее восприятие в мире // Век глобализации. № 1. С. 31–44 // https://elibrary.ru/download/elibrary_15142807_68673531.pdf, дата обращения 25.09.2020.

Колосов В.А., Мироненко Н.С. (2001) Геополитика и политическая география. М.: Аспект Пресс.

Маркедонов С.М. (2012) Де-факто государства постсоветского пространства. Ереван: Институт Кавказа.

Мироненко Н.С., Денисенцев А.С. (2004) О политической геоконфликтологии как области географического знания // Мироненко Н.С. (ред.) Проблемы геоконфликтологии в 2 т. М.: Пресс-Соло. Т. 1. С. 12–24.

Некlessа А.И. (1997) Постсовременный мир в новой системе координат // Восток. № 2. С. 35–50.

Политический атлас современности: Опыт многомерного статистического анализа политических систем современных государств (2007). М.: МГИМО-Университет.

Попов Ф.А. (2011) От «безгосударственной территории» к «государству де-факто» // Международные процессы. Т. 9. № 2(26). С. 16–28 // <https://www.elibrary.ru/download/elibra>

ry_17006286_75413644.pdf, дата обращения 16.12.2020.

Попов Ф.А. (2012) География сепаратизма в современном мире. М.: Новый Хронограф.

Попов Ф.А. (2014) Пространственные аспекты деградации и краха суверенного государства // Мировая экономика и международные отношения. № 7. С. 78–86 // https://www.elibrary.ru/download/elibrary_21787369_93818490.pdf, дата обращения 25.09.2020.

Себенцов А.Б., Колосов В.А. (2012) Феномен неконтролируемых территорий в современном мире // Полис. № 2. С. 31–46 // <https://www.politstudies.ru/files/File/2012/2/3.pdf>, дата обращения 25.09.2020.

Сергунин А.А. (2010) Суверенитет: эволюция концепта // Политическая экспертиза. Политэкс. № 4. С. 5–21 // https://www.elibrary.ru/download/elibrary_16352861_69316232.pdf, дата обращения 25.09.2020.

Силаева З.В., Большаков А.Г. (2012) Феномен «спорных государств» в современной мировой политике: субъект влияния или инструмент глобальной игры // Политическая экспертиза. Политэкс. № 3. С. 221–242 // https://www.elibrary.ru/download/elibrary_20800345_54854104.pdf, дата обращения 25.09.2020.

Туровский Р.Ф. (1999) Политическая география. Смоленск: Издательство СГУ.

Agnew J. (2009) Globalization and Sovereignty, Lanham: Rowman & Littlefield Publishers.

Appadurai A. (1996) Modernity At Large: Cultural Dimensions of Globalization, Minneapolis: University of Minnesota Press.

Bakke K., Linke A., O'Loughlin J., Toal G. (2018) Dynamics of State-building after War: External-internal Relations in Eurasian De Facto States // Political Geography, vol. 63, pp. 159–173. DOI: 10.1016/j.polgeo.2017.06.011

Barlow E. (2020) Secession in the Post-truth, Post-order World: A View from Africa // *Perspectives on Secession: Theory and Case Studies* (eds. Riegl M., Doboš B.), Springer International Publishing, pp. 31–44.

Berg E. (2018) Bridging the Divide between Parent States and Secessionist Entities: A New Perspective for Conflict Management? // *Space and Polity*, vol. 20, no 3, pp. 15–29. DOI: 10.1080/13562576.2018.1457341

Berg E., Kuusk E. (2010) What Makes Sovereignty a Relative Concept? Empirical Approaches to International Society // *Political Geography*, vol. 29, no 1, pp. 40–49. DOI: 10.1016/j.polgeo.2010.01.005

Berg E., Vits K. (2018) Quest for Survival and Recognition: Insights into the Foreign Policy Endeavours of the Post-Soviet De Facto States // *Ethnopolitics*, vol. 17, no 4, pp. 390–407. DOI: 10.1080/17449057.2018.1495359

Blakkisrud H., Kolstø P. (2012) Dynamics of De Facto Statehood: The South Caucasian De Facto States between Secession and Sovereignty // *Southeast European and Black Sea Studies*, vol. 12, no 2, pp. 281–298. DOI: 10.1080/14683857.2012.686013

Brazhalovich F., Klyuchnikov M., Lukyanov A. (2016) The Political-geographical Aspects of Problematic Statehood (Exemplified by Somalia) // *Geography and Natural Resources*, vol. 37, no 3, pp. 264–270. DOI: 10.1134/S1875372816030100

Carboni A., Moody J. (2018) Between the Cracks: Actor Fragmentation and Local Conflict Systems in the Libyan Civil War // *Small Wars & Insurgencies*, vol. 29, no 3, pp. 456–490. DOI: 10.1080/09592318.2018.1455318

Caspersen N. (2012) *Unrecognized States: The Struggle for Sovereignty in the Modern International System*, MA: Polity.

Dembinska M. (2018) Carving out the Nation with the Enemy's Kin: Double Strategy of Boundary-making in Transnistria and Abkhazia // *Nations and Na-*

tionalism, vol. 25, no 1, pp. 298–317. DOI: 10.1111/nana.12386

Dembinska M., Campana A. (2017) Frozen Conflicts and Internal Dynamics of De Facto States: Perspectives and Directions for Research // *International Studies Review*, vol. 19, no 2, pp. 254–278. DOI: 10.1093/isr/vix010

Ekeke A., Lubisi N. (2019) Secession in Africa: An African Union dilemma // *African Security Review*, vol. 28, no 3–4, pp. 245–260. DOI: 10.1080/10246029.2020.1717974

Elden S. (2007) Rethinking Governmentality // *Political Geography*, vol. 26, no 1, pp. 29–33. DOI: 10.1016/j.polgeo.2006.08.001

Florea A. (2014) De Facto States in International Politics (1945–2011): A New Data Set // *International Interactions*, vol. 40, no 5, pp. 788–811. DOI: 10.1080/03050629.2014.915543

Fernandez-Molina I., Ojeda-Garcia R. (2020) Western Sahara as a Hybrid of a Parastate and a State-in-Exile: (Extra)territoriality and the Small Print of Sovereignty in a Context of Frozen Conflict // *Nationalities Papers*, vol. 48, no 1, pp. 83–99. DOI: 10.1017/nps.2019.34

Foucher M. (1991) *Fronts et frontières: un tour de monde géopolitique*, Paris: Fayard.

Giddens A. (1990) *The Consequences of Modernity*, Cambridge: Polity Press.

Glassner M., De Blij H. (1989) *Systematic Political Geography*, 4th ed., New York: John Wiley and Sons.

Hettne B., Söderbaum F. (1998) The New Regionalism Approach // *Politeia*, vol. 17, no 3, pp. 6–21 // https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=2399180, дата обращения 25.09.2020.

Hoch T. (2018) Legitimization of Statehood and Its Impact on Foreign Policy in De Facto States: A Case Study of Abkhazia // *Iran and the Caucasus*, vol. 22, no 4, pp. 382–402. DOI: 10.1163/1573384X-20180406

Holmes J. (2015) Sendero Lumino: so after Fujimori: A Sub-national Analy-

sis // *The Latin Americanist*, vol. 59, no 2, pp. 29–50. DOI: 10.1111/tla.12053

Jackson R.H. (2007) *Quasi-States, Dual Regimes, and Neoclassical Theory: International Jurisprudence and the Third World*. International Law and International Relations (eds. Simmons B., Steinberg R.), Cambridge: Cambridge University Press, pp. 205–232.

Joffe G. (2020) Libya: The New Geopolitical Arena // *The Journal of North African Studies*, vol. 25, no 5, pp. 681–688. DOI: 10.1080/13629387.2020.1790110

Jones M., Jones R. (2004) Nation States, Ideological Power and Globalisation: Can Geographers Catch the Boat? // *Geoforum*, vol. 35, no 4, pp. 409–424. DOI: 10.1016/j.geoforum.2003.12.002

Justin P.H., De Vries L. (2019) Governing Unclear Lines: Local Boundaries as a (Re)source of Conflict in South Sudan // *Journal of Borderlands Studies*, vol. 34, no 1, pp. 31–46. DOI: 10.1080/08865655.2017.1294497

Kalyvas S. (2006) *The Logic of Violence in Civil War*, Cambridge: Cambridge University Press.

Knight D.B. (1982) Identity and Territory: Geographical Perspectives on Nationalism and Regionalism // *Annals of the Association of American Geographers*, vol. 72, no 4, pp. 514–531. DOI: 10.1111/j.1467-8306.1982.tb01842.x

Kolosov V., O'Loughlin J. (1999) Pseudo-States as Harbingers of a New Geopolitics: The Example of the Trans-Dniester Moldovan Republic (TMR) // *Boundaries, Territory and Postmodernity* (ed. Newman D.), London: Franc Cass, pp. 151–176.

Kolstø P. (2006) The Sustainability and Future of Unrecognized Quasi-States // *Journal of Peace Research*, vol. 43, no 6, pp. 723–740. DOI: 10.1177/0022343306068102

Krasner S.D. (2009) *Power, the State, and Sovereignty: Essays on International Relations*, London: Routledge.

Krugman P., Venables A. (1995) Globalization and the Inequality of Nations // *The Quarterly Journal of Economics*, vol. 110, no 4, pp. 857–880. DOI: 10.2307/2946642

Lamb R.D. (2008) Ungoverned Areas and Threats from Safe Havens. Available at: https://cisssm.umd.edu/sites/default/files/2019-07/ugash_report_final.pdf, accessed 25.09.2020.

Lawler A. (2015) Making Contact // *Science*, vol. 348, no 6239, pp. 1072–1079. DOI: 10.1126/science.348.6239.1072

MacDonald S. (1993) The New “Bad Guys”: Exploring the Parameters of the Violent New World Order // *Gray Area Phenomena: Confronting the New World Disorder* (ed. Manwaring M.), Boulder: Westview Press, pp. 33–60.

McColl R.W. (1969) The Insurgent State: Territorial Bases of Revolution // *Annals of the American Association of Geographers*, vol. 59, no 4, pp. 613–631. DOI: 10.1111/j.1467-8306.1969.tb01803.x

McGarry J. (2004) Foreword: De Facto States and the International Order // *De Facto States: The Quest for Sovereignty* (eds. Bahcheli T., Bartmann B., Srebrnik H.), London: Routledge, pp. ix–xii.

Menkhaus K. (2007) Constraints and Opportunities in Ungoverned Spaces: The Horn of Africa // *Denial of Sanctuary: Understanding Terrorist Safe Havens* (ed. Innes M.), CT: Praeger Security International, pp. 67–82.

Murphy A. (2002) National Claims to Territory in the Modern State System: Geographical Considerations // *Geopolitics*, vol. 7, no 2, pp. 193–214. DOI: 10.1080/714000938

Murphy A. (2010) Intersecting Geographies of Institutions and Sovereignty // *The International Studies Encyclopedia*. Vol. 7 (ed. Denmark R.), Chichester: Wiley-Blackwell, pp. 4628–4645.

Norman S. (2018) Narcotization as Security Dilemma: The FARC and Drug Trade in Colombia // *Studies in Conflict*

& Terrorism, vol. 41, no 8, pp. 638–659.
DOI: 10.1080/1057610X.2017.1338052

O'Loughlin J., Kolosov V. (2017) Building Identities in post-Soviet "De Facto States": Cultural and Political Icons in Nagorno-Karabakh, South Ossetia, Transnistria, and Abkhazia // *Eurasian Geography and Economic*, vol. 58, no 17, pp. 691–715.
DOI: 10.1080/15387216.2018.1468793

O'Loughlin J., Kolosov V., Toal G. (2014) Inside the post-Soviet De Facto States: A Comparison of Attitudes in Abkhazia, Nagorny Karabakh, South Ossetia, and Transnistria // *Eurasian Geography and Economics*, vol. 55, no 5, pp. 423–456.
DOI: 10.1080/15387216.2015.1012644

Ong A. (2000) Graduated Sovereignty in South-East Asia // *Theory, Culture, and Society*, vol. 17, no 4, pp. 55–75.
DOI: 10.1177/02632760022051310

Pegg S. (1998) De Facto States in the International System // *Institute of International Relations. The University of British Columbia. Working Paper. No 21* // <https://citeseerx.ist.psu.edu/viewdoc/download?doi=10.1.1.695.2796&rep=rep1&type=pdf>, accessed 25.09.2020.

Rabasa A. et al. (2007) *Ungoverned Territories: Understanding and Reducing Terrorism Risks*, CA: RAND Corporation.

Raufer X. (2000) *New World Disorder, New Terrorisms: New Threats for Europe and the Western World* // *The Future of Terrorism* (eds. Taylor M., Horgan J.), London: Frank Cass Publishers, pp. 30–51.

Rosenau J. (2002) *The Governance of Frangmentation: Neither a World Republic nor a Global Interstate System*. // http://aura.u-pec.fr/regimen/_fich/_pdf/pub_002.pdf, дата обращения 25.09.2020.

Rotberg R. (1) (2003) *Failed States, Collapsed States, Weak States: Causes and Indicators* // *State Failure and State Weakness in a Time of Terror* (ed. Rotberg R.), Washington, D.C.: Brookings Institution Press, pp. 1–25.

Rotberg R. (2) (2003) *When State Fail*, Princeton: Princeton University Press.

Schmitt-Egner P. (2002) The Concept of 'Region': Theoretical and Methodological Notes on its Reconstruction // *European Integration*, vol. 24, no 3, pp. 25–34.
DOI: 10.1080/07036330270152196

Sidaway J. (2003) Sovereign Excesses? Portraying Postcolonial Sovereigntyscapes // *Political Geography*, vol. 22, no 2, pp. 157–178.
DOI: 10.1016/S0962-6298(02)00082-3

South A. (2018) "Hybrid Governance" and the Politics of Legitimacy in the Myanmar Peace Process // *Journal of Contemporary Asia*, vol. 48, no 1, pp. 50–66.
DOI: 10.1080/00472336.2017.1387280

Staniland A. (2012) States, Insurgents, and Wartime Political Orders // *Perspectives on Politics*, vol. 10, no 2, pp. 243–264.
DOI: 10.1017/S1537592712000655

Tao R., Srtandow D., Findley M., Thill J.-C., Walsh J. (2016) A Hybrid Approach to Modeling Territorial Control in Violent Armed Conflicts // *Transactions in GIS*, vol. 20, no 3, pp. 413–425.
DOI: 10.1111/tgis.12228

Taylor P., Flint C. (2018) *Political Geography: World-Economy, Nation-State and Locality*, London: Routledge.

Wallenstein P. (2002) *Understanding Conflict Resolution: War, Peace and the Global System*, London: Sage.

Whelan T. (2006) Africa's Ungoverned Space // *Nacao & Defesa*, vol. 114, no 3, pp. 61–73.

DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-1-2

Uncontrolled Territories in the Contemporary World: Theory, Genesis, Types and Dynamics

Vladimir A. KOLOSOV

DSc in Geography, Center for Geopolitical Studies, Deputy Director
Institute of Geography of the Russian Academy of Science, 119017, Staromonetnyy I.,
29, Moscow, Russian Federation
E-mail: kolosov@igras.ru
ORCID: 0000-0003-2817-9463

Alexander B. SEBENTSOV

PhD in Geography, Senior Researcher, Center for Geopolitical Studies
Institute of Geography of the Russian Academy of Science, 119017, Staromonetnyy I.,
29, Moscow, Russian Federation
E-mail: asebentsov@igras.ru
ORCID: 0000-0001-9665-5666

Nikita L. TUROV

Junior Researcher, Center for Geopolitical Studies
Institute of Geography of the Russian Academy of Science, 119017, Staromonetnyy I.,
29, Moscow, Russian Federation
E-mail: turov@igras.ru
ORCID: 0000-0001-7611-4985

CITATION: Kolosov V.A., Sebentsov A.B., Turov N.L. (2021) Uncontrolled Territories in the Contemporary World: Theory, Genesis, Types and Dynamics. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 14, no 1, pp. 23–51 (in Russian). DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-1-2

Received: 15.10.2020.

ACKNOWLEDGEMENTS: The study was carried out at the Institute of Geography of the Russian Academy of Sciences as part of the work on the RSF project no 19-17-00232 «Post-Soviet Non-Recognized States: Factors of Viability and Risks for Russia»

ABSTRACT. *The uncontrolled territories (UT) attract the attention of an increasing number of researchers; however, most publications are devoted to only one type of UTs – unrecognized states. The objective of this paper is to assess and analyze changes in territory and population of all UTs in different macro-regions of the world*

through 2006–2010 and 2014–2019. Five main directions of studies of such territories are identified and characterized. The authors distinguish several types and patterns of territorial control, propose a typology of UTs and consider in detail the methodology and difficulties of creating a corresponding database. The aggravation of the geopolit-

ical situation in the second decade of the 21st century led to an increase in the number of international conflicts and in the area and population of UTs in Asia, Africa and Europe. The de facto secession largely affected the vast zones of problematic statehood in Asia and Africa, where according to the authors' estimates, about 45 million and 138 million people live, respectively. The emergence of UTs is a special case of the fragmentation of the political space at different territorial levels – a consequence of the turbulent transformation of the world geopolitical order.

KEYWORDS: *non-controlled territories, non-recognized states, fragmentation of political space, separatism, secessionism*

References

- Agnew J. (2009) *Globalization and Sovereignty*, Lanham: Rowman & Littlefield Publishers.
- Alov I. (2020) Spatial Concentration of African Americans in Large Metropolitan Areas of the United States. *Izvestiya Rossiiskoi Akademii Nauk. Seriya Geograficheskaya*, no 5, pp. 694–703 (in Russian). DOI: 10.31857/S2587556620050040
- Appadurai A. (1996) *Modernity At Large: Cultural Dimensions of Globalization*, Minneapolis: University of Minnesota Press.
- Bakke K., Linke A., O'Loughlin J., Toal G. (2018) Dynamics of State-building after War: External-internal Relations in Eurasian De Facto States. *Political Geography*, vol. 63, pp. 159–173. DOI: 10.1016/j.polgeo.2017.06.011
- Barlow E. (2020) Secession in the Post-truth, Post-order World: A View from Africa. *Perspectives on Secession: Theory and Case Studies* (eds. Riegl M., Doboš B.), Springer International Publishing, pp. 31–44.
- Berg E. (2018) Bridging the Divide between Parent States and Secessionist Entities: A New Perspective for Conflict Management? *Space and Polity*, vol. 20, no 3, pp. 15–29. DOI: 10.1080/13562576.2018.1457341
- Berg E., Kuusk E. (2010) What Makes Sovereignty a Relative Concept? Empirical Approaches to International Society. *Political Geography*, vol. 29, no 1, pp. 40–49. DOI: 10.1016/j.polgeo.2010.01.005
- Berg E., Vits K. (2018) Quest for Survival and Recognition: Insights into the Foreign Policy Endeavours of the Post-Soviet De Facto States. *Ethnopolitics*, vol. 17, no 4, pp. 390–407. DOI: 10.1080/17449057.2018.1495359
- Blakkisrud H., Kolstø P. (2012) Dynamics of De Facto Statehood: The South Caucasian De Facto States between Secession and Sovereignty. *Southeast European and Black Sea Studies*, vol. 12, no 2, pp. 281–298. DOI: 10.1080/14683857.2012.686013
- Bolshakov A. (2007) Non-Recognized States in European Borderlands. *Mezhdunarodnye protsessy*, no 3(15), pp. 83–88. Available at: <http://intertrends.ru/old/fifteen/008.htm>, accessed 25.09.2020 (in Russian).
- Brazhalovich F. (2018) The Geography of Drug Trafficking in Latin America. *Latinskaya Amerika*, no 8, pp. 32–47 (in Russian). DOI: 10.31857/S0044748X0000444-7
- Brazhalovich F., Klyuchnikov M., Lukyanov A. (2016) The Political-geographical Aspects of Problematic Statehood (Exemplified by Somalia). *Geography and Natural Resources*, vol. 37, no 3, pp. 264–270. DOI: 10.1134/S1875372816030100
- Carboni A., Moody J. (2018) Between the Cracks: Actor Fragmentation and Local Conflict Systems in the Libyan Civil War. *Small Wars & Insurgencies*, vol. 29, no 3, pp. 456–490. DOI: 10.1080/09592318.2018.1455318
- Caspersen N. (2012) *Unrecognized States: The Struggle for Sovereignty in the Modern International System*, MA: Polity.
- Dembinska M. (2018) Carving out the Nation with the Enemy's Kin: Double

Strategy of Boundary-making in Transnistria and Abkhazia. *Nations and Nationalism*, vol. 25, no 1, pp. 298–317. DOI: 10.1111/nana.12386

Dembinska M., Campana A. (2017) Frozen Conflicts and Internal Dynamics of De Facto States: Perspectives and Directions for Research. *International Studies Review*, vol. 19, no 2, pp. 254–278. DOI: 10.1093/isr/vix010

Dobronravin N. (2011) *Unrecognized States in the “Gray Zone” of World Politics: The Basics of Survival and Sovereignty Rules*, Saint Petersburg: Publishing of the European University in Saint Petersburg (in Russian).

Ekeke A., Lubisi N. (2019) Secession in Africa: An African Union Dilemma. *African Security Review*, vol. 28, no 3–4, pp. 245–260. DOI: 10.1080/10246029.2020.1717974

Elden S. (2007) Rethinking Governmentality. *Political Geography*, vol. 26, no 1, pp. 29–33. DOI: 10.1016/j.polgeo.2006.08.001

Fernandez-Molina I., Ojeda-Garcia R. (2020) Western Sahara as a Hybrid of a Parastate and a State-in-Exile: (Extra)territoriality and the Small Print of Sovereignty in a Context of Frozen Conflict. *Nationalities Papers*, vol. 48, no 1, pp. 83–99. DOI: 10.1017/nps.2019.34

Florea A. (2014) De Facto States in International Politics (1945–2011): A New Data Set. *International Interactions*, vol. 40, no 5, pp. 788–811. DOI: 10.1080/03050629.2014.915543

Foucher M. (1991) *Fronts et frontières: un tour de monde géopolitique*, Paris: Fayard.

Giddens A. (1990) *The Consequences of Modernity*, Cambridge: Polity Press.

Glassner M., De Blij H. (1989) *Systematic Political Geography*, 4th ed., New York: John Wiley and Sons.

Golubchik M. (1998) *Political Geography of the World*, Smolensk: Izd. Smol. gum. u-ta (in Russian).

Hettne B., Söderbaum F. (1998) The New Regionalism Approach. *Po-*

liteia, vol. 17, no 3, pp. 6–21. Available at: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=2399180, accessed 25.09.2020.

Hoch T. (2018) Legitimization of Statehood and its Impact on Foreign Policy in De Facto States: A Case Study of Abkhazia. *Iran and the Caucasus*, vol. 22, no 4, pp. 382–402. DOI: 10.1163/1573384X-20180406

Holmes J. (2015) Sendero Luminoso after Fujimori: A Sub-national Analysis. *The Latin Americanist*, vol. 59, no 2, pp. 29–50. DOI: 10.1111/tla.12053

Ilyin M. (2008) Can There Be a Universal Typology of States? *Political Science*, no 4, pp. 8–41. Available at: https://elibrary.ru/download/elibrary_11838485_68205239.pdf, accessed 25.09.2020 (in Russian).

Ilyin M. (2011) Alternative Forms of Modern Statehood. *Comparative Politics Russia*, no 2, pp. 11–19 (in Russian). DOI: 10.18611/2221-3279-2011-2-3(5)-11-19

Ilyin M., Meleshkina Ye., Melvil A. (2010) Formation of New States: External and Internal Factors of Consolidation. *Polis*, no 3, pp. 26–39. Available at: <https://www.politstudies.ru/files/File/2010/3/3.pdf>, accessed 25.09.2020 (in Russian).

Inozemtsev V. (2008) Modern Globalization and Its Perception in the World. *Age of Globalization*, no 1, pp. 31–44. Available at: https://elibrary.ru/download/elibrary_15142807_68673531.pdf, accessed 25.09.2020 (in Russian).

Jackson R.H. (2007) Quasi-States, Dual Regimes, and Neoclassical Theory: International Jurisprudence and the Third World. *International Law and International Relations* (eds. Simmons B., Steinberg R.), Cambridge: Cambridge University Press, pp. 205–232.

Joffe G. (2020) Libya: The New Geopolitical Arena. *The Journal of North African Studies*, vol. 25, no 5, pp. 681–688. DOI: 10.1080/13629387.2020.1790110

Jones M., Jones R. (2004) Nation States, Ideological Power and Globalisation: Can Geographers Catch the Boat?

Geoforum, vol. 35, no 4, pp. 409–424. DOI: 10.1016/j.geoforum.2003.12.002

Justin P.H., De Vries L. (2019) Governing Unclear Lines: Local Boundaries as a (Re)source of Conflict in South Sudan. *Journal of Borderlands Studies*, vol. 34, no 1, pp. 31–46. DOI: 10.1080/08865655.2017.1294497

Kalyvas S. (2006) *The Logic of Violence in Civil War*, Cambridge: Cambridge University Press.

Knight D.B. (1982) Identity and Territory: Geographical Perspectives on Nationalism and Regionalism. *Annals of the Association of American Geographers*, vol. 72, no 4, pp. 514–531. DOI: 10.1111/j.1467-8306.1982.tb01842.x

Kolosov V., Mironenko N. (2001) *Geopolitics and Political Geography*, Moscow: Aspekt Press (in Russian).

Kolosov V., O'Loughlin J. (1999) Pseudo-States as Harbingers of a New Geopolitics: The Example of the Trans-Dniester Moldovan Republic (TMR). *Boundaries, Territory and Postmodernity* (ed. Newman D.), London: Franc Cass, pp. 151–176.

Kolstø P. (2006) The Sustainability and Future of Unrecognized Quasi-States. *Journal of Peace Research*, vol. 43, no 6, pp. 723–740. DOI: 10.1177/0022343306068102

Krasner S.D. (2009) *Power, the State, and Sovereignty: Essays on International Relations*, London: Routledge.

Krugman P., Venables A. (1995) Globalization and the Inequality of Nations. *The Quarterly Journal of Economics*, vol. 110, no 4, pp. 857–880. DOI: 10.2307/2946642

Lamb R.D. (2008) *Ungoverned Areas and Threats from Safe Havens*. Available at: https://cissm.umd.edu/sites/default/files/2019-07/ugash_report_final.pdf, accessed 25.09.2020.

Lawler A. (2015) Making Contact. *Science*, vol. 348, no 6239, pp. 1072–1079. DOI: 10.1126/science.348.6239.1072

MacDonald S. (1993) The New “Bad Guys”: Exploring the Parameters of the Violent New World Order. *Gray Area Phenomena: Confronting the New World Dis-*

order (ed. Manwaring M.), Boulder: Westview Press, pp. 33–60.

Markedonov S. (2012) *De Facto States in the Post-Soviet Space*, Yerevan: Institute of the Caucasus (in Russian).

McColl R.W. (1969) The Insurgent State: Territorial Bases of Revolution. *Annals of the American Association of Geographers*, vol. 59, no 4, pp. 613–631. DOI: 10.1111/j.1467-8306.1969.tb01803.x

McGarry J. (2004) Foreword: De Facto States and the International Order. *De Facto States: The Quest for Sovereignty* (eds. Bahcheli T., Bartmann B., Srebrnik H.), London: Routledge, pp. ix–xii.

Menkhaus K. (2007) Constraints and Opportunities in Ungoverned Spaces: The Horn of Africa. *Denial of Sanctuary: Understanding Terrorist Safe Havens* (ed. Innes M.), CT: Praeger Security International, pp. 67–82.

Mironenko N., Denisencev A. (2004) About Political Geoconflictology as a Field of Geographical Knowledge. *Problems of Geoconflictology* (ed. Mironenko N.), Moscow: Press-Solo, vol. 1, pp. 12–24 (in Russian).

Murphy A. (2002) National Claims to Territory in the Modern State System: Geographical Considerations. *Geopolitics*, vol. 7, no 2, pp. 193–214. DOI: 10.1080/714000938

Murphy A. (2010) Intersecting Geographies of Institutions and Sovereignty. *The International Studies Encyclopedia*. Vol. 7 (ed. Denemark R.), Chichester: Wiley-Blackwell, pp. 4628–4645.

Neklessa A.I. (1997) Postmodern World in a New Coordinate System. *Vostok*, no 2, pp. 35–50 (in Russian).

Norman S. (2018) Narcotization as Security Dilemma: The FARC and Drug Trade in Colombia. *Studies in Conflict & Terrorism*, vol. 41, no 8, pp. 638–659. DOI: 10.1080/1057610X.2017.1338052

O'Loughlin J., Kolosov V. (2017) Building Identities in post-Soviet “De Facto States”: Cultural and Political Icons in Na-

gorno-Karabakh, South Ossetia, Transnistria, and Abkhazia. *Eurasian Geography and Economic*, vol. 58, no 17, pp. 691–715. DOI: 10.1080/15387216.2018.1468793

O'Loughlin J., Kolosov V., Toal G. (2014) Inside the post-Soviet De Facto States: A Comparison of Attitudes in Abkhazia, Nagorny Karabakh, South Ossetia, and Transnistria. *Eurasian Geography and Economics*, vol. 55, no 5, pp. 423–456. DOI: 10.1080/15387216.2015.1012644

Ong A. (2000) Graduated Sovereignty in South-East Asia. *Theory, Culture, and Society*, vol. 17, no 4, pp. 55–75. DOI: 10.1177/02632760022051310

Pegg S. (1998) De Facto States in the International System. *Institute of International Relations. The University of British Columbia*. Working Paper. No 21. Available at: <https://citeseerx.ist.psu.edu/viewdoc/download?doi=10.1.1.695.2796&rep=rep1&type=pdf>, accessed 25.09.2020.

Political Atlas of the Modern World: An Experiment in Multidimensional Statistical Analysis of the Political Systems of Modern States (2009), Moscow: Preprint. MGIMO-University Press (in Russian).

Popov F.A. (2011) From Stateless Territory to “De Facto State”. *Mezhdunarodnye protsessy*, vol. 9, no 2(26), pp. 16–28. Available at: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_17006286_75413644.pdf, accessed 16.12.2020 (in Russian).

Popov F.A. (2012) *Geography of Separatism in the Contemporary World*, Moscow: Novyj Chronograf (in Russian).

Popov F.A. (2014) Spatial Aspects of the Degradation and Collapse of a Sovereign State. *Mirovaia ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniia*, no 7, pp. 78–86. Available at: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_21787369_93818490.pdf, accessed 25.09.2020 (in Russian).

Rabasa A. et al. (2007) *Ungoverned Territories: Understanding and Reducing Terrorism Risks*, CA: RAND Corporation.

Raufer X. (2000) New World Disorder, New Terrorisms: New Threats for Europe

and the Western World. *The Future of Terrorism* (eds. Taylor M., Horgan J.), London: Frank Cass Publishers, pp. 30–51.

Rosenau J. (2002) *The Governance of Frangmentation: Neither a World Republic nor a Global Interstate System*. Available at: http://aura.u-pec.fr/regimen/_fich/_pdf/pub_002.pdf, accessed 25.09.2020.

Rotberg R. (1) (2003) Failed States, Collapsed States, Weak States: Causes and Indicators. *State Failure and State Weakness in a Time of Terror* (ed. Rotberg R.), Washington, D.C: Brookings Institution Press, pp. 1–25.

Rotberg R. (2) (2003) *When State Fail*, Princeton: Princeton University Press.

Schmitt-Egner P. (2002) The Concept of ‘Region’: Theoretical and Methodological Notes on its Reconstruction. *European Integration*, vol. 24, no 3, pp. 25–34. DOI: 10.1080/07036330270152196

Sebentsov A., Kolosov V. (2012) The Phenomenon of Uncontrolled Territories in the Modern World. *Polis*, no 2, pp. 31–46. Available at: <https://www.politstudies.ru/files/File/2012/2/3.pdf>, accessed 25.09.2020 (in Russian).

Sergunin A. (2010) Sovereignty: Evolution of Concept. *Political Expertise: POLITEX*, no 4, pp. 5–21. Available at: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_16352861_69316232.pdf, accessed 25.09.2020 (in Russian).

Sidaway J. (2003) Sovereign Excesses? Portraying Postcolonial Sovereignty Scapes. *Political Geography*, vol. 22, no 2, pp. 157–178. DOI: 10.1016/S0962-6298(02)00082-3

Silayeva Z., Bolshakov A. (2012) Phenomenon “Contested States” in Modern World Politics: An Influence of Actors or Tool of Global Games. *Political Expertise: POLITEX*, no 3, pp. 221–242. Available at: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_20800345_54854104.pdf, accessed 25.09.2020 (in Russian).

South A. (2018) “Hybrid Governance” and the Politics of Legitimacy in the Myanmar Peace Process. *Journal of Con-*

temporary Asia, vol. 48, no 1, pp. 50–66.
DOI: 10.1080/00472336.2017.1387280

Staniland A. (2012) States, Insurgents, and Wartime Political Orders. *Perspectives on Politics*, vol. 10, no 2, pp. 243–264.
DOI: 10.1017/S1537592712000655

Tao R., Srtandow D., Findley M., Thill J.-C., Walsh J. (2016) A Hybrid Approach to Modeling Territorial Control in Violent Armed Conflicts. *Transactions in GIS*, vol. 20, no 3, pp. 413–425.
DOI: 10.1111/tgis.12228

Taylor P., Flint C. (2018) *Political Geography: World-Economy, Nation-State and Locality*, London: Routledge.

Turovskij R. (1999) *Political Geography*, Smolensk: Izdatel'stvo SGU (in Russian).

Wallensteen P. (2002) *Understanding Conflict Resolution: War, Peace and the Global System*, London: Sage.

Whelan T. (2006) Africa's Ungoverned Space. *Nacao & Defesa*, vol. 114, no 3, pp. 61–73.

Zayats D. (2020) The Phenomenon of Unrecognized States in the Modern World. *Geographical Environment and Living Systems*, no 1, pp. 53–69 (in Russian).
DOI: 10.18384/2712-7621-2020-1-53-69

Страницы прошлого

DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-1-3

Правовые акты о независимости прибалтийских республик 1988–1990 гг. как основа для моделирования механизма предотвращения сецессий

Эллина Эдуардовна ХАЩИНА

кандидат юридических наук, доцент, кафедра конституционного и административного права
ФГБОУ ВО «Курский государственный университет», 305000, ул. Радищева, д. 33,
Курск, Российская Федерация
E-mail: ellenberns1408@gmail.com
ORCID: 0000-0001-5188-4377

ЦИТИРОВАНИЕ: Хащина Э.Э. (2021) Правовые акты о независимости прибалтийских республик 1988–1990 гг. как основа для моделирования механизма предотвращения сецессий // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. Т. 14. № 1. С. 52–73.
DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-1-3

Статья поступила в редакцию 29.09.2020.

ФИНАНСИРОВАНИЕ: Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта 20-011-00418.

АННОТАЦИЯ. Для современных государств сецессия является радикальным способом разрешения накопившихся противоречий с «материнскими» государствами, в состав которых они вошли в силу тех или иных причин. Еще со времен принятия Декларации независимости Соединенных Штатов 1776 г. в международной практике возникла традиция оформления сецессии особым актом о независимости, в котором его создатели описывали причины, побудившие принять столь радикальное решение, декларировалось верховенство законодательства отделившегося субъекта и содержалась просьба о признании суверенитета новообразованно-

го государства со стороны международного сообщества. Анализ таких актов может предоставить ценную информацию о причинах сецессии. Исследование данных причин значимо не только с теоретической, но и с практической точки зрения, поскольку на их основе могут быть разработаны правовые механизмы предотвращения сецессии в современных государствах. В рамках данной работы рассмотрены акты о независимости прибалтийских республик 1988–1990 гг., принятые в период распада социалистической системы в Восточной Европе. Будучи флагманами этого процесса, Эстония, Латвия и Литва в своих актах наиболее деталь-

но обосновали свой выбор, в связи с чем принятые ими декларации представляют безусловный интерес для правовой науки.

На основе метода моделирования исторических процессов и концепции *path dependence* (признания зависимости конечного результата от отдаленных и даже случайных событий прошлого), с учетом полученного в рамках анализа актов о независимости материала о причинах сецессии, предпринята попытка разработать модели «мягкой» сецессии прибалтийских республик, которая была бы возможна в случае выбора иного варианта поведения в точках бифуркации. В качестве основных точек «ветвления», открывающих «окна возможностей» для прибалтийских республик, автор называет разработку нового Союзного договора, реформы перестроечного периода, выбор вектора этнонациональной политики в союзных республиках, выбор правового основания и процедуры сецессии. Описываются негативные последствия сложившегося сценария развития отношений между Россией и прибалтийскими республиками и преимущества мирного разрешения конфликта между отделившимся и «материнским» государством.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: сецессия, акты о независимости, причины сецессии, страны Прибалтики, распад СССР, *path dependence*

Введение

Актуальность исследования проблем, связанных с содержанием и условиями принятия актов о независимости прибалтийских республик, не вызывает сомнений в связи с нарастанием соответствующих тенденций в современном мире. С момента начала

распада социалистической системы в Восточной Европе прошло более тридцати лет, однако отложенные последствия этих событий в виде попыток отдельных национально-территориальных сообществ выйти из состава «материнских государств», образовавшихся в результате, имеют место в настоящее время. Активные кампании, выдвигающие лозунги в поддержку сецессии и самоопределения отдельных наций и территорий, действуют более чем в шестидесяти странах мира [Sambanis et al. 2017]. Универсальных способов разрешения такого рода конфликтов не существует, но научное сообщество продолжает поиск баланса между принципом государственного единства и правом народов на самоопределение. Несмотря на определенную достаточность обеспечения этого процесса нормами международного и европейского права, национальные правовые системы контрпродуктивны в этом отношении. Анализ состоявшихся сецессий, оценка требований отделившейся стороны, а равно реакции материнского государства позволяют (пусть и с большой долей условности) смоделировать успешные варианты развития отношений между государствами [Андреева и др. 2019, с. 76].

Латвия, Литва и Эстония: путь к независимости

Прибалтийские республики – Латвия, Литва и Эстония – долгое время были объектом пересечения интересов крупных империй, претендовавших на контроль над их территорией. На протяжении XX в. неоднократно предпринимались попытки провозглашения суверенитета стран Прибалтики, однако фоном для этих событий выступала гражданская война и иностранная оккупация, что обусловило

критическую оценку данных событий в исторической литературе [Мельтюхов 2015]. Формированию прибалтийских государств как независимых республик в конце XX в. предшествовал один из наиболее известных примеров в истории сецессионизма – выход союзных республик из состава СССР и последующий за этим распад Советского Союза. Дискуссии о законности и целесообразности сецессии прибалтийских республик, развивавшейся вне контекста действовавшего законодательства, продолжаются [Feinstein 2010; Suesse 2019]. Последствия тех событий и в настоящее время отражаются на политических и экономических взаимоотношениях стран-правопреемников.

По итогам Первой мировой войны и революционных событий в России прибалтийские страны получили возможность заявить о своем праве на самоопределение. 24 февраля 1918 г. была провозглашена независимая Эстонская Республика, признанная правительством Советской России. Аналогичным образом развивались события в Латвии, объявившей о суверенитете 18 ноября того же года; схожая ситуация наблюдалась в Литве, на отдельной части которой в начале 1920-х гг. происходило формирование суверенной парламентской республики. Новообразованные государства были признаны международным сообществом, а ряд мирных договоров с Советской Россией подтвердил отказ бывшей метрополии от попыток установить контроль над данной территорией.

Взгляды историков на значение этого периода в истории Прибалтики радикально расходятся. Если в новейшей эстонской, литовской и латвийской литературе он оценивается как время роста национального движения, «сброса имперских оков» и утверждения государственности [Кяупа и др. 1999, с. 131], то в ряде исследований российских ис-

ториков и политологов прослеживается иной подход. Обретение независимости данными государствами рассматривается как результат стечения внешних обстоятельств, в числе которых распад Российской империи, поражение Германии в Первой мировой войне, поддержка стран Антанты, во многом определявших степень суверенности данных республик [Блищенко 2015, с. 30; Межевич 2019, с. 186]. Примечательно, что определенную роль западноевропейских стран в обретении собственной независимости не отрицают и современные прибалтийские историки [Граф 2007, с. 150].

Несмотря на то, что в дальнейшем прибалтийские республики на длительное время утратили обретенный суверенитет, этот опыт оказал значительное влияние на дальнейшую судьбу этих государств.

3–6 августа 1940 г. прибалтийские республики постановлениями, принятыми на VII сессии Верховного Совета СССР, были включены в его состав. Этому предшествовали события, которые по-разному оцениваются в современной историографии: подписание Договора о ненападении между СССР и Германией, к которому прилагался секретный протокол, зафиксировавший вхождение Латвии и Эстонии в сферу интересов Советского Союза. С разрешения руководства прибалтийских стран в октябре 1939 г. был введен ограниченный контингент Красной Армии, а в июне 1940 г. советское правительство предъявило Латвии, Литве и Эстонии ультиматум с обвинением правительств этих стран в нарушении Договоров о взаимопомощи, а также требованием сформировать новые правительства и допустить дополнительные контингенты войск для обеспечения соблюдения данных Договоров.

Последующие события, связанные с формированием новых, лояль-

ных СССР правительств, проведении выборов в парламенты прибалтийских стран, на которых победили коммунистические блоки, а также принятием Деклараций о вхождении в состав СССР, советские историки описывали как социалистические революции. Аргументом в пользу легального характера присоединения было признание его де-юре со стороны ряда зарубежных государств (Испания, Швеция, Нидерланды) [Рянжин 1960]. В современной зарубежной исторической литературе, в т. ч. в трудах ученых стран Прибалтики, эти действия, включая последующий ввод советских войск, проведение выборов в новые органы власти, однозначно оцениваются как аннексия со стороны СССР [Taagepera 1993; Parrott 1995].

Современные российские исследователи интерпретируют события 1939–1940 гг. неоднозначно: некоторые не признают присоединение Прибалтики оккупацией, хотя и согласны с тем, что вхождение не было добровольным; другие говорят об инкорпорации как более мягком, ненасильственном варианте присоединения [Черниченко 2004].

В период с 1988 по 1990 г. Эстония, Литва и Латвия последовательно приняли ряд актов, провозгласивших их независимость и ознаменовавших выход прибалтийских республик из состава СССР. Первый в истории СССР акт о независимости союзной республики – Декларация Верховного Совета Эстонской Советской Социалистической Республики «О суверенитете Эстонской ССР» – был принят 16 ноя-

бря 1988 г. на заседании Верховного Совета ЭССР¹. Впоследствии Декларацией от 2 февраля 1990 г. была провозглашена независимость Эстонии². 11 марта 1990 г. был принят «Акт о восстановлении независимого Литовского государства»³, а 4 мая 1990 г. Верховный Совет Латвийской ССР принял собственный акт сецессии – Декларацию о восстановлении независимости Латвийской Республики⁴.

Причины сецессии в актах о независимости прибалтийских республик

Как правило, акты о независимости, принимаемые субъектами сецессии, содержат информацию о тех причинах, которые способствовали принятию решения о выходе. Не всегда речь идет об исчерпывающем перечне таких причин, который можно составить только на основе комплексного анализа публицистических материалов, заявлений лидеров сецессионистских движений в прессе, анализа экономической и политической обстановки и т. п. Однако причины, изложенные в акте о независимости, имеют особое значение, поскольку именно их создатели актов представили в качестве юридического обоснования своего выбора и своеобразного «оправдания» для международного сообщества.

Эстонии и Латвии, первым заявившим о предстоящей сецессии, необходимо было детально аргументировать свой выбор как с юридической, так и с

1 Декларация Верховного Совета ЭССР «О суверенитете Эстонской ССР». Ведомости Верховного Совета и Правительства ЭССР, 25.11.1988. № 48, ст. 685.

2 Декларация по вопросу государственной независимости Эстонии от 2 февраля 1990 г. (1990) // Политика, Таллин. № 3.

3 Акт Верховного Совета Литовской Республики от 11.03.1990 г. № 1–12 «О восстановлении Литовского государства» // Ведомости Верховного Совета и Правительства Литовской Республики от 31.03.1990 г. № 9, ст. 222.

4 Декларация о восстановлении независимости Латвийской Республики // Ведомости Верховного Совета и Правительства Латвийской Советской Социалистической Республики от 25.01.1990 г. № 4, ст. 79.

исторической точки зрения, поэтому в декларациях этих стран подробно перечислены причины сецессии. Создатели акта о независимости Литвы пошли по иному пути: в нем кратко отмечается, что «суверенные права Литвы были попораны грубой силой» и данным документом их осуществление восстанавливается. Какие-либо другие причины Верховный Совет Литовской ССР не указал, как и не раскрыл подробно данную причину.

Причины, изложенные в прибалтийских актах сецессии, можно условно поделить на три группы.

Первая, основная, группа причин объединена по признаку несвободного характера объединения с СССР.

Подробное описание исторической ситуации, приведшей к утрате государственности Латвией, содержится в Декларации о восстановлении независимости Латвийской Республики. Создание актов о независимости прибалтийских государств опиралось на историко-правовую и международно-правовую основу, разработанную докторами международного права. Эта концепция детально (в сравнении с иными документами такого рода) расписана в Декларации от 4 мая 1990 г. В ней дается квалификация действиям по введению в Латвию советских войск (должны быть квалифицированы как международное преступление), констатируется антидемократический и незаконный характер выборов в новообразованные органы власти республики, результаты которых, по мнению авторов Декларации, были сфальсифицированы, и делается вывод об отсутствии юридической силы у документов о включении Латвийской Республики в состав Советского Союза.

В Эстонии было принято два документа – Декларация о суверенитете 1988 г. и Декларация независимости 1990 г. Если в первом документе отсутствует какая-либо оценка историче-

ских событий, приведших к вхождению Эстонии в состав СССР, то во втором содержится подробная и эмоционально насыщенная критика соответствующих международных соглашений. Авторы декларации о независимости именуют Договор о ненападении между СССР и Германии «сговором» и «мошеннической инсценировкой», принятие которой было возможно лишь благодаря «шоковому состоянию», охватившему все демократические страны.

Вторая группа причин, которые можно встретить в прибалтийских актах сецессии, связана с описанием СССР как государства, не выполняющего свои обязательства перед союзными республиками, входящими в его состав. Так, в Декларации о независимости Эстонии 1990 г. говорится о том, что политика СССР крайне негативно сказывается на благосостоянии эстонского народа. В результате политики сталинизма и периода застоя, по мнению авторов Декларации, во многих регионах республики в катастрофическом положении оказалась природная среда, дестабилизирована экономика, снизился жизненный уровень всего населения республики.

В латвийской декларации критика политики СССР в отношении Латвии отсутствует, т. к. создатели решили сделать акцент на незаконном характере присоединения страны к Советскому Союзу. Тем не менее указание на эти неназванные причины можно встретить в многократных заявлениях латвийских политических деятелей, опубликованных в официальных источниках. Так, например, председатель Президиума Верховного Совета Латвийской ССР с 1988 по 1993 г. А.В. Горбунов в своем выступлении на I Съезде народных депутатов СССР 31 мая 1989 г. указывал, что постановка вопроса о восстановлении суверенитета связана с такими причинами, как экономиче-

ская («необоснованная централизация управления приводит к полному несоответствию отдельных производств интересам республик, где они размещены, и народов, для удовлетворения потребностей которых они создавались»), культурно-языковая («угроза над дальнейшим полноценным развитием национальной культуры и науки, сузилась сфера функционирования национального языка»), и даже экологическая («ухудшение экологической обстановки, понижения в 1970–1980-х гг. жизненного уровня и состояния здоровья населения») [Шахрай 2016, с. 61]. Представители прибалтийских республик СССР настаивали, что экономическая политика союзного центра не только наносила вред экологии региона, но и одновременно ставила остальную часть СССР в более выгодное положение.

В качестве **третьей группы причин** можно выделить обстоятельства, которые не ставятся в вину СССР, а существуют объективно и обуславливают необходимость провозглашения суверенитета. К таким обстоятельствам относится длительное, многовековое формирование государственности того или иного народа Прибалтики. Так, в эстонской Декларации о суверенитете особо подчеркивается, что эстонский народ обладает исторически сложившейся на протяжении веков государственностью, поскольку возделывает землю на берегу Балтийского моря более пяти тысяч лет, на протяжении которых складывалось «гомогенное в национальном отношении» государство. Дальнейшее развитие этого государства не может происходить иначе, нежели в условиях суверенитета.

Модель успешного механизма предотвращения сецессии: обучение на ошибках

Принятие актов о независимости прибалтийских республик – Эстонии, Литвы и Латвии – ознаменовало начало их выхода из состава союзного государства, завершившегося 6 сентября 1991 г. в связи с принятием Постановления Государственного Совета СССР о признании независимости стран Прибалтики⁵. Впоследствии, спровоцированные государственным переворотом в августе 1991 г. в Москве, объявили о своей независимости другие советские республики, а подписание Беловежских соглашений поставило точку в истории Советского Союза. В то же время между принятием первого акта о независимости и окончательным выходом прибалтийских республик из состава СССР пролегал значительный временной промежуток, в течение которого у союзных властей была возможность купировать конфликт и, если не предотвратить сецессию, то создать условия для мирного сосуществования стран Прибалтики и России.

Как известно, история не имеет однозначного наклона, однако представляется, что анализ альтернативных вариантов или сценариев развития исторических процессов может быть полезен при разработке механизмов предотвращения дальнейших сецессий.

Безусловно, ход истории сложный и многофакторный процесс, который зависит от огромного количества причин, большинство из которых сугубо субъективные. В то же время мы

5 Постановление Государственного Совета СССР от 6 сентября 1991 г. № ГС-1 «О признании независимости Литовской Республики»; № ГС-2 «О признании независимости Латвийской Республики»; № ГС-3 «О признании независимости Эстонской Республики» // Ведомости Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР от 11 сентября 1991 г. № 37, ст. 1091.

склонны согласиться со сторонниками «клиометрии», или же «математической истории», в том, что историю человечества нельзя считать полностью непредсказуемой, и существуют определенные закономерности, позволяющие просчитать и предугадать поведение людей в тех или иных ситуациях [Малинецкий, Коротаев 2008; Fogel, Elton 1983]. Применять подобный математический подход при исследовании событий прошлого можно в различных целях, но в нашем случае он интересен для анализа возможных исторических альтернатив⁶.

В случае возникновения на политической карте мира очага сепаратизма события могут развиваться по различным сценариям, которые широко исследованы в рамках политической географии. Так, Д.В. Заяц объединил возможные сценарии в три группы: 1) нейтрализация конфликта силовым путем; 2) нейтрализация конфликта несиловым путем; 3) победа сепаратистов и образование независимого государства.

Безусловно, нейтрализация конфликта и сохранение территориальной целостности материнского государства без применения силовых средств, предотвращение сепаратизма, в т. ч. конституционно-правовыми средствами, является наиболее успешным сценарием развития событий, поскольку позволяет избежать разнообразных рисков, которые неизбежно влечет за собой отделение. Так, представители экономической науки признают, что сепарация – это экономически затратный процесс, а рост новообразованных независимых государств практически всегда замедляется [Madiès et al. 2018]. Джозеф Рейнаертс и Якоб Ваншунбек утверждают,

что в случае сепарации экономические потери составляют около 20% ВВП на душу населения и подчеркивают, что для республик бывшего СССР сепарация обошлась особенно дорого [Reynaerts, Vanschoonbeek 2016]. Помимо экономических рисков, сепарация может повлечь за собой негативные политические, социальные и культурные последствия, стать причиной появления угрозы безопасности отдельных граждан. Так, например, в настоящее время многочисленные проблемы в отношениях России и Прибалтики возникают в связи с дискриминацией русскоязычного меньшинства, явившегося следствием неурегулированности этнонационального вопроса в процессе сепарации. Ученые отмечают, что отказ от русского языка как учебного предмета приводит к потерям для государственных вузов определенных сегментов рынка [Зева 2013, с. 349].

В качестве основных сценариев предотвращения сепарации мирным путем можно выделить следующие: 1) консолидация государства в единую культурно-историческую общность; 2) изменение административно-территориального деления; 3) предоставление широкой политической и национально-культурной автономии [Vergottini 2019]; 4) развитие бюджетного федерализма, предоставление финансовых инвестиций [Madiès et al. 2018]; 5) проведение этнонациональной политики, направленной на сохранение титульной нации в рамках очага сепаратизма [Зорин 2003] и другие.

В то же время в случае успешной реализации права на самоопределение отделившегося региона также возможны различные варианты сепарации: от

6 Целесообразность изучения альтернатив исторического развития обсуждалась в рамках круглого стола «Имеет ли история сослагательное наклонение» в Институте всеобщей истории РАН и была оценена большинством участников положительно [Материалы круглого стола «Имеет ли история сослагательное наклонение» 2004].

«мягкой» сецессии, позволяющей сохранить дружественные отношения между странами, до резкого одностороннего выхода, влекущего разрыв связей с материнским государством. История знает примеры «мягких» сецессий, в т. ч. на волне краха социалистической системы в Восточной Европе⁷, и, в случае соблюдения определенных условий, сценарий развития отношений России как правопреемника СССР и стран Прибалтики мог быть более успешным.

В качестве вариантов «мягкой» сецессии можно рассматривать следующие сценарии: 1) пролонгированная сецессия – значительно протяженный во времени процесс выхода, в течение которого государствами достигается компромисс по наиболее важным вопросам; 2) создание конфедерации – квазифедеративного государства с сохранением суверенитета стран-участников; 3) создание межгосударственного союза, в котором отделившееся государство принимает участие в качестве полноправного или ассоциированного члена, позволяющего сохранить экономические, политические и культурные связи.

Ответ на вопрос о том, при каких обстоятельствах возможно развитие одного из вышеперечисленных позитивных вариантов развития межгосударственных отношений, может быть дан с помощью использования концепции path dependence.

Концепция path dependence, или концепция зависимости результата от удаленных и даже случайных событий прошлого, широко исследовалась в экономической науке, откуда она была заимствована правоведами для определения возможных вариаций тех или иных событий, имеющих значение для даль-

нейшего развития государства и права [Батурин 2008]. Суть данной концепции сводится к следующему: в истории человечества в целом, а также отдельных стран и регионов можно выделить определенные точки бифуркации (полифуркации), в которых в условиях политического и социального дисбаланса перед участниками событий открываются «окна возможностей» [Краснов 2016]. Однозначно определить, какие именно обстоятельства повлияют на выбор одной из множества возможностей, в таких случаях невозможно; зачастую решающую роль играет случай.

Если применять данную концепцию при исследовании выхода прибалтийских республик из состава СССР, можно говорить о том, что в конце 1980-х – начале 1990-х гг. советские республики несколько раз достигали определенных точек бифуркации (ветвления, полифуркации), в которых практически любое действие и решение могло кардинально поменять ход дальнейших событий и открыть новые возможности для развития межгосударственных отношений. В качестве таких возможностей для взаимоотношений России и Прибалтики, представляется, стоит рассматривать различные варианты «мягкой» сецессии.

Акты о независимости, принятые прибалтийскими республиками, служат наглядным показателем достижения точек бифуркации во взаимоотношениях прибалтийских стран и Советского Союза. Примечательно, что в процессе обретения независимости советских республик (прибалтийские республики не стали исключением) нередко принималось два акта. Первый – Декларация о суверенитете, в которой провозглашались суверенные

7 Примером тому может служить так называемый бархатный развод (чеш. sametový rozvod) в Чехословакии, выход Армении из состава СССР, после которого Россия и Армения успешно сотрудничают как в политической, так и экономической сферах.

права титульной нации, говорилось о необходимости пересмотреть отношения между центром и союзной республикой и т. п. (например, Декларация о государственном суверенитете Эстонской ССР от 16 ноября 1988 г., Декларация о государственном суверенитете Литвы от 26 мая 1989 г.). Второй акт – Декларация или акт о государственной независимости, в котором содержалась непосредственная констатация выхода из состава СССР, нередко приводились причины, которые, по мнению создателей акта, исключают возможность мирных переговоров, объявлялись недействующими акты «материнского» государства, говорилось о начале формирования нового государственного аппарата без участия союза (например, Декларация по вопросу государственной независимости Эстонии от 2 февраля 1990 г., Акт о воссоздании Литовского государства от 11 марта 1990 г.).

Исходя из этого представляется возможным выделить два потока развития событий, определенных прохождением двух точек бифуркации, в которых перед участниками переговорного процесса открывались «окна возможностей» для мирного урегулирования конфликта и «мягкой» сецессии. Первая связана с принятием 16 ноября 1988 г. Декларации о государственном суверенитете ЭССР и последовавшим за этим объявлением о суверенитете других прибалтийских республик. Вторая – с принятием в марте 1990 г. ряда актов о восстановлении независимости прибалтийских стран. Связь точек бифуркации с конкретными датами является весьма условной, поскольку накопление противоречий, равно как и попытки их разрешения, занимают длительное время, однако эти даты связаны со значимыми событиями, символично отражающими сущностные стороны конфликта.

Первая точка бифуркации – ноябрь 1988 г. Декларация о государственном суверенитете ЭССР стала первым официальным актом союзной республики, содержащим намерение развиваться в условиях суверенитета. Действия Верховного Совета Эстонской ССР были метко охарактеризованы Ю.М. Батуриным как «эстонский детонатор» – запуск процесса распада СССР, послуживший началом дальнейшей цепочки событий [Батурин 2019, с. 22]. Причины сецессии, указанные в данном акте, предоставили союзному центру возможность оперативно среагировать на сформулированные в них аргументы о невозможности пребывания в составе СССР. Представляется, что в 1988–1989 гг. развитие отношений между прибалтийскими республиками могло пойти по пути федерализации и автономизации в случае выбора иных альтернатив.

Такой альтернативой была проводимая руководством СССР перестройка – комплекс экономических и политических реформ, проводимых союзными властями и призванных демократизировать экономическую и политическую сферы. Реформа проводилась под давлением как населения в целом, так и республиканских властей, и принятие деклараций о суверенитете союзных республик, безусловно, было одним из основных ее катализаторов. Решение о коренной перестройке экономической политики могло стать ответом на вызовы государственной целостности, сформулированные в декларациях о независимости и ставшие, в конечном итоге, основой для Закона СССР № 32-1 «Об экономической самостоятельности Литовской ССР, Латвийской ССР и Эстонской ССР» от 27 ноября 1989 г.

В 1988 г. эстонскими экономистами была разработана программа «республиканского хозрасчета», сущность ко-

торой заключалась в переподчинении большинства предприятий, находящихся на территории Эстонии, республиканским властям. Однако идея реформирования экономики через «хозрасчет» не была реализована.

Уже на этом этапе открывалось иное «окно возможностей», при котором прибалтийские республики могли бы не становиться в жесткую оппозицию по отношению к реформам, проводимым союзными властями. Многие историки рассматривают отказ от идеи республиканского хозрасчета как «контрпродуктивный фактор», после которого «выход прибалтийских республик из состава СССР принял необратимый характер» [Лукашин 2011].

Отсутствие гибкости союзных властей, взявших курс на перестройку, но не способных последовательно соблюдать его, проявился и в политической сфере. В августе 1989 г. ЦК КПСС выступил с заявлением «О положении в республиках Советской Прибалтики», в котором давалась резкая негативная оценка всем без исключения политическим силам прибалтийских республик, включая руководство региона, общественно-политические движения и иные общественные организации. В документе прямо говорилось о сходстве данных организаций с движениями, «возникшими во времена фашистской оккупации», использующими в качестве методов воздействия «насилие и моральный террор». Этот документ был крайне негативно воспринят в Прибалтике и привел, как писал в своих мемуарах М.С. Горбачев, «к результатам, противоположным задуманному» [Горбачев 1995]. Спустя полгода, в марте 1990 г., парламент Литвы принял акт о выходе из состава Союза.

О наличии альтернативного варианта развития событий высказывались сами прибалты. В апреле 1990 г. в официальном издании «Народного фронта

Эстонии» «Тартуский курьер» появилась статья, в которой отмечалось, что путь отделения прибалтийских республик из состава СССР не был единственным верным, однако «устойчивый консерватизм центральной бюрократии» потопил саму идею «обновленной федерации» (цит. по [Симолян 2002, с. 54]). Таким образом, отрицать негативное значение заявления ЦК КПСС, лишь укрепившего позицию национально-радикальных движений, нельзя.

Еще одним направлением для нормализации взаимоотношений СССР и Прибалтики на первом этапе могло стать решение этнонационального вопроса. Эта тема остается актуальной и на сегодняшний день, активно обсуждается т. н. русский вопрос – адаптация русскоязычного населения в бывших союзных республиках на положении этнического меньшинства [Мусаев 2017]. В советский период общественность прибалтийских республик волновал прямо противоположный вопрос, который нашел отражение в актах о независимости: как сохранить национальную идентичность коренного населения национальной республики в условиях пребывания в составе СССР, провозгласившего курс на формирование единой исторической общности – советского народа? Этот вопрос нашел отражение в актах о независимости. Так, в Декларации о суверенитете Эстонской СССР говорится, что следствием политики сталинизма и застоя на территории республики стала неблагоприятная демографическая ситуация для эстонцев как коренной национальности.

Направление и сущность национальной политики СССР вызывает много споров в литературе: одни ученые склоняются к учету интересов всех национальностей и приводят положительные примеры политики Союза в отношении титульных на-

ций [Walker 2003; Козлов 1995; Чешко 2000], другие говорят о «позитивной дискриминации» титульных наций и культур на традиционной территории [Ярве 2013, с. 39]. Не вдаваясь в дискуссию и не давая оценок, отметим лишь, что у прибалтийских народов действительно были основания для опасения, устранение которых было возможно путем последовательного развития федеративных начал и предоставления титульным нациям республик дополнительных гарантий.

В советский период демографическая ситуация в прибалтийских странах подверглась значительным изменениям, в основном по причине массовой иммиграции русского населения [Халлик и др. 2013]. К концу 1980-х гг. в этих странах проживало более 2 млн русских и русскоговорящих представителей других наций, что коренным образом изменило соотношение титульной нации в общем числе населения Латвии, Эстонии и Литвы. Основным направлением миграции стала трудовая, приток русского населения был напрямую связан с массовым строительством союзных предприятий. На момент распада СССР в Эстонии доля титульной нации составляла не более 62,5%, в Латвии – 51,8% [Симонян 2002, с. 151]. Несколько отличалось положение титульной нации в Литве. В 1956 г. Совет Министров Литвы принял Постановление «О развитии малых городов республики»⁸, которое ограничило возможности строительства на ее территории предприятий союзного значения, что позволило снизить поток трудовой миграции в Литву. Доля литовцев составляла 81,5% населения.

Ситуация в Литве была скорее исключением, нежели правилом. До-

ля представителей титульной нации в Эстонии и Латвии вызывала объективные опасения у республиканских властей, поскольку это напрямую сказывалось на принятии политических решений. Жак Трейман указывал, что отказ от проведения референдума о выходе из состава СССР, согласно Закону СССР от 3 апреля 1990 г. № 1409-I «О порядке решения вопросов, связанных с выходом союзной республики из СССР», непосредственно связан с тем, что решение о выходе по нормам данного закона должны принимать все граждане СССР, постоянно проживающие на территории республики, к числу которых относятся также советские военнослужащие и члены их семей [Treiman 1990].

Проблема осложнялась ввиду усиливающейся сегрегации населения: структура занятости русских мигрантов, а также непосредственное подчинение не республиканским, а союзным организациям способствовали обособленному проживанию русскоязычного населения.

Вопрос о модели решения национального вопроса в СССР, которая могла бы способствовать мирному сосуществованию представителей различных национальностей, требует обращения к опыту других полинациональных государств, довольно успешно решающих данные проблемы без применения радикальных методов. Так, в конце 1970-х гг. в Канаде в качестве ответа на сепессионистские настроения жителей франкоязычной провинции Квебек стало объявление о политике мультикультурализма (вскоре о переходе к этой политике объявила Австралия) [Агеева 2017]. Как на конституционном уровне, так и в федеральном

8 Lietuvos Centrinis vlstybės archivas. F. 93. Apr. 68. R. 23. L. 41.

законодательстве французский язык был закреплен в качестве второго государственного. Одновременно с учетом мнения меньшинства канадская политика мультикультурализма позволила снизить обеспокоенность англоязычного населения относительно сохранения единого государства [Южанин 2011].

В отличие от Канады власти СССР не придали должного значения обеспокоенности балтийских народов по поводу сохранения родного языка. Несмотря на усиление центробежных тенденций в конце 1980-х гг., в СССР началась разработка нового закона о языке, основой которого должно было стать признание верховенства русского языка во всех союзных республиках, признание его государственного и межгосударственного характера. Это вызвало беспокойство со стороны представителей Прибалтики. Так, народный депутат Литвы Р. Гудайтис во время выступления на телевидении 18 октября 1989 г. отмечал, что готовящийся проект его крайне беспокоит, т. к. центральные органы проигнорировали предложения по поводу уравнивания статуса федеративного межреспубликанского языка и государственных языков республик. «Мы не видим абсолютно никакого движения к тому, – отмечал депутат, – чтобы СССР стал действительно содружеством суверенных независимых государств. Унитаризм по-прежнему в триумфе» [Шахрай 2016, с. 167].

Еще одной мерой для сохранения национальной идентичности прибалтийских народов могло бы стать правовое регулирование иммиграции русскоязычного населения в республики Прибалтики. Здесь уместно процитировать слова канадского ученого Иозефа Каррена: «Суверенное государство вправе определять формальные требования для интеграции иммигрантов, но его обязанностью является опре-

делять, ведут ли эти требования к желаемому пути интеграции» [Зена 2013, с. 343]. В настоящее время недооценка значения миграционной политики считается учеными и политиками недопустимой. Как отмечает Р. Алонци, феномен миграции стал настолько важным предметом научного изучения, что уже двадцать лет назад получил название «революция миграции» [Алонци 2020, с. 29]. Представляется, что императивное правовое регулирование миграционных процессов в Прибалтике, направленное на сохранение титульных наций, могло бы стать эффективным инструментом для сглаживания противоречий между центральной властью и данными республиками.

Разумеется, говорить о полном запрете организованных наборов рабочих и служащих из других республик (то, что в современных условиях принято называть трудовой миграцией) как альтернативе для сглаживания национального вопроса в данном случае было бы нецелесообразно. Кроме того, руководство прибалтийских республик не высказывало открытых возражений против нее ввиду объективной потребности в рабочей силе для обеспечения функционирования новых предприятий. Альтернативой, позволяющей обеспечить предприятия квалифицированной рабочей силой и не допустить уменьшения доли титульной нации, мог бы стать вахтовый метод работы: трудовой процесс в этом случае осуществляется без переезда работников на постоянное место жительства в район нахождения предприятия.

Вторая точка бифуркации, изменившая возможные варианты развития событий и окончательно закрывшая возможности сохранения единого федеративного государства, непосредственно связана с событиями марта 1990 г., в течение которого прибалтийские республики в одностороннем по-

рядке приняли решение о выходе из состава Союза.

В марте 1990 г. органы публичной власти прибалтийских республик предприняли ряд действий, направленных на провозглашение независимости и свидетельствующих об их отказе от поиска путей сохранения единого государства. Так, 11 марта 1990 г. Верховный Совет Литвы принял Акт о восстановлении независимости Литовского государства; 30 марта 1990 г. было принято Постановление о государственном статусе Эстонии, в котором советская власть была объявлена незаконной с момента оккупации страны в 1940 г.; в мае 1990 г. аналогичный документ был принят в Латвии.

Возможности сохранения единого федеративного государства, существовавшие на предыдущем этапе, после вышеописанных событий окончательно закрылись, однако возможности для «мягкой» сецессии все еще оставались. Таким вариантом для СССР и Прибалтики могло бы стать создание нового межгосударственного союза на приемлемых для прибалтийских стран условиях, чему способствовало принятие решения о разработке нового Союзного договора.

Принятие нового договора должно было стать «мягкой реакцией» на принятие национальными республиками актов о независимости, своего рода «компромиссом» между республиками и центром. Его сущность сводилась к закреплению принципиально новой модели взаимоотношений союзного центра и республик, юридическому оформлению разграничения компетенции между центром и субъектами. Центральной идеей договора была концепция «союза суверенных государств», которое при этом оставалось бы единым государством, основанным на федеративных началах. Разработчики договора учитывали многочислен-

ные требования представителей союзных республик о расширении политической и экономической самостоятельности, предусмотрев принципиально новую модель Союза. Проект Союзного договора, опубликованный в газете «Правда» 24 ноября 1990 г., разграничивал полномочия союзного центра и республик, оставляя за Союзом полномочия в сфере внешней политики, армии, защите суверенитета и т. п., предоставляя суверенным республикам в его составе полномочия в сфере экономики, социальной политики, формирования единого рынка [К союзу суверенных народов 1991, с. 117].

Участие прибалтийских республик в разработке и принятии нового Союзного договора было еще одним «окном возможностей», выбор которого позволил бы сохранить СССР в виде федерации суверенных республик, основанной на учете интересов входящих в его состав национально-территориальных единиц. Поставив свою подпись под проектом нового Союзного договора, руководители стран Прибалтики могли бы легитимизировать свое нахождение в составе СССР, что, в свою очередь, позволило бы устранить влияние западноевропейских стран, активно настаивавших на незаконном характере вхождения этих государств в состав Союза, снизить напряжение в общественно-политических кругах республик и «выбить козыри из рук местных национал-экстремистов» [Симо-нян 2002, с. 153].

Однако эта возможность не была реализована в силу того, что прибалтийские республики ранее разочаровались в переговорах. В конечном счете позиция республиканского руководства стала основным препятствием на пути сохранения Союза. Страны Прибалтики не только уклонились от участия в разработке проекта нового договора, несмотря на попытку инициа-

торов учесть интересы этих республик, ясно обозначенные в декларациях о суверенитете, но и бойкотировали инициированный союзными лидерами и, в частности, М.С. Горбачевым референдум по вопросу сохранения СССР⁹. Тем самым Латвия, Литва и Эстония окончательно отказались от идеи о дальнейшем развитии федеративных начал в рамках Союза, сосредоточившись на обосновании своего права на отделение.

Неудовлетворительные как для союзных властей, так и для представителей Прибалтики результаты переговоров относительно содержания нового Союзного договора обусловили поиск последними правовой аргументации оснований для выхода и надлежащей правовой процедуры для оформления сецессии.

Как отмечалось ранее, создатели актов о независимости настаивали на том, что де-юре страны Прибалтики сохраняли свой суверенитет на протяжении всего периода пребывания в составе СССР. Этот период официально признавался руководством страны военной оккупацией, а принятые в начале XX в. акты (Конституция Латвийской Республики (15 февраля 1922 г.), Тартусский мирный договор), согласно официальной позиции, никогда не утрачивали своей силы и продолжают действовать вплоть до текущего момента. Данная политико-правовая доктрина получила название «теория континуитета» прибалтийских стран.

Эта позиция далеко не бесспорна с правовой точки зрения, хотя вплоть до сегодняшнего дня на нее опираются суды этих стран¹⁰. Значительное число правоведов поддерживают тезис «о советской оккупации», однако встречаются и иные точки зрения, в т. ч. среди ученых стран Прибалтики¹¹. Представляется, что данный вопрос имеет скорее политическое, нежели правовое значение, в то время как тезис о «континуитете» – непрерывности государственности – имеет конкретные правовые последствия. Специалисты в области международного права отмечают, что доктрина «международно-правовой непрерывности» Латвийского государства с 1918 по 1990 г. напрямую противоречит международному праву, а именно Заключительному акту СБСЕ в Хельсинки от 1 августа 1975 г., согласно которому 33 государства Европы, США и Канада в 1975 г. признали территориальную целостность СССР, или, иными словами, законный характер послевоенных границ СССР [Гущин 2015, с. 147]. Отсутствовали и иные признаки «непрерывности» существования государств в период оккупации: не было создано правительства в изгнании (просьбу поддержать его создание в 1940 г. направлял в МИД Великобритании бывший посол Латвии К. Зариныш, но ему было отказано) [Zunda 2011, pp. 32–33], представители республик не были включены в международные организации (бывшему послу Латвии в США было отказано в присоеди-

9 Помимо стран Прибалтики, решение о запрете проведения референдума о сохранении СССР приняли Грузия, Молдавия и Армения.

10 Например, Конституционный Суд Латвии в своих решениях неоднократно ссылается на «международно-признанную непрерывность действия Латвийской Республики», см. напр.: Решение Конституционного суда Латвийской Республики по делу № 2007-10-0102. Рига, 29 ноября 2007 г. // http://www.satv.tiesa.gov.lv/upload/verd_2007_10.htm, дата обращения 09.08.2020.

11 Глава института внешней политики Латвии Андрис Спрудс в интервью обозначил свое мнение на этот счет: «Мы все-таки вторая республика <...> иное общество, иная государственность. И это нормально» (Gushchin V. (2017) Latvia 1988–2015: A Triumph of the Radical Nationalists. Book 3. Formation of a New Historical Memory, or the Whitewashing of Nazism in Latvia, Riga, p. 254 // <http://www.mixnews.lv/ru/politics/news/2013-01-24/116151>, дата обращения 09.08.2020).

нении к Декларации объединенных наций 1942 г.) [Zunda 2011, p. 19].

В случае отказа от доктрины континуитета прибалтийские страны, даже приняв решение о выходе из состава Союза, могли бы использовать иной с правовой точки зрения путь сепарации. Такой путь предлагал принятый 3 апреля 1990 г. Закон СССР «О порядке решения вопросов, связанных с выходом союзной республики из СССР». Однако модель сепарации, предложенная в этом законе, была воспринята прибалтийскими правоведами негативно [Treiman 1990].

Заключение

Акты о независимости прибалтийских республик 1988–1990 гг., принятые в период крушения социалистической системы, являются ценным источником информации о причинах сепарации. Эту информацию можно почерпнуть из многих источников, в т. ч. из заявлений политических лидеров, программ общественных движений и т. д., однако именно в актах и декларациях о независимости содержатся те причины, которые инициаторы процесса отделения посчитали наиболее значимыми. Эти причины посредством актов о независимости транслируются для всего международного сообщества и служат своего рода «защитительной речью» сепарационистов. Применительно к странам Прибалтики – Латвии, Литве и Эстонии – такие причины можно разделить на три группы: 1) несвободный характер объединения с СССР в 1940 г.; 2) невыполнение Советским Союзом своих обязательств в отношении союзных республик, приведшее к существенному ухудшению жизни проживающих в них народов; 3) длительное, многовековое формирование государственности народов Прибалтики, ко-

торым обусловлена невозможность его дальнейшего пребывания в составе другого государства.

Первый акт сепарации – Декларация о суверенитете Эстонии – был принят в 1988 г., за несколько лет до реального выхода из состава СССР, однако отсутствие должного внимания союзных властей не позволило нейтрализовать территориальный конфликт и привело к одностороннему выходу прибалтийских республик из состава единого государства. Негативные последствия реализации этого сценария сепарации ощущаются странами-правопреемниками вплоть до сегодняшнего дня. Использование метода моделирования исторических событий позволяет сделать вывод о возможности протекания осуществления «мягкой» сепарации в случае выбора иного «окна возможностей» при прохождении точек бифуркации, открывавших перед участниками событий различные варианты дальнейшего развития событий. Так, «позитивный» сценарий сепарации мог бы развиваться в случае участия представителей прибалтийских стран в разработке нового Союзного договора, большей последовательности проведения «перестроечных» реформ, в т. ч. перехода к республиканскому хозяйству, гибкой политики этнонациональной политики союзных властей, регулирующей процессы трудовой миграции в прибалтийских странах, отказа руководства прибалтийских стран от «доктрины континуитета» существования республик и оформления выхода в соответствии с союзным законодательством, которое, в свою очередь, могло быть более вариативным.

Реконструкция модели «мягкой» сепарации прибалтийских стран в ретроспективном ключе служит ценным источником информации об особенностях развития отношений между отдельными и «материнским» государ-

ствами и позволяет органам публичной власти современных государств временно внести коррективы в проводимую политику и снизить уровень социальной напряженности, способствующий сецессии.

Список литературы

Агеева К.А. (2017) Проблемы сохранения канадской федерации и правовой статус провинции Квебек в условиях современности // Устойчивое развитие науки и образования. № 6. С. 117–124 // https://www.elibrary.ru/download/elibrary_29679040_89509103.pdf, дата обращения 10.12.2020.

Алонци Р. (2020) Миграционные процессы и идентичность ЕС // Контур-ы глобальных трансформаций: политика, экономика, право. Т. 13. № 1. С. 28–47. DOI: 10.23932/2542-0240-2020-13-1-2

Андреева Г.Н., Гинзбург Ю.В., Хашцина Э.Э. (2019) Теоретико-правовые основы конституционных механизмов предотвращения сецессии (Постановка проблемы) // Ткачева Е.П. (ред.) Сборник научных трудов по материалам Международной научно-практической конференции «Человек как субъект общественных изменений: социально-экономические, политико-правовые и гуманитарные проблемы». Белгород. С. 76–89.

Батурин Ю.М. (2008) Конституционные этюды. М.: Институт права и публичной политики.

Батурин Ю.М. (2019) Конституция России: история и будущее. М.: РАН.

Блищенко В.И. (2015) Россия и Прибалтика: поиски исторической правды // Обозреватель-Observer. № 4(303). С. 28–43 // https://www.elibrary.ru/download/elibrary_23244597_52560708.pdf, дата обращения 10.12.2020.

В Берлине нашли акт о независимости Литвы, утерянный более 70 лет на-

зад (2017) // РИА Новости. 30 марта 2017 // <https://ria.ru/20170330/1491097468.html>, дата обращения 05.08.2020.

Горбачев М. (1995) Жизнь и реформы. Кн. I. М.: Новости.

Граф М. (2007) Эстония и Россия, 1917–1991: Анатомия расставания. Таллин: Арго.

Гущин В. (2015) Решение Конституционного суда Латвийской Республики (суда Сатверсме) от 29 ноября 2007 г. и доктрина «международно-правовой непрерывности» Латвийского государства с 1918 г. по 1990 г. // Журнал российских и восточноевропейских исторических исследований. № 1(6). С. 134–154 // <https://cyberleninka.ru/article/n/reshenie-konstitutsionnogo-suda-latviyskoy-respubliki-suda-satversme-ot-29-noyabrya-2007-g-i-doktrina-mezhdunarodno-pravovoy>, дата обращения 21.08.2020.

Зепа Б. (2013) Дискурс формирования политики иммиграции в Латвии // Полещук В.В., Степанов В.В. (ред.) Этническая политика в странах Балтии. М.: Наука. С. 343–358.

Зорин В.Ю. (2003) От национальной политики к этнокультурной: проблемы становления доктрины и практики (1990–2002 гг.) // Журнал социологии и социальной антропологии. Т. 6. № 3. С. 122–154 // <https://cyberleninka.ru/article/n/ot-natsionalnoy-politiki-k-etnokulturnoy-problemy-stanovleniya-doktriny-i-praktiki-1990-2002-gg>, дата обращения 10.12.2020.

К союзу суверенных народов: Сборник документов КПСС, законодательных актов, деклараций, обращений и президентских указов, посвященных проблеме национально-государственного суверенитета (1991). М.: Институт теории и истории социализма ЦК КПСС // <http://soveticus5.narod.ru/85/sborn91.htm#p336>, дата обращения 10.12.2020.

Козлов В.И. (1995) Русский вопрос. История трагедии великого народа. М.: ИЭА РАН.

Краснов М.А. (2016) Создание Конституции России как особый случай эффекта “path dependence” // Труды по русистике. № 6. С. 85–128 // <https://cyberleninka.ru/article/n/sozдание-konstitutsii-rossii-kak-osobyi-sluchay-effekta-path-dependence>, дата обращения 10.12.2020.

Кяупа З., Мяэсалу А., Паюр А., Страубе Г. (1999) История балтийских стран. Таллин: Avita.

Лукашин А.В. (2011) Проблемы разработки и заключения нового Союзного договора в контексте антикризисного управления в СССР (март 1990 – август 1991) // Вестник Московского университета. Серия 21. Управление (государство и общество). № 3. С. 126–152 // <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-razrabotki-i-zaklyucheniya-novogo-soyuznogo-dogovora-v-kontekste-antikrizisnogo-upravleniya-v-sssr-mart-1990-avgust-1991/viewer>, дата обращения 10.12.2020.

Малинецкий Г.Г., Коротаев А.В. (2008) Проблемы математической истории. Математическое моделирование исторических процессов. М.: ЛИБРОКОМ/URSS.

Материалы Круглого стола «Имеет ли история сослагательное наклонение» (2004). Институт всеобщей истории РАН // <http://ecsocman.hse.ru/data/2011/01/11/1214867411/%D0%9C%D0%B5%D1%82%D0%BE%D0%B4%D0%BE%D0%BB%D0%BE%D0%B3%D0%B8%D1%8F.pdf>, дата обращения 05.08.2020.

Межевич Н. (2017) Проблемы и перспективы экономических отношений России и государств Прибалтики в условиях санкционных режимов. М.: Русская книга.

Межевич Н. (2019) К вопросу о факторах формирования политического пространства и государственности в Прибалтике, 1917–1920 гг. // Журнал российских и восточноевропейских исторических исследо-

ваний. № 2(17). С. 184–198 // <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-ofaktorah-formirovaniya-politicheskogo-prostranstva-i-gosudarstvennosti-v-pribaltike-1917-1920-gg/viewer>, дата обращения 10.12.2020.

Мельтюхов М.И. (2015) Прибалтийский плацдарм в международной политике Москвы (1918–1939 гг.). М.: Алгоритм.

Мусаев В.И. (2017) Независимость стран Балтии и «русский вопрос» // Новейшая история России. № 2(19). С. 176–191. DOI: 10.21638/11701/spbu24.2017.213

Рянжин В.А. (1960) Социалистическая революция 1940 г. в Эстонии и преобразование Государственной Думы Эстонии в Верховный Совет Эстонской ССР // Правоведение. № 4. С. 113–122.

Симонян Р.Х. (2002) Страны Балтии и распад СССР // ПОЛИС. № 6. С. 151–154 // https://www.elibrary.ru/download/elibrary_5078641_62729928.pdf, дата обращения 07.08.2020.

Халлик К., Шабаев Ю.П., Регельманн А., Ламоро Д.В., Бауринг Б., Полещук В.В. (2015) Обзор книги «Этническая политика в странах Балтии» // Этнографическое обозрение. № 1. С. 153–174 // https://www.elibrary.ru/download/elibrary_23138089_67530953.pdf, дата обращения 10.12.2020.

Черниченко С.В. (2004) Об «оккупации» Прибалтики и нарушении прав русскоязычного населения // Международная жизнь. № 8. С. 212–215.

Чешко С.В. (2000) Распад СССР: этнополитический анализ. 2-е изд. М.: ИАЭ РАН.

Шахрай С.М. (ред.) (2016) Распад СССР: документы и факты (1986–1992 гг.) Т. 2. М.: Кучково поле.

Южанин М.А. (2011) Этнонациональная политика государства в полиэтническом социуме // Социология власти. № 6. С. 176–184 // <https://www.elibrary.ru/download/elib>

rary_17106548_71256692.pdf, дата обращения 10.12.2020.

Ярве П. (2013) Советское наследие и современная этнополитика стран Балтии // Полещук В.В., Степанов В.В. (ред.) Этническая политика в странах Балтии. М.: Наука. С. 39–63.

Feinstein S. (2010) Violent Secession in the Former Soviet Union: A Comparative Analysis of Moldova and Estonia, Washington DC: APSA.

Fogel R.W., Elton G.R. (1983) Which Road to the Past? Two Views of History, New Haven: Yale University Press.

Madiès T., Rota-Grasiozi G., Tranchant J.-P., Trépier C. (2018) The Economics of Secession: A Review of Legal, Theoretical, and Empirical Aspects // Swiss Journal of Economics and Statistics, no 154(1). DOI: 10.1186/s41937-017-0015-6

Motyl A. (1993) Estonia: Return to Independence, San Francisco: Westview Press.

Parrott B. (1995) Reversing Soviet Military Occupation // State Building and Military Power in Russia and the New States of Eurasia, New York: M.E. Sharpe.

Reynaerts J., Vanschoonbeek J. (2016) The Economics of State Fragmentation—assessing the Economic Impact of Secession. DOI: 10.2139/ssrn.2736848

Sambanis N., Germann M., Schädel A. (2017) SDM: A New Data Set on Self-determination Movements with an Ap-

plication to the Reputational Theory of Conflict // Journal of Conflict Resolution, vol. 62, no 3, pp. 656–686. DOI: 10.1177/0022002717735364

Suesse M. (2019) Adjusting the Size of Nations: Empirical Determinants of Separatism and the Soviet Breakup // Journal of Comparative Economics, vol. 47, no 1, pp. 50–64. DOI: 10.1016/j.jce.2018.10.002

Taagepera R. (1993) Estonia: Return to Independence, New York: Westview Press.

Toivo U. (2001) Estonia and the Estonians, Palo Alto: Hoover Press.

Tomz M.R. (1994) The Morality of Secession, Oxford: Magdalen College.

Treiman J. (1990) The Soviet Secession Law Is a Sham // Lituanus. Lithuanian Quarterly Journal of Arts and Sciences, vol. 36, no 3 // http://www.lituanus.org/1990_3/90_3_07.htm, дата обращения 10.12.2020.

Turchin P., Nefedov S.A. (2009) Secular Cycles, Princeton: Princeton University Press.

Vergottini G. (2019) Referendum y Secesión // Teoria y Realidad Constitucional, no 43, pp. 103–119. DOI: 10.5944/trc.43.2019.24400

Walker E.U. (2003) Dissolution: Sovereignty and the Breakup of the Soviet Union, Lanham: Rowman and Littlefield.

Zunda A. (2011) Baltijas Valstu Jautajums. 1940–1991, Riga: Zvaigzne ABC.

The Pages of the Past

DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-1-3

Legal Acts on the Independence of the Baltic Republics 1988–1990 As a Basis for Modeling the Secession Prevention Mechanism

Ellina E. HASCHINA

PhD in Law, Assistant Professor, Department of Constitutional and Administrative Law
Kursk State University, 305000, Radishcheva St., 33, Kursk, Russian Federation

E-mail: ellenberns1408@gmail.com

ORCID: 0000-0001-5188-4377

CITATION: Haschina E.E. (2021) Legal Acts on the Independence of the Baltic Republics 1988–1990 As a Basis for Modeling the Secession Prevention Mechanism. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 14, no 1, pp. 52–73 (in Russian). DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-1-3

Received: 29.09.2020.

ACKNOWLEDGEMENTS: The reported study was funded by RFBR, project no 20-011-00418.

ABSTRACT. *For modern states, secession is a radical way of resolving the accumulated contradictions between them and the “mother” states, into which they entered for one reason or another. Ever since the adoption of the United States Declaration of Independence in 1776, a kind of tradition of formalizing the secession with a special act of independence has emerged in international law, in which its creators describe the reasons that prompted such a radical decision, declares the supremacy of the legislation of the seceded entity and contains a request for recognition of the sovereignty of the newly formed states from the international community.*

Analysis of such acts can provide valuable information on the reasons for secession and allow the development of legal mechanisms to prevent it. Within the framework of this work, the acts of independence of

the Baltic republics of 1988 – 1990 are considered, adopted during the collapse of the socialist system of Eastern Europe. Being the flagships of this process, Estonia, Latvia and Lithuania in their acts substantiated their choice in the most detailed way, in connection with which the declarations they adopted are of undoubted interest for the researcher.

Based on the method of modeling historical processes and the concept of “path dependence”, taking into account the material on the reasons for the secession obtained in the framework of the analysis of acts of independence, an attempt was made to develop a model of “peaceful secession” of the Baltic republics, which would be possible in the case of choosing a different option of behavior at the points bifurcation. The author names the development of a new Un-

ion Treaty, reforms of the perestroika period, the choice of the vector of ethno-national policy in the Union republics, the choice of the legal basis and the procedure of secession as the main points of “branching” that open “windows of opportunity” for the Baltic republics. The negative consequences of the current scenario of the development of relations between Russia and the Baltic republics and the advantages of a peaceful resolution of the conflict between the seceding and the “mother” state are described.

KEYWORDS: *secession, acts of independence, reasons for secession, the Baltic countries, collapse of the USSR, “path dependence”*

References

- Ageeva K.A. (2017) Problems of Preserving the Canadian Federation and the Legal Status of the Province of Quebec in Modern Conditions. *Ustojchivoe razvitiye nauki i obrazovaniya*, no 6, pp. 117–124. Available at: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_29679040_89509103.pdf, accessed 10.12.2020 (in Russian).
- Alonzi R. (2020) Migration Processes and Identity of the EU. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 13, no 1, pp. 28–47 (in Russian). DOI: 10.23932/2542-0240-2020-13-1-2
- Andreeva G.N., Ginzburg Yu.V., Hashchina E.E. (2019) Theoretical and Legal Foundations of Constitutional Mechanisms for Preventing Secession (Problem Statement). *Collection of scientific Papers on the Materials of the International Scientific and Practical Conference “Man as a Subject of Social Changes: Socio-Economic, Political, Legal and Humanitarian Problems”* (ed. Tkacheva E.P.), Belgorod, pp. 76–89 (in Russian).
- Baturin Yu.M. (2008) *Constitutional Studies*, Moscow: Institut prava i publichnoy politiki (in Russian).
- Baturin Yu.M. (2019) *The Constitution of Russia: History and Future*, Moscow: RAN (in Russian).
- Blishhenko V.I. (2015) Russia and the Baltic States: The Search for Historical Truth. *Observer*, no 4(303), pp. 28–43. Available at: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_23244597_52560708.pdf, accessed 10.12.2020 (in Russian).
- Chernichenko S.V. (2004) About the “Occupation” of the Baltic States and Violation of the Rights of the Russian-speaking Population. *International Affairs*, no 8, pp. 212–215 (in Russian).
- Cheshko S.V. (2000) *The Collapse of the USSR: An Ethnopolitical Analysis*, Moscow: IAE RAN (in Russian).
- Feinstein S. (2010) *Violent Secession in the Former Soviet Union: A Comparative Analysis of Moldova and Estonia*, Washington DC: APSA.
- Fogel R.W., Elton G.R. (1983) *Which Road to the Past? Two Views of History*, New Haven: Yale University Press.
- Gorbachev M. (1995) *Life and Reforms*. Book I, Moscow: Novosti (in Russian).
- Graf M. (2007) *Estonia and Russia, 1917–1991: Anatomy of Separation*, Tallin: Argo (in Russian).
- Gushhin V. (2015) Decision of the Constitutional Court of the Republic of Latvia (Satversme Court) November 29, 2007 and the Doctrine of “International Legal Continuity” of the Latvian State From 1918 to 1990. *Journal of Russian and Eastern European Historical Research*, no 1(6), pp. 134–154. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/reshenie-konstitutsionnogo-sudalatskoy-respubliki-suda-satversme-ot-29-noyabrya-2007-g-i-doktrina-mezhdunarodno-pravovoy>, accessed 21.08.2020 (in Russian).
- Khallik K., Shabaev Yu.P., Regel'mann A., Lamoro D.V., Bauring B., Poleshchuk V.V. (2015) Book Review: “Ethnic Politics in the Baltic States”. *Ethnographic Review*, no 1, pp. 153–174. Available at: <https://www.elibrary.ru/down>

load/elibrary_23138089_67530953.pdf, accessed 10.12.2020 (in Russian).

Kozlov V.I. (1995) *Russian Question. History of the Tragedy of a Great Nation*, Moscow: IEA RAN (in Russian).

Krasnov M.A. (2016) Creating the Russian Constitution as a Special Case of the "Path Dependency". *Works on Russian Studies*, no 6, pp. 85–128. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/sozdanie-konstitutsii-rossii-kak-oso-byi-sluchay-effekta-path-dependence>, accessed 12.08.2020 (in Russian).

Kyaupa Z., Mjajesalu A., Pajur A., Straube G. (1999) *History of the Baltic States*, Tallin: Avita (in Russian).

Lukashin A.V. (2011) Problems of Developing and Concluding a New Union Treaty in the Context of Crisis Management in the USSR (March 1990–August 1991). *Moscow University Bulletin. Series 21. Public Administration*, no 3, pp. 126–152. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-razrabotki-i-zaklyucheniya-novogo-soyuznogo-dogovora-v-kontekste-antikrizisnogo-upravleniya-v-sssr-mart-1990-avgust-1991/> viewer, accessed 10.12.2020 (in Russian).

Madiès T., Rota-Grasiozi G., Tranchant J.-P., Trépier C. (2018) The Economics of Secession: A Review of Legal, Theoretical, and Empirical Aspects. *Swiss Journal of Economics and Statistics*, no 154(1). DOI: 10.1186/s41937-017-0015-6

Malineckij G.G., Korotaev A.V. (2008) *Problems of Mathematical History. Mathematical Modeling of Historical Processes*, Moscow: LIBROKOM/URSS (in Russian).

Materials of the Round Table "Does History Have a Subjunctive Mood" (2004). Available at: <http://ecsocman.hse.ru/data/2011/01/11/1214867411/%D0%9C%D0%B5%D1%82%D0%BE%D0%B4%D0%BE%D0%BB%D0%BE%D0%B3%D0%B8%D1%8F.pdf>, accessed 05.08.2020 (in Russian).

Mel'tyukhov M.I. (2015) *The Baltic Springboard in Moscow's International Pol-*

itics (1918–1939), Moscow: Algoritm (in Russian).

Mezhevich N. (2017) *Problems and Prospects of Economic Relations between Russia and the Baltic States under Sanctions Regimes*, Moscow: Russkaya kniga (in Russian).

Mezhevich N. (2019) On the Factors of Political Space and Statehood Formation in the Baltic States, 1917–1920. *Journal of Russian and Eastern European Historical Research*, no 2(17), pp. 184–198. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-vo-prosu-o-faktorah-formirovaniya-politicheskogo-prostranstva-i-gosudarstvennosti-v-pribaltike-1917-1920-gg/viewer>, accessed 10.12.2020 (in Russian).

Motyl A. (1993) *Estonia: Return to Independence*, San Francisco: Westview Press.

Musaev V.I. (2017) Independence of the Baltic States and the "Russian Question". *Modern History of Russia*, no 2(19), pp. 176–191 (in Russian). DOI: 10.21638/11701/spbu24.2017.213

Parrott B. (1995) Reversing Soviet Military Occupation. *State Building and Military Power in Russia and the New States of Eurasia*, New York: M.E. Sharpe.

Reynaerts J., Vanschoonbeek J. (2016) *The Economics of State Fragmentation—assessing the Economic Impact of Secession*. DOI: 10.2139/ssrn.2736848

Ryazhzhin V.A. (1960) The Socialist Revolution of 1940 in Estonia and the Transformation of the State Duma of Estonia into the Supreme Soviet of the Estonian SSR. *Pravovedenie*, no 4, pp. 113–122 (in Russian).

Sambanis N., Germann M., Schädel A. (2017) SDM: A New Data Set on Self-determination Movements with an Application to the Reputational Theory of Conflict. *Journal of Conflict Resolution*, vol. 62, no 3, pp. 656–686. DOI: 10.1177/0022002717735364

Shakhraj S.M. (ed.) (2016) *The Collapse of the USSR: Documents and Facts* (1986–

1992). Vol. 2, Moscow: Kuchkovo pole (in Russian).

Simonyan R.H. (2002) The Baltic States and the Collapse of the USSR. *POLIS*, no 6, pp. 151–154. Available at: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_5078641_62729928.pdf, accessed 07.08.2020 (in Russian).

Suesse M. (2019) Adjusting the Size of Nations: Empirical Determinants of Separatism and the Soviet Breakup. *Journal of Comparative Economics*, vol. 47, no 1, pp. 50–64. DOI: 10.1016/j.jce.2018.10.002

Taagepera R. (1993) *Estonia: Return to Independence*, New York: Westview Press.

The Act of Independence of Lithuania, Lost more than 70 Years Ago, Was Found in Berlin (2017). *RIA Novosti*, March 30, 2017. Available at: <https://ria.ru/20170330/1491097468.html>, accessed 05.08.2020 (in Russian).

To the Union of Sovereign Peoples: A Collection of Documents of the CPSU, Legislative Acts, Declarations, Appeals and Presidential Decrees on the Problem of National and State Sovereignty (1991), Moscow: Institut teorii i istorii socializma. Available at: <http://soveticus5.narod.ru/85/sborn91.htm#p336>, accessed 7.07.2020 (in Russian).

Toivo U. (2001) *Estonia and the Estonians*, Palo Alto: Hoover Press.

Tomz M.R. (1994) *The Morality of Secession*, Oxford: Magdalen College.

Treiman J. (1990) The Soviet Secession Law Is a Sham. *Lituanus. Lithuanian Quarterly Journal of Arts and Sciences*, vol. 36, no 3. Available at: http://www.lituanus.org/1990_3/90_3_07.htm, accessed 10.12.2020.

Turchin P., Nefedov S.A. (2009) *Secular Cycles*, Princeton: Princeton University Press.

Vergottini G. (2019) Referendum y Secesión. *Teoría y Realidad Constitucional*, no 43, pp. 103–119. DOI: 10.5944/trc.43.2019.24400

Walker E.U. (2003) *Dissolution: Sovereignty and the Breakup of the Soviet Union*, Lanham: Rowman and Littlefield.

Yarve P. (2013) Soviet Heritage and Modern Ethnopolitics of the Baltic State. *Ethnic Politics in the Baltic States* (eds. Poleshchuk V.V., Stepanov V.V.), Moscow: Nauka, pp. 39–63 (in Russian).

Yuzhanin M.A. (2011) Ethno-national Policy of the State in a Multi-ethnic Society. *Sociology of Power*, no 6, pp. 176–184. Available at: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_17106548_71256692.pdf, accessed 10.12.2020 (in Russian).

Zepa B. (2013) Discourse on Immigration Policy Formation in Latvia. *Ethnic Politics in the Baltic States* (eds. Poleshchuk V.V., Stepanov V.V.), Moscow: Nauka, pp. 343–358 (in Russian).

Zorin V.Yu. (2003) From National Policy to Ethno-cultural Policy: Problems of Formation of Doctrine and Practice (1990–2002). *The Journal of Sociology and Social Anthropology*, vol. 6, no 3, pp. 122–154. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/ot-natsionalnoy-politiki-k-etnokulturnoy-problemy-stanovleniya-doktriny-i-praktiki-1990-2002-gg>, accessed 07.08.2020 (in Russian).

Zunda A. (2011) *Baltijas Valstu Jautajums. 1940–1991*, Riga: Zvaigzne ABC.

DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-1-4

Идентичность и сецессия: казус отделения Словении и Хорватии от Югославии

Дмитрий Валерьевич ЕФРЕМЕНКО

доктор политических наук, заместитель директора
Институт научной информации по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН),
117997, Нахимовский проспект, д. 51/21, Москва, Российская Федерация
E-mail: efdv2015@mail.ru
ORCID: 0000-0001-6988-472X

ЦИТИРОВАНИЕ: Ефременко Д.В. (2021) Идентичность и сецессия: казус отделения Словении и Хорватии от Югославии // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. Т. 14. № 1. С. 74–97.
DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-1-4

Статья поступила в редакцию 10.10.2020.

ФИНАНСИРОВАНИЕ: Исследование выполнено при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проект № 19-011-00662 «Формирование национально-государственной идентичности и выбор геополитической ориентации в странах, возникших после распада Югославии: сравнительное исследование») в Институте научной информации по общественным наукам РАН.

АННОТАЦИЯ. Сецессии Словении и Хорватии – два взаимосвязанных и взаимообусловленных процесса – положили конец существованию социалистической федеративной Югославии. В статье рассматривается взаимосвязь трансформаций идентичности словенцев и хорватов во второй половине 1980-х – начале 1990-х гг. и дезинтеграции СФРЮ. Анализируются историко-культурные предпосылки, влияние социально-политических условий и целенаправленных усилий ключевых акторов по трансформации идентичностей, приданию им новых качеств.

Показано, что состояние и основной вектор изменения идентичности словенцев и хорватов во второй половине 1980-х – начале 1990-х гг. благоприятствовали сецессиям, но их не пред-

определяли. Очень сильным было влияние внешних факторов, к которым, во-первых, следует отнести изменения в политическом ландшафте Сербии и их эхо в структурах власти на федеральном уровне, во-вторых, приближение коллапса политического режима в СССР и других странах Восточной Европы, а также завершение холодной войны.

Особое значение для трансформаций в сфере идентичности имели действия политических лидеров. Благодаря их усилиям нацеленность на отделение от Югославии вышла на первый план по силе воздействия на состояние идентичности словенцев и хорватов. Но в Хорватии, с приходом к власти Ф. Туджмана и Хорватского демократического содружества, эта активность достигла

качественно нового уровня – практически вся система органов власти начала функционировать в режиме «национализирующего государства» (в терминологии Р. Брубейкера).

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *идентичность, этнонационализм, сецессия, политическая агентность, распад СФРЮ, Словения, Хорватия, Сербия*

На протяжении трех последних десятилетий Европа стала той частью света, где возникло наибольшее количество новых независимых государств. Как известно, основной причиной столь значительных изменений на политической карте континента стал распад трех федеративных многонациональных государственных образований: Советского Союза, Чехословакии и Югославии, – обусловленный коллапсом правивших там коммунистических режимов. Споры о причинах и последствиях этого тектонического сдвига в мировой политике не утихают до сих пор. В самом упрощенном виде дискуссии можно свести к выявлению того, что имело решающее значение для осуществления катастрофического сценария: глобальное военно-политическое и идеологическое соперничество, внутренняя несостоятельность коммунистических режимов или мощный подъем национализма, с которым не смогли справиться мультиэтнические государственные образования. Хотя, несомненно, речь идет о трех взаимосвязанных процессах, в каждом случае влияние глобальных и локальных факторов не одинаково. В максимальной степени внимание к местным условиям и специфике процессов образования и распада государств требуется в случае, когда в центре анализа находятся проблемы наций и этничности.

Бывшая Югославия во многих отношениях представляет собой особый

аналитический кейс. На пространстве бывшей Югославии и Балканского полуострова в целом на протяжении истории был представлен широкий диапазон вариантов и способов территориального передела, сецессий, образования и демонтажа империй и крупных государств, создания, реформирования и ликвидации малых государств. При всей калейдоскопичности этих метаморфоз ничто не проходило бесследно, оставляя будущим поколениям своеобразное институциональное наследие, чересполосицу локализации различных этнических и конфессиональных групп, амальгаму культурных традиций, множественность обоснований сецессий и демаркации межгосударственных и административных границ [Hobsbawm 1997].

Полный драматизма опыт Западных Балкан дает обильный материал для анализа в различных ракурсах феномена сецессий и консолидации новых политий. В научной литературе наибольшее внимание традиционно уделяется политико-правовым, историческим и геополитическим аспектам сецессий, анализу политических стратегий различных акторов, вовлеченных в эти процессы. Однако не меньший интерес представляет проблематика идентичности и трансформации институтов, причем как в плане понимания причин и условий сецессий, так и в плане осмысления их последствий.

Идентичность как представление индивида или группы о себе, о принадлежности к более широким общностям, в т. ч. к этносу или нации, отличается достаточной устойчивостью, но при этом и подвижностью, структурной сложностью и неоднородностью. Идентичность невозможно рассматривать вне исторического контекста. Изменение социально-политических условий и целенаправленные усилия ключевых акторов трансформиру-

ют идентичность, придают ей новые качества, а также активируют либо деактивируют те или иные ее аспекты, сформировавшиеся на более ранних исторических этапах. Так, безусловно, происходило во время кризиса социалистической Югославии, сецессий отдельных республик СФРЮ, вооруженных конфликтов 1990-х гг. и консолидации новых государств с представителями всех этнических групп. Но наряду с общими чертами в каждом случае проявлялись и важные особенности.

Исторический и социокультурный контекст

Для понимания особенностей взаимного влияния сецессий и трансформаций макрополитической идентичности необходимо учитывать многослойное социокультурное и институциональное наследие, относящееся не только к эпохе существования в составе СФРЮ, а до того – Королевства Югославия, но также и к эпохе нахождения этих территорий в составе Османской империи и империи Габсбургов. По линии соприкосновения этих империй до сих пор проходит некое подобие незримого рубежа: Словения и Хорватия в основном могут считаться странами с преобладающим влиянием социокультурного и институционального наследия эпохи Габсбургов, тогда как для других стран Западных Балкан важнейшее значение имеет наследие Османской империи. По этим же границам проходит и конфессиональное разделение: в Словении и Хорватии доминирует католицизм, в других республиках бывшей Югославии (и в целом Балканского полуострова) – православие и/или ислам.

Разумеется, здесь должны быть сделаны определенные оговорки. В частности, надо учесть, что для сербов Сла-

вонии, Воеводины, а также других регионов левобережья Дуная и Савы значимо не только османское, но в большей степени и австро-венгерское наследие. Точнее, речь идет о специфическом историческом опыте переселения, проживания и службы сербов на неспокойном фронтире двух империй – в регионе Военной Границы, или Военной Краины. Для хорватского, словенского, сербско-черногорского населения Истрии и Далмации важное значение также имело влияние Венеции, Италии под властью Наполеона и – после Первой мировой войны – Итальянского королевства (для Истрии). Босния и Герцеговина в 1878–1918 гг. контролировалась Австро-Венгрией, но этот исторический период недостаточно продолжителен, чтобы считать его доминантным в плане социокультурного и институционального наследия. Для сравнения: оттоманское владычество в Боснии и Герцеговине продолжалось 396 лет, в Сербии – 440, Македонии – 542 года [Brown 1996, p. xiii].

В целом, однако, наследие двух империй для постъюгославского пространства имеет субстантивное значение. Без его учета невозможно адекватно оценить процессы формирования макрополитической идентичности в новых государствах и их институциональную динамику (в особенности роль неформальных институтов) [Acemoglu et al. 2002; Dimitrova-Grajzl 2007]. Следует принимать во внимание как общие характеристики имперского господства, так и специфические особенности, отличавшие Османскую империю от империи Габсбургов. К первым относятся значительные демографические трансформации, а также рост культурного и религиозного разнообразия на контролируемых империями территориях, серьезные изменения в социальной стратификации, новое начертание внешних и внутренних адми-

нистративных границ, многие из которых впоследствии стали границами государств-правопреемников и т. д. В числе особенностей, обеспечивавших значительные отличия подконтрольных Блистательной Порте территорий Западных Балкан, необходимо назвать исламский прозелитизм и – шире – распространение мусульманских культурных традиций, отсутствие расового разделения, представительных институтов и современной (в веберовском смысле) бюрократии, отказ от сохранения прежнего имперского языка государствами-преемниками, дефицит стимулов для успешного экономического развития, недостаточные условия для обеспечения внутривнутриполитической стабильности и т. д. [Abernethy 2000].

На первых порах эти отличия не имели критического значения. В XIX в. борьба за эмансипацию южных славян, проживавших на территориях, разделенных между империями османов и Габсбургов, по историческим меркам почти синхронно породила как идеологию югославизма, так и базовые идеи, на основе которых сформировались словенский, хорватский и сербский национализмы. Изначально югославизм и национализм во многом переплетались, подпитывали друг друга.

В 1860-х гг. А. Старчевич и его последователи приступили к формированию хорватского этнонационалистического нарратива, жестко противопоставляющего сербов и хорватов, ориентированного на создание Великой Хорватии (включающей также территории современных Словении, Боснии и отдельные части Сербии). Придерживаясь либерально-демократических принципов как основы идеального общественно-политического устройства,

Старчевич делал многочисленные исключения из этой политической программы по расовым и этнорелигиозным признакам, выступая с антисемитскими заявлениями и сербофобскими установками [Gross 2000]. Следует отметить, однако, что вплоть до распада Австро-Венгрии эта часть идейного наследия Старчевича не была доминирующей в хорватском политико-идеологическом мейнстриме. Ключевой проблемой для хорватских элит были отношения с Веной и Будапештом, а наиболее желательной политической опцией – *Ausgleich*¹ для южных славян в империи Габсбургов, ее преобразование в триединую монархию.

Военная развязка в августе 1914 г. кризисной геополитической динамики на Балканах и приближение победы Антанты побуждали хорватов и словенцев рассматривать варианты самоопределения, альтернативные триализму в составе империи Габсбургов (приверженцем последнего был и убитый в Сараево наследник австро-венгерского престола эрцгерцог Франц-Фердинанд). В ходе Первой мировой войны югославизм как концепция государственного объединения сербов, хорватов и словенцев (с присоединением к новому государству Черногории) стал основой программы послевоенного переустройства Балкан. В воюющей Сербии на официальном уровне эта концепция была изложена в Нишской декларации 7 декабря 1914 г. и вновь подтверждена в декларации Корфу 20 июля 1917 г., которую вместе с главой правительства Сербии Н. Пашичем подписал А. Трумбич – лидер базировавшегося в Лондоне югославянского комитета, объединявшего видных представителей хорватов, словенцев и

1 *Ausgleich* – уравнивание в правах, компромисс по образцу соглашения 1867 г., преобразовавшего империю Габсбургов в двуединую австро-венгерскую монархию.

сербов, ориентированных на отделение от Австро-Венгрии. Для Трумбича и значительной части Лондонского комитета провозглашение курса на создание федеративного государства южных славян – Королевства сербов, хорватов и словенцев во главе с династией Карагеоргиевичей – было связано с решением задачи объединения хорватских и словенских земель в пределах одного государственного образования, а также с осознанием нереалистичности достижения этой цели в случае выдвижения требований самостоятельной государственности Хорватии и Словении. Готовность сербской стороны к такого рода компромиссу с хорватами и словенцами была обусловлена дефицитом политической поддержки, обусловленным крушением монархического режима в России.

Фактическое развитие событий после создания Королевства сербов, хорватов и словенцев (1 декабря 1918 г.) и его преобразования в Королевство Югославия (6 января 1929 г.) характеризовалось ростом напряженности между политическими силами, представлявшими различные этнические группы. Хорваты и словенцы получили в новом государстве больше возможностей для своего этнокультурного развития, но распространение на Югославию действия институтов, уже функционировавших в Сербии, могло рассматриваться в ряде аспектов как шаг назад по сравнению с институциональным ландшафтом Австро-Венгрии. С самого начала существования объединенного государства разворачивался конфликт, связанный с сопротивлением политико-правовой унификации и фактическому закреплению сербского доминирования. Противостояние на уровне политических и культурных элит быстро усугублялось, охватывало более широкие слои населения, способствуя формированию негативного

образа представителей другого этноса и/или вероисповедования.

Установленная королем Александром диктатура (1929), террор хорватских боевиков-ушастей и усиливающееся вовлечение в решение политических задач парамилитарных формирований сербских четников способствовали дальнейшему росту напряженности и выходиванию идеи югославизма под эгидой королевской власти. Сербско-хорватский компромисс (соглашение Д. Цветковича – В. Мачека / *Sporazum Cvetković–Maček*) 26 августа 1939 г. мог привести к качественному изменению ситуации в Югославии, но для этого ему не хватило исторического времени. Уже весной 1941 г. он был разрушен вторжением в Югославию стран Оси. За неполных два года выявились и негативные стороны территориального расширения и предоставления Хорватии широкой автономии, в т. ч. неопределенное положение почти миллионного сербского меньшинства во вновь созданной бановине, недовольство боснийских мусульман, которым компромисс фактически отказал в признании этнополитической субъектности, стремление словенцев получить объем прав и полномочий, не уступающий объему прав и полномочий хорватов.

Период существования межвоенной Югославии был ознаменован значимыми трансформациями идентичности основных этнических групп. Для хорватов и словенцев роль значимого другого стали играть сербы, для сербов – хорваты. Это неудивительно, поскольку на настоящее и будущее одной из групп начинала критически воздействовать другая группа. Как подчеркивал Э. Хобсбаум, «массовое хорватское самосознание развилось лишь после возникновения Югославии, и направлено оно было как раз против нового королевства, точнее, против (реально-

го или мнимого) господства в нем сербов» [Хобсбаум 1998, с. 215]. Фактическое развитие событий в большей степени способствовало росту взаимного недоверия и отчуждения. Для словенцев, не охваченных столь радикальным подъемом этнонационализма, как у хорватов, ситуация осложнялась еще и спорными итогами плебисцита 1920 г. в Каринтии, означавшими неудачу словенского ирредентизма.

Трагические события периода Второй мировой войны лишь отчасти могут быть объяснены нарастанием враждебности между сербами и хорватами в межвоенный период. Внешнее вторжение, создание марионеточного Независимого государства Хорватия при одновременном уничтожении государственности сербов и других этносов Югославии, фашистская идеология и террористическая практика усташей, вовлечение в процесс создания этнически и религиозно чистого государства многих представителей хорватского общества и католической церкви, ожесточенное сопротивление четников до предела обострили антагонизм сербов и хорватов. Специфический контроль режима А. Павелича со стороны нацистской Германии порождал ситуацию, при которой кровавые чистки сербов были инициативой самого режима в Загребе, а уничтожение евреев и цыган – «кость, брошенная немцам, чтобы они не лезли напрямую в хорватские государственные дела» [Манн 2016, с. 526].

Выход на арену вооруженного сопротивления третьей силы – коммунистических партизан во главе с И. Броз Тито – резко изменил не только ход боевых действий, но и варианты трансформации идентичности основных этнических групп в регионе Западных Балкан. Партизанское движение во главе с Тито создавало альтернативу межэтнической вражде, позволя-

ло представителям разных национальностей бороться за освобождение от оккупантов и воссоздание Югославии как федерации, обеспечивающей полное равноправие народов Сербии, Хорватии, Словении, Македонии, Черногории, Боснии и Герцеговины. Победа Тито означала, что под югославизм подводится мощный базис коммунистической идеологии. Главный титовский лозунг «Братство и единство» – западнобалканская версия риторики пролетарского интернационализма – означал признание особенностей различных этнических групп, но одновременно акцентировал их сплочение в борьбе с фашизмом, а затем – в деле строительства социализма и укрепления югославской федерации.

В рамках вновь формируемого югославского идеократического метанарратива [Ефременко, Мелешкина 2020] возглавляемая коммунистами партизанская борьба с оккупантами и коллаборационистами (реальными и мнимыми) обрела статус мифа одновременного освобождения и основания новой Югославии, а сам Тито предстал в сакральном образе революционного, политического и военного вождя, сопоставимом с ролями Ленина и Сталина в советском метанарративе. Неудивительно, что с момента обретения коммунистами всей полноты власти осенью 1945 г. политика памяти стала одним из важнейших приоритетов Тито и его соратников. Эта политика, в частности, была призвана на уровне массового исторического сознания закрепить за коммунистами монополию на руководство антифашистским Сопротивлением и дискредитировать другие антифашистские силы. При этом увеличивалось количество табуированных тем, в числе которых особенно болезненными были зверства режима А. Павелича и хорватская государственность во время Второй мировой войны.

Замалчивание преступлений усташистского режима было крайне сомнительной хорватской привилегией под властью коммунистов. По всей видимости, в этом заключалась часть специфического социального контракта для Хорватии, предполагающего принятие новой политической реальности путем забвения недавнего прошлого. Другая часть этого контракта, очевидно, была связана со смешанной хорвато-словенской этнической принадлежностью вождя социалистической Югославии, что в глазах многих хорватов могло служить подобием компенсации за утрату «независимого» государства, глубоко дискредитированного союзом с Гитлером и Муссолини, депортациями и массовым истреблением евреев, сербов и цыган.

В первые послевоенные годы усиление централизованного контроля шло рука об руку с процессом формирования наднациональной социалистической идентичности, причем последняя, в отличие от межвоенного периода, была призвана объединить не только южных славян, но и представителей неславянских этносов, проживающих на Балканах. Жесткое подавление режимом Тито проявлений национализма в конце 1940 – начале 1950-х гг. в конечном счете было обусловлено стремлением предотвратить акции возмездия за геноцид, подобные массовому расстрелу пленных усташей в австрийском Блайбурге в мае 1945 г. Повторение таких акций почти неизбежно взорвало бы хрупкое единство новой Югославии.

Провозглашение в начале 1950-х гг. принципов самоуправления и децентрализации, а также существенное расширение полномочий республик в составе Югославии имели противоречивые последствия. Словения и Хорватия как наиболее экономически развитые республики Югославии получили наи-

больший эффект от этой реформы, позволившей ускорить социально-экономическое развитие и расширить объем полномочий республиканских органов власти. Вместе с тем данная реформа привела к усилению трений между союзными республиками, нарастанию экономических диспропорций между ними и осложнению их отношений с центральным правительством в Белграде.

Важнейшим аспектом формирования новой югославской идентичности был подход в отношении национальных языков. Особое значение в этом контексте имела резолюция совещания лингвистов и писателей, принятая в г. Нови-Сад в декабре 1954 г. Они заявили о единстве сербохорватского языка и призвали подготовить к публикации словарь и единый свод правил правописания. Фактически это была кульминационная точка сближения сербов и хорватов под эгидой коммунистической власти, вслед за чем возобновилась дивергенция. Ей благоприятствовало резкое нарушение баланса сил в федеральном руководстве, связанное со смещением в 1966 г. с руководящих постов А. Ранковича – второй по влиянию политической фигуры в Югославии, этнического серба, поддерживавшего унитаристские тенденции.

Прологом к первому крупному кризису югославской федерации, в частности, событиям Хорватской весны стала «Декларация о статусе и названии хорватского стандартного языка», подписанная в 1967 г. видными хорватскими писателями и лингвистами. В ней заявлялось о нарушении баланса между сербскими и хорватскими языковыми нормами; прямым следствием широкого обсуждения тезисов Декларации стал отказ Матицы хорватской от завершения совместного с Матицей сербской проекта выпуска Словаря сербохорватского языка, что означа-

ло фактическое прекращение действия новисадской резолюции. Принятая вскоре ответная декларация сербских литераторов и лингвистов признавала право на самостоятельное и равноправное развитие хорватского и сербского языков [Багдасаров 2004]. Очевидным следствием постулата о наличии нескольких языков стали резкая интенсификация споров об «историко-лингвистическом первородстве» и возможность «выделения» новых языков в соответствии с административно-территориальным делением СФРЮ [Пивоваренко 2013]. Несмотря на жесткую критику со стороны партийных структур, запрет и изъятие ряда изданий, наконец, закрытие в 1972 г. Матицы хорватской, эти декларации имели необратимые последствия, фиксируя лингвистическое обособление и, соответственно, еще более усиливая противопоставление «своего» этноса «значимому другому».

Инспирированное Декларацией о языке хорватское массовое движение рубежа 1960–1970-х гг. (*masovni pokret*, сокр. *маспок*), в котором активную роль играли студенты и преподаватели университетов, позволило новому поколению республиканского руководства (С. Дабчевич-Кучар, М. Трипало, П. Пиркер и др.) выдвинуть программу значительного расширения экономических и политических полномочий республики, ее полного контроля над системой образования и средствами массовой информации. Весьма важным аспектом политических и культурных изменений этого периода стала серьезная активизация контактов республиканской политической, научной и культурной элиты с представителями хорватской диаспоры за рубежом, в которой лидирующую роль играли бежавшие из Хорватии усташы и их проponenty. Помимо Матицы хорватской, значительную роль в идейном напол-

нении «Маспока» сыграл Институт рабочего движения в Хорватии, который в 1961–1967 гг. возглавлял Ф. Туджман. Институт шел в авангарде новой политики памяти, нацеленной на реабилитацию идеи самостоятельной хорватской государственности (в т. ч. в усташистском исполнении), приуменьшение масштаба жертв режима А. Павелича, объяснение его преступлений чрезвычайными обстоятельствами войны, внешним давлением и враждебными действиями представителей других этнических групп. Ряд исторических исследований и околосторических публикаций того времени способствовали росту популярности представлений о несправедливости границ Хорватии внутри СФРЮ. В неофициальном порядке заявлялись претензии на значительную часть боснийской территории, входившую, согласно соглашению Цветковича-Мачека 1939 г., в состав Хорватской бановины.

В результате политического кризиса на рубеже 1960–1970-х гг. Тито склонялся к признанию нормальной ситуации двойной идентичности – наднациональной и этнонациональной. Отдавая предпочтение первой, Тито отрицал, что югославизм несет какую-либо угрозу этнонациональной идентичности. Подавляя националистические выступления и жестко борясь с соответствующими уклонами внутри партии, югославский лидер в конце концов предпочел компромиссную линию, позволяющую учитывать интересы большинства республиканских когорт номенклатуры СКЮ. Кульминационным пунктом этих изменений стало принятие в 1974 г. новой Конституции СФРЮ, которая усиливала полномочия республик, а двум образованиям в составе Сербии – автономным краям Косово и Воеводина – придавала статус субъектов федерации, практически уравнивая их в правах с республика-

ми. В результате Югославия после неизбежного ухода из жизни Тито становилась образованием, по типу государственного устройства близким к конфедерации, а югославская идея трансформировалась в эвфемизм, прикрывающий кондоминиум республиканских партийных элит. Однако именно лидерство Тито обеспечивало относительно внутреннее равновесие внутри номенклатурного кондоминиума СКЮ. После его смерти (04.05.1980) это равновесие оказалось быстро нарушенным. Тито сам создал ситуацию, при которой на федеральном уровне ему было просто некому передать политическую эстафету [Романенко 2000]; посттитовская модель организации федеральной власти оказалась повсеместно дискредитирована.

Фактор политической агентности в распаде СФРЮ, сецессиях Словении и Хорватии

В конце 1970-х гг. американский исследователь Г. Берч иронично описывал Югославию как страну с «шестью республиками, пятью нациями, четырьмя языками, тремя религиями, двумя алфавитами и одним югославом – Тито» [Bertsch 1977]. Согласно официальной статистике, югославов все же было больше: по переписи 1981 г., 5,76% опрошенных определили свою этническую принадлежность как «югослав» [Nacionalni sastav 1981, p. 64]. Правда, немалую часть «югославов» составляли рожденные в смешанных браках; после распада федерации многие из них предпочли относить себя к титульной для соответствующего государства этнической группе. Гораздо существеннее, что этническая идентичность большинства жителей Югославии дополнялась идентичностью, связанной с принадлежностью к многонациональному социа-

листическому государству. Однако в 1980-е гг. вариация титовской формулы югославского «братства и единства», предполагающая создание мультиэтнической федерации без явного лидерства одной из этнических групп, утратила свою популярность. Повсеместной была неудовлетворенность существующей политической системой [Ramet 1985], а также экономической моделью, неспособной обеспечить преодоление структурных и территориальных диспропорций, сохранение относительно высоких (по меркам других социалистических стран) стандартов благосостояния.

На уровне республик к моменту смерти Тито доминировали безликие функционеры, оттеснить которых легче всего было путем выдвижения националистической программы, означающей фактический пересмотр титовского наследия. Первые, пусть даже самые осторожные шаги в направлении демократизации политической системы (хотя бы применительно к процессу принятия решений на уровне республиканских Союзов коммунистов) неизбежно приобретали этнонациональное измерение, которое и становилось определяющим. Это, в свою очередь, детерминировало траекторию лидерства, объективно сближая даже таких антагонистов, как М. Кучан и С. Милошевич. По сути дела, радикальный политический поворот, связанный с именем Милошевича, и ответ на него элит Словении и Хорватии оказались роковыми для целостности СФРЮ.

Как известно, роль агентивных факторов резко возрастает в условиях социального и политического кризиса. В посттитовской Югославии влияние структурных факторов было изначально недостаточным для обеспечения устойчивой политической стабильности, но, по мере приближения наиболее острой фазы кризиса (critical juncture,

в терминах Р. и Д. Кольеров [Collier R., Collier D. 1991]), агентность приобрела исключительное значение. Вклад С. Милошевича, Ф. Туджмана, М. Кучана, А. Изетбеговича и ряда других политиков в динамику кризиса югославской федерации, сецессий и последовавших за ними конфликтов был чрезвычайно значимым и, безусловно, несводимым только к личностному выражению «объективных тенденций» дезинтеграции сложносоставной мультиэтнической политики. Большинство политических и медийных акторов на всем пространстве агонизирующей федерации способствовали поляризации общественного мнения по оси «мы – они», порождая не просто взаимное отчуждение, но и избирательные слепоту и глухоту к человеческим страданиям, если только это были страдания «других». То, что еще на излете правления Тито могло пока рассматриваться как одно макрополитическое сообщество – пусть далеко не единое, мультиэтническое, ослабляемое явными и скрытыми противоречиями, – к концу 1980-х гг. таковым быть фактически перестало именно в результате «политики разделения» [Bourdieu 1990], приведшей к отрицанию политическими элитами и стоящими за ними этническими группами возможности своего дальнейшего сосуществования в едином государстве.

Политическая агентность способна также обеспечить резкое ускорение трансформационных или запуск эмерджентных процессов в социокультурной сфере [Bhabha 1994], выступая катализатором изменения старой, появления новой или гибридной идентичности, что в целом ведет к усилению кризисной динамики и напряженности между носителями разных типов идентичности. Трансформация идентичности не происходит в вакууме, она выступает результатом взаимодействия

(во многих случаях конфликтного) различных идентичностей, включая и этнические. Для хорватов и словенцев с момента объединения в одно государство под скипетром Карагеоргиевичей сербы превратились в «значимого другого»; для сербов эту роль стабильно играли хорваты, периодически – преимущественно в условиях кризисной политической динамики – словенцы, косовские албанцы и мусульмане-босняки. Такого рода взаимодействие включает в себя не только аккумуляцию негативной исторической памяти об отношениях с «другим» с изъятием фактов собственных действий в ущерб «другому», стремление подчеркнуть отличия на символическом уровне, но и своеобразное подсознательное отзеркаливание. Например, для идентичности и сербов, и хорватов эпохи социалистической Югославии было характерно стремление усилить комплекс жертвы, будь это память о жертвах войн и геноцида, утрате собственной государственности или отказе от своего этнонима в названии нового государства, упор на реальные или мнимые экономические и социальные издержки ради поддержания функционирования наднациональных структур и «подтягивания» менее развитых республик.

Мотив недостаточного признания в масштабе федерации сербской виктимности и самопожертвования был одним из главных в тексте Меморандума Сербской академии наук и искусств (САНИ), подготовленного в 1986 г. влиятельной группой сербской интеллектуальной элиты, разделявшей идеи известного писателя Д. Чосича. Подобно тому, как Декларация 1967 г. о языке стала триггером общегославского политического кризиса и способствовала трансформациям идентичности не только хорватов, но и сербов и других этносов, этот Меморандум сыграл аналогичную роль во второй по-

ловине 1980-х гг. В нем был осуществлен отход от югославизма в сторону сербской национальной самобытности. В политическом смысле это означало требование пересмотра формулы югославского федерализма таким образом, чтобы обеспечить бесспорное доминирование самого крупного этноса. Если же этой цели в масштабах СФРЮ достичь не удастся, то она должна быть реализована на всех территориях, в составе населения которых преобладают сербы, а также в Косово [Михаиловић, Крестич 2017].

С. Милошевич, в 1986 г. негативно оценивший националистическую направленность Меморандума САНИ, фактически реализовал его программу в части восстановления контроля Белграда над Воеводиной (1988 г.) и Косово (1989 г.), а также обеспечения лояльности Черногории (1989 г.). Используя им инструментарий – националистическая и популистская риторика, организация массовых шествий и демонстраций (в день 600-летней годовщины битвы на Косовом поле в мемориальном митинге приняли участие более 1 млн чел.) и принуждение нелояльного руководства к отставке – обеспечил Милошевичу исключительную популярность среди сербского населения, но одновременно создал ощущение нарастающей угрозы у политических элит и населения других республик. Хрупкий баланс сдержек и противовесов, установленный конституцией СФРЮ 1974 г., был нарушен; в составе коллективного руководства федерацией Милошевич уверенно опирался на половину голосов; сербское население в Боснии и Герцеговине и Хорватии становилось еще одним очень важным фактором нарастающей конфронтации.

Окрыленный успехами в Воеводине, Косово и Черногории, Милошевич стремился к укреплению позиций фе-

деральных структур, в которых он был близок к установлению своего контроля. Напротив, политические элиты Словении и Хорватии отстаивали прямо противоположные позиции. Сепарация не была их ближайшей задачей. Конституционный компромисс 1974 г., фактически трансформировавший Югославию в конфедерацию, обеспечивал Словении и Хорватии важные преимущества, особенно в области экономики. Правда, эти преимущества отчасти обесценивались проводимой федеральным центром политикой перераспределения доходов и ресурсов в пользу менее развитых республик. Тем не менее на югославском рынке относительно развитая промышленность этих двух республик пользовалась конкурентными преимуществами. Соответственно, до второй половины 1980-х гг. элиты двух республик были заинтересованы в сохранении единого рынка и в полном политико-правовом закреплении конфедеративного устройства, гарантирующем от возрождения централизма, особенно той его версии, которая могла бы обеспечить доминирование сербов в масштабах всей Югославии. Кроме того, словенские и хорватские элиты выступали наиболее активными сторонниками сближения с Европейским сообществом, что означало отход от титовской формулы югославской внешней политики. По сути дела, их основная установка заключалась в предельном ослаблении наднациональной составляющей, которое позволило бы функционировать республикам как де-факто независимым в областях внутренней и внешней политики, а также внешней торговли, но при этом гарантировать экономические преимущества, связанные с сохранением югославского внутреннего рынка.

Проблема Косово также оказала серьезное влияние на изменение позиций элит и значительной части обще-

ства Хорватии и Словении в отношении сохранения единства Югославии. Интеллектуалы круга Чосича, с одной стороны, и Милошевич, с другой, возродили и предельно усилили влияние «косовского мифа» на сербскую идентичность, вернув ему функцию инструмента этнонациональной консолидации и мобилизации. В то же время сербское и (отчасти) федеральное руководство рассчитывало, что другие республики в косовском вопросе займут позицию солидарности южных славян. В частности, после новой дестабилизации обстановки в Косово в 1981 г. спорным вопросом стало участие словенских полицейских в подавлении выступлений косовских албанцев. После длившихся несколько лет споров руководство Словении приняло решение о выводе своих подразделений из состава полицейских сил, задействованных в подавлении беспорядков.

Факторы идентичности в сецессиях Словении и Хорватии

Характерной особенностью большинства словенцев был лоялизм в отношении государства, в составе которого находились словенские земли. В отличие от более радикальных установок хорватских элит (начиная еще со времен бана Й. Елачича), словенские элиты предпочитали использовать имеющееся в соответствующий исторический момент «окно возможностей» для расширения культурной автономии, затем – экономической самостоятельности и укрепления структур государственного управления, даже если при этом Словения выступала экономическим донором для других регионов. Предполагалось также, что в руководстве союзной Югославии Тито и Кардель оказывают содействие,

по крайней мере, выборочное, защите словенских интересов. В результате сложился стереотип, согласно которому в Югославии «сербы правят, хорваты спорят, а словенцы платят» [Perovšek 2004].

После смерти Э. Карделя (1979 г.) и Тито словенцы, подобно хорватам, начали убеждаться в том, что баланс сил на федеральном уровне смещается не в их пользу. Немалый вклад в пропаганду идей суверенитета, преодоление прежних социально-политических разделений словенцев, а также в критику коммунистического режима внесли писатели и интеллектуалы, объединившиеся вокруг редакции журнала «Новая ревия» [Старикова 2015]. По мере усиления разногласий с Белградом, словенское общественное мнение стало демонстрировать свои симпатии косовским албанцам. Сербы, вынужденные бежать из своих деревень под давлением косовских албанцев, представлялись во многих словенских и хорватских СМИ не более, чем инструменты националистической пропаганды Белграда; в свою очередь, сербские СМИ и их аудитория оставались глухи в отношении потока информации о страданиях албанцев. Позиция Любляны рассматривалась сербскими лидерами и обществом как «предательство» и «удар в спину»; подогреваемое СМИ возмущение вскоре вылилось в кампанию бойкота произведенной в Словении продукции и конфискацию словенской собственности в Сербии. Конфронтация же в сферах экономики и финансов лишала Словению наиболее важных стимулов поддерживать целостность Югославии. Хорватия (за исключением сербского меньшинства в этой республике) демонстрировала поддержку Словении. На этом фоне в обеих республиках обретал популярность лозунг «возврата в Европу», предполагавший не только пересмотр базовых постула-

тов титовской политики неприсоединения, но и акцентирование пагубности привязки к «Балканам», т. е. основному этнотерриториальному массиву Югославии с преобладанием православия и османского социокультурного наследия. Очевидно также, что в этом лозунге проявлялся излишний оптимизм в отношении возможностей дальнейшего продвижения хорватской и словенской продукции на общий рынок стран Западной Европы (закрытие многих предприятий и даже утрата целых отраслей в процессе присоединения Хорватии и Словении к ЕС послужили эмпирическим опровержением слишком радужных оценок перспектив «возврата в Европу»).

В конечном счете противоречия вокруг Косово привели к критической перегрузке югославской политической системы, с которой она уже не смогла справиться [Bebler 2017]. Та точка, в которой теоретически было возможно достижение компромисса, позволяющего предотвратить распад Югославии, оказалась во второй половине 1980-х гг. вне пределов политически достижимого даже в рамках Союза коммунистов Югославии. XIV (чрезвычайный) съезд СКЮ (январь 1990 г.), на котором численно доминировали сторонники Милошевича, отверг предложения словенской делегации, ключевым из которых было преобразование партии в федерацию автономных республиканских партийных организаций. После этого словенская делегация покинула заседание съезда, а хорватская отказалась участвовать в принятии каких-либо решений до возвращения словенцев. СКЮ перестала функционировать как единое целое, и, таким образом, югославская федерация лишилась своей основной опоры.

С. Милошевич и его окружение становились в тех же Хорватии и Словении не просто исключительно удобны-

ми объектами для демонизации всего сербского – их центральное положение в политическом поле распадающейся Югославии открывало путь к власти в оппонирующих Белграду республиках носителям этнонационалистической программы. Победа возглавляемого Ф. Туджманом Хорватского демократического содружества (ХДС) на первых многопартийных выборах в Хорватии (апрель 1990 г.) – во многом результат стремления избирателей максимально дистанцироваться от сербского лидера. Дистанцироваться в том числе и путем отказа в поддержке вчерашним однопартийцам Милошевича, даже несмотря на то, что хорватские коммунисты во главе с достаточно популярным И. Рачаном входили в число его наиболее активных оппонентов. Поражение Союза коммунистов Хорватии, перед выборами добавившего к своему наименованию эпитет «Партия демократических перемен», было связано и с тем, что около трети его состава составляли сербы, хотя их доля в населении Хорватии на момент провозглашения независимости республики не превышала 13%. Выборы 1990 г. в Хорватии, в сущности, служат еще одним подтверждением тезиса, что распад Югославии был обусловлен синергией этнонациональных противоречий, тогда как идеологически мотивированная борьба с коммунистической властью была лишь их продолжением и источником дополнительной моральной легитимности.

Приход к власти в Загребе Ф. Туджмана, в значительной мере оказавшийся реакцией на политику С. Милошевича, означал радикализацию хорватского этнонационализма, хотя Туджман и поддерживал риторику о приемлемости для Хорватии модели конфедерации. Вместе с тем именно с ним связан курс на «хорватизацию» структур власти и их «очистку» от присутствия сер-

бов и черногорцев. Он же стал фактическим вдохновителем притязаний на часть территорий Боснии и Герцеговины, населенных хорватами. Туджман был не только наиболее видной фигурой в лагере хорватских антикоммунистических сил – он одновременно входил в число ведущих акторов политики памяти в республике, с начала 1960-х гг. развивая систему аргументов, направленных на фактическую реабилитацию «Независимого государства Хорватия». По сути дела, Туджман предлагал наиболее простую и некритически воспринимаемую на обывательском уровне версию корректировки хорватской исторической памяти, позволяющую осуществлять «селекцию воспоминаний» о том же концентрационном лагере Ясеновац и других преступлениях усташистского режима, а также предъявить свой «исторический счет» сербской стороне. После такой селекции все хорватское историческое прошлое было несложно представить в примордиалистском духе – в качестве единого континуума, восходящего ко временам античности или раннего средневековья, чьей квинтэссенцией было многовековое стремление к созданию и упрочению самостоятельной государственности [Bellamy 2013, p. 182].

Туджман, Милошевич, другие ключевые акторы югославской драмы использовали символические процессы в коммуникации с широкими слоями населения для установления устойчивой эмоциональной связи, делая упор на травматическом опыте своей этнической группы, манипулируя историческими, культурными и религиозными символами таким образом, чтобы заставить массы мыслить и действовать в соответствии с их задачами. И на агентивном уровне (Милошевич vs. Туджман), и на уровне политической пропаганды, ее восприятия и усвоения в массовом сознании, в конце концов,

на уровне идентичности начинала работать положительная обратная связь. «Образ другого» стремительно трансформировался в «образ врага», от которого необходимо защитить свой домашний очаг.

Именно действием положительной обратной связи можно объяснить, что сербско-хорватские противоречия в считанные годы переросли из утомительных дебатов в стенах союзной Скупщины в этнические чистки, осады и бомбардировки крупных городов. У каждой из сторон усиливалось «оборонительное сознание» [Манн 2016, с. 654]. При этом любой новый акт, усиливавший действие положительной обратной связи, реализуемый одной из сторон конфронтации, рассматривался политическими (а потом – и военными) акторами другой стороны как оправдание своих собственных симметричных либо еще более деструктивных действий.

В случае Словении такая связь тоже возникала, хотя она была менее продолжительной и радикально выраженной. Тем не менее и этой связи оказалось достаточно для запуска механизма сецессии таким образом, чтобы она представлялась как политический акт, отвечающий чаяниям словенцев. В целом, однако, восприятие идеи независимости в идентичности словенцев было обусловлено осознанием истощенности традиционного лоялизма, а перемены в общественном сознании в основном были синхронизированы с практическими шагами политических лидеров по подготовке сецессии. После десятидневной войны (27 июня – 7 июля 1991 г.) и формального признания Белградом независимости Словении факторы положительной обратной связи довольно быстро прекратили действовать. Словения не является непосредственным соседом Сербии; территории компактного прожи-

вания сербского меньшинства в Словении также отсутствуют. На роль «значимого другого» в словенском общественном сознании теперь, скорее, может претендовать Хорватия, с которой остается неразрешенный территориальный спор в районе адриатического побережья. Впрочем, конфликтность, связанная с этими территориальными разногласиями, не отличается высокой интенсивностью.

Сама география позволила Словении сохранить дистанцию в отношении вооруженных конфликтов 1990-х гг. на постъюгославском пространстве. По мере продвижения переговоров о вступлении в ЕС словенская элита все более уверенно настаивала на культурно-географической принадлежности Словении к Центральной Европе, конструируя ее образ как небольшой и самобытной части альпийско-адриатического региона. Вслед за географией метаморфозы претерпевала и история: прежняя Югославия (и монархическая, и социалистическая) представлялась как олицетворение «балканизма» и «византизма» [Repe 2008]. Правда, в основном уже после вступления Словении в Европейский союз в 2004 г., наметилась контртенденция усиления югоностальгии, которая, впрочем, не имеет значимого политического измерения [Velikonja 2009; Ефременко, Мелешкина 2020].

Значимую роль в обретении Словенией независимости сыграли и особенности политического лидерства. М. Кучан, несомненно, был ключевой фигурой на словенской политической сцене, но он, в отличие от Туджмана в Хорватии, не претендовал на полное доминирование, да и отмеченные выше обстоятельства не благоприятствовали формированию персоналистского режима. После проведения первых многопартийных выборов в апреле 1990 г. Кучан разделял с лидерами других по-

литических сил Словении ответственность за достижение Словенией независимости и международное признание.

Сецессия Словении создавала «эффект домино», хотя ситуация была по-своему парадоксальной. Напрямую выход Словении из состава СФРЮ, казалось бы, не затрагивал основной оси внутреннего напряжения на пространстве Западных Балкан – отношений «между Сербией, Хорватией и находящейся между ними Боснией и Герцеговиной» [Никифоров 2011, с. 865]. Но на деле словенская сецессия необратимо нарушала внутренний баланс СФРЮ. С одной стороны, Хорватия, и без того подталкиваемая к разрыву с Югославией этнонационализмом Ф. Туджмана и его политического движения, после ухода Словении неизбежно осталась бы в меньшинстве на уровне федерального руководства. С другой стороны, если бы первой отделилась Хорватия, Словения оказалась бы даже географически оторванной от остальной Югославии. Можно утверждать поэтому, что сецессии Словении и Хорватии были взаимообусловлены и до определенной степени скоординированы (правда, неформальный союз словенских и хорватских элит переставал действовать в наиболее критические моменты, когда политический конфликт переходил в вооруженное противостояние с силами ЮНА). Ситуация была необычной в том, что Словения, несмотря на традиционную для ее политической культуры сдержанность и стремление к поиску взаимоприемлемых компромиссов, долгое время шла на шаг впереди Хорватии, риски для которой в процессе сецессии были значительно выше.

При этом, однако, хорватская сецессия отличалась от словенской, а они обе – от последовавших вскоре сецессий Македонии и Боснии и Герцеговины. Если от появления на страницах

журнала «Новая ревия» четко сформулированного призыва к независимости Словении (1987 г.) до референдума о государственной независимости прошло чуть более трех лет, то в случае Хорватии можно говорить о гораздо более длительном и неравномерном процессе переориентации общественного сознания на идею самостоятельной государственности. Этому способствовали обращения к давнему историческому прошлому, в частности, к эпохам образования первых хорватских княжеств (VII в.) и королевства Хорватия (X – нач. XII вв.), память о драматических событиях 1848–1849 гг. и – в особенности – воспоминания о «Независимом государстве Хорватия» периода Второй мировой войны. Помимо дискуссий об исторических основаниях права на независимость, особое напряжение процессам роста хорватского этнонационализма в СФРЮ придавала сильная антисербская направленность, основанная не только на опыте прошлого, но и на понимании того, что Сербия и сербы станут основными препятствиями в воссоздании хорватской независимой государственности как в границах Социалистической Республики Хорватии, так, в особенности, и в границах, определенных соглашением Цветковича – Мачека от 26 августа 1939 г. Очень важным внешним фактором подъема этнонационализма и сепаратистских устремлений была сильная хорватская диаспора, имевшая значительные возможности лоббистского влияния и в Северной Америке, и в ряде стран Западной Европы. Уже во времена «Маспока» идейная и ресурсная подпитка хорватского этнонационализма из-за рубежа была весьма ощутимой; не прекратилась она и после подавления Тито «хорватской весны». Доступ к внешним ресурсам, а также поддержка хорватской католической церкви способствовали то-

му, что созданная в 1989 г. партия Хорватское демократическое содружество (ХДС) быстро превратилась в мощнейшую оппозиционную силу, а после победы на первых многопартийных выборах в апреле-мае 1990 г. – еще более стремительно – в общехорватскую партию власти.

Успех возглавляемого Ф. Туджманом ХДС означал выбор в пользу радикализации пути к независимости. Приход к власти партии, по своему составу практически свободной от этнически нехорватских элементов (сам Туджман, впрочем, заявлял об открытости членства в ХДС для представителей любых этнических групп), а на уровне лозунгов и символической политики оперировавшей инструментарием эпохи усташей, привел к панической реакции хорватских сербов. С одной стороны, многие из них были окрылены надеждами на всесербское возрождение, которое в тот момент олицетворял С. Милошевич. С другой стороны, память об этнических чистках периода Второй мировой войны и ожидание их повторения от нового режима ХДС побуждала хорватских сербов к не менее решительным действиям, чем те, что предпринимались из Загреба Ф. Туджманом и его правительством. По сути, радикальные изменения во внутренней политике Хорватии – в тот момент еще республики в составе СФРЮ – не оставляли пространства для хорватско-сербского компромисса. Если до фактической смены режима еще можно было рассчитывать, что площадкой урегулирования конфликтов останется многопартийный Сабор в Загребе, то после принятых новой властью решений о языке и национальной символике большинство сербов Хорватии предпочли односторонние действия в расчете на твердую поддержку Белграда и ЮНА. В результате начала реализовываться модель «сецессия внутри сецес-

сии», опробованная также и в Советском Союзе как технология сдерживания сепаратизма. Однако точно так же, как и на постсоветском пространстве, эта технология привела к возникновению новой политической реальности и усеченной (по крайней мере, в территориальном измерении) государственности нескольких стран, возникших после распада двух социалистических федераций. То обстоятельство, что сецессии Сербской Краины поддерживали влиятельные силы в Белграде, не означает, что «попытка бегства» из свободной Хорватии не отвечала страхам и надеждам значительной части сербского меньшинства. Более уместно рассматривать «сецессию в сецессии» как еще одно проявление положительной обратной связи в процессе нарастания хорватско-сербского антагонизма.

Ф. Туджман и другие деятели ХДС не были заинтересованы в поиске реального компромисса с сербским населением своей республики. В более отдаленной перспективе Туджман рассматривал Милошевича (но не лидеров хорватских сербов) в качестве равновеликого партнера по диалогу о судьбе постъюгославского пространства. Для этого ему было необходимо решительно укрепить позиции своего режима и формируемой им новой хорватской государственности. Относительная сдержанность Туджмана в риторике о будущем Югославии в первые месяцы после прихода к власти объяснялась необходимостью выиграть время для организационной, материально-технической и информационно-пропагандистской подготовки предстоящей сецессии, а также обеспечения ее международной поддержки. Причем в информационно-пропагандистском плане режим ХДС установил не менее жесткий контроль над средствами массовой информации и системой образования, чем прежний коммунистический режим [Ливо-

варенко 2013; Ugrešić 1994]. Сохранение журналистами и преподавателями лояльности Югославской федерации стигматизировалось, становилось маркером «антихорватских» устремлений. На официальном и – особенно – неофициальном уровнях «фактически были реабилитированы усташские традиции» [Гуськова 2001, с. 147]. Можно сказать, что ХДС включился в процесс конструирования хорватской идентичности при помощи механизмов государственного принуждения, имея в виду подготовку населения к серьезному, отнюдь не только политическому противостоянию в самом ближайшем будущем. Одновременно поощрялись ирредентистские настроения, и тем самым создавались благоприятные условия для вмешательства в разразившийся в 1992 г. конфликт в Боснии и Герцеговине.

При таком подходе даже символические шаги навстречу сербскому меньшинству представлялись отходом от исполнения «тысячелетней хорватской мечты» о независимой государственности. По всей видимости, жесткая ответная реакция хорватских сербов, в частности, «революция бревен» в августе 1990 г., могла рассматриваться правящими кругами в Загребе как убедительное оправдание собственных действий по ускоренному формированию и укреплению хорватских силовых структур.

Определенная готовность к поиску компромиссов проявилась в Загребе в конце 1990 г., но это было связано с подготовкой новой конституции, для поддержки проекта которой было недостаточно одной лишь электоральной базы ХДС. Фактически речь шла о компромиссе, ориентированном на объединение хорватских политических сил на решающем этапе продвижения к полной независимости, а не на поиск взаимопонимания с хорватскими серба-

ми. В частности, НГХ в тексте конституции было отказано в праве считаться историческим предшественником современной Хорватии (его создание было интерпретировано как ложный шаг тех, кто стремился к обретению независимости, но использовал для этого неприемлемые средства); одновременно подтверждалась прямая связь хорватской государственности с решениями Земельного антифашистского веча народного освобождения Хорватии (1943 г.) и всеми хорватскими конституциями, принятыми в период существования титовской Югославии. Несмотря на очевидную уступку политическим оппонентам Туджмана, прежде всего социал-демократам (бывшим коммунистам), в плане конструирования идентичности это был весьма важный шаг, помогавший избежать правового и смыслового вакуума, тотального отрицания достижений длительной исторической эпохи, с которой была связана биография подавляющего большинства имеющих право голоса хорватских избирателей. Не отказываясь от правонационалистических ориентиров и ценностных установок, составители Конституции 1990 г. осуществили попытку приспособления к задачам отделения от СФРЮ политической традиции, связанной с создателем югославской социалистической государственности. Очевидно, что через несколько месяцев, в момент провозглашения Декларации о суверенитете и самостоятельности (25.06.1991) и начала открытых военных действий, этот компромисс облегчил консолидацию основных политических сил Хорватии и формирование правительства национального единства (июль 1991 – август 1992).

Рождественская Конституция² зафиксировала этнонационалистический

консенсус в хорватском обществе. Она исключала создание в составе Хорватии территориальных автономий представителей других этносов. Конституция открывала некоторый простор для развития региональных идентичностей, но ограничивала их проявления ненаднесением ущерба правовому порядку и территориальной целостности Хорватии. Права на культурную автономию этнических меньшинств формулировались недостаточно четко; хотя сама Хорватия провозглашалась «государством хорватов и сербского народа в Хорватии», большинство хорватских сербов рассматривали совокупность всех этих конституционных новаций как отрицание их политической субъектности. Радикальный курс ХДС и фактическое согласие с ним большинства других политических сил Хорватии подтолкнули сербов к серии жестких симметричных ответов или упреждающих действий: 21 декабря 1990 г., за сутки до принятия новой хорватской конституции, была провозглашена Сербская автономная область Краина (САОК); 28 февраля 1991 г., через неделю после одобрения официальным Загребом резолюции «О разъединении с СФРЮ» («о раздружении»), органы власти САОК приняли резолюцию об отделении от Хорватии и намерении остаться в составе СФРЮ; 16 мая 1991 г., за три дня до проведения референдума о независимости Хорватии, скупщина САОК объявила о присоединении Краины к Югославии. Таким образом, можно говорить о том, что возникновение современного хорватского государства сопровождалось острым конфликтом на уровне этнополитических идентичностей, причем наиболее влиятельные акторы и с сербской, и хорватской стороны вполне осознанно шли на его усиление.

2 Принята в канун праздника Рождества, 22 декабря 1990 г.

Заключение

Две взаимосвязанные и взаимообусловленные сецессии – словенская и хорватская – положили конец существованию социалистической федеративной Югославии. Состояние и основной вектор трансформации идентичности словенцев и хорватов во второй половине 1980-х – начале 1990-х гг. благоприятствовали сецессиям, но их не предопределяли. Существенными факторами динамики идентичности выступали как вся совокупность социокультурного и исторического наследия этих двух этносов, так и особенности их положения в рамках СФРЮ – особенности, которые нельзя упрощенно оценивать в диапазоне положительных или отрицательных значений. Очень сильным было влияние внешних факторов, к которым, во-первых, следует отнести изменения в политическом ландшафте Сербии и их эхо в структурах власти на федеральном уровне, и, во-вторых, приближение коллапса политического режима в СССР и других странах Восточной Европы, а также завершение холодной войны. Наконец, влияние политических лидеров, в целом фактора политической агентности не просто значимо – именно на этом уровне шла работа с идентичностью массовых групп и ее дальнейшая трансформация, включая, в частности, быструю эрозию общегославских ценностей и титоистского идеократического метанарратива. В определенный момент нацеленность на сецессию вышла на первый план по силе воздействия на состояние идентичности словенцев и хорватов. Но в Хорватии, с приходом к власти Туджмана и ХДС, интенсивность политических трансформаций достигла качественно нового уровня. Если в Словении к 1991 г. достижение государственной независимости стало предметом консенсуса мест-

ных элит, между которыми по остальным политическим вопросам сохранялись серьезные разногласия, то в Хорватии произошло не просто установление контроля ХДС над структурами государства – практически вся система органов власти в Хорватии, если использовать терминологию Р. Брубейкера, начала функционировать в режиме «национализирующего государства» [Brubaker 1998]. Причем сверхзадачей была перезагрузка хорватского этнонационализма на государственном уровне, результатом которой стало специфическое слияние независимой государственности и монополизации политической власти Туджманом и ХДС, – так называемый феномен франьоизма [Bellamy 2013]. Последствия франьоизма до сих пор являются существенной составляющей политических процессов в Хорватии, несмотря на то, что власти в Загребе сразу после смерти Туджмана приступили к демонстративному дистанцированию от наиболее одиозных аспектов его наследия.

Вслед за отделением от СФРЮ Словении и Хорватии последовали сецессии Боснии и Герцеговины и Македонии. Их с достаточным основанием можно назвать «вынужденными сецессиями», когда выбор в пользу отделения от мультиэтнического государственного образования становился безальтернативным в силу необратимости процессов его распада или когда все другие варианты представлялись местным элитам «еще большим злом». В подобных обстоятельствах состояние идентичности титульного этноса (если таковой имелся) было далеко от полной готовности к успешному существованию в рамках независимого государства. Аналогичная картина наблюдалась и в большинстве республик бывшего СССР. При таком состоянии идентичности вновь обретшее независимость государство по необходимости

превращалось в «национализирующее государство». «Мы создали Италию, теперь осталось создать итальянцев» – эта крылатая фраза М. Д'Адзельо удачно описывает дилемму, с которой имеют дело не только лидеры государств, возникших в результате воссоединения разрозненных частей, но и многих государств, выделившихся из много-составного целого. То обстоятельство, что государства с подобными родовыми чертами появились и на пространстве бывшей Югославии, также можно рассматривать в качестве важных следствий сецессии Словении и Хорватии.

Список литературы

- Багдасаров А.Р. (2004) История развития хорватско-сербских этноязыковых отношений (1940–1990-е гг. XX в.) // Славянский вестник. Вып. 2. М.: МАКС Пресс. С. 30–49.
- Гуськова Е.Ю. (2001) История югославского кризиса (1990–2000). М.: Русское право / Русский национальный фонд.
- Ефременко Д.В., Мелешкина Е.Ю. (2020) Югославский метанарратив и современная югоностальгия в странах Западных Балкан // Политэкс. Т. 16. № 1. С. 78–100. DOI: 10.21638/spbu23.2020.105
- Манн М. (2016) Темная сторона демократии. Объяснение этнических чисток. М.: Пятый Рим.
- Михаиловић К., Крстић В. (2017) «Меморандум САНУ» после тридесет година. Београд: НИД Компанија «Новости» (на сербском).
- Никифоров К.В. (2011) Геополитический аспект югославского кризиса // Югославия в XX в. Очерки политической истории. М.: Индрик. С. 865–870.
- Пивоваренко А.А. (2013) Становление СМИ в независимой Хорватии // Славянский альманах: 2013. М.: Индрик. С. 251–255.
- Пивоваренко А.А. (2014) Предпосылки выхода Хорватии из СФРЮ. Республиканский аспект // Вестник славянских культур. № 3. С. 50–68 // https://www.elibrary.ru/download/elibrary_21970560_91603372.pdf, дата обращения 10.12.2020.
- Романенко С.А. (2000) Югославия: Кризис, распад, война. Образование независимых государств. М.: Московский общественный научный фонд.
- Старикова Н.Н. (2015) Словенские писатели и «бархатная революция» // Славянский альманах: 2015. Вып. 1–2. М.: Индрик. С. 215–224.
- Хобсбаум Э. (1998) Нации и национализм после 1780 года. СПб.: Алетейя.
- Abernethy D.B. (2000) The Dynamics of Global Dominance. European Overseas Empires, New Haven: Yale University Press.
- Acemoglu D. et al. (2002) Reversal of Fortune: Geography and Institutions in the Making of the Modern World Income Distribution // Quarterly Journal of Economics, vol. 117, pp. 1231–1294. DOI: 10.1162/003355302320935025
- Bebler A. (2017) Izzivi vojne in miru, Ljubljana: Fakulteta za družbene vede.
- Bellamy A. (2013) The Formation of Croatian National Identity. A Centuries-Old Dream? Manchester: Manchester University Press.
- Bertsch G.K. (1977) Ethnicity and Politics in Socialist Yugoslavia // The Annals of the American Academy of Political and Social Science, vol. 433, no 1, pp. 88–99. DOI: 10.1177/000271627743300109
- Bhabha H.K. (1994) The Location of Culture, Oxford: Oxford University Press.
- Bourdieu P. (1990) In Other Words. Essays towards a Reflexive Sociology, Stanford: Stanford University Press.
- Brown C.L. (ed.) (1996) Imperial Legacy. The Ottoman Inprint on the Balkans and the Middle East, New York: Columbia University Press.
- Brubaker R. (1998) Myths and Misconceptions in the Study of Nationalism //

The State of the Nation. Ernest Gellner and the Theory of Nationalism (ed. Hall J.), Cambridge, UK: Cambridge University Press, pp. 272–306.

Collier R.B., Collier D. (1991) Shaping the Political Arena. Critical Junctures, the Labor Movement and Regime Dynamics in Latin America, Princeton (NJ): Princeton University Press.

Dimitrova-Grajzl V. (2007) The Great Divide Revisited: Ottoman and Habsburg Legacies on Transition // KYKLOS, vol. 60, no 4, pp. 539–558. DOI: 10.1111/j.1467-6435.2007.00384.x

Gross M. (2000) Izvorno pravaštvo – ideologija, agitacija, pokret, Zagreb: Golden marketing.

Hobsbawm E.J. (1997) The End of Empires // After Empire: Multiethnic Societies and Nationbuilding. The Soviet Union, and the Russian, Ottoman and Habsburg Empires (eds. Barkey K., von Hagen M.), Boulder (Col.), Oxford: Westview press, pp. 12–18.

Nacionalni sastav stanovništva SFR Jugoslavije (1981). Knjiga I, Beograd: IŠP “Savremena administracija”.

Perovšek J. (2004) Srbi vladajo, Hrvati razpravljajo, Slovenci plačujejo: Mit in resničnost prve Jugoslavije // Časopis za zgodovino in narodopisje, vol. 75, no 2–3, pp. 405–427.

Ramet P. (1985) Apocalypse Culture and Social Change in Yugoslavia // Yugoslavia in the 1980s (ed. Ramet P.), Boulder (Col.): Westview Press, pp. 3–26.

Repe B. (2008) Regional Differences, Slovene National Identity, and the Foundation of the Slovenian State // Slovene Studies, vol. 30, no 2, pp. 255–263 // <https://journals.lib.washington.edu/index.php/ssj/article/viewFile/14774/12383>, дата обращения 10.12.2020.

Ugrešić D. (1994) The Culture of Lies // Index on Censorship, vol. 23, no 1–2, pp. 23–43.

Velikonja M. (2009) Lost in Transition // East European Politics and Societies, vol. 23, no 4, pp. 535–551.

DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-1-4

Identity and Secession: The Case of the Secession of Slovenia and Croatia from Yugoslavia

Dmitry V. EFREMENKO

DSc in Politics, Deputy Director

Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (INION RAN), 117997, Nakhimovskij Av., 51/21, Moscow, Russian Federation

E-mail: efdv2015@mail.ru

ORCID: 0000-0001-6988-472X

CITATION: Efremenko D.V. (2021) Identity and Secession: The Case of the Secession of Slovenia and Croatia from Yugoslavia. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 14, no 1, pp. 74–97 (in Russian).

DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-1-4

Received: 10.10.2020.

ACKNOWLEDGEMENTS: The study was carried out at the Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences as part of the work on the RSF project no 19-011-00662 "Formation of national-state identity and choice of geopolitical orientation in the countries that emerged after the collapse of Yugoslavia: a comparative study".

ABSTRACT. *The secessions of Slovenia and Croatia – two interrelated and interdependent processes – put an end to the existence of the socialist federal Yugoslavia. The article examines the mutual influence of the identity transformations of the Slovenes and Croats in the second half of the 1980s – early 1990s and the disintegration of the SFRY. Historical and cultural background, the influence of socio-political conditions and the purposeful efforts of key actors to transform identities are analyzed.*

It is shown that the main vector of changes in the identity of Slovenes and Croats in the second half of the 1980s – early 1990s favored secessions, but they were not predetermined. The influence of external factors was very strong, including, firstly, changes in the political landscape of Serbia and their echoes in the

structures of power at the federal level, and, secondly, the approaching collapse of the political regime in the USSR and other countries of Eastern Europe, and also the end of the Cold War.

The actions of political leaders were of particular importance for the transformations in the sphere of identity. Thanks to their efforts, the secessionist strategies strongly affected the identities of Slovenes and Croats. But in Croatia, with the coming to power of F. Tudjman and the Croatian Democratic Union, practically the entire system of government bodies began to function in the regime of a "nationalizing state" (R. Brubaker).

KEYWORDS: *identity, ethno-nationalism, secession, political agency, disintegration of the SFRY, Slovenia, Croatia, Serbia*

References

- Abernethy D.B. (2000) *The Dynamics of Global Dominance. European Overseas Empires*, New Haven: Yale University Press.
- Acemoglu D. et al. (2002) Reversal of Fortune: Geography and Institutions in the Making of the Modern World Income Distribution. *Quarterly Journal of Economics*, vol. 117, pp. 1231–1294. DOI: 10.1162/003355302320935025
- Bagdasarov A.R. (2004) History of the Development of Croatian-Serbian Ethno-Linguistic Relations (1940–1990es XX century). *Slavyanskiy Vestnik*, Issue 2, Moscow: MAX Press, pp. 30–49 (in Russian).
- Bebler A. (2017) *Izzivi vojne in miru*, Ljubljana: Fakulteta za družbene vede.
- Bellamy A. (2013) *The Formation of Croatian National Identity. A Centuries-Old Dream?* Manchester: Manchester University Press.
- Bertsch G.K. (1977) Ethnicity and Politics in Socialist Yugoslavia. *The Annals of the American Academy of Political and Social Science*, vol. 433, no 1, pp. 88–99. DOI: 10.1177/000271627743300109
- Bhabha H.K. (1994) *The Location of Culture*, Oxford: Oxford University Press.
- Bourdieu P. (1990) *In Other Words. Essays towards a Reflexive Sociology*, Stanford: Stanford University Press.
- Brown C.L. (ed.) (1996) *Imperial Legacy. The Ottoman Inprint on the Balkans and the Middle East*, New York: Columbia University Press.
- Brubaker R. (1998) Myths and Misconceptions in the Study of Nationalism. *The State of the Nation. Ernest Gellner and the Theory of Nationalism* (ed. Hall J.), Cambridge, UK: Cambridge University Press, pp. 272–306.
- Collier R.B., Collier D. (1991) *Shaping the Political Arena. Critical Junctures, the Labor Movement and Regime Dynamics in Latin America*, Princeton (NJ): Princeton University Press.
- Dimitrova-Grajzl V. (2007) The Great Divide Revisited: Ottoman and Habsburg Legacies on Transition. *KYKLOS*, vol. 60, no 4, pp. 539–558. DOI: 10.1111/j.1467-6435.2007.00384.x
- Efremenko D.V., Meleshkina E.Yu. (2020) Yugoslavian Metanarrative and Modern Yugonostalgia in the Western Balkans. *Politex*, vol. 16, no 1, pp. 78–100 (in Russian). DOI: 10.21638/spbu23.2020.105
- Gross M. (2000) *Izvorno pravaštvo – ideologija, agitacija, pokret*, Zagreb: Golden marketing.
- Guskova E. (2001) *History of the Yugoslav Crisis (1990–2000)*, Moscow: Russkoe pravo / Rossijskij nauchnyj fond (in Russian).
- Hobsbawm E.J. (1997) The End of Empires. *After Empire: Multiethnic Societies and Nationbuilding. The Soviet Union, and the Russian, Ottoman and Habsburg Empires* (eds. Barkey K., von Hagen M.), Boulder (Col.), Oxford: Westview press, pp. 12–18.
- Hobsbawm E.J. (1998) *Nations and Nationalism after 1780*, Saint-Petersburg: Al'teya (in Russian).
- Mann M. (2016) *The Dark Side of Democracy. Explanation of Ethnic Cleansing*, Moscow: Izdatel'stvo «Pyatyy Rim» (in Russian).
- Mihailović K., Krešić V. (2017) “SANU Memorandum” After Thirty Years, Belgrade: NID kompanija “Novosti” (in Serbian).
- Nacionalni sastav stanovništva SFR Jugoslavije (1981). Knjiga I, Beograd: IŠP “Savremena administracija”.
- Nikiforov K.V. (2011) Geopolitical Aspect of the Yugoslav Crisis. *Yugoslavia in the XX Century. Essays on Political History*, Moscow: Indrik, pp. 865–870 (in Russian).
- Perovšek J. (2004) Srbi vladajo, Hrvati razpravljajo, Slovenci plačujejo: Mit in resničnost prve Jugoslavije. *Časopis za zgodovino in narodopisje*, vol. 75, no 2–3, pp. 405–427.
- Pivovarenko A.A. (2013) Formation of Mass Media in Independent Croatia. *Slavic*

Almanac: 2013, Moscow: Indrik, pp. 251–255 (in Russian).

Pivovarenko A.A. (2014) Prerequisites for Croatia's Exit from the SFRY. Republican Aspect. *Bulletin of Slavic Cultures*, no 3, pp. 50–68. Available at: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_21970560_91603372.pdf, accessed 10.12.2020 (in Russian).

Ramet P. (1985) Apocalypse Culture and Social Change in Yugoslavia. *Yugoslavia in the 1980s* (ed. Ramet P.), Boulder (Col.): Westview Press, pp. 3–26.

Repe B. (2008) Regional Differences, Slovene National Identity, and the Foundation of the Slovenian State. *Slovene Studies*, vol. 30, no 2, pp. 255–263. Available at:

<https://journals.lib.washington.edu/index.php/ssj/article/viewFile/14774/12383>, accessed 10.12.2020.

Romanenko S.A. (2000) *Yugoslavia: Crisis, Decay, War. Formation of Independent States*, Moscow: Moskovskij obschestvennyj nauchnyj fond (in Russian).

Starikova N.N. (2015) Slovenian Writers and the “Velvet Revolution”. *Slavic Almanac: 2015*, Issue 1–2, Moscow: Indrik, pp. 215–224 (in Russian).

Ugrešić D. (1994) The Culture of Lies. *Index on Censorship*, vol. 23, no 1–2, pp. 23–43.

Velikonja M. (2009) Lost in Transition. *East European Politics and Societies*, vol. 23, no 4, pp. 535–551.

Проблемы Старого Света

DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-1-5

Брекзит: сепаратизм, популизм и социальная трансформация британского общества

Светлана Игоревна КОДАНЕВА

кандидат юридических наук, старший научный сотрудник
Институт научной информации по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН),
117218, ул. Кржижановского, д. 15, к. 2, Москва, Российская Федерация
E-mail: kodanevas@gmail.com
ORCID: 0000-0002-8232-9533

ЦИТИРОВАНИЕ: Коданева С.И. (2021) Брекзит: сепаратизм, популизм и социальная трансформация британского общества // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. Т. 14. № 1. С. 98–117.
DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-1-5

Статья поступила в редакцию 27.09.2020.

АННОТАЦИЯ. 31 января 2020 г. Великобритания покинула Европейский союз. Со времени референдума 2016 г. сложился значительный пласт литературы, призванной дать ответ на вопрос, почему жители страны приняли именно такое решение. Настоящая статья вносит свой вклад в научные исследования по рассматриваемой тематике.

Новизна представленного исследования заключается в том, что оно, в отличие от большинства имеющихся работ, не акцентировано на проблемах миграции и ухудшения социально-экономических условий жизни населения страны. В статье доказывается, что сами по себе эти факторы не объясняют столь широкую поддержку Брекзита всеми слоями населения. В качестве одной из ключевых причин развития сепаратистских настроений в Великобритании рассматривается социальная трансформация всего западного общества, приведшая к разрушению привычных социаль-

ных связей и традиционных основ самоидентификации личности. Человек перестает чувствовать себя частью чего-то целого и неизменного, что вызывает чувство страха, неуверенности и беспомощности у многих людей, независимо от социальной принадлежности. Это заставляет искать источник стабильности в прошлом страны, когда она была независимой и великой империей, что нашло воплощение в мифе о «Глобальной Британии».

Популистский лозунг «Вернем контроль» основан на исторически сложившихся непреодолимых институциональных различиях между Великобританией и континентальной Европой, главным из которых является отношение Великобритании к прецедентному праву Суда ЕС, расширительные толкования которого включались в административную практику страны, что вступало в противоречие с представлением жителей о демократии.

Наконец, проанализировано, как эти глубинные предпосылки нашли воплощение в популистской риторике кампании «за выход», сторонники которой использовали методологию постправды, предлагая широкий набор популистских инструментов как интеллектуального, так и эмоционального характера практически для всех групп населения, очень точно подбирая информацию для различных каналов коммуникации.

Результаты настоящего исследования могут быть полезны для анализа националистических и сепаратистских настроений в странах Запада и прогнозирования дальнейшего развития событий.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Брекзит, Великобритания, Европейский союз, сепаратизм, национализм, «Глобальная Британия», постправда, политический миф, социальная трансформация общества

Введение

Утром в день референдума о Брекзите тысячи гражданских активистов праздновали победу, провозглашая «свободу» и «независимость». Два дня спустя, 25 июня 2016 г., на первой полосе Daily Mail было напечатано: «Это был день, когда тихий народ Британии восстал против <...> брюссельской элиты» (цит. по [Frosini, Gilbert 2020]). Возникает вопрос: почему так много «тихих людей» восприняли выход из ЕС как освобождение? Чем можно объяснить, что победили, хотя и с незначительным отрывом (всего 51,9% против 48,1%), но

все же сепаратистские настроения и желание «независимости».

Многие обозреватели и ученые предлагали свои объяснения происшедшему, акцентируя внимание на проблеме миграции¹, поскольку именно она стала ключевым лейтмотивом агитации сторонников кампании «за выход» (см., например, [Фадеева 2018; Благовещенский 2017]). Эта проблематика часто связывается с нарастанием национал-популизма (см., например, [Seidler 2020; Bhambra 2017; Wincott 2017]). К. Худoley и Н. Еремина объясняют данный феномен преимущественно проблемами безопасности [Худoley, Еремина 2017].

Кроме того, некоторые авторы полагают, что евроскептицизм связан с национальными особенностями британцев, которые никогда не считали себя европейцами. Действительно, социологические опросы показывают постепенное укрепление национальной идентичности британцев на фоне ослабления сопричастности к Евросоюзу (51% респондентов в 2015 г. против 44% в 2007 г. ставят на первое место национальную идентичность, а доля тех, кто соотносит себя с Евросоюзом, сократилась с 8 до 5%) [Кузнецова, Хахалкина 2018, с. 53].

Большинство российских авторов в качестве причины видят ухудшение качества жизни в результате финансово-экономического кризиса 2008 г. (повышение налогов и сокращение социальных расходов, снижение жизненного уровня) (см., например, [Шибкова 2016; Фадеева 2018]) и желание показать правительству свое недовольство [Ананьева 2017, с. 111].

1 В настоящей статье под словом «миграция» понимается перемещение граждан государств – членов ЕС в Великобританию в рамках закрепленного Договором о ЕС права на свободу передвижения граждан стран – членов ЕС внутри Союза. Автор использует данный термин для обозначения внутренней миграции в границах ЕС, поскольку это соответствует сложившейся и широко используемой в зарубежной и отечественной научной литературе применительно к данному контексту терминологии.

Как подчеркивает А. Громыко, Брекзит стал проявлением общих для всего коллективного Запада проблем: прогрессирующей дифференциации в доходах среднего класса, расслоения, обеднения его нижних слоев [Громыко 2016].

Таким образом, если проанализировать все сложившиеся мнения о причинах Брекзита, то можно объединить их в три группы:

1. Нарастание национализма из-за возрастающего притока мигрантов.
2. Снижение уровня жизни после кризиса 2008 г. и 7 лет политики «жесткой экономии», которую проводило правительство страны.
3. Недовольство тем, что правительство безразлично к проблемам народа, а «брюссельская бюрократия» навязывает свои предписания.

Действительно, внешний фон голосования за Брекзит был в основном связан с двумя тезисами: увеличение количества мигрантов из стран ЕС и утрата суверенитета. Однако представляется, что все это только верхушка айсберга и не следует пренебрегать позитивной политической идеологией сторонников отделения. Люди, голосовавшие «за выход», голосовали за что-то, а не только против ЕС, элит или социальной несправедливости.

Настоящая статья преследует цель выявить и проанализировать глубинные причины, руководившие людьми.

Во-первых, неверным будет утверждать, что «за выход» голосовали исключительно малообеспеченные и плохо образованные низшие слои местного населения, пострадавшие в результате глобализации, а потому настроенные националистически по отношению ко всем «чужим». Такое утверждение не объясняет тот факт, что сторонниками Брекзита была значительная часть эко-

номически благополучных граждан, а также тех, кто, несмотря на низкую привязанность к своей британской идентичности, относительно высокий образовательный уровень и удовлетворенность внутренней демократией, предпочли выход из ЕС [Pensiero 2020].

Антиевропейское движение опиралось на многочисленные мелкие денежные пожертвования, а также на значительные финансовые поступления от богатых и евроскептически настроенных менеджеров хедж-фондов [Воробьева 2016, с. 47]. Так, более 50% пожертвований на кампанию перед референдумом поступило от 10 богатых спонсоров, 6 из которых поддерживали Брекзит [Ананьева, Каневский 2016, с. 33].

Следует подчеркнуть, что риторику сторонников Брекзита, вне зависимости от их политической принадлежности, объединяет обещание, что Великобритания снова станет великой, независимой, демократической и суверенной, т. е. обещание вернуть великое прошлое.

В чем же причина притягательности этого простого посыла? Почему ностальгия оказалась сильнее, чем голос разума (все ведущие эксперты прогнозировали серьезные экономические потрясения в случае разрыва с ЕС).

Так, М. Карни – управляющий Банком Англии – заявил, что «голосование за выход из Европейского союза может ... спровоцировать рецессию» [Robertson 2016]. Глава МВФ К. Лагард – что выход из ЕС приведет к тяжелым экономическим последствиям [IMF Says Brexit 2016]. Британский институт финансовых исследований предсказал двухлетнюю жесткую экономию после Брекзита [Emmerson et al. 2016].

Представляется, что поддержка избирателями «выхода» обусловлена тремя ключевыми факторами:

1. Глобальная социальная трансформация, происходящая в мире.

2. Глубокие институциональные противоречия между Великобританией и Евросоюзом.
3. Эффективное использование кампанией «за выход» инструментов постправды.

Рассмотрим эти три ключевых, на наш взгляд, фактора более подробно. Однако начнем с анализа выдвигаемого некоторыми авторами тезиса о роли национал-популизма и нарастании националистических и ксенофобских настроений в британском обществе.

Роль национал-популизма в результатах голосования за Брекзит

Многие исследователи связывают результаты голосования за Брекзит с возрастанием правого популизма, который по своей природе близок национализму в силу того, что апеллирует к «народу» и противопоставленным ему «другим». Так, С. Валлуван полагает, что обращение к народу привязано к конкретной территории национального государства, что превращает его в «местечковый шовинизм» [Valluvan 2020]. По мнению Р. Брубакера, различий между популизмом и национализмом ни исторически, ни в современном политическом поле не существует [Brubaker 2017].

Стоит задуматься: насколько верны подобные утверждения? И действительно ли можно однозначно поставить знак равенства между популизмом и национализмом?

Тема популизма впервые была поднята Р. Хофштадтером в 1964 г. в книге «Параноидальный стиль в американской политике», где говорится, что правые радикалы психологически стоят вне рамок нормальной демократической политики, а «популизм» объ-

яснялся как своего рода патология в послевоенных западных обществах [Bergmann 2020].

Распространение популизма в современной Европе, напротив, гораздо шире и переходит из разряда маргинальных движений в мейнстрим политики. Популизм перестает быть патологией, т. е. отклонением от общепризнанного «нормального», и находит отклик в мировоззрении тех людей, которые не получают защиты в рамках существующего государственного порядка. Популистские лидеры объясняют это тем, что политика становится все более чуждой народу и, следовательно, – менее демократичной.

В этой связи популизм является легитимной стратегией противостояния политической элите и превращается в инструмент борьбы со сложившимися властными отношениями. Обычно популисты предлагают простые решения сложных проблем, обвиняя правящую верхушку в преследовании своих корыстных целей.

Кроме того, популизм становится методом политической мобилизации и коммуникации. Это целенаправленная политика разрушения существующей политической системы или противодействия подготовленным политическим решениям. Например, Л. Соренсен описывает, как популисты претендуют на истину, «разоблачая деятельность элит» [Sorensen 2018].

Следовательно, основной целью современного популизма выступают политические элиты, а объектом эмоционального воздействия – народ. То есть популизм действует по вертикальной оси, противопоставляя «народ» «элите», при этом «народ» объединяет различные и даже маргинальные группы. Напротив, «национализм» действует по горизонтальной оси, проводя противопоставление между «нами» и «ими». Причем центральным элемен-

том такого противопоставления являється «нация».

Таким образом, нельзя согласиться с абсолютным отождествлением национализма и популизма. А в качестве контраргумента применительно к Брекситу следует заметить, что одна из центральных тем идеи «Глобальной Британии» связана с «внутренним интернационализмом», который позволил ряду обозревателей объяснить результаты референдума готовностью британцев вновь «утвердить свою глобальную идентичность» [Eaton (1) 2020].

Что касается национальной идентичности, то, как наглядно демонстрируют Б. Де Клине и Я. Ставракakis, речь идет не столько о национализме, сколько о попытке идентификации себя в мире, что является чисто политической игрой [De Cleen, Stavrakakis 2017].

Таким образом, популистская риторика сторонников выхода была нацелена на недовольства и страхи жителей страны, с одной стороны, обещание возвращения в былые «золотые» времена, с другой стороны, и поиск очевидного и материального «виновника» всех существующих бед – с третьей стороны. Безусловно, нельзя не признать, что массовое и постоянное декларирование негативного образа мигрантов, которые виноваты в снижении доходов и потере рабочих мест местными жителями, не могло не вызвать всплеска националистических настроений. Однако представляется, что это фактор второго порядка, связанный именно с необходимостью найти наглядное и «овеществленное зло», проистекающее из ЕС, на которое можно излить гнев и недовольство. Современный британский «национализм» и «сепаратизм» – явление иного порядка. Оно происходит не столько от «нелюбви» к мигрантам и вообще «иным» (коими являются континентальные европейцы), сколько обусловлено рядом иных причин, которые будут рассмотрены далее.

Значение глубокой социальной трансформации Западного мира для исхода голосования за Брексит

Итак, популисты предлагают простой ответ на те проблемы, которые современные либеральные демократии не могут решить. Эмоции людей, на которых играют популисты, являются результатом гораздо более широких социальных изменений, чем простое снижение уровня жизни и безопасности. Речь идет об утрате доверия к стабильности социального мира.

Э. Дуркхайм утверждает, что в настоящее время мы являемся свидетелями не столько краха доверия к институтам самой демократии, сколько краха доверия к стабильности социального мира. Именно эта трансформация подрывает чувство идентичности и сопричастности людей и, следовательно, может быть реальной причиной роста популизма (цит. по [van der Walt 2020]).

Это позволяет объяснить, почему за выход из ЕС агитировали и голосовали представители всех социальных слоев. Глобальный капитализм и связанные с ним технологические преобразования не только угрожают условиям жизни так называемых проигравших в глобализации, но и трансформируют условия жизни тех, кто имеет экономический достаток и может считать себя в относительной безопасности. Этот общий характер социальной трансформации объясняет, почему она все больше утрачивает определяемую классовую основу и почему традиционные политические партии становятся все менее различимыми в своих программах, сражаясь с истеблишментом и не предлагая альтернатив существующему положению [Евросоюз на перекрестке 2018].

Социальный кризис, с которым сталкиваются современные демократии, следует рассматривать с точки зре-

ния внутреннего самоощущения европейцев, чувства внутреннего беспокойства и неудовлетворенности, которое стало широко распространено среди значительной части населения. Речь идет о разрушении доверительных социальных отношений внутри человеческого сообщества.

В нормальных условиях демократические правительства имеют достаточно сильную социальную базу, чтобы смягчить возможные несовершенства принятия политических решений. Сила гражданского общества проистекает из его внутренней организации в сообщества, которые могут формулировать ценности, отстаивать свои политические позиции. Такая система организации взаимоотношений между «обществом» и «властью» придает легитимность результатам демократических процедур, даже если они не отвечают ожиданиям определенных групп общества. Профессиональные сообщества, религиозные общины, неправительственные организации, стабильные семейные отношения и институты самоуправления создают основу для самореализации людей, которая компенсирует отсутствие представительства на политическом уровне.

В. Хайтмейер раскрывает взаимосвязь роста популизма в Германии с трансформацией капитализма за последние 30 лет. Как он отмечает, в основе растущего недовольства либерально-демократическими институтами лежит распространение «авторитарного капитализма», при котором экономические институты доминируют над социальными и политическими. «Благодаря этому новому доминированию растет напряженность между принципами капиталистической экономики, основанной на неравенстве и силе наиболее приспособленных, и демократией, основанной на равенстве» (цит. по [van der Walt 2020]).

Более того, этот новый капитализм превращает рыночную экономику в рыночное общество, тем самым разрывая традиционные социальные связи, навязывая свои ценности и паттерны как единственно верные и возможные. Это приводит к маргинализации или уничтожению всех форм общественного взаимодействия, за исключением экономического. Навязываемая обществу в качестве основной догма гибкости приводит к разрушению традиционных форм жизни и целостности личности, а далее – к чувству потери контроля над личным жизненным выбором и свободы самому строить свою жизнь, что сопровождается ощущением бесправия. В. Хайтмейер провел широкое эмпирическое исследование, выявившее растущее влечение к популизму среди групп с высоким уровнем дохода. Он эмпирически опровергает тезис о том, что популизм, особенно правый, в основном поддерживают те, кто в силу недостаточного образования, возраста и иных социальных причин проиграл от глобализации (цит. по [van der Walt 2020]).

То, как современный капитализм влияет на человеческую личность, описано ведущими теоретиками, участвующими в дебатах о постмодернистском обществе и идентичности. В их трудах определены три направления разрушения стабильных структур гражданского общества в западных демократиях в результате развития капитализма: индивидуализация, ускорение и демографическая трансформация.

Индивидуализация проявляется в том, что поиск личностной самореализации все больше вытесняет традиционную идентичность, определяемую социальной средой, и в то же время люди потеряли безопасность стабильных, долгосрочных рабочих контрактов как горизонт индивидуального жизненного выбора. Если в конце прошлого ве-

ка чувство свободы и эмансипации опиралось на стабильную институциональную структуру, то теперь такой опоры не стало, зато возникло понимание, что не все могут справиться с этой новой свободой и найти себя. Это порождает чувства неуверенности, страха и бессилия.

Ускорение обусловлено стремительным развитием технологий, трансформировавших личную жизнь человека, которая, как и его профессиональная карьера, перестала быть стабильной. Если раньше выбор профессии, семьи, религии и места жительства, как правило, был долгосрочным, создававшим основу для самоидентификации, то жизнь современного человека – это серия ситуативных или временных идентичностей, а большинство жизненных выборов структурируются вокруг «проектов». Это приводит к потере автономии и контроля над основными условиями своей жизни, а затем – к эрозии личности и характера, вплоть до психологических патологий, таких как депрессия и выгорание [Sennett 1998].

Наконец, демографическая трансформация связана с нарастающей миграцией. Молодые и здоровые люди уезжают в надежде найти лучшие условия труда. Оставшееся население, в основном пожилое и менее мобильное, страдает от того, что И. Крастев называет «демографической паникой»: страха, что страна и ее население перестанут существовать [Крастев 2018]. И хотя это направление более характерно для стран Восточной Европы, где в постсоветский период произошел массовый отток населения, старшее поколение обеспеченных стран Европы, таких как Великобритания, испытывают те же страхи из-за значительно возросшего числа мигрантов.

Таким образом, не только «национализм», «сепаратизм», «недовольство

властями» побудили жителей Великобритании проголосовать за выход из ЕС. Это была эмоциональная реакция на совокупность системных проблем современного западного демократического общества, чем успешно воспользовались сторонники Брекзита, сумевшие предложить заманчивую альтернативу.

Чтобы лучше понять эмоциональные механизмы, лежащие в основе происшедшего, будет полезным обратиться к теории эффективной и аффективной интерпелляции М. Мандельбаума, включающей три элемента: фантазию, радость и потерю [Mandelbaum 2020]. Потеря для жителей Великобритании – это «украденные» великое прошлое их страны, стабильность, уверенность в завтрашнем дне и гордость за свои демократические институты, являющиеся образцом для всего мира. Брекзит – это фантазия, обещающая вернуть «лучшие времена». Неслучайно эта фантазия была облечена в форму политического мифа о «Глобальной Британии», рождающего чувство гордости за страну, уверенности в завтрашнем дне, т. е. радости.

Неудивительно, что кампания «за выход» отличалась сплоченностью и крайне позитивным характером. Так, евроэнтузиасты не гнушались личными выпадами против своих оппонентов, не демонстрировали также уважения и друг к другу, регулярно критикуя своих же сторонников и Евросоюз. Аргументация евроэнтузиастов напоминала знаменитый афоризм Уинстона Черчилля «демократия – худшая форма правления, не считая всех остальных». Другими словами, Евросоюз плох, но он – лучшее из того, что у нас есть [Благовощенский 2017]. Видимо, поэтому основной аргумент евроэнтузиастов строился на демонстрации губительности для экономики страны выхода из Союза. Не зря евроскептики окрестили

агитацию своих противников «проектом страха» [Frosini, Gilbert 2020].

Напротив, евроскептики были крайне корректны к своим оппонентам. Они демонстрировали сплоченность, несмотря на свою принадлежность к разным политическим партиям, и были, вопреки своему названию, оптимистичны, ведь они формулировали фантазию, обещая достижение счастья и радости, утраченных после вступления Великобритании в ЕС.

Вероятно, именно это, в конечном итоге, во-многом повлияло на результаты голосования.

Институциональные противоречия между Великобританией и Европейским союзом

В научной литературе, посвященной анализу причин Брекзит, довольно часто высказывается мнение о том, что причина поддержки выхода из ЕС связана с культурными различиями между жителями континентальной Европы и островитянами.

Безусловно, культурные различия сыграли не последнюю роль в риторике кампании «за выход», однако, как представляется, важнее институциональные различия систем общего (британского) и континентального права. Именно эти различия легли в основу лозунга «Вернем контроль». Этот аргумент носит более интеллектуальный характер, чем общая риторика о «Глобальной Британии».

Убеждение в том, что членство в ЕС несовместимо с доктриной парламентского суверенитета, заставило ряд интеллектуалов, таких как Д.Э. Пауэлл, Д. Джей и Т. Бенн, в свое время выступать категорически против вступления в Европейское экономическое сообщество (ЕЭС).

Самым страстным сторонником этой позиции был Д.Э. Пауэлл, для которого парламент был буквально душой нации: «уберите парламент из истории Англии, и сама эта история станет бессмысленной. <...> Суверенитет нашего парламента является для нас чем-то иным, чем ваши собрания для вас» (цит. по [Frosini, Gilbert 2020]). Подобные аргументы, хотя и в более сдержанной манере, высказывали многие выдающиеся юристы, такие как Лорд Деннинг.

Тем не менее существует и иная точка зрения, которая опирается на тот факт, что обязанность судов страны отдавать приоритет нормам ЕС проистекает из Акта о ЕЭС 1972 г., т. е. из акта британского парламента, а значит, и его верховенство остается неизменным. И, действительно, если бы расширение полномочий Евросоюза происходило исключительно законодательным путем, то вряд ли бы Британия была столь чувствительна к потере своего суверенитета.

Проблема заключается в природе общего права, как основанного на прецеденте. «Прецедентное право было ключевым принципом традиции общего права. <...> Прецеденты могут рассматриваться де-факто, если не де-юре, как основные источники англо-американского права» [Mattei, Pes 2008, p. 273]. Но, в то же время, британские суды никогда не покушались на парламентский суверенитет. Традиция парламентского суверенитета подчеркивает свободу законоотворчества в любой области, при этом суды не могут оспаривать решения парламента [Goldsworthy 2015], поскольку судебная власть рассматривается как потенциально недемократическая [Tabarelli 2013].

Это резко контрастирует с историей расширительного толкования четырех основных свобод (свобода передвижения товаров, услуг, людей и капита-

лов), зафиксированных в Римском, а затем в Лиссабонском договорах. Поскольку право ЕС не определяет сферу исключительной компетенции государств-членов, европейский судебный контроль фактически под видом защиты указанных свобод существенно ограничивает парламентский суверенитет государств принимать или отменять любой закон, что несовместимо с традицией парламентского суверенитета².

Продemonстрировать значение данного институционального противоречия можно на примере наиболее политизированной в ходе кампании за Брекзит темы миграции. Д.С. Мартинсен и Г. Фалкнер провели подробный анализ прецедентного права Суда ЕС и наглядно продемонстрировали, как современное вторичное право социального обеспечения ЕС было сформировано прецедентным правом Суда ЕС, который постоянно ссылался на закрепленное в Договоре о ЕС требование свободы передвижения³. Кроме того, Суд неоднократно противодействовал попыткам государств-членов контролировать свои расходы на социальное обеспечение прибывающих в их страны лиц со ссылкой на предусмотренный договором запрет дискриминации по признаку гражданства [Martinsen, Falkner 2011].

Договор о ЕС закрепил, что «гражданам обеспечивается свободное передвижение во взаимосвязи с соответствующими мерами по вопросам контроля внешних границ, предоставления убежища, иммиграции, а также предотвращения преступности и борьбы с этим явлением» [Договор о Европейском Союзе]. Принимая данную норму, государства-члены были уверены, что оговорки, касающиеся «соответствующих мер», означают для них сохранение суверенитета в вопросах гражданства и социального обеспечения.

Однако Суд ЕС стал планомерно отстаивать равные права граждан ЕС на социальную поддержку на всей территории Союза, независимо от их трудового вклада в экономику государства пребывания, защищать право граждан-мигрантов, которые не являются экономически активными, требовать для них всех льгот, доступных в принимающем государстве для местных жителей⁴.

Такое развитие прецедентного права Суда ЕС противоречило директивам ЕС, в соответствии с которыми государства-члены могут требовать от прибывающих граждан в течение первых пяти лет проживания быть финансово самостоятельными и иметь всеобъемлющую медицинскую страховку.

2 См, например, Решение Суда ЕС от 23.03.1982 № C-53/81 по делу D.M. Levin v Staatssecretaris van Justitie. В данном деле предметом рассмотрения было толкование статьи 48 Договора о ЕЭС и некоторых положений директив сообщества о свободном передвижении лиц внутри сообщества. Суд ЕС указал, что «Понятия «работник» и «деятельность в качестве наемного работника» определяют сферу применения одной из основных свобод, гарантированных договором, и не могут толковаться ограничительно. Положения законодательства ЕЭС, касающиеся свободы передвижения трудящихся, распространяются на гражданина, который осуществляет на территории другого государства-члена деятельность в качестве занятого лица, приносящую доход ниже прожиточного минимума, при условии, что он осуществляет деятельность в качестве наемного работника. Мотивы, которые могли побудить работника одного государства-члена искать работу в другом государстве-члене, не имеют значения в отношении его права въезжать и проживать на территории последнего государства». Позже эта позиция Суда ЕС была закреплена в ряде других дел. Так, в Решении от 04.02.2010 № C-14/09 по делу Hava Genc v Land Berlin было закреплено право на признание «работником» и получение социального обеспечения при сокращенном (5-часовом) рабочем дне.

3 Более подробно анализ прецедентного права Суда ЕС см. в [Martinsen, Falkner 2011].

4 См., например, Решение Суда ЕС от 20.09.2001 № C-184/99 по делу Rudy Grzelczyk v Centre public d'aide sociale d'Otignies-Louvain-la-Neuve, в котором Суд ЕС закрепил обязанность государств-членов проявлять «финансовую солидарность с гражданами других государств-членов».

Тем не менее традиции общего права привели к тому, что закрепленный прецедентным правом Суда ЕС низкий порог для признания мигранта работником, имеющим право на социальные пособия, нашли прямой путь в административную практику, сохраняя ссылки на толкования Суда⁵. Эти частые ссылки, обосновывающие претензии на социальные права, подчеркивали институциональный конфликт с парламентским суверенитетом Великобритании. В результате, во-первых, легитимность социальных прав мигрантов из ЕС в глазах местных жителей страны была подорвана, а во-вторых, с новой силой стал звучать аргумент об утрате суверенитета страны, выражающегося в парламентском суверенитете.

Таким образом, именно это глубокое институциональное несоответствие в понимании роли прецедента в системе права, а также соотношения полномочий судебной власти и парламента позволяет объяснить, почему «возвращение контроля» стало столь значимым аргументом в пользу «выхода» Великобритании из ЕС.

Политика постправды в кампании за Брекзит

Слухи, городские легенды, фольклор и другие способы устной передачи информации всегда существовали в человеческих обществах. И сфабрикованные новости также распространялись основными средствами массовой информации еще в XX в. То есть фейки сами по себе не являются новеллой. Однако появление цифровых медиа оказалось особенно эффективным для ши-

рокого распространения подобных историй, что ввело в политический лексикон новый термин «постправды», который означает, что «объективные факты менее существенны при формировании общественного мнения, по сравнению с обращением к эмоциям и личным убеждениям» [Грачев, Евстифеев 2020].

Анализ позиции британских СМИ в предшествовавшие референдуму годы, а также самой кампании «за выход» наглядно демонстрирует, насколько существенную роль играют инструменты постправды в формировании общественного мнения.

Так, британская пресса оказывала постоянное сопротивление европейскому проекту еще с момента ратификации Договора о ЕС. Основную роль в создании атмосферы истерии вокруг проблемы Европы сыграли основные ежедневные газеты и их главные обозреватели. Не проходило и дня, чтобы, по крайней мере, одна из британских газет не нападала на Европу по тому или иному вопросу [Levy et al. 2016]. Лозунг «Вернем контроль» появился не в 2016 г. В течение 20 лет британская пресса, особенно Daily Mail, использовала любую возможность, чтобы указать на то, что Британия должна «вернуть контроль», занижая экономические показатели Союза, одновременно подчеркивая возможности, открытые для Великобритании, если она станет своего рода Сингапуром у берегов ЕС.

Активно использовалась технология создания политических мифов, которые одновременно высмеивали и очерняли Евросоюз и предлагали прекрасную альтернативу. Политические мифы – мощный инструмент, влияю-

⁵ Так, например, Департаментом труда и пенсий Великобритании были разработаны подробные «Руководящие принципы признания права мигрантов на социальное обеспечение», которые содержат 46 ссылок на прецедентное право Суда ЕС, ссылки на пять постановлений и одну директиву ЕС // https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/924422/dmg0703.pdf

щий на то, как люди различают правильное и неправильное, и на формирование их убеждений относительно правильного и эффективного использования политической власти [Della Sala 2016]. При этом успех политического мифа не зависит от его достоверности, он рассчитан на эмоциональное восприятие, а не трансляцию исторически проверенных истин.

Одним из таких мифов, сыгравших решающую роль в политическом дискурсе, стал миф о «Глобальной Британии». Его сторонники утверждают, что Британия и британцы принадлежат не Европе, а всему миру, и что имперское и глубоко интернационалистское прошлое страны обеспечивает путь к возвращению международной ориентации и глобальной идентичности.

Глобальная Британия произрастает из идей поздневикторианской эпохи о «Великой Британии», призванной возродить глобальное англосаксонское сообщество. Сторонники «Глобальной Британии» ставят будущее процветание страны в зависимость от развития новых и, что особенно важно, возрождения и укрепления старых международных отношений.

Согласно М. Спайеринг, британская «островная история» – это не только история изоляции, но история «освобождения». Географически оторванные от материковой Европы островитяне могут свободно выходить в семь морей. В этом смысле Британия исторически была «мировым островом» в центре империи, охватывающей весь земной шар [Spiering 2015].

Эта риторика позволила интерпретировать Брекзит как освобождение. Так, Б. Джонсон заявил: «Вы можете себе представить, что наши блестящие компании <...> смогут сделать, когда они наконец <...> освободятся от оков общей коммерческой политики» (цит. по [Eaton (2) 2020]).

Еще один важный элемент «Глобальной Британии» касается вопросов коллективной идентичности. Как утверждает М. Спайеринг, существуют убедительные признаки того, что сложные исторические и современные отношения между Великобританией и ЕС не просто основаны на политических или экономических спорах, – существует разрыв, который идет гораздо глубже. Фактически мы имеем дело с двумя противоположными концепциями: одна называется «Британией», другая «Европой» [Spiering 2015]. Для подтверждения этого тезиса его приверженцы широко используют ссылки на историю, наиболее известной из которых стали много раз процитированные высказывания У. Черчилля: «Мы с Европой, но не в ней» и «Если Британия должна выбирать между Европой и открытым морем, она всегда должна выбирать открытое море».

Однако встречаются и обращения к более ранним источникам, например, к генриховской Реформации времен Тюдоров, главной целью которой был отказ от континентальной власти в лице Папы Римского [Crozier 2020]. И позже, во время Ахенского Конгресса 1818 г., а также после окончания Первой мировой войны Британия постоянно культивировала свою глобальную роль и интересы, подчеркивая, что «Англия не Европа. <...> Владения Европы простираются до берегов Атлантики, владения Англии начинаются там» [Crozier 2020].

Далее нарратив о собственной идентичности и непохожести подкрепляется тезисами о величии Британии, примером чего может служить речь Б. Джонсона: «Мы – пятая по величине экономика в мире. Мы являемся постоянным членом Совета Безопасности ООН. Мы являемся ведущим членом НАТО, Содружества и Большой Семерки. <...> Мы ничем этим не обязаны ЕС. Мы – нация Шекспира и Ньютона, Фарадея и Резерфорда, Гладстона и Черчилля. <...> И

команда Remain⁶ хочет, чтобы мы выбрали между Норвегией и Швейцарией?» (цит. по [Eaton (2) 2020]).

Однако, как подчеркивалось выше, политический миф – явление не сегодняшнего дня. Современной особенностью является то, как этот миф транслируется широким массам. Социальные медиа сочетают силу личного убеждения «лидеров общественного мнения» с огромным охватом средств массовой информации 24 часа в сутки 7 дней в неделю.

Например, широко известны обвинения в адрес компании по анализу данных Cambridge Analytica в манипулировании личными данными людей в социальных сетях, чтобы напрямую и независимо от реальности воздействовать на индивидуальные страхи.

Приведем несколько примеров тактики дезинформации, открыто применявшейся в дебатах о Брексит. Пожалуй, одним из самых наглумивших стал лозунг «Давайте дадим Национальной службе здравоохранения 350 млн фунтов стерлингов, которые ЕС забирает каждую неделю». Эксперты отмечают, что данная цифра была, мягко говоря, некорректной, поскольку включала все прямые и косвенные платежи и не учитывала британскую скидку, добавив к расчетам суммы, которые никогда даже не покидали Британию [Bergmann 2020].

Очевидно, что в данном случае имеет место классический популистский прием, с помощью которого членство в ЕС прямо связывается с недостаточным финансированием Национальной службы здравоохранения. Таким образом, ЕС был идентифицирован как внешняя угроза для надлежащего здравоохранения в Великобритании. Параллельно в риторике кампании «за выход» этот тезис связывался с «возвращением контроля» народу (распоряжаться бюджетом страны) и возрождением былой славы Британии.

Еще один популистский тезис, оказавший важное влияние на результаты голосования, это опасения по поводу возможного вступления Турции в ЕС и, следовательно, увеличения мусульманской миграции в Великобританию. Игнорируя тот факт, что все государства – члены ЕС имеют право вето на прием новых членов, кампания «за выход» настойчиво утверждала, что 75 млн бедных турок на грани получения права въезда в Великобританию, «чтобы воспользоваться услугами здравоохранения, использовать наши начальные школы, чтобы получить работу в любом секторе экономики». Н. Фарадж заявил, что боевики террористической организации ИГИЛ будут просачиваться в Великобританию вместе с сирийскими беженцами, прибывающими из Турции (цит. по [Bergmann 2020]).

Эксперты отмечают, что за неделю до голосования был «переломный момент», с которого число сторонников выхода из ЕС стало заметно расти, – размещение на улицах плаката, на котором была изображена длинная очередь мигрантов из Турции, якобы направляющихся в Великобританию [Favell 2020].

Многие фейковые новости широко распространялись в социальных сетях, причем особую силу им придавали именно «лидеры мнения» или так называемые пророки, так что исходные источники многих фальшивых новостей и теорий заговора на самом деле были относительно малочисленными, но с течением времени эти фейки превращались в снежный ком, лавинообразно распространяясь по сети.

Так, например, в контексте убийства Джо Кокс высказывалось предположе-

6 Remain – кампания за сохранение членства в ЕС.

ние, что проевропейский депутат была «принесена в жертву» проевропейскими силами, чтобы склонить граждан голосовать за сохранение членства в ЕС, изображая сторонников кампании «за выход» как опасных убийц. Еще одна теория заговора, получившая широкое распространение в социальных сетях, была связана с тем, что в кабинках для голосования лежали не ручки, а карандаши. Пользователи в сети Twitter стали высказывать опасения, что это для того, чтобы крестик можно было стереть с избирательных бюллетеней [Dobrev et al. 2020].

Эти настроения были отражены в опросе YouGov, согласно которому 46% сторонников выхода полагали, что референдум будет сфальсифицирован, а 28% – что MI5 совместно с правительством Великобритании работают над тем, чтобы не допустить выход страны из ЕС [YouGov 2016].

Это демонстрирует, что речь идет о комплексной и хорошо проработанной пропагандистской кампании, которая включала широкий набор популистских инструментов, начиная с интеллектуального тезиса о парламентском суверенитете, эмоционального обещания великого и процветающего будущего «Глобальной Британии» и заканчивая целым набором различных теорий заговора и фейковых новостей. Причем последние были достаточно разнообразными, но очень точно нацеленными на конкретную аудиторию в зависимости от каналов продвижения (плакаты на улицах, политические дебаты или социальные сети).

Заключение

Подводя итоги, можно отметить, что в настоящее время сформировалась обширная научная литература, связанная с результатами голосования за Брекзит и последующим долгим и болезненным

процессом выхода Великобритании из ЕС. Настоящая статья не включала проблематику, связанную с формальной процедурой выхода Великобритании из ЕС, последовавшей после голосования, поскольку это требует отдельного глубокого анализа, что невозможно осуществить в рамках одной статьи.

Основное внимание было уделено выявлению и исследованию глубинных причин, заставивших жителей страны проголосовать за выход из ЕС, поскольку эти причины во многом отражают общие тенденции, складывающиеся сегодня в западном обществе. В частности, речь идет о глобальной социальной трансформации, которая в корне меняет сложившиеся социальные устои и паттерны, вызывая чувство неуверенности, страха и бессилия практически у всех социальных слоев, а также о роли инструментария постправды в формировании общественного мнения.

Представляется, что приведенные в настоящей статье факторы поддержки кампании «за выход» характерны не только для Великобритании. Исследованные глубинные социальные, эмоциональные и психологические мотивы в равной степени характерны для других европейских народов, поэтому представленные выводы могут быть экстраполированы на более широкий контекст стремления к деглобализации, его причин и последствий.

Список литературы

- Ананьева Е.В. (2017) Брекзит: причины, политический фон, последствия // *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право*. Т. 10. № 6. С. 98–119. DOI: 10.23932/2542-0240-2017-10-6-98-119
- Ананьева Е.В., Каневский П.С. (2016) Брекзит-1 и Брекзит-2: Британия и

США меняют парадигму? Монография. М.: Институт Европы РАН.

Благовещенский Р.И. (2017) Итоги референдума в Великобритании: причины победы евроскептиков // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. № 2. С. 105–133 // <https://cyberleninka.ru/article/n/itogi-referenduma-v-velikobritanii-prichiny-pobedy-evroskeptikov>, дата обращения 23.09.2020.

Воробьева Л.М. (2016) Британский выбор: с Европой, но вне ЕС // Проблемы национальной стратегии. № 6(39). С. 38–62 // <https://riss.ru/journal/39/>, дата обращения 23.09.2020.

Грачев М.Н., Евстифеев Р.В. (2020) Концепт «разрушения правды» в условиях цифрового общества (аналитический обзор) // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. Т. 13. № 2. С. 229–248. DOI: 10.23932/2542-0240-2020-13-2-12

Громыко А. (2016) «Новый популизм» и становление постбиполярного мирового порядка // Современная Европа. № 6(72). С. 5–10. DOI: 10.15211/soveurope620160510

Договор о Европейском Союзе // <https://eulaw.ru/treaties/teu/>, дата обращения 23.09.2020.

Евросоюз на перекрестке внутренних и внешних вызовов (аналитический доклад РИСИ) (2018) // Проблемы национальной стратегии. № 5(50). С. 13–53 // <https://riss.ru/article/14753/>, дата обращения 23.09.2020.

Крастев И. (2018) После Европы. М.: Дело.

Кузнецова М.А., Хахалкина Е.В. (2018) Процессы трансформации национальной идентичности Британии в контексте Брекзита // Вестник Томского государственного университета. № 53. С. 52–58. DOI: 10.17223/19988613/53/11

Фадеева И.А. (2018) Дезинтеграционные процессы в странах Евро-

пы: причины и влияние на Россию // Фундаментальные исследования. № 4. С. 125–129 // <https://www.fundamental-research.ru/ru/article/view?id=42130>, дата обращения 23.09.2020.

Худолей К., Еремина Н. (2017) Брекзит: новый «старый» выбор Великобритании // Современная Европа. № 3(75). С. 28–36 // <https://cyberleninka.ru/article/n/brekzit-novyy-staryy-vybor-velikobritanii>, дата обращения 23.09.2020.

Шибкова М.О. (2016) Современный евроскептицизм как вызов европейской солидарности // Вестник МГИМО-Университета. № 6(51). С. 31–41 // https://mgimo.ru/upload/iblock/223/004_shibkovamo_0.pdf, дата обращения 23.09.2020.

Bergmann E. (2020) Populism and the Politics of Misinformation // *Sa-fundi*, vol. 21, no 3, pp. 251–265. DOI: 10.1080/17533171.2020.1783086

Bhambra G.K. (2017) Brexit, Trump, and ‘Methodological Whiteness’: On the Misrecognition of Race and Class // *The British Journal of Sociology*, vol. 68, no 1, pp. 214–232. DOI: 10.1111/1468-4446.12317

Brubaker R. (2017) Between Nationalism and Civilizationism: The European Populist Moment in Comparative Perspective // *Ethnic and Racial Studies*, vol. 40, no 8, pp. 1191–1226. DOI: 10.1080/01419870.2017.1294700

Crozier A.J. (2020) British Exceptionalism: Pride and Prejudice and Brexit // *International Economics and Economic Policy*, vol. 17, pp. 635–658. DOI: 10.1007/s10368-020-00469-z

De Cleen B., Stavrakakis Y. (2017) Distinctions and Articulations: A Discourse Theoretical Framework for the Study of Populism and Nationalism // *Javnost – The Public*, vol. 24, no 4, pp. 301–319. DOI: 10.1080/13183222.2017.1330083

Della Sala V. (2016) Europe’s Odyssey? Political Myth and the European Union // *Nations and Nationalism*, vol. 22, no 3, pp. 524–541. DOI: 10.1111/nana.12159

Dobreva D., Grinnell D., Innes M. (2020) Prophets and Loss: How “Soft Facts” on Social Media Influenced the Brexit Campaign and Social Reactions to the Murder of Jo Cox MP // *Policy & Internet*, vol. 12, no 2, pp. 144–164. DOI: 10.1002/poi3.203

Eaton M.Ø. (1) (2020) Duelling Commonwealth Family of Nations Metaphors and Britain’s Post-Brexit Global Identity // *International Journal of Politics, Culture, and Society*, vol. 33, pp. 283–307. DOI: 10.1007/s10767-019-09326-7

Eaton M.Ø. (2) (2020) ‘We Are All Children Of The Commonwealth’: Political Myth, Metaphor and the Transnational Commonwealth ‘Family of Nations’ in Brexit Discourse // *British Politics*, vol. 15, pp. 326–348. DOI: 10.1057/s41293-019-00117-4

Emmerson C., Johnson P., Mitchell I., Phillips D. (2016) Brexit Could Add Two Years to Austerity // *Institute for Fiscal Studies*, May 25, 2016 // <https://www.ifs.org.uk/publications/8297>, дата обращения 23.09.2020.

Favell A. (2020) Here, There and Everywhere: Nationalism after Brexit // *Ethnic and Racial Studies*, vol. 43, no 8, pp. 1446–1452. DOI: 10.1080/01419870.2020.1740759

Frosini J.O., Gilbert M.F. (2020) The Brexit Car Crash: Using E.H. Carr to Explain Britain’s Choice to Leave the European Union in 2016 // *Journal of European Public Policy*, vol. 27, no 5, pp. 761–778 // <https://www.tandfonline.com/doi/abs/10.1080/13501763.2019.1676820?journalCode=gjpp20>, дата обращения 23.09.2020.

Goldsworthy J. (2015) Losing Faith in Democracy: Why Judicial Supremacy Is Rising and What to Do about It. Launch of Policy Exchange Judicial Power Project // <http://judicialpowerproject.org.uk/wp-content/uploads/2016/10/Losing-Faith-in-Democracy-Lecture.pdf>, дата обращения 23.09.2020.

IMF Says Brexit “Pretty Bad to Very, Very Bad” (2016) // *BBC News*, May 13,

2016 // <https://www.bbc.co.uk/news/business-36284200>, дата обращения 23.09.2020.

Levy D.A.L., Aslan B., Bironzo D. (2016) *UK Press Coverage of the EU Referendum*, Oxford: Reuters Institute // https://reutersinstitute.politics.ox.ac.uk/sites/default/files/2018-11/UK_Press_Coverage_of_the_%20EU_Referendum.pdf, дата обращения 23.09.2020.

Mandelbaum M. (2020) ‘Making Our Country Great Again’: The Politics of Subjectivity in an Age of National Populism // *International Journal for the Semiotics of Law*, vol. 33, pp. 451–476 // <https://link.springer.com/article/10.1007%2Fs11196-020-09717-6>, дата обращения 23.09.2020.

Martinsen D.S., Falkner G. (2011) *Social Policy: Problem-solving Gaps, Partial Exits, and Court-decision Traps* // *The EU’s Decision Traps: Comparing Policies* (ed. Falkner G.), Oxford: Oxford University Press, pp. 128–145.

Mattei U., Pes L.G. (2008) *Civil Law and Common Law: Toward Convergence?* // *The Oxford Handbook of Law and Politics*, pp. 267–281. DOI: 10.1093/oxford-hb/9780199208425.003.0015

Pensiero N. (2020) To Leave or not to Leave? Understanding the Support for the United Kingdom Membership in the European Union: Identity, Attitudes towards the Political System and Socioeconomic Status // *Rationality and Society*, vol. 32, no 3, pp. 255–277. DOI: 10.1177/1043463120945268

Robertson J. (2016) Brexit Vote May Spark Recession, Mark Carney Warns // *BBC News*, May 12, 2016 // <https://www.bbc.com/news/business-36273448>, дата обращения 23.09.2020.

Schmidt S.K. (2020) No Match Made in Heaven. Parliamentary Sovereignty, EU Over-constitutionalization and Brexit // *Journal of European Public Policy*, vol. 27, no 5, pp. 779–794. DOI: 10.1080/13501763.2020.1733635

Seidler V.J. (2020) Brexit Futures: A Brexit World's Anxieties, Fears and Hopes: A Response to Shakuntala Banaji's "A Review of Victor Seidler's Making Sense of Brexit: Democracy, Europe and Uncertain Futures" // *International Journal of Politics, Culture, and Society*, vol. 33, pp. 439–448. DOI: 10.1007/s10767-020-09351-x

Sennett R. (1998) *The Corrosion of Character. The Personal Consequences of Work in the New Capitalism*, New York: W.W. Norton.

Sorensen L. (2018) *Populist Communication in the New Media Environment: A Cross-regional Comparative Perspective* // *Palgrave Communications*, vol. 4, no 1, pp. 1–12. DOI: 10.1057/s41599-018-0101-0

Spiering M. (2015) *A Cultural History of British Euroscepticism*, London: Palgrave MacMillan. DOI: 10.1057/9781137447555

Tabarelli M. (2013) *The Influence of the EU and the ECHR on 'Parliamentary Sovereignty Regimes': Assessing the Impact of European Integration on the Brit-*

ish and Swedish Judiciaries // *European Law Journal*, vol. 19, no 3, pp. 340–363. DOI: 10.1111/eulj.12027

Valluvan S. (2020) Rejoinder: Clamour of Nationalism Symposium // *Ethnic and Racial Studies*, vol. 43, no 8, pp. 1453–1466. DOI: 10.1080/01419870.2020.1740760

van der Walt S. (2020) Populism and the Yearning for Closure: From Economic to Cultural Fragility // *European Journal of Social Theory*, vol. 23, no 4, pp. 477–492. DOI: 10.1177/1368431019866338

Wincott D. (2017) Brexit Dilemmas: New Opportunities and Tough Choices in Unsettled Times // *British Journal of Politics and International Relations*, vol. 19, no 4, pp. 680–695. DOI: 10.1177/1369148117725316

YouGov Survey Results (2016) // http://d25d2506sfb94s.cloudfront.net/cumulus_uploads/document/463g4e5e0e/LBCResults_160614_EUReferendum_W.pdf, дата обращения 23.09.2020.

DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-1-5

The Anatomy of Brexit: Separatism, Populism and the Social Transformation of British Society

Svetlana I. KODANEVA

PhD in Law Sciences, Senior Researcher

Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (INION RAN), 117218, Krzhizhanovsky St., 15/2, Moscow, Russian Federation

E-mail: kodanevas@gmail.com

ORCID: 0000-0002-8232-9533

CITATION: Kodaneva S.I. (2021) The Anatomy of Brexit: Separatism, Populism and the Social Transformation of British Society. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 14, no 1, pp. 98–117 (in Russian). DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-1-5

Received: 27.09.2020.

ABSTRACT. On January 31, 2020, the UK left the European Union. Since the 2016 referendum, there has been a significant body of literature designed to answer the question of why the country's residents made such a decision. This article contributes to scientific research on the subject under consideration.

The novelty of the presented research is that, unlike most of the available works, it does not focus on the problems of migration and the deterioration of the socio-economic conditions of the country's indigenous population. The article proves that these factors alone do not explain such broad support for Brexit by all segments of the population. The social transformation of the entire Western society, which led to the destruction of the usual social ties and traditional foundations of self-identification, is considered as one of the key reasons for the development of separatist sentiments in the UK. A person ceases to feel part of something whole and unchangeable, which causes a sense of fear, uncertainty and helplessness in many people, regardless of social affiliation. This forces

us to look for a source of stability in the country's past, when it was an independent and great Empire, which is embodied in the myth of "Global Britain".

The populist slogan "Take Back Control" is based on the historically insurmountable institutional differences between the UK and Europe, the main one being the UK's attitude to the case law of the European court of justice, whose broad interpretations were included in the country's administrative practice, which clearly contradicted the residents' idea of democracy.

Finally, author analyzes how these deep assumptions were embodied in the populist rhetoric of the "Leave" company, whose supporters used the post-truth methodology, offering a wide range of populist tools of both intellectual and emotional nature for almost all groups of the population, very accurately selecting information for various communication channels.

The results of this study can be useful for analyzing nationalist and separatist sentiments in Western countries and predicting future developments.

KEYWORDS: *Brexit, Great Britain, European Union, separatism, nationalism, Global Britain, post-truth, political myth, social transformation of society*

References

- Ananieva E.V. (2017) Brexit: Reasons, Political Background, Implications. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 10, no 6, pp. 98–119 (in Russian). DOI: 10.23932/2542-0240-2017-10-6-98-119
- Ananyeva E.V., Kanevsky P.S. (2016) *Brexit-1 and Brexit-2: Are Britain and the US Changing the Paradigm?* Monograph, Moscow: Institute of Europe RAS (in Russian).
- Bergmann E. (2020) Populism and the Politics of Misinformation. *Safundi*, vol. 21, no 3, pp. 251–265. DOI: 10.1080/17533171.2020.1783086
- Bhambra G.K. (2017) Brexit, Trump, and 'Methodological Whiteness': On the Misrecognition of Race and Class. *The British Journal of Sociology*, vol. 68, no 1, pp. 214–232. DOI: 10.1111/1468-4446.12317
- Blagoveshchenskiy R.I. (2017) Results of the Referendum in Great Britain: Reasons for the Victory of Eurosceptics. *Bulletin of the Moscow University. Series 25: International Relations and World Politics*, no 2, pp. 105–133. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/itogi-referenduma-v-ve-likobritanii-prichiny-pobedy-evroskeptikov>, accessed 23.09.2020 (in Russian).
- Brubaker R. (2017) Between Nationalism and Civilizationism: The European Populist Moment in Comparative Perspective. *Ethnic and Racial Studies*, vol. 40, no 8, pp. 1191–1226. DOI: 10.1080/01419870.2017.1294700
- Crozier A.J. (2020) British Exceptionalism: Pride and Prejudice and Brexit. *International Economics and Economic Policy*, vol. 17, pp. 635–658. DOI: 10.1007/s10368-020-00469-z
- De Cleen B., Stavrakakis Y. (2017) Distinctions and Articulations: A Discourse Theoretical Framework for the Study of Populism and Nationalism. *Javnost – The Public*, vol. 24, no 4, pp. 301–319. DOI: 10.1080/13183222.2017.1330083
- Della Sala V. (2016) Europe's Odyssey? Political Myth and the European Union. *Nations and Nationalism*, vol. 22, no 3, pp. 524–541. DOI: 10.1111/nana.12159
- Dobрева D., Grinnell D., Innes M. (2020) Prophets and Loss: How "Soft Facts" on Social Media Influenced the Brexit Campaign and Social Reactions to the Murder of Jo Cox MP. *Policy & Internet*, vol. 12, no 2, pp. 144–164. DOI: 10.1002/poi3.203
- Eaton M.Ø. (1) (2020) Duelling Commonwealth Family of Nations Metaphors and Britain's Post-Brexit Global Identity. *International Journal of Politics, Culture, and Society*, vol. 33, pp. 283–307. DOI: 10.1007/s10767-019-09326-7
- Eaton M.Ø. (2) (2020) 'We Are All Children Of The Commonwealth': Political Myth, Metaphor and the Transnational Commonwealth 'Family of Nations' in Brexit Discourse. *British Politics*, vol. 15, pp. 326–348. DOI: 10.1057/s41293-019-00117-4
- Emmerson C., Johnson P., Mitchell I., Phillips D. (2016) Brexit Could Add Two Years to Austerity. *Institute for Fiscal Studies*, May 25, 2016. Available at: <https://www.ifs.org.uk/publications/8297>, accessed 23.09.2020.
- Fadeeva I.A. (2018) Disintegration Processes in Europe: Causes and Impact on Russia. *Fundamental Research*, no 4, pp. 125–129. Available at: <https://www.fundamental-research.ru/ru/article/view?id=42130>, accessed 23.09.2020 (in Russian).
- Favell A. (2020) Here, There and Everywhere: Nationalism after Brexit. *Ethnic and Racial Studies*, vol. 43, no 8, pp. 1446–1452. DOI: 10.1080/01419870.2020.1740759
- Frosini J.O., Gilbert M.F. (2020) The Brexit Car Crash: Using E.H. Carr to Explain Britain's Choice to Leave the Europe-

an Union in 2016. *Journal of European Public Policy*, vol. 27, no 5, pp. 761–778. Available at: <https://www.tandfonline.com/doi/abs/10.1080/13501763.2019.1676820?journalCode=rjpp20>, accessed 23.09.2020.

Grachev M.N., Evstifeev R.V. (2020) The Concept of the “Truth Decay” in a Digital Society (an Analytical Review). *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 13, no 2, pp. 229–248 (in Russian). DOI: 10.23932/2542-0240-2020-13-2-12

Goldsworthy J. (2015) *Losing Faith in Democracy: Why Judicial Supremacy Is Rising and What to Do about It. Launch of Policy Exchange Judicial Power Project*. Available at: <http://judicialpowerproject.org.uk/wp-content/uploads/2016/10/Losing-Faith-in-Democracy-Lecture.pdf>, accessed 23.09.2020.

Gromyko A. (2016) New Populism and the Post-Cold War Order in the Making. *Contemporary Europe*, no 6(72), pp. 5–10 (in Russian). DOI: 10.15211/soveurope620160510

IMF Says Brexit “Pretty Bad to Very, Very Bad” (2016). *BBC News*, May 13, 2016. Available at: <https://www.bbc.co.uk/news/business-36284200>, accessed 23.09.2020.

Khudoley K., Eremina N. (2017) Brexit: The New “Old” Choice of Great Britain. *Contemporary Europe*, no 3(75), pp. 28–36. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/brekzit-novyy-staryy-vybor-velikobritanii>, accessed 23.09.2020 (in Russian).

Krastev I. (2018) *After Europe*, Moscow: Delo (in Russian).

Kuznetsova M.A., Khakhalkina E.V. (2018) Processes of Transformation of the National Identity of Britain in the Context of Brexit. *Bulletin of Tomsk State University*, no 53, pp. 52–58 (in Russian). DOI: 10.17223/19988613/53/11

Levy D.A.L., Aslan B., Bironzo D. (2016) *UK Press Coverage of the EU Referendum*, Oxford: Reuters Institute. Available at: [https://reutersinstitute.politics.ox.ac.uk/sites/default/files/2018-11/UK_](https://reutersinstitute.politics.ox.ac.uk/sites/default/files/2018-11/UK_Press_Coverage_of_the_%20EU_Referendum.pdf)

[Press_Coverage_of_the_%20EU_Referendum.pdf](https://reutersinstitute.politics.ox.ac.uk/sites/default/files/2018-11/UK_Press_Coverage_of_the_%20EU_Referendum.pdf), accessed 23.09.2020.

Mandelbaum M. (2020) ‘Making Our Country Great Again’: The Politics of Subjectivity in an Age of National Populism. *International Journal for the Semiotics of Law*, vol. 33, pp. 451–476. Available at: <https://link.springer.com/article/10.1007%2Fs11196-020-09717-6>, accessed 23.09.2020.

Martinsen D.S., Falkner G. (2011) Social Policy: Problem-solving Gaps, Partial Exits, and Court-decision Traps. *The EU’s Decision Traps: Comparing Policies* (ed. Falkner G.), Oxford: Oxford University Press, pp. 128–145.

Mattei U., Pes L.G. (2008) Civil Law and Common Law: Toward Convergence? *The Oxford Handbook of Law and Politics*, pp. 267–281. DOI: 10.1093/oxford-hb/9780199208425.003.0015

Pensiero N. (2020) To Leave or not to Leave? Understanding the Support for the United Kingdom Membership in the European Union: Identity, Attitudes towards the Political System and Socioeconomic Status. *Rationality and Society*, vol. 32, no 3, pp. 255–277. DOI: 10.1177/1043463120945268

Robertson J. (2016) Brexit Vote May Spark Recession, Mark Carney Warns. *BBC News*, May 12, 2016. Available at: <https://www.bbc.com/news/business-36273448>, accessed 23.09.2020.

Schmidt S.K. (2020) No Match Made in Heaven. Parliamentary Sovereignty, EU Over-constitutionalization and Brexit. *Journal of European Public Policy*, vol. 27, no 5, pp. 779–794. DOI: 10.1080/13501763.2020.1733635

Seidler V.J. (2020) Brexit Futures: A Brexit World’s Anxieties, Fears and Hopes: A Response to Shakuntala Banaji’s “A Review of Victor Seidler’s Making Sense of Brexit: Democracy, Europe and Uncertain Futures”. *International Journal of Politics, Culture, and Society*, vol. 33, pp. 439–448. DOI: 10.1007/s10767-020-09351-x

Sennett R. (1998) *The Corrosion of Character. The Personal Consequences of Work in the New Capitalism*, New York: W.W. Norton.

Shibkova M.O. (2016) Modern Euroscepticism as a Challenge to European Solida. *MGIMO Review of International Relations*, no 6(51), pp. 31–41. Available at: https://mgimo.ru/upload/iblock/223/004_shibkovamo_0.pdf, accessed 23.09.2020 (in Russian).

Sorensen L. (2018) Populist Communication in the New Media Environment: A Cross-regional Comparative Perspective. *Palgrave Communications*, vol. 4, no 1, pp. 1–12. DOI: 10.1057/s41599-018-0101-0

Spiering M. (2015) *A Cultural History of British Euroscepticism*, London: Palgrave MacMillan. DOI: 10.1057/9781137447555

Tabarelli M. (2013) The Influence of the EU and the ECHR on 'Parliamentary Sovereignty Regimes': Assessing the Impact of European Integration on the British and Swedish Judiciaries. *European Law Journal*, vol. 19, no 3, pp. 340–363. DOI: 10.1111/eulj.12027

The European Union at the Crossroads of Internal and External Challenges (RISI Analytical Report) (2018). *Problems of the National Strategy*, no 5(50), pp. 13–53.

Available at: <https://riss.ru/article/14753/>, accessed 23.09.2020 (in Russian).

Treaty on European Union. Available at: <https://eulaw.ru/treaties/teu/>, accessed 23.09.2020 (in Russian).

Valluvan S. (2020) Rejoinder: Clamour of Nationalism Symposium. *Ethnic and Racial Studies*, vol. 43, no 8, pp. 1453–1466. DOI: 10.1080/01419870.2020.1740760

van der Walt S. (2020) Populism and the Yearning for Closure: From Economic to Cultural Fragility. *European Journal of Social Theory*, vol. 23, no 4, pp. 477–492. DOI: 10.1177/1368431019866338

Vorobieva L.M. (2016) The British Choice: With Europe but Outside the EU. *Problems of the National Strategy*, no 6(39), pp. 38–62. Available at: <https://riss.ru/journal/39/>, accessed 23.09.2020 (in Russian).

Wincott D. (2017) Brexit Dilemmas: New Opportunities and Tough Choices in Unsettled Times. *British Journal of Politics and International Relations*, vol. 19, no 4, pp. 680–695. DOI: 10.1177/1369148117725316

YouGov Survey Results (2016). Available at: http://d25d2506sfb94s.cloudfront.net/cumulus_uploads/document/463g4e5e0e/LBCResults_160614_EUReferendum_W.pdf, accessed 23.09.2020.

DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-1-6

Гренландия и Дания: арктический сецессионизм в силовом поле мировой политики

Андрей Константинович КРИВОРОТОВ

кандидат экономических наук, доцент кафедры управления инновациями
Московский государственный институт международных отношений МИД
России, Одинцовский филиал, 143007, ул. Ново-Спортивная, д. 3, Одинцово,
Московская область, Российская Федерация
E-mail: a.krivorotov@odin.mgimo.ru
ORCID: 0000-0001-8983-5378

ЦИТИРОВАНИЕ: Криворотов А.К. (2021) Гренландия и Дания: арктический сецессионизм в силовом поле мировой политики // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. Т. 14. № 1. С. 118–134.
DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-1-6

Статья поступила в редакцию 10.10.2020.

АННОТАЦИЯ. Гренландия, крупнейший в мире остров, населенный преимущественно инуитами, до 1953 г. была датской колонией, а затем – частью королевства, пользуясь все более широкой автономией. Около 2/3 ее жителей выступают за полное отделение, которому препятствует, прежде всего, зависимость от датских бюджетных трансфертов. Начиная с 2005 г. правительство и компании КНР поддерживают с Гренландией тесный диалог, рассматривая ее как точку проникновения в Арктику и богатый источник природных ресурсов (включая редкоземельные элементы), хотя крупные инвестиций пока не вложили. США в последнее время стремятся пресечь это сотрудничество и поставить Гренландию под свой более прямой контроль по соображениям военной, внешней и ресурсной политики. Наибольшую известность получила инициатива президента США Трампа о покупке острова в 2019 г. Дания, несмотря на тесные союзнические отноше-

ния с США, обеспокоена как американским, так и китайским проникновением на остров и пытается стать для Гренландии более привлекательным патроном, чтобы избежать ее отделения. Сами же власти Гренландии подтверждают намерение бороться за полную независимость от Дании.

В статье предложены три сценария среднесрочного развития событий, при которых Гренландия остается в слабеющей унии с Данией, попадает в зависимость от США или обретает полную государственность, становясь предметом конкуренции крупных держав. Независимо от исхода, России необходимо внимательно отслеживать ход событий и играть в Арктике активную роль, не втягиваясь в соперничество США и КНР.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Гренландия, самоуправление, сецессионизм, Дания, противостояние КНР – США, Арктика, редкоземельные элементы, сценарии, Россия

В общемировой картине сепаратизма и сецессионизма случай Гренландии, достаточно малоизученный в России, выделяется заметной спецификой. Прежде всего бросается в глаза необычайный дисбаланс сторон: регион, который раздумывает об отделении, примерно в 100 раз уступает остальной части страны по численности населения и в 120 раз – по ВВП, но в 50 раз превосходит ее по площади.

Далее, впервые в практическую плоскость ставится вопрос о государственном самоопределении коренного народа Арктики – стратегически важного макрорегиона, который, однако, всегда выступал лишь пассивным объектом мировой политики. Исключением можно считать сепаратистские высказывания руководства Республики Саха (Якутия) в первой половине 1990-х гг., но их целью, как представляется, был все же не реальный выход из состава России, а укрепление переговорных позиций в сложном «торге» с Москвой.

Необычно и соотношение уровней внутри- и внешнеполитической напряженности в гренландском вопросе: мирный процесс внутри страны (Дания никогда не рассматривала силового варианта) резко контрастирует с жестким противостоянием США и КНР, распространяющих на остров логику своего глобального соперничества. В этой связи процессы, происходящие в Гренландии, необходимо рассматривать не только в национальном, но и в геополитическом разрезе.

Гренландия под датской короной

В состав Датского королевства входят три территории, крайне разнородные в географическом, социально-экономическом и этническом отношении: собственно Дания, Фарерские остро-

ва (расположенные к северу от Британских) и заполярная Гренландия – крупнейший в мире остров площадью 2,1 млн кв. км, географически относящийся к Северной Америке. Столица Гренландии Нуук удалена от Копенгагена на 4 тыс. км. Основная часть острова покрыта ледниками, хотя свободные ото льда окраины имеют общую площадь порядка 400 тыс. кв. км, – как территория крупной европейской страны. Население при этом составляет лишь 57 тыс. чел., из них около 90% – инуиты (эскимосы), проживающие на острове около тысячи лет.

Датско-норвежское королевство проявило интерес к Гренландии в 1721 г., впервые со времен викингов направив на остров миссионерско-торговую экспедицию во главе с Хансом Эгgede. В 1776 г. Гренландия была официально объявлена датской колонией и пребывала в этом состоянии до середины XX в.

9 апреля 1940 г. континентальная Дания была всего за несколько часов захвачена нацистской Германией. Однако датский посол в Вашингтоне, не подчинившись коллаборационистскому правительству Копенгагена, заключил с США соглашение, по которому в Гренландии в 1940 г. высадились американские войска, чтобы не допустить ее оккупации нацистами. Тогда же в Готхобе (ныне Нуук) было впервые открыто американское консульство, проработавшее до 1953 г. Стратегическое положение острова, ярко проявившееся в те годы, по сей день привлекает повышенный интерес США.

После войны Гренландия еще несколько лет официально оставалась колонией; лишь в 1953 г. в Конституцию Дании была внесена поправка, сделавшая остров полноценной частью страны. Датчане пошли на такой шаг во многом из опасений, что иначе США попытаются перехватить кон-

троль над островом, тем более что в 1946 г. президент Трумэн уже предлагал его купить.

В колониальный период Дания вкладывала государственные средства в свое арктическое владение, но в расчете на их окупаемость хотя бы в будущем. Основная часть этих ассигнований расходовалась на самих датчан. Лишь в 1960 г., после неудачных попыток сломить традиционный образ жизни коренных жителей и сселить их в несколько крупных поселков, был принят план «Г-60», в соответствии с которым датское правительство существенно расширило финансирование социальных программ в инуитских поселениях, развертывая там системы здравоохранения, образования, соцобеспечения. Остров стал дотационным.

Доходы, служебное положение и уровень жизни гренландских датчан традиционно оставались выше, чем у коренных жителей. Но никакого подобия национально-освободительной борьбы длительное время не возникало в силу неграмотности и высокой территориальной разобщенности инуитов, которые лишь под датским влиянием начали выходить из первобытно-общинного родового строя.

Первые ростки национального самосознания, а вслед за ним и сепаратизма появились только в 1970-х гг., когда в аборигенной среде сформировалась достаточно значимая прослойка интеллигенции, получившей высшее образование в Европе. Советский историк В.Е. Возгрин [Возгрин 1984, с. 146] отмечал, что датчане тогда потворствовали сепаратизму, поскольку рассчитывали в случае отделения Гренландии беспрепятственно продолжить неоколониальную эксплуатацию ее ресурсов,

не неся при этом финансового бремени метрополии.

Под давлением островного населения, проводившего соответствующие референдумы, датские власти поэтапно предоставляли ему все более широкие полномочия. С 1979 г. Гренландия получила ограниченную автономию, так называемое местное управление. Первым ее крупным внешнеполитическим шагом стал выход из состава ЕЭС в 1986 г. (президент, три с лишним десятилетия остававшийся уникальным в своем роде).

Самоуправление – шаг в сторону отделения?

По итогам нового референдума 2008 г., в ходе которого 75% островитян высказались за дальнейшее расширение автономии, в Дании был принят Закон о самоуправлении Гренландии, вступивший в силу с 21 июня 2009 г.¹ Государственным языком острова стал калааллисут (гренландский диалект эскимосского). К компетенции островных властей перешли судебные, полицейские функции и важнейшие полномочия в экономической сфере, включая распоряжение природными ресурсами. За Копенгагеном остались, по сути, валютная, оборонная и внешняя политика, но у Гренландии есть право на заключение международных договоров от своего имени. Островитяне активно развивают внешние связи и учредили свой МИД (правда, его глава по совместительству имеет и другие министерские портфели). Помимо Копенгагена, Гренландия открыла представитель-

1 Lov om Grønlands Selvstyre (2009) // Lovtidende A. 13. juni 2009 // <https://naalakkersuisut.gl/~/media/Nanoq/Files/Attached%20Files/Naalakkersuisut/DK/Selvstyre/Lov%20om%20Grønlands%20Selvstyre.pdf>, дата обращения 27.09.2020.

ства, по функциям весьма сходные с посольствами, в Вашингтоне, Брюсселе и Рейкьявике.

У Гренландии, как и у Фарерских островов, есть формальное право выхода из состава королевства через референдум, что существенно отличает Данию от большинства стран с сепаратистскими регионами [Major 2019]. Эксперт исследовательской службы журнала *Economist* Ана Андраде отмечала при этом: «Тема независимости постоянно возникала в политической жизни в Гренландии. Причем в центре обсуждения находились вопросы не о том, надо ли обрести независимость, а как скоро и на каких условиях»². В целом за период самоуправления сепаратистские настроения в Гренландии не прекратились, а, скорее, усилились. Видимо, сказывается накопление опыта самостоятельности, включая такие его привлекательные атрибуты, как распоряжение собственным бюджетом и международное признание. Кроме того, на обстановку влияют и разнородные внешние факторы.

Прежде всего, отметим общемировой рост внимания к интересам коренных народов, который, в частности, очень выпукло проявился в структуре важнейшего международного объединения в регионе – созданного в 1996 г. Арктического совета (АС). Наряду с постоянными членами (все восемь арктических государств), в АС в статусе постоянных участников представлены крупнейшие организации коренных жителей Севера, в т. ч. Циркумполярная конференция инуитов. Гренландия как таковая тоже действует в Совете в составе датской делегации и в 2011 г. принимала в Нууке министерскую встречу АС.

Свою роль играет нарастание сепаратистских и изоляционистских настроений в Западной Европе, самые яркие проявления которого – Брекзит, создание внутри ЕС кордонов от арабских беженцев, референдумы об отделении Шотландии и Каталонии. Летом 2020 г. дополнительным раздражителем стали расовые волнения и вызванные ими дебаты об ущемлении этнических меньшинств в США, сильно возбудившие и датскую общественность; в частности, осуждению подверглось слово «эскимос», как оскорбляющее национальные чувства инуитов. В результате Национальный музей в Копенгагене свернул экспозицию «Эскимосы и Гренландия», а крупнейший датский производитель мороженого отозвал из продажи эскиммо на палочке.

На самом острове эти дискуссии наложились на предстоящее 300-летие экспедиции Ханса Эгgede, которую многие местные политики считают началом колонизации Гренландии. Наиболее последовательные сепаратисты из партии *Naleraq* еще на референдуме 2008 г. призывали приурочить полное отделение острова именно к 2021 г. [Ahlness 2020]. Неслучайно в июне 2020 г. неизвестные вандалы облили красной краской статуи Х. Эгgede в Нууке и Копенгагене, написав на подножии лозунг «Деколонизируй!» на английском языке. В полноценную «войну с памятниками» по аналогии с США этот инцидент не вылился: на муниципальном референдуме в Нууке 62% жителей высказались за сохранение монумента. Однако сами эти события, безусловно, углубляли трещину между двумя народами королевства.

По данным социологов, на начало 2019 г. 67,7% опрошенных гренланд-

2 Musaddique S. (2018) Greenland Eyes Independence from Denmark after Election Vote // CNBC, April 25, 2018 // <https://www.cnbc.com/2018/04/25/greenland-eyes-independence-from-denmark-after-election-vote.html>, дата обращения 20.09.2020.

цев высказались за полное отделение от Дании³. Главным же сдерживающим фактором традиционно является финансовая несамостоятельность острова.

Экономика Гренландии сильно зависит от рынков рыбы и морепродуктов (особенно креветки) и датских субвенций. После введения самоуправления датчане не финансируют отдельные статьи островного бюджета, но перечисляют единый ежегодный трансферт, служащий для него основной статьей дохода. Например, в 2020 г. датский трансферт составлял 3 911,3 млн датских крон (порядка 630 млн долл. США), или 54,5% всей доходной части бюджета Гренландии⁴. Для сравнения: общая сумма экспортных доходов острова годом ранее составила 5 517,7 млн датских крон. Из них 3 857,3 млн (69,9%) приходились на сырую рыбу и морепродукты, еще 1 206,6 млн (21,9%) – на продукты рыбопереработки⁵.

Перед островом, таким образом, остро стоит задача экономически «встать на собственные ноги». Основные надежды связаны с природными богатствами его недр – запасами железной, свинцово-цинковой, молибденовой руд, золота, платины, редкоземельных элементов (РЗЭ), рубинов. Их разработка облегчается постепенным отступлением ледникового щита. Здесь, однако, в дело вмешиваются геополитические соображения, поскольку к крупным вложениям сейчас готовы лишь китайцы, которые уже с 2005 г. наладили прямые контакты с администрацией Гренландии.

Китайский фактор

Нынешний этап борьбы острова за независимость совпал по времени с арктической активизацией Китая. Причем особое внимание КНР привлекают небольшие государства Северной Европы, не имеющие, в отличие от России, США или Канады, глобальных политических амбиций и остро нуждающиеся в инвестициях, а потому наиболее удобные в качестве «точек проникновения» в Заполярье. Это, в первую очередь, Дания/Гренландия и Исландия, а в последнее время и Финляндия, которая с помощью тонкого маневрирования стремится занять в мировой Арктике нишу своеобразного моста между Западом и Востоком.

Гренландия привлекательна и как потенциально крупный источник промышленного сырья, которое интенсивно скупается китайцами по всему миру. Особого упоминания заслуживают РЗЭ – группа из 17 элементов таблицы Менделеева, широко применяемых, в частности, в изготовлении экранов мобильных устройств, постоянных магнитов, аккумуляторов большой емкости и электродвигателей. Это делает их ключевым сырьем для решения актуальных задач цифровизации, «низкоуглеродного перехода», производства электромобилей и современной боевой техники. КНР удерживает фактическую монополию на данном рынке (по отдельным позициям – до 98%) и активно использует свое положение для давления на стратегических конкурентов, например, Японии [The Geopolitics of Rare Earth Ele-

3 Breum M. (2019) A Rare Poll Hints at Real Differences between Danish and Greenlandic Thinking on Greenland Independence // Arctic Today, January 22, 2019 // <https://www.arctictoday.com/a-rare-poll-hints-at-real-differences-between-danish-and-greenlandic-thinking-on-greenland-independence>, дата обращения 27.11.2020.

4 Grønlands Selvstyre. Finanslov for 2020 (2019) // <https://naalakkersuisut.gl/~media/Nanoq/Files/Attached%20Files/Finans/DK/Finanslov/2020/FL2020%20-%20med%20underskrevet%20lovtekst%20og%20linket%20indholdsfortegnelse%20-%20DK.pdf>, дата обращения 21.11.2020.

5 Составлено и рассчитано по данным StatBank Greenland // <https://bank.stat.gl/pxweb/en/>, дата обращения 27.11.2020.

ments 2019]. В Гренландии залежи редкоземельных металлов открыты вдоль всего побережья, особо выделяется провинция Гардар на юге острова, которая, по недавним оценкам, может одна содержать до четверти мировых запасов⁶.

Китайцы успешно применяют свои преимущества – ставку прежде всего на осязаемое экономическое и научное сотрудничество, готовность инвестировать крупные средства на привлекательных условиях, подчеркнутое внимание к равноправию сторон и принципу взаимовыгодности и, что особенно важно в случае Гренландии, свой статус «страны третьего мира». Отметим в этой связи, что бывший (2009–2013 г.) премьер-министр Гренландии Куупик Клейст намеренно позиционировал ее как опорную точку для развивающихся стран, желающих играть более весомую политическую роль в Арктике⁷.

При Клейсте Гренландия к началу 2013 г. была близка к тому, чтобы попасть под сильное китайское влияние. Островное правительство поддерживало с Пекином интенсивный политический диалог, включая регулярные обмены визитами высокого уровня, и вело предметные переговоры с китайскими инвесторами, нередко действовавшими при посредничестве компаний из Великобритании, ее доминионов или Сянган (Гонконга). Наиболее готовыми к реализации были (и остаются) следующие масштабные проекты по добыче сырья:

- железорудная шахта Исуа (запасы руды – свыше 1 млрд т) в 150 км севернее Нуука; инвестор – английская компания London Mining, известная своими крепкими связя-

ми с горнорудной Sichuan Xinye Mining Investment Co., китайскими банками и инжиниринговыми подрядчиками;

- освоение месторождения редкоземельных элементов Кванефьельд в провинции Гардар (стоимость запасов – 1,4 млрд долл. США, планируется добыча 1 млн т); инвестор – австралийская Greenland Minerals Ltd. в партнерстве со своим основным акционером, китайской Shenghe Resources Holding Co., Ltd.;
- шахта для добычи свинцовой и цинковой руды в Цитронен-фьорде на северном побережье Гренландии (доказанные запасы – 9 млн т); инвестор – австралийская Ironbark Pty Ltd., генподрядчик – китайская компания инжиниринговая компания цветной металлургии NFC.

Мотивация китайских инвесторов, видимо, была разной. По оценкам датских ученых, в Кванефьельде их привлекают прежде всего РЗЭ, в то время как Цитронен-фьорд «открывает Китаю доступ в Арктику, а к цинку – в качестве дополнительного бонуса» [Andersson, Willaing Zeuthen, Kalvig 2018].

Суммарный объем инвестиций по одному проекту Исуа оценивался в 2,3 млрд долл., что превышает годовой ВВП Гренландии. Но последовавшие неоднократные смены островного правительства, банкротство London Mining и обвал цен на мировых сырьевых рынках затормозили этот и другие проекты.

Взаимный интерес двух сторон, однако, сохранился. Премьер Гренландии Ким Кильсен в 2017 г. нанес в КНР визит, в ходе которого обсуждал перспективы

6 Northam J. (2019) Greenland Is Not For Sale. But It Has Rare Earth Minerals America Wants // NPR Radio, November 24, 2019 // <https://www.npr.org/2019/11/24/781598549/greenland-is-not-for-sale-but-it-has-the-rare-earth-minerals-america-wants>, дата обращения 06.05.2020.

7 Great Expectations Fill Greenland as China Eyes Riches (2012) // Ocnus.net, November 5, 2012 // http://www.ocnus.net/artman2/publish/Business_1/Great-Expectations-Fill-Greenland-as-China-Eyes-Riches.shtml, дата обращения 27.09.2020.

работы на острове китайских инвесторов и подрядчиков. В 2021 г. планирует открытие четвертого гренландского загранпредставительства (в Пекине), в зону его ответственности будут включены также Япония и Южная Корея⁸.

Принципиально осуждая сепаратизм во имя сохранения собственной территориальной целостности и в рамках политики «одного Китая», власти КНР поддерживают диалог и с Копенгагеном, и с Нууком. Причем последние два года официальных контактов высокого уровня не было, но китайская сторона ежегодно направляет десятки своих сезонных рабочих на рыбоперерабатывающие фабрики Гренландии, проводит двусторонние культурные обмены и продолжает подготовку горнодобывающих проектов (в частности, Greenland Minerals в апреле 2020 г. утвердила в островном правительстве свои оценки запасов и ТЭО проекта Кванефельд). По всей видимости, китайцы решили воздержаться от демонстрации политического интереса к острову на фоне резкого обострения своих отношений с США, в которое оказалось вовлечено и мировое Заполярье.

США: не купить, так подчинить

США, начавшие в президентство Д. Трампа сложный процесс «возвращения в Арктику», питают в отношении Гренландии три принципиальных интереса, которые, по всей видимости, сохранят свое значение и для Дж. Байдена.

Первый, наиболее ярко выраженный, военно-стратегический, – прикрытие основной территории США с северо-востока и обеспечение безопасности жизненно важных для НАТО морских коммуникаций в Северной Атлантике. В западном военном планировании остров рассматривается как звено стратегического рубежа «Гренландия – Исландия – Великобритания» (англ. GIUK, российский эквивалент – Фареро-Исландский рубеж). Он подрастерял былую значимость после распада СССР, однако в последние годы вновь обрел для Запада актуальность в контексте сдерживания российского и, потенциально, китайского военно-морского присутствия⁹.

Войска США действуют на острове на основании американо-датского Договора об обороне Гренландии 1951 г. В 2004 г. к нему было подписано дополнительное «Соглашение Игалику», участником которого стала и гренландская сторона¹⁰. В 1953 г. США построили в Туле, на крайнем севере острова, базу ВВС. В настоящее время там располагаются РЛС раннего оповещения системы ПРО, наземное подразделение Космического командования США и единственный американский глубоководный порт в Арктике. В Пентагоне испытывают поэтому серьезные опасения, что в случае попадания острова под влияние КНР он может стать оплотом китайского присутствия (в т. ч. военного) в Арктике, причем поблизости от территории и баз США.

Эти соображения наглядно проявились в 2016 г., когда гонконгская Gene-

8 Schultz-Nielsen J. (2020) Ny repræsentation på vej i Kina // Sermitsiaq, 23. marts 2020 // <https://sermitsiaq.ag/ny-repraesentation-vej-i-kina>, дата обращения 27.09.2020.

9 US Department of Defense (2019) // Department of Defense Arctic Strategy. Report to Congress, June 2019 // <https://media.defense.gov/2019/Jun/06/2002141657/-1/-1/1/2019-DOD-ARCTIC-STRATEGY.PDF>; The GIUK Gap's Strategic Significance (2019) // Strategic Comments, Comment 19 // <https://www.iiss.org/publications/strategic-comments/2019/the-giuk-gaps-strategic-significance>, дата обращения 20.09.2020.

10 Agreement between the United States of America and Denmark Amending and Supplementing the Agreement of April 27, 1951. Signed at Igaliku August 6, 2004 with Joint Declarations // <https://2009-2017.state.gov/documents/organization/170358.pdf>, дата обращения 28.09.2020.

ral Nice Group (выступающая также инвестором в Исуа) едва не приобрела построенную американцами и давно закрытую датскую военно-морскую базу Греннедал, ныне Кангиллингуит. Сделка была отменена в последний момент по приказу Копенгагена, который подвергся жесткому давлению Вашингтона.

Аналогичный случай имел место в 2018 г., когда правительство Гренландии включило китайских подрядчиков в «короткий список» претендентов на реконструкцию либо строительство трех международных аэропортов в поселках Нуук, Иллуиссат и Какортук. На сей раз в дело публично вмешалась помощник заместителя министра обороны США Кейти Уилбарджер, предостерегая датчан, что Китай использует экономическую мощь для финансового закабаления бедных стран и установления там своего военного присутствия (в терминологии нынешней Администрации США – «дипломатия долгового капкана»)¹¹.

Второй пласт интересов связан с более широкой американской политикой глобального сдерживания КНР. Она была официально распространена на Арктику с мая 2019 г., после крайне жесткой речи госсекретаря М. Помпео «на полях» Министерской встречи АС в Рованиеми¹². США отвергают концепцию КНР как «приарктического государства», длительное время продвигавшуюся китайскими учеными и в начале 2018 г. зафиксированную в Арктической политике Китая. С этой точки зре-

ния расширение китайско-гренландского сотрудничества и перспективы подключения Гренландии к «Полярному Шелковому пути» рассматриваются как угроза усилению политического влияния КНР в Арктике. По сходным соображениям сильный нажим США оказывают, например, и на Исландию.

Третий интерес американцев связан с упомянутыми редкоземельными элементами. США, покрывающие свыше 70% потребности в них за счет импорта из Китая, остро осознают эту уязвимость и стремятся ее снизить. В июле 2019 г. Президент Д. Трамп подписал указ, требующий от американской промышленности «адекватно и своевременно» наладить собственное производство так называемых легких РЗЭ¹³. В 2014 г. США также выиграли иск против КНР в ВТО, добившись отмены квотирования соответствующего экспорта. Однако в конце мая 2019 г., сразу после посещения Си Цзиньпином завода компании JL MAG Rare-Earth Co в Ганьчжоу, официальный представитель Государственного комитета по развитию и реформе КНР заявил, что Китай может вновь обратиться РЗЭ в оружие торговой войны с США в случае ее эскалации¹⁴.

С середины 2019 г. Администрация Д. Трампа предприняла в отношении Гренландии ряд широко освещавшихся инициатив: подписание двух меморандумов о взаимопонимании с островным правительством, выделение в бюджете 2020 г. пакета экономической

11 Lucht H. (2018) Strictly Business? Chinese Investments in Greenland Raise US Concerns // DIIS Policy Brief, November 2018 // <https://www.diis.dk/en/research/chinese-investments-in-greenland-raise-us-concerns>, дата обращения 29.09.2020.

12 Johnson S., Wroughton L. (2019) Pompeo: Russia Is 'Aggressive' in Arctic, China's Work There Also Needs Watching // Reuters, May 6, 2019 // <https://www.arctictoday.com/pompeo-russia-is-aggressive-in-arctic-chinas-work-there-also-needs-watching>, дата обращения 20.09.2020.

13 Determination Pursuant to Section 303 of the Defense Production Act of 1950, as amended (2019) // President of the USA, July 22, 2019 // <https://www.whitehouse.gov/presidential-actions/presidential-determination-pursuant-section-303-defense-production-act-1950-amended-3>, дата обращения 06.07.2020.

14 China Indicates It May Use Rare Earths as Weapon in Trade War (2019) // Global Times, May 28, 2019 // <https://www.globaltimes.cn/content/1152119.shtml>, дата обращения 08.05.2020.

помощи Гренландии в размере 12,1 млн долл. США, восстановление консульства в Нууке (июнь 2020 г.) и др. Наибольшую известность получило сенсационное обращение Трампа к Дании в августе 2019 г. с предложением продать остров, обозначенное им самим как «сделка с недвижимостью». В обеих частях королевства оно вызвало шоковую реакцию и на некоторое время заметно обострило отношения с США. Но по существу Трамп лишь продолжил линию Трумэна – рассматривать Гренландию в рамках «доктрины Монро», которая, хотя и была в 2013 г. официально объявлена более не действующей, продолжает сильно влиять на американское внешнеполитическое мышление [Berry 2016].

Правительство К. Кильсена обещает и в случае отделения от Дании сохранить добрые отношения с США, включая военное и инвестиционное сотрудничество. На инициативу Д. Трампа островной МИД ответил: «Мы открыты для бизнеса, а не для продажи»¹⁵. В конце октября 2020 г., формально в рамках подготовки нового трехстороннего (с участием Дании) контракта на обслуживание базы в Туле, Гренландия и США согласовали особый Совместный план сотрудничества. Он предусматривает развитие прямых связей в сфере торговли и инвестиций (включая возможное налаживание официального диалога по экономической политике), образования и охраны окружающей среды¹⁶.

На деле, однако, американские представители не проявляют пока готовности вкладывать крупные средства в гражданские отрасли островной экономики. В частности, их интерес к провинции Гардар ограничился лишь проведением совместных с гренландцами геологических изысканий с воздуха летом 2019 г.¹⁷ Упомянутая американская помощь в сумме 12,1 млн долл. США (с благодарностью воспринятая островным правительством, но возмущившая многих датских парламентариев) будет передана не властям Гренландии, а распределена по американским госструктурам и консультантам, обеспечивая им знакомство с местной обстановкой и каналы неформального влияния на нее¹⁸.

Основную ставку США, таким образом, делают на мероприятия в сфере публичной политики, включая прямой нажим на Данию как своего союзника по НАТО. Судя по действиям Администрации Трампа, она сомневается в способности Дании удержать Гренландию и поэтому стремится поставить остров под более прямой контроль США, пусть это даже и вызывает откровенное недовольство политиков Копенгагена. В. Гулевич [Гулевич 2019] высказывал даже предположение, что Вашингтон заинтересован в поддержке независимости острова от Дании, либо, как минимум, в расширении автономии острова, исходя из своих внешнеполитических приоритетов.

15 Salama V., Restuccia A. (2019) Greenland Tells Trump: 'We're Open for Business, Not for Sale' // Wall Street Journal, August 16, 2019 // <https://www.wsj.com/articles/greenland-tells-trump-were-open-for-business-not-for-sale-11565960064>, дата обращения 25.09.2020.

16 Negotiations on the Service Contract at Thule Air Base Have Been Concluded (2020) // Naalakkersuisut, October 28, 2020 // https://naalakkersuisut.gl/en/Naalakkersuisut/News/2020/10/2810_pituffik, дата обращения 28.11.2020.

17 Airborne Hyperspectral Survey and Mineral Mapping in South Greenland (2019) // Naalakkersuisut, December 19, 2019 // https://naalakkersuisut.gl/en/Naalakkersuisut/News/2019/12/1912_ASU, дата обращения 06.05.2020.

18 Заметим, что эти 12,1 млн долл. США эквивалентны примерно 210 долл. на душу населения Гренландии – почти вдвое больше, чем потратили США на украинский «евромайдан» 2014 г. (5 млрд долл. США на 45 млн чел. населения страны, или 110 долл. на д. н.): U.S. Admits It Spent 5 Billion to Overthrow Ukraine (2015) // Infowars.com, January 29, 2015 // <https://www.infowars.com/u-s-admits-it-spent-5-billion-to-overthrow-ukraine>, дата обращения 14.05.2020].

Трудный выбор Дании

Для Дании Гренландия политически весьма важна как пропуск в privilegiрованную «арктическую пятерку» стран, имеющих выход в Северный Ледовитый океан, и как значимый объект сотрудничества с главным внешнеполитическим партнером – США. В то же время, по признанию многих датчан, включая правых депутатов Фолькетинга (парламента), страна долго вела себя на острове по-колониальному, не занимаясь его развитием даже в период глобального роста интереса к Заполярью.

Датские власти благосклонно относились к активизации КНР в Арктике, включая инвестиции в гренландскую экономику (тем более что и сами их привлекали) [Fuglede et al. 2014]. В национальное законодательство были даже внесены поправки, позволявшие Гренландии массово завозить на остров дешевую иностранную (читай китайскую) рабочую силу для реализации крупномасштабных проектов, а также экспортировать уран, который будет производиться в Кванефьельде в качестве попутной добычи. Дания активно поддерживала заявку КНР на статус постоянного наблюдателя в АС, представленный ему в 2013 г. Причем происходило это в условиях, когда многие наблюдатели в Дании и за ее пределами открыто выражали опасения, что китайцы, пользуясь внешнеполитической неопытностью гренландцев, осуществят ползучую скупку и колонизацию острова [Криворотов 2013, с. 178]. Так, исследователь из Французского института международных отношений Дамьен Дежорж, долго работавший в Гренландии и имеющий тесные связи с МИД и Франции, и Дании, в интервью островной прессе еще в 2012 г.

прямо заявил: «Страна, у которой лишь 57 тыс. жителей, а вся политическая элита, включая членов кабинета, парламента и мэров, состоит из 44 человек, весьма уязвима. На свою сторону достаточно склонить всего 25 человек, что для опытных лоббистов никакой сложности не представляет»¹⁹.

Официальный Копенгаген начал проявлять аналогичную обеспокоенность лишь в последние годы, по мере втягивания региона в орбиту геополитического соперничества [Mingming Shi, Lanteigne 2019]. Так, Разведслужба Минобороны Дании, ежегодно публикующая открытую оценку внешних рисков, в ноябре 2019 г. впервые начала очередной ее выпуск с Арктики, сосредоточившись на угрозах со стороны России и КНР. Отметив тесную связь китайских госкомпаний с государством, разведчики заявили, что в Дании и Гренландии «Китай использует наращивание научного и торгового сотрудничества в качестве входных точек для [политического] влияния» [Danish Defence Intelligence Service 2019].

Серьезное беспокойство датчанам доставляет и возросшая американская активность, хотя они уже воспринимают ее как неизбежность. В августе 2020 г. министр обороны страны Трине Брамсен, направляясь в Нуук, сообщила, что оставляет там своего советника для обеспечения текущих контактов островного правительства с ее ведомством. Датские журналисты не поверили ее заверениям, что эта новая штатная единица никак не связана с расширением американского военного присутствия на острове [Breum (2) 2020]. В итоге датскому правительству приходится отыскивать тонкий баланс между поддержанием жизненно важных союзнических отношений с США, сохране-

19 Greenland's Resources a Target (2012) // Greenland Oil & Mineral, no 5, p. 13.

нием контроля над Гренландией и обеспечением экономического развития острова при одновременном сдерживании китайских инвестиций. Наглядной иллюстрацией возникающих при этом сложностей служит история с модернизацией трех аэропортов. Пентагон, выступая резко против привлечения китайцев даже в качестве подрядчиков, в 2018 г. заявил о собственной принципиальной готовности вложиться в инфраструктуру двойного назначения в Гренландии. В итоге власти Дании, явно незаинтересованные в таком развитии событий, пообещали выделить 700 млн датских крон (свыше 100 млн долл. США) из своего бюджета, от чего ранее долго уклонялись [Øjford Blaxekær, Lanteigne, Mingming Shi 2018]. Выделенных ассигнований, однако, оказалось недостаточно, и осенью 2020 г. строительство аэропорта Какортук было отложено на неопределенный срок. В самой же Гренландии этот шаг Копенгагена вызвал внутривластный кризис: выступающая за скорейшее отделение партия Naleraq в знак протеста против датской помощи вышла из правящей коалиции²⁰.

Нынешний премьер-министр Дании Метте Фредериксен уделяет проблемам острова существенно больше внимания, чем ее предшественники. Она завоевала немало симпатий у северянок, когда на предложение Д. Трампа ответила: «Гренландия не продается. Гренландия – гренландская» (а не «датская»). Фредериксен часто посещает остров, вовлекает его представителей в свои внешнеполитические мероприятия, живо отозвалась в 2019 г. на просьбу инуитов о помощи в борьбе с пандемией (весьма актуальная проблема, особенно в отдаленных стойбищах).

Очевидная цель этих усилий – презентовать сохранение Гренландии в составе королевства как выгодную альтернативу отделению. Как отмечал информированный датский журналист Мартин Бреум, во властных кругах Копенгагена считают, что инициатива Трампа приглушит сепаратистские настроения инуитов, лишив их иллюзий о спокойном независимом существовании. Мол, теперь они осознают, что «Гренландия, лишенная уз с Данией, скорее <...> обнаружит, что США никогда не согласятся ни на что меньшее, чем тотальный военный контроль над территорией Гренландии», а остров окажется в положении «Виргинских островов, проданных Данией США в 1916 г., жители которых до сих пор не имеют в США избирательных прав, а многие живут за чертой бедности» [Breum (1) 2020; Кнудсен 2019].

Гренландия на распутье

Несмотря на звучащие предостережения, К. Кильсен и члены его кабинета заявляли (в частности, в октябре 2019 г. на авторитетном международном форуме «Арктический круг» в Рейкьявике), что намерены бороться за скорое самоопределение, сохраняя тесные связи с Данией, США и ЕС, но привлекая инвестиции со всего мира. Ссылаясь на практику ряда развивающихся стран, они подчеркивали, что дотационный характер экономики не является преградой для политического суверенитета.

Среди островитян, однако, по этому вопросу нет единства мнений и, помимо прочего, обозначился межпоколенческий разрыв [Kleist Pedersen 2020,

20 Turnowsky W. (2018) Koalitionens sprængt: Partii Naleraq trækker sig fra Naalakkersuisut // Sermitsiaq, 9. September, 2018 // <https://sermitsiaq.ag/koalitionens-spraengtpartii-naleraq-traekker-naalakkersuisut>, дата обращения 29.09.2020.

р. 307]. Люди старших возрастов из собственного опыта или рассказов родителей сохранили негативные воспоминания о колониальных временах и в большинстве своем настроены на отделение. Гренландская молодежь, напротив, держится более умеренно, не имея таких предубеждений против датчан и опасаясь попадания в зависимость от великих держав, особенно Китая.

Факторами, сдерживающими сепарационизм, служат также разобщенность и небезупречная репутация островных политиков, которые часто склонны к nepотизму и коррупции. Премьер-министр Гренландии Алека Хаммонд, заступив на пост в марте 2013 г., была вынуждена его оставить спустя всего полтора года, когда вскрылось присвоение ею 106 тыс. датских крон (18 тыс. долл. США) государственных средств. Ее преемник Ким Кильсен в 2020 г. попался на попытке выдать собственному, не оборудованному для промысла, судну квоту на вылов деликатесной рыбы зубатки. В октябре 2020 г. он с перевесом всего в один голос избежал парламентского вотума недоверия, в возглавляемой им партии *Siumut* полтора года длилась полоса неурядиц. В результате на партийном съезде 29 ноября 2020 г. Кильсен проиграл выборы на пост председателя *Siumut* этническому датчанину Эрику Йенсену, а к моменту выхода этой статьи в печать может лишиться и премьерского поста.

Отметим также, что ст. 8 Закона о самоуправлении Гренландии прописывает довольно сложный механизм ее выхода из состава королевства. Если население острова примет такое решение, то правительства Дании и Гренландии должны будут заключить соответствующий договор, подлежащий утверждению сначала на общегренландском референдуме, а затем в Фолькетинге. Таким образом, у датчан

имеются процедурные рычаги, чтобы надолго затянуть, а то и торпедировать процесс.

Налицо, таким образом, сложный клубок взаимоотношений двух частей Датского королевства и двух великих держав, где стороны преследуют разноплановые цели и применяют асимметричные средства. В среднесрочной перспективе можно представить, на наш взгляд, три основных сценария развития событий в Гренландии и вокруг нее.

1. Инерционный, наиболее вероятный. Гренландия остается в составе все более рыхлой унии с Данией. Военное присутствие США на острове расширяется в рамках трехсторонних договоров. Дания увеличивает бюджетные расходы, при этом сама Гренландия продолжает попытки финансово встать на ноги. Не исключено при этом формирование на острове местной элиты, которая, оперируя сепаратистскими лозунгами, на деле будет вполне лояльна Копенгагену, в ответ получая и коррупционно «осваивая» крупные бюджетные трансферты.

2. США, хотя формально и не «покупают» Гренландию, используют свое военное присутствие и программы помощи, чтобы поставить ее под свой фактический контроль (даже в случае ее сохранения в составе королевства). Основные вложения США идут в военное строительство и, возможно, в добычу редкоземельных элементов. Развитие остальных отраслей гренландской экономики тормозится американской конкуренцией. Контакты острова с КНР и Россией сводятся к минимуму. США при этом получают лишний стимул присоединиться к Конвенции ООН по морскому праву (что объективно отвечает их интересам), дабы своим влиянием поддерживать претензии Гренландии на шельф Северного полюса и прилежащих акваторий.

3. Гренландия обретает полноценную государственность, проводит политику неприсоединения и в собственных интересах привлекает инвестиции из различных источников на конкурентных условиях. Специалисты из третьих стран в качестве образца приводят Норвегию, которая в 1960-е гг., несмотря на неопытность в нефтяных делах, сумела с большой выгодой для себя привлечь на свой шельф крупнейшие мировые ТНК.

Каждый из этих вариантов чреват внутренними и международными осложнениями. При реализации сценариев 1 и, особенно, 2 Гренландия становится для США «второй Аляской», с дальнейшей милитаризацией острова и Центральной Арктики в целом. Сценарии 1 и, особенно, 3 открывают возможности для дальнейшего проникновения на остров китайских компаний, пусть и при политизированном противодействии США и (в меньшей степени) Копенгагена.

Россия в гренландском вопросе держится сдержанно; данная тематика освещается в СМИ достаточно скупой и отстраненно, кроме попытки Д. Трампа купить остров, которую большинство российских авторов рассматривали в контексте глобальной внешней и военной политики США²¹. Невысокий интерес прессы объясним с учетом ограниченного объема наших отношений с островом (хотя торговля оживилась в свете продовольственных контрсанкций России, под которые Гренландия, как нечлен ЕС, не подпадает).

В то же время вполне очевидно, что за борьбой гренландцев внимательно следят не только их братья-инуиты на севере Канады, Аляске и Чукотке, но и

другие национальные меньшинства в различных частях света. Обретение независимости огромной территорией, которая займет двенадцатое место по площади среди стран мира, безусловно, придало бы мощный глобальный импульс сецессионизму.

Происходящее в Гренландии и вокруг нее касается России и как крупнейшей арктической державы, тем более что сами датчане отводят нашей стране стабилизирующую роль в Заполярье, в т. ч. в контексте сохранения единства королевства. По итогам визита М. Помпео в Копенгаген в июле 2020 г. авторитетная газета *Berlingske Tidende* в редакционной статье призывала к активизации датской дипломатии в «арктической пятерке», где нет Китая (в отличие от АС), но есть Россия, без контакта с которой Арктика будет все более смещаться «в зону риска» вооруженных конфликтов. Автор, политобозреватель Кристиан Моуритцен, отметил при этом: «С одной стороны, у нас с Гренландией есть общий интерес – сохранять низкий уровень напряженности в регионе. С другой стороны, нельзя и закрывать глаза на имеющиеся вызовы. Поэтому разумно поддерживать тесное сотрудничество с США, но наша политика должна иметь больше точек опоры» [*Mouritzen 2020*].

Кроме того, реализация китайских планов по добыче сырья на острове потенциально способна принести России увеличение транзита гренландского сырья в КНР по трассе Севморпути. Если же США, напротив, удастся вытеснить китайцев с острова, то следует ожидать удвоения их усилий по укреплению в наиболее доступном им арктическом секторе – российском.

21 Аксенов С. (2019) Заполучив Гренландию, США подберутся к нам на дистанцию ракетного залпа // Свободная Пресса. 19 августа 2019 // <https://svpressa.ru/war21/article/241136>; Логинова К. (2020) Остров мечты: зачем Вашингтону понадобилась Гренландия // Известия. 25 апреля 2020 // <https://iz.ru/1003974/kseniia-loginova/ostrov-mechty-zachem-vashingtonu-ponadobilas-grenlandiia>, дата обращения 17.09.2020.

В случае же полного государственного самоопределения Гренландии (которое, правда, маловероятно в близкой перспективе) очевидно, что общий расклад сил в мировой Арктике глубоко изменится. Между великими державами развернется ожесточенная борьба за влияние на остров, в которой США будут делать основной упор на военные и политические, а КНР – на экономические и имиджевые аргументы. Свои интересы будут преследовать и другие акторы (такие как ЕС, НАТО, Дания, Норвегия, Канада и др.).

России в этих условиях следует внимательно следить за обстановкой, быть готовой к любому повороту событий и отыскивать возможности для сотрудничества. Безусловного одобрения заслуживает идея МИД России, согласованная уже и с датской стороной, об учреждении почетного консульства России в Гренландии, о чем сообщил министр С.В. Лавров 9 октября 2020 г.²² Представляется, что в арктическом противостоянии США и КНР России не надо занимать чью-либо сторону, но играть собственную конструктивную роль, включая и столь деликатные вопросы, как гренландский.

Список литературы

Возгрин В.Е. (1984) Гренландия и гренландцы. М.: Мысль.

Гулевич В. (2020) Дания, США и независимость Гренландии // Международная жизнь. 28 апреля 2020 // <https://interaffairs.ru/news/show/26171>, дата обращения 14.09.2020.

Кнудсен Н. (2019) Гренландская развилка. Кому достанется самый большой остров в мире // Огонёк. № 39 //

<https://www.kommersant.ru/doc/4110890>, дата обращения 14.05.2020.

Криворотов А.К. (2013) Арктическая активизация Китая: взгляд из Скандинавии // Сафронова Е.И. (ред.) Китай в мировой и региональной политике. Вып. XVIII. М.: ИДВ РАН. С. 158–192.

Ahlness E.A. (2020) Nunatta Qitorna: A Party Analysis of the Rhetoric and Future of Greenlandic Separatism. Preprint. DOI: 10.13140/RG.2.2.17174.50245

Andersson P., Willaing Zeuthen J., Kalvig Per. (2018) Chinese Mining in Greenland: Arctic Access or Access to Minerals? // Arctic Yearbook-2018 (eds. Heinen L., Exner-Pirot H.) // https://arcticyearbook.com/images/yearbook/2018/China-and-the-Arctic/7_AY2018_Andersson.pdf, дата обращения 08.05.2020.

Berry D.A. (2016) The Monroe Doctrine and the Governance of Greenland's Security // Governing the North American Arctic. Sovereignty, Security, and Institutions (eds. Berry D.A., Bowles N., Jones H.), London: Palgrave Macmillan, pp. 103–121.

Breum M. (1) (2020) Greenland's Premier Doesn't Foresee a US Takeover and Remains Committed to the Quest for Independence // Arctic Today, January 20, 2020 // <https://www.arctictoday.com/greenlands-premier-doesnt-foresee-a-us-takeover-and-remains-committed-to-the-quest-for-independence>, дата обращения 06.05.2020.

Breum M. (2) (2020) How a US Pivot to the North Changes the European Arctic // Martin Breum, August 22, 2020 // <https://www.martinbreum.dk/how-a-us-pivot-to-the-north-changes-the-european-arctic>, дата обращения 18.09.2020.

Danish Defence Intelligence Service (2019) // Intelligence Risk Assessment 2019, Copenhagen: DDIS.

22 Дания согласилась учредить пост почетного консула РФ в Гренландии (2020) // Аргументы и факты. 9 октября 2020 // https://aif.ru/politics/world/daniya_soglasilas_uchredit_post_pochetnogo_konsula_rf_v_grenlandii, дата обращения 09.10.2020.

Fuglede M., Kidmose J., Lanteigne M., Schaub G.Jr. (2014) Kina, Grønland, Danmark – konsekvenser og muligheder i kinesisk Arktispolitik, København: Center for militære studier.

Kleist Pedersen B. (2020) Greenlandic Images and the Post-colonial: Is It Such a Big Deal after All? // The Postcolonial North Atlantic. Iceland, Greenland and the Faroe Islands (eds. Körber L.-A., Volquardsen E.), Berlin: Nordeuropa-Institut der Humboldt-Universität zu Berlin, pp. 283–312.

Major M. (2019) The Relations Between Denmark, Greenland and the Faroe Islands. A Model with Future to Challenge Secessionism? // Claims for Secession and Federalism: A Comparative Study with a Special Focus on Spain (eds. López-Basaguren A., Escajedo San-Epifanio L.), Madrid: Springer, pp. 233–245.

Mingming Shi, Lanteigne M. (2019) China's Central Role in Denmark's Arctic Security Policies // The Diplomat, De-

cember 8, 2019 // <https://thediplomat.com/2019/12/chinas-central-role-in-denmarks-arctic-security-policies>, дата обращения 22.04.2020.

Mouritzen K. (2020) USAs interesse for Grønland skal vi hilse velkommen // Berlingske Tidende, 31. juli 2020 // <https://www.berlingske.dk/ledere/usas-interesse-for-groenland-skal-vi-hilse-velkommen>, дата обращения 17.08.2020.

Øjford Blaxekær L., Lanteigne M., Mingming Shi (2018) The Polar Silk Road & the West Nordic Region // Arctic Yearbook-2018 (eds. Heininen L., Exner-Pirot H.) // https://arcticyearbook.com/images/yearbook/2018/Scholarly_Papers/25_AY2018_Blaxekjr-Lanteigne.pdf, дата обращения 08.05.2020.

The Geopolitics of Rare Earth Elements (2019) // Stratfor, April 8, 2019 // <https://worldview.stratfor.com/article/geopolitics-rare-earth-elements>, дата обращения 04.12.2019.

DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-1-6

Greenland and Denmark: Arctic Secessionism in a Global Powerplay

Andrey A. KRIVOROTOV

PhD in Economics, Assistant Professor, Innovation Management Department
Moscow State Institute of International Relations (MGIMO University), Odintsovo
branch, 143007, Novo-Sportivnaya St., 3, Odintsovo, Moscow District, Russian
Federation

E-mail: a.krivorotov@odin.mgimo.ru

ORCID: 0000-0001-8983-5378

CITATION: Krivorotov A.A. (2021) Greenland and Denmark: Arctic Secessionism in a Global Powerplay. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 14, no 1, pp. 118–134 (in Russian). DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-1-6

Received: 10.10.2020.

ABSTRACT. *Greenland, the biggest island in the world inhabited predominantly by Inuits, was a Danish colony before 1953 and has since then been a part of the Danish realm with a gradually increasing autonomy. Some 2/3 of its population favor a complete secession, but the heavy dependence upon Danish budget subsidies is the main challenge.*

The Chinese government and companies have since 2005 maintained a close dialogue with Greenland as an entry point to the Arctic and a rich base of natural resources (including rare earth elements), though there has not been major investments yet. The U.S. have lately tried to halt this cooperation for the reasons of foreign, security and resource policy, and to put Greenland under a tighter American control. President Trump's purchase offer in 2019 was the most publicized initiative. Denmark, despite its close alliance with the United States, is worried by either American or Chinese involvement and tries to become a good patron for Greenland to prevent its secession. Meanwhile, the Greenlandic authorities confirm their political will to struggle for a complete independence from Denmark.

The article suggests three medium-term scenarios, with Greenland remaining in an gradually looser union with Denmark, moving into the U.S. domain and acquiring a full statehood with a subsequent competition of great powers. Whatever the outcome, Russia shall monitor the development closely and play an active role in the Arctic, not taking a part in the US-China rivalry.

KEYWORDS: *Greenland, self-rule, secessionism, Denmark, China-US confrontation, Arctic, rare earth elements, scenarios, Russia*

References

- Ahlness E.A. (2020) *Nunatta Qitornai: A Party Analysis of the Rhetoric and Future of Greenlandic Separatism*. Preprint. DOI: 10.13140/RG.2.2.17174.50245
- Andersson P., Willaing Zeuthen J., Kalvig Per. (2018) Chinese Mining in Greenland: Arctic Access or Access to Minerals? *Arctic Yearbook-2018* (eds. Heininen L., Exner-Pirot H.). Available at: <https://arcticyearbook.com/ima>

ges/yearbook/2018/China-and-the-Arctic/7_AY2018_Andersson.pdf, accessed 08.05.2020.

Berry D.A. (2016) The Monroe Doctrine and the Governance of Greenland's Security. *Governing the North American Arctic. Sovereignty, Security, and Institutions* (eds. Berry D.A., Bowles N., Jones H.), London: Palgrave Macmillan, pp. 103–121.

Breum M. (1) (2020) Greenland's Premier Doesn't Foresee a US Takeover and Remains Committed to the Quest for Independence. *Arctic Today*, January 20, 2020. Available at: <https://www.arctictoday.com/greenlands-premier-doesnt-foresee-a-us-takeover-and-remains-committed-to-the-quest-for-independence>, accessed 06.05.2020.

Breum M. (2) (2020) How a US Pivot to the North Changes the European Arctic. *Martin Breum*, August 22, 2020. Available at: <https://www.martinbreum.dk/how-a-us-pivot-to-the-north-changes-the-european-arctic>, accessed 18.09.2020.

Danish Defence Intelligence Service (2019). *Intelligence Risk Assessment 2019*, Copenhagen: DDIS.

Fuglede M., Kidmose J., Lanteigne M., Schaub G.Jr. (2014) *Kina, Grønland, Danmark – konsekvenser og muligheder i kinesisk Arktispolitik*, København: Center for militære studier.

Gulevich V. (2020) Denmark, USA and Greenland's Independence. *International Affairs*, April 28, 2020. Available at: <https://interaffairs.ru/news/show/26171>, accessed 14.09.2020 (in Russian).

Kleist Pedersen B. (2020) Greenlandic Images and the Post-colonial: Is It Such a Big Deal after All? *The Postcolonial North Atlantic. Iceland, Greenland and the Faroe Islands* (eds. Körber L.-A., Volquardsen E.), Berlin: Nordeuropa-Institut der Humboldt-Universität zu Berlin, pp. 283–312.

Knudsen N. (2019) Greenland at Crossroads: Who Will Obtain the World's

Biggest Island? *Ogonyok*, no 9. Available at: <https://www.kommersant.ru/doc/4110890>, accessed 14.05.2020 (in Russian).

Krivorotov A.K. (2013) China's Arctic Activization as Seen from Scandinavia. *China in World and Regional Policy*. Vol. XVIII (ed. Safronova E.I.), Moscow: IFES RAS, pp. 158–192 (in Russian).

Major M. (2019) The Relations Between Denmark, Greenland and the Faroe Islands. A Model with Future to Challenge Secessionism? *Claims for Secession and Federalism: A Comparative Study with a Special Focus on Spain* (eds. López-Basaguren A., Escajedo San-Epifanio L.), Madrid: Springer, pp. 233–245.

Mingming Shi, Lanteigne M. (2019) China's Central Role in Denmark's Arctic Security Policies. *The Diplomat*, December 8, 2019. Available at: <https://thediplomat.com/2019/12/chinas-central-role-in-denmarks-arctic-security-policies>, accessed 22.04.2020.

Mouritzen K. (2020) USAs interesse for Grønland skal vi hilse velkommen. *Berlingske Tidende*, 31. juli 2020. Available at: <https://www.berlingske.dk/ledere/usas-interesse-for-groenland-skal-vi-hilse-velkommen>, accessed 17.08.2020.

Øjford Blaxekær L., Lanteigne M., Mingming Shi (2018) The Polar Silk Road & the West Nordic Region. *Arctic Yearbook-2018* (eds. Heininen L., Exner-Pirot H.). Available at: https://arcticyearbook.com/images/yearbook/2018/Scholarly_Papers/25_AY2018_Blaxekjr-Lanteigne.pdf, accessed 08.05.2020.

The Geopolitics of Rare Earth Elements (2019). *Stratfor*, April 8, 2019. Available at: <https://worldview.stratfor.com/article/geopolitics-rare-earth-elements>, accessed 04.12.2019.

Vozgrin V.E. (1984) *Greenland and Greenlanders*, Moscow: Mysl' (in Russian).

Азия: вызовы и перспективы

DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-1-7

Гонконгское противостояние: внутренняя динамика и внешние аспекты

Александр Игоревич САЛИЦКИЙ

доктор экономических наук, главный научный сотрудник
Национальный исследовательский институт мировой экономики
и международных отношений имени Е.М. Примакова РАН, 117997,
Профсоюзная ул., д. 23, Москва, Российская Федерация
E-mail: sal.55@mail.ru
ORCID: 0000-0001-6134-768X

Андрей Владимирович ВИНОГРАДОВ

доктор политических наук, главный научный сотрудник
Институт востоковедения РАН, 107031, ул. Рождественка, д. 12/1, Москва,
Российская Федерация
E-mail: vinogradov-a.v@mail.ru
ORCID: 0000-0001-6080-4463

ЦИТИРОВАНИЕ: Салицкий А.И., Виноградов А.В. (2021) Гонконгское противостояние: внутренняя динамика и внешние аспекты // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. Т. 14. № 1. С. 135–150. DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-1-7

Статья поступила в редакцию 18.10.2020.

АННОТАЦИЯ. В июне 2019 г. в Гонконге начались протесты по поводу законопроекта об экстрадиции граждан территории. Они продолжались почти семь месяцев, приковав к себе внимание в самом Китае и за его пределами. Протесты стали самыми массовыми и яростными за все время существования Специального административного района (САР), образованного 1 июля 1997 г. на месте бывшей британской колонии. С тех пор политическое устройство района, отчасти унаследованное от британской администрации и закрепленное в «Основном законе САР КНР», принятом ВСНП в апре-

ле 1990 г. [The Basic Law], служило предметом противостояния двух основных лагерей: «пропекинских» лоялистов и «пандемократических» оппозиционеров (политические партии в районе возникли еще при британской администрации, в основном в 1990-е гг.). Изменения в этой системе, в том числе изначально заложенные в текст «Основного закона», а также отдельные законопроекты и действия Пекина и администрации района нередко оказывались в центре острых дискуссий, периодически провоцируя уличные выступления.

Эта, в общем, обычная практика политической жизни в 2019 г. перерос-

ла в нечто новое – молодежный бунт с массовыми беспорядками, ожесточенными столкновениями с полицией, поджогами и погромами, многочисленными актами насилия. Масштабы явления значительно превосходили «революцию зонтиков» 2014 г. и дали основание говорить о появлении в политическом пасьянсе Гонконга третьей силы – воинствующих радикалов, поставивших под угрозу стабильность территории и сложившейся системы управления.

Критического обострения ситуации в 2019 г. удалось избежать, тем не менее и в конце 2020 г. напряженность в бывшей колонии сохранялась. Ниже анализируются истоки обострения политического положения в 2019 г., а также реакция на них со стороны местной администрации и Пекина. Авторы размышляют о возможном развитии ситуации в Гонконге и вокруг него, в том числе в связи с принятием ПК ВСНП закона о защите национальной безопасности в Гонконге в конце июня 2020 г.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Гонконг, противостояние, протесты, гонконгская идентичность, избирательная система, всеобщие выборы, закон о национальной безопасности

Внутренние причины протестов

Протесты в Гонконге в новом веке – сложное явление. Обычным поводом для них были те или иные инициативы властей в области политического устройства территории. Так, 1 июля 2003 г. массовый марш протеста против законопроекта о подрывных действиях

против Китая на территории САР, собравший почти полмиллиона участников, заставил местные власти отложить законопроект. Пекин тогда не стал вмешиваться в ситуацию, хотя статья 23 Основного закона предусматривает обязанность территории принять соответствующее законодательство. Возможно, причина невмешательства заключалась в том, что пришедшее к власти в 2002–2003 гг. новое китайское руководство, сразу столкнувшееся с эпидемией атипичной пневмонии, не захотело усугублять ситуацию еще одной сложной проблемой.

Постепенно в бывшей колонии набирало силу и движение за введение в САР всеобщего избирательного права. Такой переход предусмотрен Основным законом, однако в нем (статьи 15, 45) содержатся ограничения: переход должен производиться постепенно и упорядоченно, с учетом сложившейся ситуации.

Имеющаяся (и во многом унаследованная от британцев) система выборов Законодательного совета САР предусматривает смешанное представительство функциональных и территориальных округов (статья 68)¹. По этому образцу – с представительством от профессиональных сообществ в Избирательном комитете (Коллегии выборщиков) Гонконга – производятся пока и выборы главы администрации САР, утверждаемого затем Пекином.

Определенное смущение в умы гонконгцев внесло постановление ПК ВСНП, принятое в конце 2007 г. В нем содержалось обещание перейти к всеобщим выборам главы администрации в 2017 г. (или позже), а после этого – и к всеобщим выборам законодательно-

¹ Систему трудно назвать справедливой: например, в 1998 г. пакет голосов в Законодательном совете САР одного из крупных предпринимателей района и его компаний (а в функциональных округах «голосуют» еще и юридические лица) равнялся 15 тыс. голосов избирателей географических округов.

го совета. Многим этот срок показался слишком долгим.

Поправить дело решил тогдашний глава администрации Дональд Цан, предложивший в конце 2009 г. провести предварительную реформу избирательной системы уже в 2012 г. Часть «пандемократов», в т. ч. несколько членов Законодательного совета, встретили это предложение в штыки, однако летом 2010 г. реформу утвердили. В результате число членов Избирательного комитета увеличилось в 2012 г. с 800 до 1 200 человек, а Законодательного совета – с 60 до 70.

Значительная часть гонконгских жителей хотела более глубоких преобразований, в результате протестная активность начала нарастать. Одним из ее индикаторов послужил рост числа участников ежегодного шествия 1 июля, организуемого Гражданским фронтом прав человека. В 2010 г. таковых насчитали 52 тыс., в 2011 г. – 218 тыс., в 2012 г. – уже 400 тыс. человек [Kan 2013, p. 74]. Дополнительным фактором, раздражившим многих гонконгцев, стала попытка властей ввести в школьное обучение предметы по истории и культуре Китая по написанным в Пекине программам, что вызвало в конце июля дополнительные протесты, а в августе – начале сентября 2012 г. – пикетирование правительственных зданий старшеклассниками, среди которых был 15-летний Джошуа Вонг, основавший к тому времени группу Scholarism. Власти Гонконга сочли за благо отступить [Dapiran 2017].

Эта уступка, возможно, послужила причиной эскалации протестных действий [Sing 2012]. В начале 2013 г. преподаватель права Гонконгского университета Бенни Тай опубликовал призыв к началу кампании массового неповиновения в качестве «наиболее мощного оружия» в борьбе за всеобщие выборы и демократическую процедуру выдвижения кандидатов на пост главы админи-

страции. Он, помимо прочего, предложил организовать в центре города сидячие забастовки числом не менее 10 тыс. человек начиная с июля 2014 г. Идею поддержали от четверти до трети горожан, однако около половины ее осудили [Kan 2013, p. 75]. Лоялистские партии, естественно, отвергли эту идею и предложили ответить различными акциями, в том же духе высказывались представители деловых кругов. Конфликт стал постепенно распространяться в обществе и захватил даже школы. В июне 2014 г. движение Бенни Тая Occupy Central with Love and Peace с помощью социологической службы Гонконгского университета провело гражданский референдум, на котором примерно пятая часть избирателей (почти 800 тыс. человек) высказались за те или иные варианты демократизации выборов в 2017 г. Власти в ответ предупредили об ответственности за нарушение закона и порядка в центре города.

В конце августа 2014 г. ПК ВСНП утвердил порядок проведения выборов Законодательного совета, намеченных на 2016 г., и Главы администрации, запланированных на 2017 г. Требования оппозиционного лагеря о демократизации процедуры выдвижения кандидатов были отвергнуты.

26 сентября 2014 г. после бойкота занятий студенты и старшеклассники, возглавляемые Гонконгской федерацией студентов и группой Scholarism, заняли одну из площадей в центре города. Чуть позже, 28 сентября, Бенни Тай объявил о практическом старте кампании Occupy Central. Акция, получившая в дальнейшем название «революции зонтиков», собрала на пике порядка 100 тыс. участников, парализовала центр, продолжалась почти 80 дней и сопровождалась беспорядками и актами насилия со стороны протестующих и полиции. Уступок со стороны властей не последовало, в конце концов протестующие

освободили центр города по судебному решению, принятому по иску компании муниципального транспорта.

В ходе акции было арестовано около 900 протестующих, 90 из них были впоследствии приговорены судами к испытательным срокам или общественным работам. Семеро полицейских, избивших одного из участников протестов, получили полугодовые тюремные сроки. Джошуа Вонг и его соратники Натан Лоу и Алекс Чоу получили в августе 2017 г. тюремные сроки от 6 до 8 месяцев и были досрочно освобождены в феврале 2018 г. Восемь лидеров движения Occupy Central также получили наказания в апреле 2019 г., Бенни Тай – 16-месячное заключение.

«Революция зонтиков» положила начало поляризации основных лагерей гонконгского общества и привела к появлению «локалистов» – группировок, стоящих на откровенно антипекинских позициях (среди них были экстремистские «Гражданская страсть» и «Пролетарский политический институт») и ставящих целью борьбу за полную автономию и даже независимость Гонконга. Открытая неприязнь между молодежью (обычно студенческой) и полицейскими вылилась в столкновения в феврале 2016 г., которые возникли по поводу ограничений санитарной инспекции на работу уличных торговцев едой. Порядок был наведен довольно быстро, хотя СМИ и поспешили окрестить события «революцией рыбных шариков».

Атмосфера конфликта продолжала сгущаться, ее не смогла разрядить смена в марте 2017 г. главы администрации на коренную жительницу Гонконга Кэрри Лам, поставившую своей главной целью сплочение общества и диалог со всеми политическими силами.

Следует подчеркнуть, что нарастание конфликтности в гонконгском обществе связано не только с внутриполитическими причинами. Немалую роль играют социальные и психологические факторы. Среди них особое место занимает проблема идентичности. Дело в том, что, как показывают опросы постоянных жителей района, все большая их часть считает себя только «гонконгцами», все реже встречались другие самоопределения, как смешанные, типа «гонконгский китаец» или «китайский гонконгец», так и просто «китаец». Так, в 2014 г. 38% опрошенных отнесли себя к «чистым» гонконгцам, в смешанных группах оказались 43%, «чистых» китайцев насчитали всего 17%. В 2019 г. число «чистых» гонконгцев достигло 53%, а «чистых» китайцев сократилось до 11%.

По данным гонконгского Public Research Institute, в возрастной группе 18–29 лет число «гонконгцев» начало расти с середины 2000-х гг. и достигло в 2019 г. 70%, при этом снижалась доля смешанных идентичностей, а доля «китайцев» устремилась к нулю; похожая, но менее выраженная динамика наблюдалась и в группе 30–39 лет. В более зрелых возрастных группах (40–49, 50–59, и 60+) картина была несколько иной: доля «гонконгцев» имела слабую тенденцию к росту и составляла в 2019 г. 43% в первой, 38% во второй и 24% в последней, где она примерно равнялась числу «китайцев». Преобладающей же в двух последних была смешанная самоидентификация – порядка 45% [One People, Two Identities 2019]. Иными словами, зрелые и пожилые гонконгцы более склонны видеть в себе оба начала: гонконгское и китайское².

2 Среди постоянных жителей Гонконга есть 8% лиц, этнически не принадлежащих к китайцам. Это филиппинцы, индонезийцы, выходцы из Южной Азии, японцы, корейцы, британцы и пр.

В одном из основательных исследований молодежи района в 2010 г. «гонконгцев» было существенно больше, но и доля «китайцев» превышала 50%. При этом лишь 1,4% опрошенных сообщали, что часто принимали участие в массовых выступлениях, хотя протестные настроения были у 19% респондентов [Chiu 2010]. Возможно, то, что спустя десятилетие эти показатели резко выросли, указывает на влияние на идентичность молодежи ситуационного фактора – самой протестной активности, а не наоборот.

Интересен вывод об особенностях самоопределения гонконгских студентов и студентов материкового Китая, сделанный на материалах 2012–2016 гг. Социополитические ассоциации у них серьезно расходились (гонконгцы неохотно ассоциировали себя с материковым Китаем, что можно объяснить и влиянием преподавателей³), однако панкитайская экономическая идентичность у обеих исследованных групп оказалась довольно высокой [Qin, Fan 2019].

Некоторые комментаторы усматривают причину роста гонконгской идентичности в самом расширении протестной активности, а также в навязывании молодым людям такой идентичности социальными сетями. «Такая идентичность не является нашей личной, идущей изнутри, она проецируется на нас извне социальными сетями и СМИ, деформирует нас» [Tam 2019].

«Сердитые молодые люди» Гонконга 2010-х гг. – отнюдь не уникальное явление в современном мире. К бурным событиям 2019 г. постепенно подводили некоторые общие для многих стран обстоятельства: быстрое распространение высшего образования (доля лиц

с образованием выше среднего повысилась в Гонконге у возрастной когорты 15–24 года с 19% в 1996 г. до 51% в 2016 г.). Более образованные молодые люди предъявляют к жизни повышенные требования, однако удовлетворить их не всегда просто: в бывшей колонии растет поляризация доходов – индекс Джини в Гонконге за тот же период повысился с 43 до 54%. Отмечается и повышение безработицы среди молодежи. Неудивительно, что 92% молодых людей считают социальное неравенство в Гонконге «превышающим разумные пределы» [Fung, Lee 2019].

Важную роль, безусловно, сыграло и то, что в 2010-х гг. в Гонконге существенно понизились темпы экономического роста, и его во многом рентабельная экономика, похоже, окончательно проиграла соревнование извечному конкуренту – индустриально развитому Сингапуру [Key Indicators for Asia and the Pacific 2020, p. 103]. В результате по одному очень чувствительному социальному показателю – обеспеченности жильем и его стоимости – «душистая гавань» много уступает «городу льва»: на душу населения в Гонконге приходится всего 17 кв. м, а в Сингапуре – 27 кв. м, причем цена одного метра в Сингапуре существенно ниже. Индекс Джини в Сингапуре составляет 43%. Кроме того, Гонконг, уже уступая соседнему Шэньчжэню по объему ВВП, решительно проигрывает ему в развитии высокотехнологичной сферы, за которую в Шэньчжэне основательно взялись лишь 15 лет назад [Chow 2020].

Подробно не останавливаясь на драматичных событиях в Гонконге в июле–декабре 2019 г. [Виноградов 2020], отметим некоторые итоги протестов.

3 Заметим, что преподаватели Гонконга – наиболее пораженная в избирательных правах часть общества. В функциональных округах 88 тыс. преподавателей располагают таким же представительством, как крестьяне и рыбаки, которых в САР почти не осталось.

Во-первых, оппозиционные партии одержали сокрушительную победу на выборах в муниципальные органы власти. 24 ноября 2019 г. за их представителей проголосовало примерно 1,6 млн избирателей против 1,2 млн голосов, поданных за «пропекинские» партии. Однако благодаря мажоритарной системе и умелой работе по выдвижению наиболее «проходных» кандидатов оппозиционеры получили подавляющее большинство мест: 347 из 452 (60 досталось лоялистам и 45 – независимым). Итоги выборов поставили серьезные проблемы перед властями города и Пекином.

Во-вторых, беспорядки дорого обошлись Гонконгу. ВВП специального административного района в 2019 г. сократился на 1,2% на фоне роста у всех соседей. В III и IV кварталах года сокращение этого показателя в годовом исчислении составило 2,8 и 2,9% соответственно. Значительно уменьшился поток туристов, расходы нерезидентов в городе упали в двух последних кварталах на 31 и 54% по отношению к предыдущему году. За 200 дней протестов радикалы разгромили 1 200 магазинов, отделений банков, кафе, закусочных и ресторанов, привели в негодность 700 светофоров. Ущерб нанесен 150 станциям метро, 20 тыс. кв. м дорожного покрытия, 50 км дорожных ограждений. На 14 дней был выведен из строя тоннель между островом Гонконг и континентальной частью территории. Только на территории Китайского университета Гонконга и Политехнического университета было изъято свыше 10 тыс. бутылок с горючей смесью [Behind the Protests 2020].

Но, главное, пострадали люди: более 2 тыс. человек, включая 500 полицейских, получили серьезные травмы, раны и ожоги. Погибли три человека. С августа 2019 г. резко увеличилось число психических заболеваний и

расстройств [Roger 2020]. Около 10 тыс. преимущественно молодых людей были арестованы во время беспорядков и после их завершения. К началу осени 2020 г. в судах было рассмотрено более 2 тыс. открытых по следам протестов дел, около полутысячи обвиняемых получили различные наказания.

Внешние факторы обострения конфликта

Гонконг всегда был широко открыт для внешних воздействий и влияния. Внутренние протесты нередко копировали зарубежные образцы, взять хотя бы название кампании Occupy Central. И на этот раз протестующие нарочито апеллировали к западному общественному мнению и атрибутике. В 2019 г., например, демонстранты обычно несли флаги США, реже Великобритании, а некоторые – даже Японии, но последних быстро одернули: в бывшей колонии еще помнят оккупацию 1941–1945 гг.

При внимательном знакомстве с динамикой протестов, их организацией, выбором даты начала и дальнейшим ходом можно проследить связь с состоянием китайско-американских отношений. Сначала постепенное, а затем и резкое их обострение в 2010-е гг. в целом довольно точно повторяла кривая протестной активности. К концу десятилетия, по словам одного из авторов монографии «Война без границ» Цяо Ляна [Qiao, Wang 1999], Гонконг стал «ключевым полем боя Китая в сопротивлении давлению США» [Ho 2020].

Действительно, может сложиться впечатление, что протестная активность не была стихийной. Массовость протестов – главный ключ к их успеху: этот вывод одного из теоретиков «цветных революций» Эрики Ченовет

[Chenoveth, Stephan 2011] был хорошо знаком тем, кто взялся за организацию Occupy Central. Массовость нередко пытались повысить провокациями по отношению к полиции с последующими призывами проявить солидарность с «юными жертвами», так было в 2014 и в 2019 гг. Американский след можно увидеть не только в использовании гонконгскими оппозиционерами положений теории «цветных революций». Неизменным было их обращение к заокеанским кураторам: в 2014 г. в этой роли выступал National Endowment for Democracy. Не остался в стороне и Госдеп: три бывших консула США в Гонконге после начала протестов 2014 г. выступили с открытым письмом с критикой в адрес избирательной системы территории [Hua 2014].

Особенностью протестов 2019 г. стало то, что перед их началом группа оппозиционных гонконгских законодателей была принята в Вашингтоне Майком Помпео. Именно тогда, в мае 2019 г., после срыва торговых переговоров Белый дом объявил о беспрецедентном повышении пошлин на китайские товары и начал санкционную атаку на компанию «Хуавэй». До мая протесты по поводу законопроекта об экстрадиции все-таки были весьма вялыми.

В разгар волнений, в начале июля 2019 г., Майк Пенс, Джон Болтон и Майк Помпео приняли хозяина компании Next Digital и антипекинского издания Apple Daily Джимми Лая. Эскалация насилия стала сопровождаться эскалацией требований, в июле на повестку дня вновь встал лозунг «Освободить Гонконг – революция нашего времени», выдвинутый еще в 2016 г. локалистом Эдвардом Ляном. Тогда же, в июле 2019 г., эмигрировавший в США

миллиардер Го Вэньгуй вместе со Стивом Бэнноном организовал 100-миллионный фонд и обещал гонконгским локалистам убежище в Америке [Lo 2019].

В это время в Гонконге хорошо экипированные и организованные радикалы продолжали свою деятельность, которую, по мнению бывшего главы администрации Дун Цзяньхуа, поощряли США и Тайвань [Cheung 2019]. Становилось понятно, что власти имеют дело с тщательно подготовленными действиями с продуманной тактикой рассредоточенных по всему городу выступлений активистов с превосходным логистическим, финансовым и информационным обеспечением (порядка 3 тыс. гонконгских полицейских подверглись доксингу⁴) и масштабной поддержкой ведущих мировых СМИ, включая сети, которые блокировали трафик из Китая, как правило, с иллюстрациями бесчинств протестующих. Компания «Эппл» разместила приложение, которое показывало перемещения гонконгской полиции по городу, но после протеста администрации Гонконга его все-таки удалила. Всего через 70 часов после открытия «Фейсбук» закрыл горячую линию на одном из своих приложений, которую гонконгская полиция организовала для приема сообщений граждан о правонарушениях со стороны радикалов.

В начале августа 2019 г. в печати появились снимки одного из руководителей консульства США в Гонконге Джулии Иде (Julie Eadeh) с лидерами протестов, включая Джошуа Вонга. Ранее она «засветилась» в цветных революциях в других странах, в основном на Ближнем Востоке [US Operates 2019]. В середине сентября история получила продолжение: Джошуа Вонг и Дениз Хо были приглашены на слушания в Конгресс

4 Обнародование персональной информации человека без его согласия.

США. В результате примерно через месяц появился законопроект «О правах человека и демократии в Гонконге», реализовавшийся в дальнейшем в американских санкциях против территории. Параллельно с ним была принята резолюция, в которой Пекин обвинялся «во вмешательстве в дела Гонконга».

Подавал голос и Джордж Сорос, сообщиив в начале октября в «Уолл-стрит джурнал» о том, «что его личные интересы в победе над Китаем выходят за рамки национальных интересов США». Как выяснилось, он уже попробовал сыграть на понижение на гонконгской бирже – первая его попытка была замечена во время азиатского кризиса 1997–1998 гг. [Zhang 2019].

12 октября в Гонконг прибыл сенатор-республиканец Тед Круз. Облачившись в черное в знак солидарности с протестующими, он поддержал их на митинге, обвинив полицию в репрессиях. Между тем у некоторых обозревателей из соседних стран складывалось совершенно противоположное мнение о работе гонконгской полиции. Так, Лесли Фон, долгое время работавший в сингапурской «Стрейтс таймс», удивлялся, отчего не производятся предупредительные аресты известных бунтовщиков и их спонсоров, почему не высылаются иностранцы, подстрекающие протестующих, не замораживаются счета, с которых они получают деньги, и т. п. [Fong 2019].

Как бы то ни было, в ноябре 2019 г. протесты стали слабеть, радикалы к тому же допустили тактическую ошибку, сконцентрировав силы в Политехническом университете. Полиция эффективно заблокировала территорию вуза и после недолгой блокады арестовала многочисленных участников обороны, которую американские СМИ окрестили «героической». Но к тому времени приблизились муниципальные выборы в Гонконге, результаты

которых несколько разрядили обстановку.

Под «занавес года», в декабре, Пекин распорядился прекратить рассмотрение заявок на заходы в Гонконг американских военных кораблей и воздушных судов, а также ввести санкции против ряда неправительственных организаций, включая National Endowment for Democracy, National Democratic Institute for International Affairs, International Republican Institute, Human Rights Watch и Freedom House за их роль в беспорядках в Гонконге. Гонконгская полиция в свою очередь выявила факт оплаты услуг десятков радикалов через платформу Spark Alliance НК, произведя необходимые аресты [Mok et al. 2019].

В поисках выхода из кризиса

В январе 2020 г. на должность представителя Пекина в Гонконге вместо Ван Чжиминя был назначен Ло Хуэйнин, ранее работавший в провинциях Цинхай и Шаньси. Нагрянувшая эпидемия на время затмила новости из САР, и территория вновь привлекла к себе внимание лишь в последней декаде мая, когда началась ежегодная сессия ВСНП, отложенная из-за пандемии. К тому времени из событий 2019 г. китайским руководством были сделаны выводы.

Третья сессия ВСНП поручила своему Постоянному комитету дополнить список законодательных актов, действующих в Гонконге (Приложение 3 Основного закона), «Законом КНР о защите национальной безопасности в САР Гонконг», что соответствует Основному закону района, в частности, статьям 18 и 23. Закон был опубликован 30 июня 2020 г. и введен в действие с 1 июля. Он подтверждает правовые гарантии основных свобод жите-

лей Гонконга и содержит ясные нормы, определяющие обязанности государственных органов САР в части защиты национальной безопасности Китая, а также состав правонарушений и преступлений и ответственность за них. Правоохранительная система получила механизм противодействия четырем основным видам нарушений: сепаратизм (сепаратизм); подрывная деятельность; террористические действия; сговор с зарубежными странами или внешними элементами, угрожающий национальной безопасности.

Еще до публикации текста закона началось его обсуждение. Деловые круги, как правило, высказывались одобрительно. В их числе оказались гонконгские старожилы – компании и банки британского происхождения: HSBC, Stan Chart, Swire и Jardines. Спокойно отреагировали на закон многие зарубежные сообщества выходцев из Гонконга, например, канадские китайцы [Cheng 2019].

Для людей, всерьез озабоченных будущим территории, характерно следующее наблюдение. Его сделал известный международный финансист Эндрю Шэн, работающий в Гонконге, 24 мая 2020 г. в тайландской газете: «Жители Гонконга считают, что в формуле «Одна страна – две системы» важнее вторая часть, однако политическая реальность состоит в том, что в конституционном плане вторая часть подчинена первой». По его мнению, для спокойствия гонконгцам достаточно понимать, что Пекин совершенно не заинтересован в превращении административного района в поле битв с США. «Будущее Гонконга как международного финансового центра критически зависит от политической стабильности. Как показал опыт Бейрута, скатывание к насилию непоправимо нарушило его роль финансового и культурного центра Ближнего Востока. Даже послед-

ний губернатор Гонконга Крис Паттен согласен с тем, что насилие не ведет ни к чему хорошему, – пишет Шэн, – пандемия научила нас принимать смирение, поскольку именно заносчивость разрушила старый порядок. Такова история – кризис и возможность шагают рядом» [Sheng 2020].

Вполне предсказуемой оказалась реакция на закон о безопасности со стороны западных СМИ и правительств. Не упоминная, что в законе речь идет о безопасности всего Китая, а не только Гонконга, отождествляя «высокую степень автономии» с независимостью, лидеры общественного мнения занялись осуждением «тоталитарного режима». Среди них выделился Борис Джонсон, пообещавший приютить всех гонконгцев, обладающих британским зарубежным паспортом. Дональд Трамп отреагировал отменой ряда преференций Гонконгу и приравнял гонконгские фирмы, производящие экспортные товары, к китайским – вразрез с правилами ВТО.

В самом Гонконге эксцессов, которых многие ожидали, не случилось. Созданный в полиции после принятия закона департамент национальной безопасности произвел первые аресты. Так, в конце июля были задержаны, вне связи с уличными выступлениями 2019 г., четыре участника группы, объявившей о своей цели построения любыми средствами «Гонконгской Республики». Одним из них был бывший активист распушенной организации Studentlocalism, практически все члены которой теперь находятся за рубежом. Был арестован и медиа-магнат Джими Лай.

С принятием нового закона постепенное ограничение радикальных движений представляется выполнимой задачей. Тем не менее ее решение не избавляет власти Гонконга и Пекин от поиска компромисса с оппозицией. Про-

веденные «пандемократами» праймериз (в сентябре 2020 г. должны были состояться очередные выборы в Законодательный совет, в котором у оппозиции 29 мест из 70) собрали примерно 600 тыс. голосов, это меньше того, что собрал референдум 2014 г. Двенадцать кандидатов, включая четверых действующих членов совета, получили отвод от уполномоченных по выборам – в основном по причине их призывов к зарубежным государствам применить санкции к Китаю⁵. В их числе был Джошуа Вонг. Вскоре в ход событий вмешалась ухудшившаяся эпидемическая обстановка, и Кэрри Лам отложила выборы на сентябрь 2021 г.

Эта пауза может быть использована Пекином для стабилизации политической обстановки и оживления экономической жизни. Осенью 2020 г. перед Гонконгом во весь рост встали экономические проблемы: ВВП в первом полугодии сократился на 9%, начался массированный отток средств зарубежных инвесторов. Экономические трудности можно использовать не только для организации протестов, но и для консолидации населения.

Власти в материковом Китае и Гонконге могут поработать над поиском новой политической формулы для Гонконга на пути сближения понятий «демократии» (дорогой гонконгскому обществу) и «меритократии», свойственной, по мнению ряда аналитиков, нынешнему китайскому социуму на материке, а исторически – и китайской ойкумене в целом независимо от места ее расположения [Bell 2016; Scruton 2013].

С точки зрения популярности внутри страны пекинские власти намного

превосходят не только гонконгские, но и правительства многих благополучных стран [Cunningham, Saich, Turriel 2020]. При этом в китайском обществе очень высок уровень критичности по отношению к официальной пропаганде, а уровень информированности вполне достаточен, поскольку контакты с внешним миром стали массовыми [Ren 2019].

Элементы или зачатки подобной меритократической системы зримо присутствуют и в нынешнем политическом устройстве Гонконга, функциональные округа или курии – не самый плохой инструмент, оставленный территории британцами, из которого можно убрать некоторые архаические элементы, например, ввести единую норму представительства, и, таким образом, модернизировать применительно к требованиям сегодняшнего дня.

В практическом плане Пекину, конечно, не стоит требовать от гонконгской молодежи «любить Китай», на первом этапе вполне достаточно добиться свойственных западной политической культуре законопослушания и большей толерантности по отношению к вносящим вклад в экономическое процветание Гонконга китайским туристам, которым, в свою очередь, также не повредят уроки вежливости при пребывании в особом регионе Китая.

Список литературы

- Виноградов А.В. (2020) Гонконг-2019: вызов модели «одно государство – два строя» // Проблемы Дальнего Востока. № 1. С. 43–58. DOI: 10.31857/S013128120008827-0
- A Comparative Study of Constitutionalism and People's Democracy (2013) // Qi-

5 Возник вопрос, как быть с действующими членами, но с санкции ПК ВСНП они сохранили места в совете до следующих выборов.

ushi, May 2013 // www.qsttheory.cn/hqwg/2013/201310/201305/t20130521_232618.htm, дата обращения 10.12.2020 (на китайском).

Behind the Protests: The Truth of Hong Kong (2020) // International Police Association (Hong Kong Section) // http://www.ipa-hksar.com/www/Behind-theProtests_TheTruthofHongKong.pdf, дата обращения 10.12.2020.

Bell D. (2016) *The China Model: Political Meritocracy and the Limits of Democracy*, Princeton University Press.

CCP Central Committee and State Council Joint Document. The Development Program for the Big Bay (Guangzhou, Xianggang, Aomen) (2019) // <http://gd.people.com.cn/n2/2019/0218/c123932-32652816.html>, дата обращения 10.12.2020 (на китайском).

Cheng A. (2020) Why Hong Kong National Security Law Won't Spark a Third Wave of Migration to Canada // *South China Morning Post*, July 10, 2020 // <https://www.scmp.com/comment/opinion/article/3092476/why-hong-kong-national-security-law-wont-spark-third-wave-migration>, дата обращения 10.12.2020.

Chenoweth E., Stephan M. (2011) *Why Civil Resistance Works: The Strategic Logic of Nonviolent Conflict*, New York: Columbia University Press.

Cheung T. (2019) Former Hong Kong Leader Tung Chee-hwa Accuses the United States and Taiwan of Orchestrating 'Well-organised' Recent Protests // *South China Morning Post*, July 31, 2019 // <https://www.scmp.com/news/hong-kong/politics/article/3020829/former-hong-kong-leader-tung-chee-hwa-accuses-united-states>, дата обращения 10.12.2020.

Chiu S. Wing-kai (2010) *Social Attitudes of the Youth Population in Hong Kong*, Hong Kong Institute of Asia-Pacific Studies, Chinese University of Hong Kong // http://www.cuhk.edu.hk/soc/a/Social_attitudes_youth_hk.pdf, дата обращения 10.12.2020.

Chow Chung-yan (2020) Shenzhen's Success Story Holds Lessons Even as US-China Tech War Bites // *South China Morning Post*, August 31, 2020 // <https://www.scmp.com/week-asia/opinion/article/3099329/shenzhens-success-story-holds-lessons-even-us-china-tech-war>, дата обращения 10.12.2020.

Cunningham E., Saich T., Turiel J. (2020) *Understanding CCP Resilience: Surveying Chinese Public Opinion through Time*, Harvard Kennedy School. Center for Democratic Governance and Innovation // https://ash.harvard.edu/files/ash/files/final_policy_brief_7.6.2020.pdf, дата обращения 10.12.2020.

Dapiran A. (2017) *City of Protest: A Recent History of Dissent in Hong Kong*, Penguin.

Fong L. (2019) Hong Kong's Anarchy Cries out for a Forceful Response // *South China Morning Post*, October 14, 2019 // <https://www.scmp.com/comment/article/3032801/hong-kongs-anarchy-cries-out-forceful-response>, дата обращения 10.12.2020.

Fung Ch., Lee Chun-wing (2019) Hong Kong Protesters Don't Identify as Chinese amid Anger at Inequality // *Channel News Asia*, September 28, 2019 // <https://www.channelnewsasia.com/news/commentary/hong-kong-protesters-identify-as-china-chinese-70-years-11944722>, дата обращения 10.12.2020.

Ho M. (2020) Focus on US as Main Opponent, Says China Military Strategist // *South China Morning Post*, May 29, 2020 // <https://www.scmp.com/news/china/diplomacy/article/3086630/focus-us-main-opponent-says-china-military-strategist>, дата обращения 10.12.2020.

Hua Yiwen (2014) Why Is the US so Keen on 'Color Revolutions'? // *People's Daily*, October 11, 2014 // <http://english.peopledaily.com.cn/n/2014/1011/c98649-8793283.html>, дата обращения 10.12.2020.

Kan K. (2013) *Occupy Central and Constitutional Reform in Hong Kong*

// China Perspectives, no 3, pp. 72–78. DOI: 10.4000/chinaperspectives.6284

Key Indicators for Asia and the Pacific 2020, Asian Development Bank // <https://www.adb.org/sites/default/files/publication/632971/ki2020.pdf>, дата обращения 10.12.2020.

Lo A. (2019) Of Course Foreign Forces Are at Work in Hong Kong // South China Morning Post, July 7, 2019 // <https://www.scmp.com/comment/opinion/article/3017613/course-foreign-forces-are-work-hong-kong>, дата обращения 10.12.2020.

Mok D. et al. (2019) Police Freeze HK\$70 Million Raised by Spark Alliance for Hong Kong Protesters, with Group Suspected of Using Money for Personal Gain and Rewards // South China Morning Post, December 19, 2019 // <https://www.scmp.com/news/hong-kong/law-and-crime/article/3042840/police-freeze-hk70-million-raised-group-support-hong>, дата обращения 10.12.2020.

One People, Two Identities (2019) // The Economist, August 26, 2019 // <https://www.economist.com/graphic-detail/2019/08/26/almost-nobody-in-hong-kong-under-30-identifies-as-chinese>, дата обращения 10.12.2020.

Qiao Liang, Wang Xiangsui (1999) Unrestricted Warfare, Beijing: PLA Literature and Arts Publishing House.

Qin Pang, Fan Jiang (2019) Hong Kong's Growing Separatist Tendencies against China's Rise: Comparing Mainland and Hong Kong College Students' National Identities // Journal of Current Chinese Affairs, vol. 48, no 1, pp. 3–28. DOI: 10.1177/1868102619886597

Ren Yi (2019) Mainland Chinese Who Oppose Hong Kong's Protests Aren't Brainwashed by Censorship, Despite What the West Might Think // South China Morning Post, October 26, 2019 // <https://www.scmp.com/comment/opinion/article/3034211/mainland-chinese-who-oppose-hong-kongs-protests-arent-brainwashed>, дата обращения 10.12.2020.

ion/article/3034211/mainland-chinese-who-oppose-hong-kongs-protests-arent-brainwashed, дата обращения 10.12.2020.

Roger M.K. Ng. (2020) Mental Health Crisis in Hong Kong // Psychiatric Times, January 15, 2020 // <https://www.psychiatristtimes.com/view/mental-health-crisis-hong-kong>, дата обращения 10.12.2020.

Scruton R. (2013) Is Democracy Overrated? // BBC, August 11, 2013 // <https://www.bbc.com/news/health-274-is-democracy-overrated>, дата обращения 10.12.2020.

Sheng A. (2020) Hong Kong: Crisis or the Opportunity // The Nation-Thailand, May 24, 2020 // https://www.nation-thailand.com/opinion/30388404?utm_source=homepage&utm_medium=internal_referral, дата обращения 10.12.2020.

Sing M. (2012) Politics and Government in Hong Kong: Crisis under Chinese Sovereignty, Routledge.

Tam L. (2019) How the Hong Kong Identity Is Being Warped by Social Media, as Protests Rage // South China Morning Post, July 29, 2019 // <https://www.scmp.com/news/hong-kong/politics/article/3020478/how-hong-kong-identity-being-warped-social-media-protests>, дата обращения 10.12.2020.

The Basic Law of the Hong Kong Special Administrative Region of the People's Republic of China // <https://www.basiclaw.gov.hk/en/basiclawtext/index.html>, дата обращения 10.12.2020.

US Operates Thuggish Diplomacy in Hong Kong (2019) // The Global Times, August 9, 2019 // <http://www.globaltimes.cn/content/1160904.shtml>, дата обращения 10.12.2020.

Zhang Yugui (2019) “Defeating China” Is Wishful Thinking from Soros // The Global Times, October 6, 2019 // <https://www.globaltimes.cn/content/1166080.shtml>, дата обращения 10.12.2020.

Asia: Challenges and Perspectives

DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-1-7

Hong Kong's Stand-off: Indigenous Dynamics and International Perspective

Alexandr I. SALITSKII

DSc in Economics, Chief Researcher

Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations of the Russian Academy of Sciences, 117997, Profsoysnaya St., 23, Moscow, Russian Federation

E-mail: sal.55@mail.ru

ORCID: 0000-0001-6134-768X

Andrey V. VINOGRADOV

DSc in Politics, Chief Researcher

Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, 107031, Rozhdestvenka St., 12/1, Moscow, Russian Federation

E-mail: vinogradov-a.v@mail.ru

ORCID: 0000-0001-6080-4463

CITATION: Vinogradov A.V., Salitskii A.I. (2021) Hong Kong's Stand-off: Indigenous Dynamics and International Perspective. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 14, no 1, pp. 135–150 (in Russian).

DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-1-7

Received: 18.10.2020.

ABSTRACT. *In February 2019, Administration of Hong Kong initiated Extradition Bill, which sparked mass protests in June. The scale of the protests was unprecedented in the history of the SAR and resulted in violent clashes between police force and young radicals organized by 'localist' groups.*

The authors present a short history of interaction between pro-Beijing and pan-democratic camps in the territory concentrated on the reform of the election system of the SAR. They conclude that exacerbation of the political stand-off in Hong Kong started in 2007 when the authorities promised a possible transit to universal suffrage in 2017. The demands for this transit were not satisfied in 2014 leading to 'Um-

brella revolution' – the first manifestation of radical youth movements.

Detecting the causes of the conflict the authors look into the concept of 'Hong Kong identity' as opposed to 'Chinese identity' popular in sociological studies of the public opinion in the SAR. They try to investigate other reasons for the growing distress and protests of young generation of Hong-kongers, both indigenous and exogenous. The latter correlate strongly with a general trend towards deterioration in Sino-American relations. A wide picture showing interference of the US in Hong Kong's political life and instigation of protests in 2019-2020 is presented.

In the stormy 2020, however, political situation in Hong Kong became more stable fol-

lowing adoption of the Law on Safeguarding National Security in the Hong Kong by the China's parliament in late June. Closing some loopholes in the SAR legislation the Law facilitates the fight with radical groups. Still, a major healing in interaction of pan-democrats and loyalists is ahead to address gloomy economic and social situation in the territory.

KEYWORDS: Hong Kong, stand-off, protests, Hong Kong identity, election system, universal suffrage, law on national security

References

- A Comparative Study of Constitutionalism and People's Democracy (2013). Qiushi, May 2013. Available at: www.qstheory.cn/hqwg/2013/201310/201305/t20130521_232618.htm, accessed 10.12.2020 (in Chinese).
- Behind the Protests: The Truth of Hong Kong (2020). International Police Association (Hong Kong Section). Available at: http://www.ipa-hksar.com/www/BehindtheProtests_TheTruthofHongKong.pdf, accessed 10.12.2020.
- Bell D. (2016) *The China Model: Political Meritocracy and the Limits of Democracy*, Princeton University Press.
- CCP Central Committee and State Council Joint Document. *The Development Program for the Big Bay (Guangzhou, Xianggang, Aomen)* (2019). Available at: <http://gd.people.com.cn/n2/2019/0218/c123932-32652816.html>, accessed 10.12.2020 (in Chinese).
- Cheng A. (2020) Why Hong Kong National Security Law Won't Spark a Third Wave of Migration to Canada. *South China Morning Post*, July 10, 2020. Available at: <https://www.scmp.com/comment/opinion/article/3092476/why-hong-kong-national-security-law-wont-spark-third-wave-migration>, accessed 10.12.2020.
- Chenoweth E., Stephan M. (2011) *Why Civil Resistance Works: The Strategic Logic of Nonviolent Conflict*, New York: Columbia University Press.
- Cheung T. (2019) Former Hong Kong Leader Tung Chee-hwa Accuses the United States and Taiwan of Orchestrating 'Well-organised' Recent Protests. *South China Morning Post*, July 31, 2019. Available at: <https://www.scmp.com/news/hong-kong/politics/article/3020829/former-hong-kong-leader-tung-chee-hwa-accuses-united-states>, accessed 10.12.2020.
- Chiu S. Wing-kai (2010) *Social Attitudes of the Youth Population in Hong Kong*, Hong Kong Institute of Asia-Pacific Studies, Chinese University of Hong Kong. Available at: http://www.cuhk.edu.hk/soc/a/Social_attitudes_youth_hk.pdf, accessed 10.12.2020.
- Chow Chung-yan (2020) Shenzhen's Success Story Holds Lessons Even as US-China Tech War Bites. *South China Morning Post*, August 31, 2020. Available at: <https://www.scmp.com/week-asia/opinion/article/3099329/shenzhens-success-story-holds-lessons-even-us-china-tech-war>, accessed 10.12.2020.
- Cunningham E., Saich T., Turiel J. (2020) *Understanding CCP Resilience: Surveying Chinese Public Opinion through Time*, Harvard Kennedy School. Center for Democratic Governance and Innovation. Available at: https://ash.harvard.edu/files/ash/files/final_policy_brief_7.6.2020.pdf, accessed 10.12.2020.
- Dapiran A. (2017) *City of Protest: A Recent History of Dissent in Hong Kong*, Penguin.
- Fong L. (2019) Hong Kong's Anarchy Cries out for a Forceful Response. *South China Morning Post*, October 14, 2019. Available at: <https://www.scmp.com/comment/article/3032801/hong-kongs-anarchy-cries-out-forceful-response>, accessed 10.12.2020.
- Fung Ch., Lee Chun-wing (2019) Hong Kong Protesters Don't Identify as Chinese amid Anger at Inequality. *Channel News Asia*, September 28, 2019. Available at:

<https://www.channelnewsasia.com/news/commentary/hong-kong-protesters-identify-as-china-chinese-70-years-11944722>, accessed 10.12.2020.

Ho M. (2020) Focus on US as Main Opponent, Says China Military Strategist. *South China Morning Post*, May 29, 2020. Available at: <https://www.scmp.com/news/china/diplomacy/article/3086630/focus-us-main-opponent-says-china-military-strategist>, accessed 10.12.2020.

Hua Yiwen (2014) Why Is the US so Keen on 'Color Revolutions'? *People's Daily*, October 11, 2014. Available at: <http://english.peopledaily.com.cn/n/2014/1011/c98649-8793283.html>, accessed 10.12.2020.

Kan K. (2013) Occupy Central and Constitutional Reform in Hong Kong. *China Perspectives*, no 3, pp. 72–78. DOI: 10.4000/chinaperspectives.6284

Key Indicators for Asia and the Pacific 2020, Asian Development Bank. Available at: <https://www.adb.org/sites/default/files/publication/632971/ki2020.pdf>, accessed 10.12.2020.

Lo A. (2019) Of Course Foreign Forces Are at Work in Hong Kong. *South China Morning Post*, July 7, 2019. Available at: <https://www.scmp.com/comment/opinion/article/3017613/course-foreign-forces-are-work-hong-kong>, accessed 10.12.2020.

Mok D. et al. (2019) Police Freeze HK\$70 Million Raised by Spark Alliance for Hong Kong Protesters, with Group Suspected of Using Money for Personal Gain and Rewards. *South China Morning Post*, December 19, 2019. Available at: <https://www.scmp.com/news/hong-kong/law-and-crime/article/3042840/police-freeze-hk70-million-raised-group-support-hong>, accessed 10.12.2020.

One People, Two Identities (2019). *The Economist*, August 26, 2019. Available at: <https://www.economist.com/graphic-detail/2019/08/26/almost-nobody-in-hong-kong-under-30-identifies-as-chinese>, accessed 10.12.2020.

Qiao Liang, Wang Xiangsui (1999) *Unrestricted Warfare*, Beijing: PLA Literature and Arts Publishing House.

Qin Pang, Fan Jiang (2019) Hong Kong's Growing Separatist Tendencies against China's Rise: Comparing Mainland and Hong Kong College Students' National Identities. *Journal of Current Chinese Affairs*, vol. 48, no 1, pp. 3–28. DOI: 10.1177/1868102619886597

Ren Yi (2019) Mainland Chinese Who Oppose Hong Kong's Protests Aren't Brainwashed by Censorship, Despite What the West Might Think. *South China Morning Post*, October 26, 2019. Available at: <https://www.scmp.com/comment/opinion/article/3034211/mainland-chinese-who-oppose-hong-kongs-protests-arent-brainwashed>, accessed 10.12.2020.

Roger M.K. Ng. (2020) Mental Health Crisis in Hong Kong. *Psychiatric Times*, January 15, 2020. Available at: <https://www.psychiatrictimes.com/view/mental-health-crisis-hong-kong>, accessed 10.12.2020.

Scruton R. (2013) Is Democracy Overrated? *BBC*, August 11, 2013. Available at: <https://roger-scruton.com/articles/274-is-democracy-overrated>, accessed 10.12.2020.

Sheng A. (2020) Hong Kong: Crisis or the Opportunity. *The Nation-Thailand*, May 24, 2020. Available at: https://www.nation-thailand.com/opinion/30388404?utm_source=homepage&utm_medium=internal_referral, accessed 10.12.2020.

Sing M. (2012) *Politics and Government in Hong Kong: Crisis under Chinese Sovereignty*, Routledge.

Tam L. (2019) How the Hong Kong Identity Is Being Warped by Social Media, as Protests Rage. *South China Morning Post*, July 29, 2019. Available at: <https://www.scmp.com/news/hong-kong/politics/article/3020478/how-hong-kong-identity-being-warped-social-media-protests>, accessed 10.12.2020.

The Basic Law of the Hong Kong Special Administrative Region of the People's Republic of China. Available at: <https://www.basiclaw.gov.hk/en/basiclaw-text/index.html>, accessed 10.12.2020.

US Operates Thuggish Diplomacy in Hong Kong (2019). *The Global Times*, August 9, 2019. Available at: <http://www.globaltimes.cn/content/1160904.shtml>, accessed 10.12.2020.

Vinogradov A.V. (2020) Hong Kong – 2019: A Challenge to the “One State – Two Systems” Concept. *Far Eastern Affairs*, no 1, pp. 43–58 (in Russian). DOI: 10.31857/S013128120008827-0

Zhang Yugui (2019) “Defeating China” Is Wishful Thinking from Soros. *The Global Times*, October 6, 2019. Available at: <https://www.globaltimes.cn/content/1166080.shtml>, accessed 10.12.2020.

DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-1-8

Межкорейские отношения: факторы и перспективы развития

Оксана Сергеевна ПУГАЧЕВА

аспирант кафедры мировых политических процессов

Московский государственный институт международных отношений МИД России, 119454, проспект Вернадского, д. 76, Москва, Российская Федерация
E-mail: ksusha2739@bk.ru

ORCID: 0000-0003-1031-9085

ЦИТИРОВАНИЕ: Пугачева О.С. (2021) Межкорейские отношения: факторы и перспективы развития // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. Т. 14. № 1. С. 151–175. DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-1-8

Статья поступила в редакцию 03.06.2020.

АННОТАЦИЯ. Нормализация отношений между Севером и Югом в 2018 г. произошла на основе идейной платформы политики «солнечного тепла» и межкорейских договоренностей, достигнутых между двумя странами в период прогрессивных администраций (1998–2008 гг.). Однако, несмотря на стремление сторон к развитию многообразных форм сотрудничества, после американо-северокорейского саммита в Ханое в феврале 2019 г. этап активного восстановления контактов между КНДР и Республикой Корея сменился затишьем межкорейского диалога, за которым в июне 2020 г. последовало стремительное ухудшение межкорейских отношений. Цель данной статьи состоит в том, чтобы проанализировать межкорейские отношения и северокорейскую политику южнокорейских администраций с 1998 по 2020 г. и выделить причины, обусловившие неспособность Сеула добиться прогресса в диалоге с Пхеньяном. Главная причина стагнации межкорейских отношений состоит в ориентации и усилившейся зависимости Южной Кореи от США. В условиях ме-

ждународного режима санкций против КНДР Мун Чжэ Ину не удалось, оттолкнувшись от идейных установок и договоренностей 1998–2008 гг., приступить к практической составляющей политики «солнечного тепла». Сохранившаяся фактически привязка межкорейского экономического сотрудничества к вопросу денуклеаризации КНДР также оказала негативное влияние на перспективы сохранения позитивной динамики межкорейских отношений. Обострение межкорейских отношений в июне 2020 г. показало, что в отсутствии практического межкорейского сотрудничества и сохраняющегося тупика в американо-северокорейских переговорах по ядерной проблеме Пхеньян не заинтересован в нормализации отношений с Сеулом и может сконцентрироваться на отношениях с США. Вместе с тем усиление китайско-американской конфронтации в АТР не благоприятствует мирному политическому урегулированию ядерной проблемы Корейского полуострова и потенциально может привести к обострению межкорейских отношений.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *межкорейские отношения, КНДР, Республика Корея, Корейский полуостров, политика «солнечного тепла», денуклеаризация, Мун Чжэ Ин, северокорейская политика*

Нормализация межкорейских отношений является важным условием мира и стабильности на Корейском полуострове и в Азиатско-Тихоокеанском регионе. После участия КНДР в Олимпийских играх в Пхенчхане в 2018 г. отношения между двумя Кореями стали налаживаться. Стороны провели три межкорейских саммита, на которых подписали двусторонние документы, направленные на улучшение отношений, активизацию и расширение сотрудничества, а также снижение военно-политической напряженности на полуострове. В частности, Республика Корея и Корейская Народно-Демократическая Республика (КНДР) договорились открыть межкорейский офис связи в Кэсоне, восстановить контакты по линии обществ Красного Креста, в т. ч. для содействия организации встреч членов разделенных семей, поддерживать постоянный контакт на уровне глав оборонных ведомств, осуществить соединение железных и автомобильных дорог Севера и Юга, возобновить работу Кэсонского промышленного комплекса и туристического комплекса в горах Кымгансан, осуществлять сотрудничество в области окружающей среды, профилактики эпидемий, здравоохранения и медицинской помощи, активизировать обмены в области культуры, искусства и спорта, содействовать проведению переговоров в трехстороннем формате с участием Юга, Севера и США, а также четырехстороннем с участием Юга, Севера, США и Китая для замены соглашения о перемирии на договор о мире.

Возобновление межкорейского диалога стало возможным благодаря ряду факторов. В частности, большую роль

сыграло то, что в 2017 г. к власти в Южной Корее пришли прогрессисты, в основу северокорейской политики которых легли идеи политики «солнечного тепла», инициированной южнокорейским президентом Ким Дэ Чжуном (1998–2003 гг.) и продолженной президентом Но Му Хеном (2003–2008 гг.).

Однако, несмотря на многообещающие договоренности Мун Чжэ Ина и Ким Чен Ына, после американо-северокорейского саммита в Ханое в феврале 2019 г. активность межкорейских контактов значительно сократилась. Более того, в июне 2020 г. произошло резкое обострение отношений между Севером и Югом.

В связи с этим возникает вопрос, почему администрации Мун Чжэ Ина не удалось повторить опыт политики «солнечного тепла» 1998–2008 гг. и возобновить межкорейское сотрудничество в различных сферах. Цель данной статьи состоит в том, чтобы проанализировать межкорейские отношения и северокорейскую политику южнокорейских администраций с 1998 по 2020 г. и попытаться ответить на обозначенный выше вопрос. В статье исследуются факторы, способствующие либо препятствующие сотрудничеству между Южной и Северной Кореями, анализируется межкорейский июньский кризис 2020 г. в свете динамики межкорейских отношений, а также оцениваются перспективы развития отношений между двумя корейскими государствами.

Опыт межкорейского сотрудничества

В период президентства Ким Дэ Чжуна (1998–2003 гг.) и Но Му Хена (2003–2008 гг.) были заложены основы мирного сосуществования двух корейских государств. Придя к власти, южнокорейский президент Ким Дэ Чжун

инициировал политику «солнечного тепла» по вовлечению Северной Кореи, которая была направлена на улучшение межкорейских отношений. Для достижения этой цели были выдвинуты такие принципы, как недопущение вооруженных провокаций со стороны Северной Кореи, исключение объединения путем одностороннего захвата или поглощения Севера Югом, а также активное продвижение примирения и сотрудничества между двумя Кореями¹.

Политика «солнечного тепла» основывалась на предположении, что межкорейское экономическое сотрудничество и увеличение обменов приведут к трансформации экономики и открытости Северной Кореи [Han 2002, p. 43; Lee, Moon 2016, p. 228]. Кроме того, нормализация межкорейских отношений и установление экономической взаимозависимости между двумя Кореями должны были обеспечить мир и стабильность на Корейском полуострове, столь необходимые для развития экономики Южной Кореи, ослабленной экономическим кризисом 1997 г. [Paik 2002, p. 17]. Экономический кризис 1997 г., а также анализ немецкого опыта объединения стали одними из факторов, убедивших Ким Дэ Чжун отказаться от идеи форсированного объединения Корейского полуострова путем поглощения Севера, т. к. стало очевидно, что южнокорейская экономика не потянет такого «приобретения» [Ланцова 2012, с. 92]. По этой причине южнокорейское руководство придерживалось идеи поэтапного объединения, при котором мирное сосуществование двух корейских государств выступало бы этапом на пути к национальному объединению.

Что касается северокорейских мотивов выхода на контакт с южным со-

седом, то исследователи выделяют внутриполитические и внешнеполитические соображения северокорейского руководства. К первым относят прежде всего тяжелую экономическую ситуацию в Северной Корее и острую необходимость в твердой валюте [Захарова 2010, с. 45]. Реализация межкорейских экономических проектов, а также готовность Южной Кореи к оказанию безвозмездной гуманитарной помощи определили положительный ответ КНДР на приглашение Юга к сотрудничеству, хотя первоначально северокорейское руководство довольно критически и негативно отнеслось к инициативе южнокорейского президента. В свою очередь, улучшение экономической ситуации в стране, возможное благодаря экономическим связям с Южной Кореей, способствовало бы консолидации и укреплению власти нового лидера КНДР Ким Чен Ира, сменившего Ким Ир Сена.

Внешнеполитические мотивы сотрудничества КНДР с Южной Кореей были связаны с внешнеполитическим положением Северной Кореи, осознанием ограниченности политики балансирования на грани войны и заинтересованностью в нормализации отношений с западными странами, прежде всего США и Японией, которые, в свою очередь, в качестве одного из условий нормализации отношений с КНДР выдвинули возобновление диалога с Южной Кореей [Hwang 2000, p. 478]. Таким образом, можно сказать, что именно стремление обеспечить сохранение режима стало главным стимулом, побудившим Пхеньян к диалогу с Сеулом. При этом условия сотрудничества, предлагаемые президентом Ким Дэ Чжуном, были беспроблемными для КНДР, т. к. от нее практически ничего не требовалось взамен.

1 The Unification Environment and Relations between South and North Korea: 1999–2000. 1999 (2000). Annual report, Seoul, p. 24.

Главным принципом межкорейского сотрудничества был выдвинут принцип отделения экономики от политики, который позволил развивать экономические связи между двумя странами вне зависимости от состояния межкорейских политических отношений и ситуации с решением ядерной проблемы Корейского полуострова. Так, второй ядерный кризис, начавшийся осенью 2000 г., не привел к прекращению идущего полным ходом межкорейского экономического и социально-гуманитарного взаимодействия.

Кульминацией политики «солнечного тепла» Ким Дэ Чжуна стала состоявшаяся в 2000 г. первая в истории встреча лидеров двух корейских государств, на которой была подписана Совместная декларация Севера и Юга, касающаяся примирения и объединения Кореи. Стороны признали сходство северокорейского предложения о создании на первоначальном этапе Конфедерации и южнокорейских предложений по Содружеству² для объединения страны и договорились двигаться в этом направлении³.

Саммит положил начало процессу налаживания отношений между сторонами во многих сферах: сельском хозяйстве, рыболовстве, спорте, научно-техническом сотрудничестве, культурных обменах. Около 1 млн долл. было выделено правительством Рес-

публики Корея на совместные научные исследования [Торкунов, Денисов, Ли 2008, с. 236]. С 2000 по 2008 г. осуществлялись туристические поездки южнокорейских граждан в горы Кымгансан на территории КНДР. В 2004 г. в КНДР был запущен совместный Кэсонский промышленный комплекс, на котором работали 120 южнокорейских компаний, занято порядка 50 тыс. рабочих из КНДР и примерно 1 тыс. рабочих из Республики Корея⁴. Проводились встречи и видеовстречи разлученных родных и близких. Всего с 2000 по 2008 г. более 15 тыс. родственников удалось встретиться после многих десятилетий разлуки [Торкунов, Денисов, Ли 2008, с. 238].

В 2007 г. состоялся второй саммит между лидерами Северной и Южной Кореи, по итогам которого была принята «Декларация во имя развития межкорейских отношений, мира и процветания», подтвердившая приверженность сторон духу первой межкорейской декларации и конкретизировавшая направления сотрудничества между двумя странами, в т. ч. развитие железнодорожного сообщения, создание Особой зоны мира и сотрудничества в Желтом море, совместное использование устья реки Ханган, расширение обменов и сотрудничества в областях истории, лингвистики, образования, науки и техники, культуры и искусства, спорта и т. д.⁵

2 Предложение Севера по Конфедерации основывается на формуле «одна нация, одно государство, две системы и два автономных региональных правительства»; в основе предложений Юга по Содружеству лежит формула «одна нация, два государства, две системы и два независимых правительства». Несмотря на наличие общих моментов, по сути объединительные концепции Северной Кореи и Южной Кореи существенно различаются. См. подробнее: Choi Wan-Kyu (2002) New Model for Coexistence and Unification: Convergence of Confederation and Lower Stage of Federation // The Institute for Far Eastern Studies, December 17, 2002 // http://ifes.kyungnam.ac.kr/kor/PUB/PUB_0202V.aspx?code=FRM1010_000040, дата обращения 09.10.2020.

3 Ким Г. (2014) Начало политики «Солнечного тепла» // Корё сарам. 27 августа 2014 // <https://koryo-saram.ru/nachalo-politiki-solnechnogo-tepla/>, дата обращения 09.10.2020.

4 История отношений между КНДР и Республикой Корея. Досье (2018) // ТАСС. 9 января 2018 // <https://tass.ru/info/4862015>, дата обращения 31.05.2020.

5 Декларация во имя развития межкорейских отношений, мира и процветания // KBS // https://world.kbs.co.kr/special/northkorea/contents/archives/summit/summit_2007.htm?lang=r, дата обращения 31.05.2020.

Вместе с тем Южной и Северной Кореям не удалось закрепить традицию сотрудничества в двусторонних отношениях. Стоит отметить, что в политической элите Южной Кореи изначально отсутствовал консенсус относительно проводимой либеральными администрациями Ким Дэ Чжуна и Но Му Хена политики вовлечения КНДР. Ким Дэ Чжуну, затем Но Му Хену, и их сторонникам приходилось испытывать сильное давление со стороны консерваторов, выступавших против «политики солнечного тепла» [Chaibong 2005; Choi 2020, p. 116].

Южнокорейские консерваторы и прогрессисты отличались тем, как они воспринимают Северную Корею, а также их позицией в вопросах объединения Кореи. Консерваторы считают, что КНДР – это главная угроза национальной безопасности Южной Кореи, прогрессисты же больше склонны видеть в КНДР партнера [Choi 2010, p. 130], которого они, правда, стремятся изменить в перспективе путем осуществления открытости и либерально-демократических и рыночных реформ. Прогрессисты признают КНДР в качестве независимого политического субъекта, с которым возможно мирное сосуществование и сотрудничество на пути к объединению, в то время как консерваторы подчеркивают необходимость изменения северокорейского режима как предварительного условия создания единой либерально-демократической и рыночно-ориентированной Кореи под руководством Юга [Park 2020, p. 29].

Несмотря на серьезное противодействие южнокорейских консерваторов, а также ужесточение политики США в отношении Северной Ко-

реи с приходом в Белый дом Джорджа Буша-младшего, который причислил КНДР к «оси зла», северокорейский курс прогрессистов пользовался поддержкой среди населения Южной Кореи в течение почти десятилетия [Choi 2010, p. 135]. К причинам устойчивости популярности северокорейского курса прогрессивных администраций среди южнокорейцев можно отнести убежденность прогрессистов в необходимости сотрудничать с КНДР и опасности ее изоляции⁶, активная защита и продвижение политики «солнечного тепла» среди населения [Choi 2010, p. 134], рост корейского национализма и одновременно подъем антиамериканизма в Южной Корее.

Однако к концу президентского срока Но Му Хена неоднозначные результаты политики «солнечного тепла» вызвали большую волну критики в Южной Корее. Прежде всего, отмечалось, что КНДР получила экономические и дипломатические выгоды, в то время как Южная Корея не получила ничего [Ланцова 2012, с. 95]. Однако существуют и положительные оценки, указывающие на то, что политика вовлечения Севера была не менее выгодна Югу. Во-первых, снятие напряженности на Корейском полуострове способствовало повышению инвестиционного рейтинга Южной Кореи и привлечению в страну инвестиций, что, в свою очередь, внесло позитивный вклад в посткризисное восстановление южнокорейской экономики в начале XXI в. [Paik 2002, p. 27]. Во-вторых, достаточно успешным совместным экономическим проектом являлся Кэсонский промышленный комплекс, который приносил неплохие доходы среднему и малому южнокорейскому биз-

6 Interview with Lim Dong Won (2003) // Frontline, March 1, 2003 // <https://www.pbs.org/wgbh/pages/frontline/shows/kim/interviews/won.html>, дата обращения 09.10.2020.

несу⁷. Бизнес Южной Кореи положительно оценивает реализацию совместного проекта в Кэсоне и заинтересован в его возобновлении и расширении⁸.

Противники примирения и сближения с Северной Кореей утверждали, что политика «солнечного тепла» не отвечает национальным интересам и безопасности Южной Кореи, т. к., с одной стороны, доходы от межкорейских проектов идут на развитие северо-корейских ракетно-ядерных программ [Lee, Moon 2016, p. 232], а с другой стороны, данный курс подрывает союз с США [Kim 2005, p. 10; Choi 2010, p. 127]. По мнению консерваторов, вместо стимулирования реформ и открытости КНДР, северо-корейский курс либеральных администраций облегчил Северной Корее задачу наращивания ядерного потенциала, позволив, в том числе, играть на противоречиях стран «шестерки».

Кроме того, не оправдались ожидания осуществления прямых контактов между гражданами обеих стран, в частности, относительно возможности общения южнокорейских туристов с северо-корейцами: Пхеньян установил тотальный контроль в туристической зоне Кымгансан, чтобы исключить влияние туристов и персонала из Южной Кореи на граждан КНДР [Русецкая 2011, с. 89].

Вместе с тем у КНДР были причины относиться к политике сотрудничества с Южной Кореей как к тактической мере, т. к. в южнокорейских политических

кругах существовала сильная оппозиция проведению политики «солнечного тепла» (1998–2008 гг.) [Kim 2003, p. 65; Choi 2020, p. 128], а часть южнокорейской элиты по-прежнему исходила из неизбежности крушения северо-корейского режима [Toloraya 2011]. Кроме того, администрация американского президента Дж. Буша-мл. не скрывала стремления осуществлять смену неудобных ей режимов. Пример вторжения в Ирак в 2003 г. продемонстрировал северо-корейскому руководству, что для обеспечения независимости и безопасности государства необходимы силы ядерного сдерживания.

Отсутствие подвижек в трансформации северо-корейского режима и продолжение им своей ядерной программы, критика политики «солнечного тепла» и скандал, связанный с передачей корпорацией Hyundai 500 млн долл. Северной Корее накануне первого межкорейского саммита в 2000 г.⁹, иждивенческое и высокомерное отношение Севера дискредитировали южнокорейских левых либералов и способствовали приходу в Голубой дом в 2008 г. консерваторов, которые традиционно занимают жесткую позицию в отношении КНДР¹⁰.

Администрация Ли Мен Бака (2008–2013 гг.) подвергла ревизии отношения с Севером, отказавшись от политики «солнечного тепла». Решение Ли Мен Бака не продолжать курс своих предшественников, во-первых, было связано с негативной оценкой его эффектив-

7 Jun Kwanwoo, Cheng Jonathan (2018) Entrepreneurs Weigh a Return to North Korea // The Wall Street Journal, November 27, 2018 // <https://www.wsj.com/articles/entrepreneurs-weigh-a-return-to-north-korea-1543323603>, дата обращения 09.10.2020.

8 'Seoul Paid for Summit with North' (2003) // BBC News, January 30, 2003 // <http://news.bbc.co.uk/2/hi/asia-pacific/2708405.stm>, дата обращения 09.10.2020.

9 Вместе с тем стоит отметить, что победа консерваторов в значительной степени была связана с разочарованием избирателей в экономической политике либералов. См.: Moon Chung-in (2009) South Korea in 2008: From Crisis to Crisis // Asian Survey, vol. 49, no 1, pp. 120–128. DOI: 10.1525/as.2009.49.1.120

10 Policy of Mutual Benefits and Common Prosperity. The Lee Myung-bak Administration's North Korea Policy (2008) // Korean Institute for National Unification, August 2008 // http://www.mofa.go.kr/eng/brd/m_5478/down.do?brd_id=308&seq=306962&data_tp=A&file_seq=2, дата обращения 09.10.2016.

ности для инициирования реформ на Севере, а также с наращиванием КНДР своего ядерного потенциала [Choi 2010, р. 125]. С точки зрения новой администрации, политика «солнечного тепла» была слишком идеологизированной, основывалась на односторонних уступках со стороны Юга и не имела никаких механизмов принуждения [Park 2008, р. 43]. Согласно подходу Ли Мен Бака, межкорейские отношения должны были развиваться на основе прагматизма, а не идеологии¹¹.

Во-вторых, своей главной внешнеполитической целью Ли Мен Бак поставил укрепление отношений с США и вывод союза между двумя государствами на уровень стратегического, расширив направления и масштабы глобального и регионального военнополитического сотрудничества [Воронцов 2008]. Частью стратегического партнерства двух стран стало заключенное в 2007 г. Соглашение о свободной торговле между Республикой Корея и США, которое должно было укрепить торгово-экономические отношения между Южной Кореей и США. С опорой на США Южная Корея, все активнее позиционировавшая себя средней державой, рассчитывала повысить свой статус на международной арене. Кроме того, Ли Мен Бак полагал, что ориентация на Соединенные Штаты является жизненно необходимой для обеспечения национальной безопасности Южной Кореи, поддержания баланса сил в Северо-Восточной Азии и проведения твердого курса в отношении КНДР [Воронцов 2008].

В отличие от предыдущих администраций, администрация Ли Мен Бака синхронизировала с США свою политику в отношении КНДР, взяв курс на приоритетное решение ядерной проблемы Корейского полуострова, а не развитие межкорейских отношений: проекты двустороннего экономического и социально-гуманитарного сотрудничества стали увязывать с денуклеаризацией Северной Кореи.

Северокорейский курс Ли Мен Бака вызвал неприятие со стороны Пхеньяна, призывавшего Сеул выполнять подписанные предыдущими администрациями проекты межкорейского сотрудничества¹². Политический диалог между сторонами был заморожен, запуск КНДР ракетносителя «Ынха-2» и проведение второго ядерного испытания еще больше обострили отношения между Сеулом и Пхеньяном. В 2010 г. произошел инцидент с южнокорейским корветом, который, по мнению южнокорейской стороны, был потоплен КНДР. Южная Корея отреагировала на это событие введением односторонних экономических санкций против КНДР, в результате чего были свернуты почти все двусторонние проекты, за исключением Кэсонского промышленного парка, закрытие которого обернулось бы внушительными убытками для среднего и малого бизнеса Южной Кореи [Cronin 2012]. Поставки гуманитарной помощи в Северную Корею также резко сократились (за 2008–2013 гг. они составили 480 млн долл., за 2003–2008 гг. – порядка 2 млрд долл.)¹³.

Сменившая Ли Мен Бака на посту президента Республики Корея Пак

11 Policy of Mutual Benefits and Common Prosperity. The Lee Myung-bak Administration's North Korea Policy (2008) // Korean Institute for National Unification, August 2008 // http://www.mofa.go.kr/eng/brd/m_5478/down.do?brd_id=308&seq=306962&data_tr=A&file_seq=2, дата обращения 09.10.2016.

12 Кирьянов О. (2008) В Южной Корее заговорили о полном фиаско внешней политики Ли Мен Бака // Российская газета. 30 июля 2008 // <https://rg.ru/2008/07/30/korea-vneshnyaya-anons.html>, дата обращения 09.10.2020.

13 История отношений между КНДР и Республикой Корея. Досье (2018) // ТАСС. 9 января 2018 // <https://tass.ru/info/4862015>, дата обращения 31.05.2020.

Кын Хе (2014–2017 гг.) пыталась найти золотую середину между сотрудничеством без всяких условий либеральных администраций и конфронтационной политикой давления Ли Мен Бака [Fiori 2017]. Она выступила с проведением на Корейском полуострове «политики доверия», суть которой заключалась в стремлении к наведению мостов с КНДР при жестком реагировании на провокации Северной Кореи. В обмен на отказ от ядерной программы Пак Кын Хе обещала КНДР широкомасштабную помощь, инвестиции, поддержку с членством в международных организациях¹⁴.

Вместе с тем агрессивный объединительный дискурс, подготовка администрацией Пак Кын Хе к неминуемому объединению двух Корей не способствовали налаживанию отношений между Сеулом и Пхеньяном. Кроме того, сам Пхеньян не был готов к «разрядке» на Корейском полуострове: с одной стороны, в силу внутривнутриполитических причин, связанных с консолидацией власти Ким Чен Ына; с другой стороны, в связи с намерением северокорейского лидера ускорить развитие северокорейских ядерных и ракетных программ в рамках объявленного в 2013 г. курса на одновременное развитие экономики и укрепление ядерного потенциала сдерживания, который позволил бы стране превратиться «в великую политическую, военную, социалистическую, экономическую державу и высокоцивилизованную страну»¹⁵.

Реакция администрации Пак Кын Хе на проведение КНДР в начале 2016 г. очередного ядерного испытания и за-

пуск ракеты дальнего действия (выход из проекта «Хасан-Раджин», закрытие последнего оставшегося совместного промышленного комплекса в Кэсоне, введение односторонних мер против КНДР¹⁶) продемонстрировала, что на первый план в Республике Корея по-прежнему выдвигали решение северокорейской ядерной проблемы, а не вопросы нормализации двусторонних отношений.

Решение закрыть межкорейский промышленный комплекс должно было продемонстрировать решительность Южной Кореи ужесточить санкции против Северной Кореи и убедить Китай проголосовать за принятие резолюции СБ ООН № 2270, предполагавшей усиление режима международных санкций против КНДР [Easley 2016, p. 22]. Также не исключено, что данное решение было связано с усилением координации действий по северокорейскому вопросу между Южной Кореей, США и Японией и в связи с этим необходимостью со стороны Сеула предпринять меры для повышения давления в отношении КНДР до максимально возможного уровня.

Администрация Пак Кын Хе стремилась путем давления заставить северокорейский режим капитулировать или даже поставить его на грань коллапса. В своем выступлении перед Национальным собранием 16 февраля 2016 г. Пак Кын Хе заявила, что Южная Корея предпримет «более серьезные и эффективные» меры, чтобы заставить Северную Корею осознать, что ее ядерные амбиции не спасут режим, а приведут только к ускорению его краха и что

14 Корея на любой вкус. Интервью президента Республики Корея Пак Кын Хе М. Гусману (2013) // Российская газета. 5 сентября 2013 // <https://rg.ru/2013/09/04/koreya-site.html>, дата обращения 09.10.2020.

15 Ким Чен Ын дал курс на реконструкцию экономики и развитие ядерных сил (2013) // Жэньминь Жибао. 2 апреля 2013 // <http://russian.people.com.cn/31520/8191951.html>, дата обращения 09.10.2020.

16 Итоги деятельности Пак Кын Хе на посту президента Республики Корея. Досье (2017) // ТАСС. 10 марта 2017 // <http://tass.ru/info/4084225>, дата обращения 31.05.2020.

Южная Корея намерена проводить политику по созданию среды, в которой у Северной Кореи не останется другого выбора, кроме как отказаться от своих ядерных и ракетных программ¹⁷.

В итоге к концу президентского срока Пак Кын Хе связи между Южной и Северной Кореями были полностью прекращены, и межкорейские отношения оказались в глубоком кризисе.

Северокорейская политика Мун Чжэ Ина

В основу северокорейской политики Мун Чжэ Ина легли идеи политики «солнечного тепла», проводимой леволиберальными правительствами Южной Кореи в период президентства Ким Дэ Чжуна (1998–2003 гг.) и Но Му Хена (2003–2008 гг.). В период президентства Но Му Хена Мун Чжэ Ин руководил администрацией президента, а в 2007 г. в качестве председателя возглавил подготовку саммита глав двух Кореи, который состоялся в этом же году. Соглашения и договоренности, заключенные между Южной и Северной Кореями в начале 2000-х гг., стали фундаментом его политики в отношении северного соседа.

Мун Чжэ Ин, подобно своим предшественникам-прогрессистам, провозглашал, что Южная Корея не стремится к краху Северной Кореи, ее поглощению и искусственному объединению. В качестве целей своей политики «мирного сосуществования и совместного

процветания» южнокорейский президент выдвинул 1) решение северокорейской ядерной проблемы и установление прочного мира; 2) развитие устойчивых межкорейских отношений и 3) формирование нового экономического сообщества на Корейском полуострове¹⁸.

Действующий южнокорейский президент выражает стремление преобразовать нынешний режим перемирия на Корейском полуострове в постоянную систему мира. Северокорейская политика Мун Чжэ Ина исходит из того, что северокорейская ядерная проблема – скорее результат более широкого регионального конфликта, в который вовлечены США и Китай, нежели причина отсутствия стабильности в регионе [Go 2017, p. 1]. Поэтому администрация Мун Чжэ Ина предложила решать северокорейскую ядерную проблему одновременно с поиском путей установления мира на Корейском полуострове путем подписания мирного договора, который снял бы опасения Пхеньяна за свой режим и лишил его необходимости/предлога для обладания ядерным оружием.

Для установления прочного мира на Корейском полуострове предполагается действовать в соответствии со стратегией параллельного решения вопросов денуклеаризации КНДР и межкорейских отношений¹⁹. Данный подход предполагает, что решить северокорейскую ядерную проблему возможно через диалог, а не конфронтацию двух корейских государств. Южнокорейское руководство ожидает, что улучшение межкорейских

17 Кан Бён Чхоль (2016) Президент Пак, кардинальное изменение политики в отношении Северной Кореи ... Упоминание об «изменении северокорейской политической системы» вплоть до краха режима // Yonhap News, February 16, 2016 // <https://www.yna.co.kr/view/AKR20160216095251001>, дата обращения 09.10.2020 (на корейском).

18 Третий план развития межкорейских отношений и план его реализации в 2018 г. // https://www.unikorea.go.kr/unikorea/open/parliament/opCalculat8e/?boardId=bbs_0000000000000019&mode=view&cntId=54302&category=&pageIdx=, дата обращения 31.05.2020 (на корейском).

19 Третий план развития межкорейских отношений и план его реализации в 2018 г. // https://www.unikorea.go.kr/unikorea/open/parliament/opCalculat8e/?boardId=bbs_0000000000000019&mode=view&cntId=54302&category=&pageIdx=, дата обращения 31.05.2020 (на корейском).

отношений будет способствовать нормализации отношений между КНДР и США²⁰ и денуклеаризации Северной Кореи [Baek, Chun 2020]. Поэтому администрация Мун Чжэ Ина видит свою роль и задачу в том, чтобы, с одной стороны, установить отношения с Пхеньяном, с другой стороны, выступать в качестве посредника в установлении и продвижении американо-северокорейского диалога [Baek, Chun 2020].

Отмечая, что мирный договор может быть подписан только после полной денуклеаризации Корейского полуострова²¹, Мун Чжэ Ин активно выступает за подписание декларации о завершении войны 1950–1953 гг. Настойчивые призывы президента Южной Кореи к заключению декларации о завершении войны свидетельствуют о его убеждении в том, что межкорейские отношения не могут продвинуться без улучшения отношений между Пхеньяном и Вашингтоном²². Кроме того, таким образом Мун Чжэ Ин пытается найти способы реанимации американо-северокорейских переговоров по северокорейской ядерной проблеме.

Согласно северокорейской политике Мун Чжэ Ина, отношения с Северной Кореей должны были строиться на основе уважения и реализации существующих межкорейских соглашений. Мун Чжэ Ин обещал активизировать диалог, обмены и сотрудничество в различных областях, в т. ч. экономической, путем возобновления межко-

рейских проектов, прежде всего Кэсонского промышленного комплекса и туристического проекта в горах Кымгансан. В этой связи южнокорейское правительство подчеркивало необходимость ослабить санкции против Северной Кореи, чтобы сделать возможным осуществление экономического сотрудничества между двумя странами [Choi, Shin, Kim 2018, p. 7].

Южнокорейское руководство также объявило о стремлении к регуляризации, децентрализации и институализации межкорейских отношений в целях развития устойчивого межкорейского сотрудничества и обменов. В частности, планируется подписать «национальное соглашение об объединении» (на внутригосударственном уровне), «межкорейское базовое соглашение» (на межкорейском уровне) и «соглашение о мире на Корейском полуострове» (на международном уровне)²³.

Активизация межкорейского сотрудничества, как и в конце 1990-х гг., произошла в результате инициативы со стороны леволиберальной южнокорейской администрации и согласия северокорейского руководства ответить взаимностью. Первоначально попытки возобновить контакты с северокорейцами встретили отказ северокорейского руководства, который аргументировался тем, что Южная Корея продолжала поддерживать международное политическое и санкционное давление на КНДР²⁴. Вместе с тем Зимние

20 A Conversation with Kim Ki-Jung (2019) // FRS-KF Korea Program on Security and Diplomacy, January 2019, p. 5 // <https://www.frstrategie.org/sites/default/files/documents/programmes/programme-coree-securite-diplomatique/publications/2019/2.pdf>, дата обращения 09.10.2020.

21 Южная Корея рассчитывает на скорое подписание мирного договора с КНДР (2018) // Известия, 20 сентября 2018 // <https://iz.ru/791254/2018-09-20/iuzhnaia-koreia-rasschityvaet-na-skoroie-podpisanie-mirnogo-dogovora-s-kndr>, дата обращения 09.10.2020.

22 Kang Seung-woo (2020) Why President Moon Keeps Pushing for End-of-war Declaration // The Korea Times, October 9, 2020 // <http://m.koreatimes.co.kr/pages/article.asp?newsidx=297334>, дата обращения 09.10.2020.

23 Новый шаг к пути мира. Межкорейский саммит 2018 г. // Комитет по подготовке к межкорейскому саммиту 2018 г. С. 8 // http://russian.korea.net/FILE/pdfdata/2018/04/2018_inter-korean_summit_RU.pdf, дата обращения 31.05.2020.

24 Rocky Start for Inter-Korean Exchange in the Moon Jae-in Era (2017) // <http://www.zoominkorea.org/rocky-start-for-inter-korean-exchange-in-the-moon-jae-in-era>, дата обращения 31.05.2020.

Олимпийские игры в Пхенчхане предоставили прекрасную возможность для возобновления межкорейского диалога. После новогоднего послания Ким Чен Ына, в котором он заявил о готовности послать команду спортсменов на Олимпиаду в Южную Корею, стороны инициировали переговоры по подготовке участия КНДР в Играх и открыли этап активизации межкорейского сотрудничества.

Если говорить о причинах решения КНДР вступить в диалог с Южной Кореей, то большинство западных исследователей считают, что на этот шаг северокорейское руководство вынудила принятая в декабре 2017 г. резолюция ООН, установившая против КНДР беспрецедентно жесткий режим международных санкций после проведения северокорейским режимом очередных ракетно-ядерных испытаний²⁵. Также существуют точки зрения, что КНДР, объявив о создании сдерживающего ядерного потенциала в 2017 г., во-первых, была готова приостановить ракетно-ядерную гонку [Ивашенцов 2019] и приступить к обсуждению ядерной проблемы Корейского полуострова на равных²⁶, во-вторых, стремилась найти внешние источники для проведения внутренней политики одновременного развития ядерных сил и экономики страны.

Кроме того, представляется, что северокорейское руководство посчитало, что складываются благоприятные международные условия для того, чтобы активизировать северокорейскую дипломатию и подорвать международный режим санкций [Толорая 2018; Park 2020, р. 70], который, безусловно, ме-

шает северокорейским планам развития экономики страны и повышению уровня жизни граждан. Обострение американо-китайского соперничества, российско-американская конфронтация открывали возможности для того, чтобы играть на противоречиях стран, имеющих интересы на Корейском полуострове. Вступив в диалог с Сеулом, Пхеньян, во-первых, использовал Южную Корею «как «клапан» для снижения давления в «корейском котле», разрыв единства фронта своих противников» [Толорая 2018]. Во-вторых, администрация Мун Чжэ Ина выступила выгодным посредником на начальном этапе дипломатической активности КНДР для вступления в переговоры с США с тем, чтобы оценить пределы возможной «сделки» с администрацией Д. Трампа.

В результате совпадения курсов двух Корей на сближение друг с другом улучшились отношения между Сеулом и Пхеньяном и произошла деэскалация военно-политической напряженности на Корейском полуострове. В сентябре 2018 г. по итогам саммита в Пхеньяне стороны подписали соглашение в военной области, направленное на снижение напряженности и рисков военных столкновений. Вместе с тем, несмотря на нормализацию отношений между двумя сторонами в 2018 г. и проведение трех межкорейских саммитов, отношения между Южной Кореей и Северной Кореей не претерпели принципиальных изменений в содержательном плане.

Во-первых, администрации Мун Чжэ Ина не удалось возобновить эко-

25 Из интервью Р. Вайца корреспонденту BBC. См.: Писня Н. (2018) Ким много наобещает, но ничего не сделает. Эксперт о предстоящем саммите США–КНДР // BBC. 28 апреля 2018 // <https://www.bbc.com/russian/features-43933310>, дата обращения 31.05.2020.

26 Из интервью Г.Д. Толорая телеканалу RT (2018). См.: Бовдунов А. (2018) «КНДР попытается сохранить ядерный кулак»: чего стоит ожидать от встречи Трампа и Ким Чен Ына // RT. 29 апреля 2018 // <https://russian.rt.com/world/article/508076-kim-chen-yn-vstrecha-tramp-perspektivy>, дата обращения 31.05.2020.

номическое сотрудничество с Севером: так и не были запущены совместный с КНДР экономический проект в г. Кэсон и туристические поездки в горы Кымгансан. Во-вторых, сторонам не удалось подписать ни мирный договор, ни декларацию об окончании Корейской войны, заключение которых продвигала администрация Мун Чжэ Ина. В-третьих, сотрудничество между двумя Кореями в неэкономической (социально-гуманитарной) сфере также

остается ограниченным ввиду избирательного подхода Северной Кореи. КНДР не ответила на предложения Юга провести рабочие встречи по вопросам сотрудничества в области спорта, отказалась принимать помощь в борьбе с эпидемией свиного гриппа, а также отвергала предложение Южной Кореи отправить 50 тыс. тонн риса через Всемирную продовольственную программу ООН [Go 2019]. Несмотря на инициативу со стороны Южной Кореи,

Таблица 1. Количество пересечений границы, чел.

Table 1. Number of border crossings

Годы	1989–2003	2004–2007	2008–2012	2013–2016	2017–2019
С Юга на Север	55 257	372 249	673 585	352 415	16 576
С Севера на Юг	3 609	3 548	724	410	872
Всего	58 866	375 797	674 309	352 825	17 448

Источник: сайт Министерства объединения Южной Кореи // https://www.unikorea.go.kr/eng_unikorea/relations/statistics/traffic/

Таблица 2. Объем межкорейской торговли, млн долл. США

Table 2. Volume of inter-Korean trade, million us dollars

Годы	1989–2002	2003–2007	2008–2012	2013–2016	2017–2019
Всего	3,571	5,625	9,096	6,526	39

Источник: сайт Министерства объединения Южной Кореи // https://www.unikorea.go.kr/eng_unikorea/relations/statistics/exchanges/

Примечание: вся межкорейская торговля в 2018 и 2019 гг. являлась некоммерческой.

Таблица 3. Количество одобренных межкорейских проектов

Table 3. Number of approved inter-Korean projects

Категория			1991–2002	2003–2007	2008–2012	2013–2016	2017–2019
Экономика	Экономические проекты		17	28	29	19	–
	Кэсонский промыш- ленный комплекс	Одобрение	–	221	23	11	–
		Доклад	–	–	63	19	–
Социально-культурные проекты			30	121	5	3	9
Всего			47	370	120	52	9

Источник: сайт Министерства объединения Южной Кореи // https://www.unikorea.go.kr/eng_unikorea/relations/statistics/exchanges/

стороны не предприняли совместных действий для борьбы с коронавирусом. Наоборот, в результате распространения коронавируса был закрыт Межкорейский офис связи в Кэсоне, который был открыт в сентябре 2018 г. (в марте 2019 г. северокорейцы покинули офис).

Если проследить статистику по межкорейским связям на сайте Министерства объединения (табл. 1, 2, 3), то видно, насколько ограничены межкорейское сотрудничество и контакты в период администрации Мун Чжэ Ина, по сравнению с предыдущими администрациями, как леволиберальными, так и консервативными, несмотря на его усилия и амбициозные планы, обозначенные сторонами в Пхаммунчжомской декларации 2018 г. Количество людей, пересекших межкорейскую границу в первые три года администрации Мун Чжэ Ина, в 21 и 38 раз меньше, чем во время пребывания у власти Но Му Хена и Ли Мен Бака соответственно (табл. 1). Коммерческая торговля между двумя странами так и не возобновилась из-за сохранения международного режима санкций в отношении Северной Кореи (табл. 2). При этом количество одобренных проектов в социально-культурной сфере составило всего 9, что больше, чем при администрациях Ли Мен Бака и Пак Кын Хе, вместе взятых (8 проектов), но гораздо меньше, чем в период с 1991 г. до конца президентского срока Ким Дэ Чжуна (30 проектов), и не сравнится с интенсивностью социально-гуманитарного межкорейского взаимодействия при Но Му Хене (121 проект) (табл. 3).

После безрезультатного завершения в феврале 2019 г. американо-северокорейского саммита в Ханое этап активного восстановления контактов между КНДР и Республикой Корея сменился затишьем межкорейского диалога, за которым в начале июня 2020 г. последовало стремительное ухудшение межкорейских отношений. В ответ на запуск на территорию КНДР антисеверокорейскими активистами листовок критического содержания в адрес Ким Чен Ына и строя КНДР Пхеньян резко ужесточил риторику в адрес Сеула, объявив, что намерен относиться к Югу как к врагу²⁷. 9 июня КНДР заблокировала все каналы связи с южным соседом, 16 июня заявила о намерении ввести войска в демилитаризованную зону²⁸. В этот же день – 16 июня – Пхеньян взорвал символ межкорейского сближения – здание межкорейского офиса связи в Кэсоне, договоренность об открытии которого была достигнута в ходе саммита лидеров Республики Корея и КНДР 27 апреля 2018 г. В условиях накалявшейся ситуации на полуострове Южная Корея привела войска в состояние повышенной боеготовности, при этом администрация Мун Чжэ Ина пыталась найти пути к компромиссу.

Несмотря на готовность Сеула предпринять меры для предотвращения запуска листовок, Пхеньян целенаправленно обострял межкорейские отношения. Это свидетельствует о том, что листовки послужили не более чем поводом для соответствующих действий северокорейской стороны. Пхеньян неоднократно прибегал к подобной тактике:

27 Сестра Ким Чен Ына пригрозила Южной Корее военными действиями (2020) // Lenta.ru. 14 июня 2020 // <https://lenta.ru/news/2020/06/14/kimyojong/>, дата обращения 09.10.2020.

28 Генеральный штаб Корейской Народной Армии подчеркнул, что вооруженные силы готовы к тому, чтобы обеспечить надежную военную гарантию любых внешних мер, которые будут приняты партией и правительством (2020) // Korean Central News Agency. 16 июня 2020 // <http://www.kcna.kp/kcna.user.article.retrieveNewsViewInfoList.kcmsfjsessionid=BE92A0CB6AD-B1E309436D8B1E2E52775#this>, дата обращения 09.10.2020 (на корейском).

прекращал контакты с Югом, нагнетал обстановку на Корейском полуострове, а затем вновь возобновлял диалог [Петровский 2020].

Обострение отношений между Севером и Югом в начале июня 2020 г. стало логическим результатом несоответствия ожиданий северокорейцев относительно содержания развития межкорейских связей и возможностей южнокорейцев в условиях действующего санкционного режима. Цель военной «истерии» северокорейского режима состояла в том, чтобы привлечь внимание США и Южной Кореи и возобновить переговорный процесс с Вашингтоном «с позиции силы».

Активность межкорейских контактов резко сократилась после провала Ханойского саммита между КНДР и США. Северная Корея призывала Юг к выполнению двусторонних договоренностей, перейти от слов к делу²⁹, однако администрации Мун Чжэ Ина оказалось крайне сложно на практике реализовать принцип параллельного движения по трекам денуклеаризации КНДР и межкорейского сотрудничества в условиях, при которых американо-северокорейские переговоры «буксуют» и отсутствует поддержка США каких-либо подвижек в межкорейских экономических отношениях, в частности выведения из-под санкций Кэсонского промышленного комплекса. Поэтому целенаправленные действия Пхеньяна по обострению отношений с Сеулом выражают его недовольство Югом («подвисшими» межкорейскими экономическими проектами и неспо-

собностью Мун Чжэ Ина убедить Дональда Трампа снять санкции) [Panda 2020; Петровский 2020].

Пхеньян пошел на повышение ставок, при этом тот факт, что агрессивные заявления в адрес Южной Кореи делал не сам Ким Чен Ын, означает, что северокорейское руководство пока «не закрывает дверь» перед Югом, а посылает сигнал к диалогу³⁰ и предупреждение. Предупреждение, что в отсутствии практического двустороннего сотрудничества и сохраняющегося тупика в американо-северокорейских переговорах по ядерной проблематике Пхеньян не нуждается в нормализации отношений с Сеулом и может сконцентрироваться на отношениях с США. Последнее означало бы провал северокорейской политики Мун Чжэ Ина, поэтому таким образом Пхеньян пытается напугать южнокорейское руководство, склонить его к уступчивости и заставить Сеул убедить Вашингтон ослабить санкционное давление [Kang 2020]. Как отмечает А.Н. Ланьков, Пхеньян поставил Сеул перед выбором: либо вы игнорируете санкции и приступаете к практической фазе сотрудничества, либо убеждаете США ослабить санкции и даете деньги легально³¹.

По сути, при такой позиции КНДР ничего не теряет, т. к. текущее состояние межкорейских отношений ее не устраивает: нормализация отношений с Югом при действующем санкционном режиме до сих пор не принесла твердой валюты. Пхеньян осознает, что позиция Вашингтона является ключе-

29 On Socialist Construction and the Internal and External Policies of the Government of the Republic at the Present Stage (2019). A Speech Delivered by Kim Jong Un to the First Session of the 14th Supreme People's Assembly of the DPRK // The National Committee on North Korea, April 12, 2019 // https://ncnk.org/resources/publications/kju_april2019_policy_speech.pdf/file_view, дата обращения 09.10.2020.

30 Эксперты оценили состояние межкорейских отношений (2020) // РИА Новости. 25 июня 2020 // <https://ria.ru/20200625/1573440614.html>, дата обращения 09.10.2020.

31 Подругина В. (2020) Северная Корея расхотела дружить с Южной // Ведомости. 17 июня 2020 // <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2020/06/17/832871-severnaya-koreya>, дата обращения 09.10.2020.

вой для отмены/ослабления санкционного режима и что Сеул не решится идти против санкций. Поэтому северо-корейцы готовы выполнять поставленную задачу стратегического развития экономики страны в условиях экономических санкций, опираясь на ядерное сдерживание и собственные силы, что следует из декабрьского (2019 г.) доклада Ким Чен Ына, в котором отсутствовало упоминание о межкорейских отношениях [На 2020]. Это говорит о том, что главной внешнеполитической целью КНДР остается налаживание отношений с США, и в этом отношении это сигнал США.

Таким образом, июньский межкорейский кризис продемонстрировал хрупкость межкорейского диалога и обнажил искусственность нормализации двусторонних отношений. Отсутствие реального содержания межкорейского сотрудничества свидетельствует о неспособности администрации Мун Чжэ Ина перейти от продвижения идейных установок политики «солнечного тепла» 1998–2008 гг. к ее практической реализации. Сложившаяся ситуация не устраивает северо-корейский режим и ставит северо-корейский курс администрации Мун Чжэ Ина на грань провала.

Препятствием для ренессанса межкорейского экономического сотрудничества и обменов в других сферах, сравнимых с периодом проведения политики «солнечного тепла» при Ким Дэ Чжунге и Но Му Хене, служит сохраняющийся международный режим санкций в отношении Северной Кореи, в силу чего не удалось реализовать основополагающий принцип успеха политики «солнечного тепла» – отделение экономики от политики.

Блокирующее влияние на развитие отношений между двумя Кореями оказывают США [Дьячков 2018; Choi, Chin 2019, p. 5]. Из-за непреклонной пози-

ции Вашингтона в вопросе сохранения режима экономических санкций в отношении Пхеньяна до осуществления им полной, верифицируемой и необратимой денуклеаризации Мун Чжэ Ину не удалось вывести из-под санкций межкорейские экономические проекты – Кэсонский промышленный комплекс и туристический комплекс в горах Кымгансан.

В отличие от предыдущих прогрессивных администраций, северо-корейская политика администрации Мун Чжэ Ина не оставляет ядерный вопрос за рамками межкорейских отношений, в т. ч. экономических. Как показало развитие отношений между двумя Кореями после провалившегося американо-северо-корейского саммита в Ханое, на практике проявляется зависимость возобновления межкорейского сотрудничества от прогресса в ядерных переговорах между Пхеньяном и Вашингтоном [Baek, Chun 2020]. Таким образом, у Мун Чжэ Ина не получилось «запустить» добродетельный круг, при котором нормализация межкорейских отношений ведет к денуклеаризации Корейского полуострова, а денуклеаризация, в свою очередь, способствует укреплению межкорейских отношений и мира [Baek, Park 2019].

Почему же Мун Чжэ Ину не удалось отделить политику от экономики и добиться прогресса в диалоге с Пхеньяном без привлечения Вашингтона? Представляется, что это связано с неготовностью самого Сеула действовать без оглядки на США и нежеланием Мун Чжэ Ина осложнять отношения с Вашингтоном.

Во-первых, потому что приобретение Северной Кореей ядерного оружия привело к усилению зависимости Южной Кореи от США в области обеспечения ее национальной безопасности. Во-вторых, из-за опасений Сеула самому попасть под действие амери-

канских санкций³². В-третьих, в условиях нарастания американо-китайского соперничества Сеулу сложнее проводить автономную политику в корейском вопросе, т. к. Вашингтон склонен рассматривать ситуацию на Корейском полуострове в контексте регионально-го противостояния с Китаем [Park 2020, p. 70]. Поэтому администрация Мун Чжэ Ина, в отличие от администрации Но Му Хена, отдает приоритет альянсу с США, а не межкорейским отношениям³³. Соответственно, северо-корейская политика Мун Чжэ Ина зависит от того, удастся ли ему изменить позицию Вашингтона.

Перспективы развития межкорейских отношений

Перспективы сохранения курса Южной Кореи на сотрудничество с КНДР определяются развитием внутривластной ситуации в стране – от того, какие политические силы победят на выборах. В Южной Корее существует поляризация политической элиты и отсутствует национальный консенсус по вопросу выстраивания отношений с Северной Кореей. В Плане развития межкорейских отношений на 2017–2022 гг. неоднократно подчеркивается важность общественного консенсуса и взаимодействия с гражданами для последовательного продвижения политики в отношении Северной Кореи³⁴. На практике это весьма спор-

ное утверждение, т. к. государство в Южной Корее обладает определенной автономией от общества в решении важнейших задач национальной безопасности³⁵. Поэтому более насущной задачей является формирование консенсуса среди основных политических сил Южной Кореи относительно политики в отношении КНДР: необходимости нормализации межкорейских отношений и возобновления межкорейских экономических связей, признания приоритета межкорейского сотрудничества над отношениями с США. От того, удастся ли Южной Корее последовательно придерживаться курса на сближение с КНДР вне зависимости от администрации, находящейся у власти, будет в немалой степени зависеть траектория движения межкорейских отношений. Вместе с тем это сложный и длительный процесс, т. к. пока в Сеуле хватает «противников нормализации отношений с Пхеньяном», «в том числе среди парламентской оппозиции и в весьма влиятельном академическом обществе» [Жебин (1) 2018, с. 9].

Об отсутствии внутривластного консенсуса на сближение с КНДР и ориентации Южной Кореи на союз с США свидетельствует также то, что, несмотря на риторику и усилия Мун Чжэ Ина возобновить межкорейские экономические проекты, Южная Корея не воспользовалась возможностью вывести межкорейские отношения из-под санкций путем апелляции к положению, согласованному двумя Кореями

32 Кирьянов О. (2018) США пригрозили Сеулу санкциями за дружбу с Пхеньяном // Российская газета. 17 октября 2018 // <https://rg.ru/2018/10/17/ssha-prigrozili-seulu-sankciami-za-druzhu-s-phenianom.html>, дата обращения 09.10.2020.

33 В Белой дипломатической книге Южной Кореи подчеркивается, что краеугольным камнем северо-корейской политики Мун Чжэ Ина остается прочный союз Южной Кореи и США. См.: Diplomatic White Paper (2019) // Ministry of Foreign Affairs of the Republic of Korea, December 30, 2019, p. 52 // http://www.mofa.go.kr/eng/brd/m_5684/list.do, дата обращения 09.10.2020.

34 Третий план развития межкорейских отношений и план его реализации в 2018 г. // https://www.unikorea.go.kr/unikorea/open/parliament/opCalculat8e/?boardId=bbs_0000000000000019&mode=view&cntId=54302&category=&pageIdx=, дата обращения 31.05.2020 (на корейском).

35 О роли государства в решении северо-корейского вопроса см.: Thompson W.R., Ganguly S. (eds.) (2011) *Asian Rivalries: Conflict, Escalation, and Limitations on Two-level Games*, Stanford, CA: Stanford University Press.

в начале 1990-х гг., о том, что их отношения являются «особыми, временно сложившимися в ходе продвижения к воссоединению, а не межгосударственными отношениями» [Жебин (2) 2018, с. 9]. Более того, Южная Корея так и не отменила односторонние санкции, введенные ею против Северной Кореи после инцидента с затонувшим корветом.

Не стоит забывать и то, что власть Южной Кореи, как указано в ее Конституции, распространяется на обе части Корейского полуострова, а также действует закон о национальной безопасности, жестко регламентирующий любые контакты южнокорейских граждан с северянами. Если одностороннее внесение поправок в Конституцию без параллельных аналогичных действий КНДР маловероятно³⁶, то отмена или смягчение закона представляются вполне возможными (т. к. по сравнению с прошлым у южнокорейских граждан есть иммунитет к северокорейской идеологии и влиянию). Вместе с тем, несмотря на стремление администрации Мун Чжэ Ина децентрализовать межкорейское сотрудничество, формальные процедуры для одобрения контактов бизнеса, частных лиц, региональных властей остаются высокоцентрализованными из-за соображений национальной безопасности [Seliger, Choi 2020, p. 191].

Готовность (наличие внутренних и внешних причин) Северной Кореи также является необходимым условием возобновления межкорейского сотрудничества. Для КНДР, как уже отмечалось, Южная Корея была интересна как посредник на начальном этапе для вступления в переговоры с США, а так-

же с чисто прагматической точки зрения, а именно реализации межкорейских экономических проектов [Дьячков 2020]. Первое исчерпало себя, а второе не оправдало. Форсирование обменов в социально-гуманитарной сфере, которые активно продвигает администрация Мун Чжэ Ина, не вызывает особого интереса в КНДР по двум причинам. Во-первых, для КНДР это даже не второстепенный вопрос и, возможно, предмет торга, в то время как приоритет отдается получению гарантий безопасности и переговорам с США. Во-вторых, социально-гуманитарные обмены являются крайне чувствительным вопросом для северокорейского руководства и воспринимаются как потенциальная угроза политико-экономической системе и режиму [Teplyakov, Kim, Zielinski, Jeong 2018]. Северокорейские власти жестко контролируют собственное население путем монополии на распространении информации и цензуры. Любые контакты с иностранцами, в т. ч. южнокорейцами, осуществляются в строго контролируемых рамках.

Таким образом, Пхеньян, скорее, будет пассивен в осуществлении межкорейских неэкономических проектов, которые не подпадают под санкции ООН, по крайней мере, до окончания президентского срока Мун Чжэ Ина, а дальше позиция КНДР по межкорейскому сотрудничеству будет определяться тем, какие политические силы придут к власти в Южной Кореи.

Стоит отметить, что отсутствие подвижек в межкорейских экономических отношениях и тупик в переговорах по ядерному треку между Пхень-

36 Официальных предложений изменить ст. 3 Конституции РК не выдвигалось. Среди предложений Мун Чжэ Ина, инициировавшего кампанию по изменению Конституции РК, не было тех, которые касались вопросов объединения. См.: Чон Хун (2018) Внесение поправок в конституцию, будущее Национального конституционного консультативного комитета стоит под вопросом (2018) // Tongilnews, March 13, 2018 // <http://www.tongilnews.com/news/articleView.html?idxno=124077>, дата обращения 09.10.2020 (на корейском).

яном и Вашингтоном могут привести к затуханию интереса КНДР к развитию отношений с Южной Кореей, что продемонстрировал июньский кризис 2020 г. Подрыв Межкорейского офиса связи в Кэсоне наглядно показал, что внешнеполитическим приоритетом Сеула является нормализация отношений с США, а не с Югом.

При этом усиление китайско-американского противостояния в Азиатско-Тихоокеанском регионе не благоприятствует мирному политическому решению ядерной проблемы и потенциально может вести к обострению ситуации на Корейском полуострове. В случае нарастания китайско-американской конфронтации в регионе обеим Кореям будет непросто проводить автономную политику в вопросах двусторонних отношений. Более того, существует опасность, что Пхеньян решит воспользоваться соперничеством между Пекином и Вашингтоном для того, чтобы избежать денуклеаризации и укрепить свои позиции. Подобный шаг приведет к серьезному подрыву межкорейских отношений и еще дальше отдалит перспективы мирного урегулирования проблем Корейского полуострова.

Проведение политики «солнечного тепла» (1998–2008 гг.) показало потенциал межкорейского сотрудничества и возможности мирного сосуществования двух корейских государств. Идейная платформа политики «солнечного тепла» и практический опыт межкорейского сотрудничества в период прогрессивных администраций Ким Дэ Чжуна и Но Му Хена позволили двум корейским государствам при совпа-

дении интересов на сближение друг с другом активизировать диалог и нормализовать двусторонние отношения в 2018 г.

Однако возможности использования элементов политики «солнечного тепла» для управления межкорейским конфликтом [Ланцова 2012; Казарьян 2018] сузились. Несмотря на заинтересованность Сеула и Пхеньяна в развитии двустороннего сотрудничества, межкорейские отношения оказались в тупике. Администрации Мун Чжэ Ина не удалось, оттолкнувшись от идейных установок и договоренностей 1998–2008 гг., приступить к практической составляющей политики «солнечного тепла». Из-за международного режима санкций против КНДР правительство Республики Корея потеряло пространство для маневра в межкорейских отношениях и оказалось неспособным задействовать «пряник» в виде двусторонних экономических проектов.

При этом главная причина стагнации межкорейских отношений состоит в ориентации и зависимости Южной Кореи от США, которые были усилены в период консервативных администраций³⁷. Сохранившаяся фактически привязка межкорейского экономического сотрудничества к денуклеаризации Северной Кореи, к северокорейско-американским переговорам по ядерной проблеме также оказала негативное влияние на перспективы сохранения позитивной динамики межкорейских отношений, тем более что данная постановка вопроса убеждает Пхеньян в необходимости по-прежнему ставить на первый план отношения с Вашингтоном, а нарастание китайско-американского противостояния может при-

37 Ориентируясь на США, южнокорейские администрации Ли Мен Бака и Пак Кын Хе одновременно пытались снизить свою зависимость от США путем выдвижения таких инициатив, как политика средней державы, МИКТА. Мун Чжэ Ин, со своей стороны, также выражает стремление диверсифицировать внешнеполитические связи путем проведения «новой южной политики» и «новой северной политики».

вести к провалу усилий по денуклеаризации КНДР путем американо-северокорейских переговоров.

Что касается возможностей наращивания социально-гуманитарного сотрудничества между двумя странами, то они останутся ограниченными, пока не будет сформирована политическая основа межкорейских отношений, при которой Северная Корея будет рассматриваться как нормальное государство-партнер, а не объект, нуждающийся в трансформации. Признание легитимности северокорейского режима могло бы стать объективным условием, которое позволило бы Северной Корее более открыто коммуницировать с внешним миром, не опасаясь за свой режим.

Список литературы

- Воронцов А. (2008) Южная Корея в поисках баланса // Россия в глобальной политике. № 6 // <https://globalaffairs.ru/articles/yuzhnaya-koreya-v-poiskah-balansa/>, дата обращения 09.10.2020.
- Дьячков И.В. (2018) Год, который хочется продлить // МГИМО-Университет. 31 декабря 2018 // <https://mgimo.ru/about/news/experts/god-kotoryy-khochetsya-prodlit/>, дата обращения 31.05.2020.
- Дьячков И.В. (2020) Корейский полуостров: на пороге кризиса? // МГИМО-Университет. 2 января 2020 // <https://mgimo.ru/about/news/experts/koreyskiy-poluostrov-na-poroge-krizisa/>, дата обращения 31.05.2020.
- Жебин А. (1) (2018) Мун и Ким попытаются спасти разрядку на полуострове // Независимая газета. 17 сентября 2018 // <https://dlib.eastview.com/browse/doc/51897673>, дата обращения 31.05.2020.
- Жебин А. (2) (2018) Третья корейская попытка // Независимая газета. 23 апреля 2018 // <https://dlib.eastview.com/browse/doc/50924607>, дата обращения 31.05.2020.
- Захарова Л. (2010) Становление межкорейских экономических отношений в конце XX века // Проблемы Дальнего Востока. № 5. С. 43–53.
- Ивашенцов Г. (2019) Перспективы разрешения ядерной проблемы Корейского полуострова // Российский совет по международным делам. 13 марта 2019 // <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/perspektivy-razresheniya-yadernoy-problemy-koreyskogo-poluostrova/>, дата обращения 09.10.2020.
- Казарьян Р.Л. (2018) О некоторых итогах политики «солнечного тепла» в контексте перспектив межкорейского сближения // КНДР И РК-70 лет. М.: ИДВ РАН. С. 49–59.
- Ланцова С.И. (2012) Политика «солнечного тепла» как модель управления межкорейским конфликтом: истоки, итоги, перспективы // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. № 6. С. 91–98 // https://www.elibrary.ru/download/elibrary_18824266_92155434.pdf, дата обращения 14.12.2020.
- Петровский В. (2020) Обострение межкорейских отношений: почему сейчас и чем закончится? // Международная жизнь. 19 июня 2020 // <https://interaffairs.ru/news/show/26705>, дата обращения 09.10.2020.
- Русецкая К.Е. (2011) Проект «Кымгансан» и межкорейские отношения // Россия и АТР. № 1. С. 86–92 // <https://cyberleninka.ru/article/n/proekt-kymgansan-i-mezhkoreyskie-otnosheniya/viewer>, дата обращения 14.12.2020.
- Толорая Г. (2018) Корейское замирение – надолго ли? // Российский совет по международным делам. 12 января 2018 // <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/koreyskoe-zamiren timer-nadolgo-li/>

?sphrase_id=56527247, дата обращения 09.10.2020.

Торкунов А.В., Денисов В.И., Ли Вл.Ф. (2008) Корейский полуостров: метаморфозы послевоенной истории. М.: ОЛМА Медиа Групп.

Baek Jinkyung, Chun Chaesung (2020) [Global NK Commentary] Present and Future of the Four-Point Strategy toward North Korea // East Asia Institute, February 12, 2020 // http://www.eai.or.kr/new/en/etc/search_view.asp?intSeq=19762&board=eng_issuebriefing, дата обращения 09.10.2020.

Baek Jinkyung, Park Won Gon (2019) [Global NK Commentary] The Drive for North Korea Policy to Realize Peace and Prosperity on the Korean Peninsula // East Asia Institute, December 23, 2019 // http://www.eai.or.kr/new/en/etc/search_view.asp?intSeq=19760&board=eng_issuebriefing, дата обращения 09.10.2020.

Chaibong H. (2005) The Two South Koreas: a House Divided // Washington Quarterly, vol. 28, no 3, pp. 57–72. DOI: 10.1162/0163660054026515

Choi Jong Kun (2010) Sunshine over a Barren Soil: The Domestic Politics of Engagement Identity Formation in South Korea // Asian Perspective, vol. 34, no 4, Special Issue on Seeking Political Reconciliation: Case Studies in Asia, pp. 115–138.

Choi Kang, Shin Beomchul, Kim J.J. (2018) The Outlook on Denuclearization and the ROK's Choice // Institute for Policy Studies, Issue Brief, December 5, 2018 // <https://www.jstor.org/stable/resrep20666>, дата обращения 09.10.2020.

Choi Kang, Shin Beomchul (2019) Assessing ROK-U.S. Relations and Its Prospects // The ASAN Institute for Policy Studies, Issue Brief, May 30, 2019 // <http://www.jstor.com/stable/resrep20673>, дата обращения 09.10.2020.

Cronin P.M. (2012) Vital Venture: Economic Engagement of North Korea and the Kaesong Industrial Complex // Center for a New American Security //

<http://www.jstor.com/stable/resrep06355>, дата обращения 09.10.2020.

Easley L. (2016) Kaesong and THAAD: South Korea's Decisions to Counter the North // World Affairs, vol. 179, no 2, pp. 21–27. DOI: 10.1177/0043820016673778

Fiori A. (2017) Whither the inter-Korean Dialogue? Assessing Seoul's Trustpolitik and Its Future Prospects // Istituto Affari Internazionali Working Papers, no 17/13 // <https://www.iai.it/en/publicazioni/whither-inter-korean-dialogue>, дата обращения 31.05.2020.

Go Myong-Hyun (2017) Moon's North Korea Policy: Reengaging North Korea to Regain Strategic Initiative // Asan Institute for Policy Studies, Issue Brief, June 28, 2017 // <http://www.jstor.com/stable/resrep08149>, дата обращения 31.05.2020.

Go Myong-Hyun (2019) Inter-Korean Relations: How North Korea is Conditioning South Korea for Its Own Strategic Benefit // 38North, December 5, 2019 // <https://clck.ru/Njkgv>, дата обращения 31.05.2020.

Ha Young-Sun (2020) [Global NK Commentary] 2020 North Korea: A Head-on Breakthrough of Two Major Challenges // East Asia Institute, January 10, 2020 // http://www.eai.or.kr/new/en/etc/search_view.asp?intSeq=19761&board=eng_issuebriefing, дата обращения 09.10.2020.

Han Yong-Sup (2002) The Sunshine Policy and Security on The Korean Peninsula: A Critical Assessment and Prospects // Asian Perspective, vol. 26, no 3, pp. 37–69 // <https://www.jstor.org/stable/42704373?seq=1>, дата обращения 14.12.2020.

Hwang Jaeho (2000) North Korea's Arduous Trip: The North-South Summit Examined // Security Dialogue, vol. 31, no 4, pp. 475–488 // <https://www.jstor.org/stable/26296717>, дата обращения 31.05.2020.

Kang Tae-jun (2020) How Will South Korea and the US Respond to North Korea's Latest Provocation? // The Diplo-

mat, June 19, 2020 // <https://thediplomat.com/2020/06/how-will-south-korea-and-the-us-respond-to-north-korea-as-latest-provocation/>, дата обращения 09.10.2020.

Kim Choong-nam (2003) The Management of the ROK-U.S. Relations in The Post-Cold War Era // The Journal of East Asian Affairs, vol. 17, no 1, pp. 52–92 // <https://www.jstor.org/stable/23257228?seq=1>, дата обращения 14.12.2020.

Kim Choong Nam (2005) The Rho Moo Hyun Government's Policy toward North Korea // East-West Center Working Papers. Politics, Governance and Security Series, no 11 // <https://www.eastwest-center.org/system/tdf/private/PSwp011.pdf?file=1&type=node&id=32083>, дата обращения 31.05.2020.

Lee Sangkeun, Moon Chung-in (2016) South Korea's Economic Engagement toward North Korea // Joint U.S.-Korea Academic Studies, pp. 226–239 // <http://www.keia.org/publication/south-korea%E2%80%99s-economic-engagement-toward-north-korea>, дата обращения 09.10.2020.

Paik Haksoon (2002) Assessment of the Sunshine Policy: A Korean Perspective // Asian Perspective, vol. 26, no 3, pp. 13–35 // <https://www.jstor.org/stable/42704372?seq=1>, дата обращения 14.12.2020.

Panda A. (2020) North Korea Cuts off Inter-Korean Communication Lines: What Now? // The Diplomat, June 10, 2020 // <https://thediplomat.com/2020/06/north-korea-cuts-off-inter-korean-communication-lines-what-now/>, дата обращения 09.10.2020.

Park Ihn-hwi (2020) The Korean Peace System after the Korean War: International Factors and the Current Significance

// International Journal of Korean Unification Studies, vol. 29, no 1, pp. 57–76 // <http://unibook.unikorea.go.kr/libeka/elec/20200700000000084.pdf#page=67>, дата обращения 14.12.2020.

Park Jong-Chul (2008) Lee Myung-Bak Administration's North Korea Policy: Challenges and Tasks // The Journal of East Asian Affairs, vol. 22, no 2, pp. 39–61 // <https://www.jstor.org/stable/23257896?seq=1>, дата обращения 14.12.2020.

Park Myoung-Kyu (2015) Korean Unification: A New Kind of Peacebuilding Project // Harvard International Review, vol. 36, no 3, pp. 27–30 // <https://search.proquest.com/docview/1765856263?pq-origsite=gscholar&fromopenview=true>, дата обращения 14.12.2020.

Seliger B., Choi Hyun-Ah (2020) Toward a (Sub)-Regionalization of South Korea's Unification Policy – the Proposal of a Romantic Road for Gangwon Province // International Journal of Korean Unification Studies, vol. 29, no 1, pp. 189–216 // <http://unibook.unikorea.go.kr/libeka/elec/20200700000000084.pdf#page=199>, дата обращения 14.12.2020.

Тепляков В.К., Kim Seong-il, Zielinski S., Jeong Yoonjeong (2018) Cooperation for Reforestation in North Korea: International Perspectives and Governance // https://www.researchgate.net/publication/328650821_Cooperation_for_reforestation_in_North_Korea_International_perspectives_and_governance, дата обращения 31.05.2020.

Toloraya G. (2011) Transforming the Face of the Korean Peninsula? // Russia in the Global Affairs, no 2 // <https://eng.globalaffairs.ru/articles/transforming-the-face-of-the-korean-peninsula/>, дата обращения 09.10.2020.

DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-1-8

Inter-Korean Relations: Factors and Prospects

Oksana S. PUGACHEVA

Postgraduate Student

Moscow State Institute of International Relations (MGIMO University), 119454,
Vernadsky Av., 76, Moscow, Russian Federation

E-mail: ksusha2739@bk.ru

ORCID: 0000-0003-1031-9085

CITATION: Pugacheva O.S. (2021) Inter-Korean Relations: Factors and Prospects.*Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 14, no 1, pp. 151–175
(in Russian). DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-1-8

Received: 03.06.2020.

ABSTRACT. *The relations between South Korea and North Korea were improved in 2018 on the basis of the Sunshine policy ideational platform and the inter-Korean agreements reached between the two countries under the progressive administrations of Kim Dae-jung in 2000 and Roh Moo-hyun in 2007. However, inter-Korean relations had been at a lull since the US-North Korea summit in Hanoi in February 2019 despite the intentions of the parties to develop diverse forms of cooperation. After that, the month of June saw a severe deterioration in the Inter-Korean relations. The aim of this article is to analyze the inter-Korean relations and the North Korean policies of the South Korean governments from 1998 to 2020 as well as explain the reasons behind Seoul's inability to make progress in dialogue with Pyongyang. South Korea's prioritizing of its ties with the United States as well as its increased dependence on the United States were the main reason behind the stagnation of inter-Korean relations. Under the international regime of sanctions against the DPRK, Moon Jae-In has failed to put the Sunshine policy into practice, for instance,*

re-open Kaesong Industrial Complex and Mount Kumgang tourism zone. The fact that inter-Korean economic cooperation was actually still linked to the denuclearization of the DPRK also had a negative impact on the prospects for maintaining the positive dynamics of inter-Korean relations. The exacerbation of inter-Korean relations in June 2020 showed that in the absence of practical inter-Korean cooperation and with the continuing deadlock in the US-North Korean negotiations on the nuclear issue, Pyongyang is not interested in normalizing relations with Seoul and it can concentrate on relations with the United States. At the same time, the intensifying confrontation between China and the United States in the Asia-Pacific region is not conducive to a political settlement of the Korean Peninsula nuclear issue and it can potentially lead to an aggravation of inter-Korean relations.

KEYWORDS: *inter-Korean relations, the DPRK, the Republic of Korea, the Korean Peninsula, the Sunshine policy, denuclearization, Moon Jae-In, North Korean politics*

References

- Baek Jinkyung, Chun Chaesung (2020) [Global NK Commentary] Present and Future of the Four-Point Strategy toward North Korea. *East Asia Institute*, February 12, 2020. Available at: http://www.eai.or.kr/new/en/etc/search_view.asp?intSeq=19762&board=eng_issuebriefing, accessed 09.10.2020.
- Baek Jinkyung, Park Won Gon (2019) [Global NK Commentary] The Drive for North Korea Policy to Realize Peace and Prosperity on the Korean Peninsula. *East Asia Institute*, December 23, 2019. Available at: http://www.eai.or.kr/new/en/etc/search_view.asp?intSeq=19760&board=eng_issuebriefing, accessed 09.10.2020.
- Chaibong H. (2005) The Two South Koreas: a House Divided. *Washington Quarterly*, vol. 28, no 3, pp. 57–72. DOI: 10.1162/0163660054026515
- Choi Jong Kun (2010) Sunshine over a Barren Soil: The Domestic Politics of Engagement Identity Formation in South Korea. *Asian Perspective*, vol. 34, no 4, Special Issue on Seeking Political Reconciliation: Case Studies in Asia, pp. 115–138.
- Choi Kang, Shin Beomchul, Kim J.J. (2018) The Outlook on Denuclearization and the ROK's Choice. *Institute for Policy Studies*, Issue Brief, December 5, 2018. Available at: <https://www.jstor.org/stable/resrep20666>, accessed 09.10.2020.
- Choi Kang, Shin Beomchul (2019) Assessing ROK-U.S. Relations and Its Prospects. *The ASAN Institute for Policy Studies*, Issue Brief, May 30, 2019. Available at: <http://www.jstor.com/stable/resrep20673>, accessed 09.10.2020.
- Cronin P.M. (2012) Vital Venture: Economic Engagement of North Korea and the Kaesong Industrial Complex. *Center for a New American Security*. Available at: <http://www.jstor.com/stable/resrep06355>, accessed 09.10.2020.
- Dyachkov I.V. (2018) A Year You Want to Extend. *MGIMO-University*, December 31, 2018. Available at: <https://mgimo.ru/about/news/experts/god-kotoryy-khochetsya-prodlit/>, accessed 31.05.2020 (in Russian).
- Dyachkov I.V. (2020) Korean Peninsula: On the Verge of Crisis? *MGIMO-University*, January 2, 2020. Available at: <https://mgimo.ru/about/news/experts/koreyskiy-poluostrov-na-poroge-krizisa/>, accessed 31.05.2020 (in Russian).
- Easley L. (2016) Kaesong and THAAD: South Korea's Decisions to Counter the North. *World Affairs*, vol. 179, no 2, pp. 21–27. DOI: 10.1177/0043820016673778
- Fiori A. (2017) Whither the inter-Korean Dialogue? Assessing Seoul's Trustpolitik and Its Future Prospects. *Istituto Affari Internazionali Working Papers*, no 17/13. Available at: <https://www.iai.it/en/pubblicazioni/whither-inter-korean-dialogue>, accessed 31.05.2020.
- Go Myong-Hyun (2017) Moon's North Korea Policy: Reengaging North Korea to Regain Strategic Initiative. *Asan Institute for Policy Studies*, Issue Brief, June 28, 2017. Available at: <http://www.jstor.com/stable/resrep08149>, accessed 31.05.2020.
- Go Myong-Hyun (2019) Inter-Korean Relations: How North Korea is Conditioning South Korea for Its Own Strategic Benefit. *38North*, December 5, 2019. Available at: <https://clck.ru/Njkgv>, accessed 31.05.2020.
- Ha Young-Sun (2020) [Global NK Commentary] 2020 North Korea: A Head-on Breakthrough of Two Major Challenges. *East Asia Institute*, January 10, 2020. Available at: http://www.eai.or.kr/new/en/etc/search_view.asp?intSeq=19761&board=eng_issuebriefing, accessed 09.10.2020.
- Han Yong-Sup (2002) The Sunshine Policy and Security on The Korean Peninsula: A Critical Assessment and Prospects. *Asian Perspective*, vol. 26, no 3, pp. 37–

69. Available at: <https://www.jstor.org/stable/42704373?seq=1>, accessed 14.12.2020.

Hwang Jaeho (2000) North Korea's Arduous Trip: The North-South Summit Examined. *Security Dialogue*, vol. 31, no 4, pp. 475–488. Available at: <https://www.jstor.org/stable/26296717>, accessed 31.05.2020.

Ivashentsov G. (2019) The Prospects for Resolving the Korean Peninsula Nuclear Issue. *The Russian International Affairs Council*, March 13, 2019. Available at: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/perspektivy-razresheniya-yadernoy-problemy-koreyskogo-poluostrova/>, accessed 09.10.2020 (in Russian).

Kang Tae-jun (2020) How Will South Korea and the US Respond to North Korea's Latest Provocation? *The Diplomat*, June 19, 2020. Available at: <https://thediplomat.com/2020/06/how-will-south-korea-and-the-us-respond-to-north-koreas-latest-provocation/>, accessed 09.10.2020.

Kazaryan R.L. (2018) The Sunshine Policy Results in the Context of Inter-Korean Rapprochement. *DPRK and Republic of Korea-70*, Moscow: IFES RAS, pp. 49–59 (in Russian).

Kim Choong-nam (2003) The Management of the ROK-U.S. Relations in The Post-Cold War Era. *The Journal of East Asian Affairs*, vol. 17, no 1, pp. 52–92. Available at: <https://www.jstor.org/stable/23257228?seq=1>, accessed 14.12.2020.

Kim Choong Nam (2005) The Rho Moo Hyun Government's Policy toward North Korea. *East-West Center Working Papers. Politics, Governance and Security Series*, no 11. Available at: <https://www.eastwest-center.org/system/tdf/private/PSwp011.pdf?file=1&type=node&id=32083>, accessed 31.05.2020.

Lantsova S.I. (2012) “Sunshine” Policy as a Model of Inter-Korean Conflict Management: Sources, Results, Prospects. *Moscow State University Bulletin. Series 12: Political Science*, no 6, pp. 91–98. Available at: <https://www.elibrary.ru/download/eli->

[brary_18824266_92155434.pdf](https://www.elibrary.ru/download/eli-brary_18824266_92155434.pdf), accessed 14.12.2020 (in Russian).

Lee Sangkeun, Moon Chung-in (2016) South Korea's Economic Engagement toward North Korea. *Joint U.S.-Korea Academic Studies*, pp. 226–239. Available at: <http://www.keia.org/publication/south-korea%E2%80%99s-economic-engagement-toward-north-korea>, accessed 09.10.2020.

Paik Haksoon (2002) Assessment of the Sunshine Policy: A Korean Perspective. *Asian Perspective*, vol. 26, no 3, pp. 13–35. Available at: <https://www.jstor.org/stable/42704372?seq=1>, accessed 14.12.2020.

Panda A. (2020) North Korea Cuts off Inter-Korean Communication Lines: What Now? *The Diplomat*, June 10, 2020. Available at: <https://thediplomat.com/2020/06/north-korea-cuts-off-inter-korean-communication-lines-what-now/>, accessed 09.10.2020.

Park Ihn-hwi (2020) The Korean Peace System after the Korean War: International Factors and the Current Significance. *International Journal of Korean Unification Studies*, vol. 29, no 1, pp. 57–76. Available at: <http://unibook.unikorea.go.kr/libeka/elec/20200700000000084.pdf#page=67>, accessed 14.12.2020.

Park Jong-Chul (2008) Lee Myung-Bak Administration's North Korea Policy: Challenges and Tasks. *The Journal of East Asian Affairs*, vol. 22, no 2, pp. 39–61. Available at: <https://www.jstor.org/stable/23257896?seq=1>, accessed 14.12.2020.

Park Myoung-Kyu (2015) Korean Unification: A New Kind of Peacebuilding Project. *Harvard International Review*, vol. 36, no 3, pp. 27–30. Available at: <https://search.proquest.com/docview/1765856263?pq-origsite=g-scholar&fromopenview=true>, accessed 14.12.2020.

Petrovsky A. (2020) Inter-Korean Relations Exacerbation: Why Now and How Will It End? *The International Affairs*, June 19, 2020. Available at: <https://interaffairs.>

ru/news/show/26705, accessed 09.10.2020 (in Russian).

Rusetskaya K.E. (2011) Kungangsan Project and Inter-Korean Relationship. *Russia and the Pacific*, no 1, pp. 86–92. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/proekt-kymgangsana-i-mezhko-reyskie-otnosheniya/viewer>, accessed 14.12.2020 (in Russian).

Seliger B., Choi Hyun-Ah (2020) Toward a (Sub)-Regionalization of South Korea's Unification Policy – the Proposal of a Romantic Road for Gangwon Province. *International Journal of Korean Unification Studies*, vol. 29, no 1, pp. 189–216. Available at: <http://unibook.unikorea.go.kr/libeka/elec/20200700000000084.pdf#page=199>, accessed 14.12.2020.

Teplyakov V.K., Kim Seong-il, Zielinski S., Jeong Yoonjeong (2018) *Cooperation for Reforestation in North Korea: International Perspectives and Governance*. Available at: https://www.researchgate.net/publication/328650821_Cooperation_for_reforestation_in_North_Korea_International_perspectives_and_governance, accessed 31.05.2020.

Toloraya G. (2011) Transforming the Face of the Korean Peninsula? *Russia in the Global Affairs*, no 2. Available at: <https://eng.globalaffairs.ru/articles/transforming-the-face-of-the-korean-peninsula/>, accessed 09.10.2020.

Toloraya G. (2018) For How Long is the Korean Reconciliation? *The Russian International Affairs Council*, January 12, 2018. Available at: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/koreyskoe-zamirenje-nadolgo-li/?sphrase_id=56527247, accessed 09.10.2020 (in Russian).

Torkunov A.V., Denisov V.I., Li V.F. (2008) *Korean Peninsula: Metamorphosis of the Post-War History*, Moscow: OLMA Media Group (in Russian).

Vorontsov A. (2008) South Korea in Quest of Balance. *Russia in Global Affairs*, no 6. Available at: <https://globalaffairs.ru/articles/yuzhnaya-koreya-v-poiskah-balansa/>, accessed 09.10.2020 (in Russian).

Zakharova L. (2010) Formation of Inter-Korean Economic Relations in the Late 20th Century. *Far Eastern Affairs*, no 5, pp. 43–53 (in Russian).

Zhebin A. (1) (2018) Moon and Kim will Try to Save Detente on the Peninsula. *Nezavisimaya Gazeta*, September 17, 2018. Available at: <https://dlib.eastview.com/browse/doc/51897673>, accessed 31.05.2020 (in Russian).

Zhebin A. (2) (2018) The Third Korean Attempt. *Nezavisimaya Gazeta*, April 23, 2018. <https://dlib.eastview.com/browse/doc/50924607>, accessed 31.05.2020 (in Russian).

DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-1-9

Проблема Глубокого юга Таиланда – сепаратизм малайских мусульман

Наталья Григорьевна РОГОЖИНА

доктор политических наук, главный научный сотрудник

Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова РАН, 117997, Профсоюзная ул., д. 23, Москва, Российская Федерация

E-mail: ngrogozhina@mail.ru

ORCID: 0000-0002-9924-2493

ЦИТИРОВАНИЕ: Рогожина Н.Г. (2021) Проблема Глубокого юга Таиланда – сепаратизм малайских мусульман // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. Т. 14. № 1. С. 176–193.
DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-1-9

Статья поступила в редакцию 01.10.2020.

АННОТАЦИЯ. В статье рассматривается история развития националистического по своему характеру движения малайских мусульман, проживающих на юге Таиланда, которое насчитывает уже более полувека и является выражением их самоидентификации в условиях нахождения в чуждой и даже враждебной для них религиозно-культурной и этнической среде и формой протеста против проводимой правительством Таиланда политики их насильственной ассимиляции. Стремление малайских мусульман к независимости, принявшее форму вооруженного сопротивления центральной власти, стало ответной реакцией на маргинализацию их экономического и политического положения и на дискриминационную политику правительства. Сепаратизм как идеология этнонационализма и как политическое движение малайских мусульман, зародившийся еще в 1940-е гг., трансформировался за последние пятнадцать лет в религиозный джихад с сопутствующим ростом насилия. Основу его составляют группировки воинствующих сепара-

тистов, вербующих своих сторонников среди учащихся традиционных мусульманских школ. Практически полностью отказавшись от политической деятельности, сепаратисты сконцентрировались на осуществлении актов террора. С появлением ИГИЛ (организация запрещена в России) и ее попытками создать свою базу в мусульманских странах Юго-Восточной Азии возникла угроза перерастания локального конфликта в транснациональный. Однако местные джихадисты демонстрируют дистанцированность от нее, избегая вовлечения в международное террористическое движение, руководствуясь интересами самовывживания и придерживаясь националистической идеологии. Автор отмечает, что, несмотря на ограниченность социальной базы террористических по своему характеру сепаратистских группировок, идея независимости остается широко востребованной в местном обществе. Затяжной характер этнорелигиозного конфликта ставит перед правительством Таиланда задачу по его урегулированию. Попытки подавить се-

паратизм малайских мусульман силовыми методами не дают результата, что побуждает правительство Таиланда искать политические способы разрешения конфликта в рамках переговорного процесса с повстанческими группировками. Однако различия в позициях сторон по существу проблемы осложняют достижение консенсуса. Автор приходит к выводу, что до тех пор, пока тайландское общество будет разделено на «мы» и «они», сохраняется среда для произрастания малайского национализма.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Таиланд, малайско-мусульманское меньшинство, сепаратизм, националистическое движение, террористические группировки

Националистическое по своему характеру движение малайских мусульман, проживающих компактно на Юге Таиланда¹, где они составляют подавляющее большинство населения, насчитывает уже более полувека и является выражением их самоидентификации в условиях нахождения в чуждой и даже враждебной для них религиозно-культурной и этнической среде и формой протеста против проводимой правительством Таиланда политики их насильственной «тайзации» и ассимиляции. Хотя в стране провозглашена свобода вероисповедания, на деле все выходит иначе: небуддисты считаются чуждыми, а значит, и опасными для правительства элементами, поскольку не разделяют принятых для буддистов-тай культурных норм. Отсюда и враждебность по отношению к ним, и желание насильно их тайзировать. А для тех, кто исповедует другую религию,

господствующая религия (буддизм) и господствующий этнос (тай) составляют предмет оппозиции. Религиозные конфликты особенно остры и особенно опасны для государства тогда, когда религиозные различия совпадают с этническими и социальными. Примером могут послужить события на Юге Таиланда, где основное население, малайцы, являются одновременно и национальным, и религиозным меньшинством, активно борющимся против тайландского правительства.

Они образуют в составе населения Таиланда обособленную в лингвистическом, антропологическом, этническом и религиозном отношении народность с сильно развитым чувством этнической принадлежности и национального единства, ревниво оберегающую свою религию и культуру. Можно выделить три составляющие их национального самосознания, лежащие в основе идеологии сепаратизма: вера в мощь их прародины – султаната Патани (Паттани); идентификация с малайской этнической группой; религиозная принадлежность к исламу [Chalk 2008].

Идеология этнонационализма малайских мусульман, зародившаяся еще в 40-е гг. прошлого столетия, сохраняет свою живучесть в местном обществе, поскольку не меняется характер его взаимодействия с тайландским правительством, политика которого в отношении национального меньшинства проявляется не только в его насильственной культурно-религиозной «тайзации», но и в ограничении политических прав, что усугубляется социально-экономическим неравенством². Свою борьбу с центральной властью малай-

1 Они заселяют приграничные с Малайзией три провинции Таиланда (Яла, Наративат, Паттани) и четыре района провинции Сонгкхла, где на их долю приходится более 90% населения. Их численность оценивается в 1,8 млн человек, доля в составе населения Таиланда – менее 3%.

2 15% местного населения не имеют работы, 1/3 – малограмотны из-за языкового барьера и обучения в религиозных школах, 30% живут за чертой бедности в сравнении с 9,3% в среднем по стране.

ские мусульмане характеризуют как национально-освободительную против тайландского колониализма [Chayathip Weerakajorn 2019].

Северомалайские султанаты, которые попали в вассальную зависимость от Сиам еще в XIV в., были окончательно присоединены к нему лишь в 1909 г., после подписания Англо-Сиамского договора. По мнению борцов за независимость этих территорий, их насильственное присоединение к Таиланду означало не только утрату национальной самостоятельности, но и нанесло сокрушительный удар по малайской идентичности. А ее сохранение требует борьбы³.

Конфликт между малайцами и таи, с одной стороны, является традиционным конфликтом, возникающим между народами, среди которых один этнос занимает доминирующее положение, а другой находится в зависимом бесправном положении. С другой стороны, этот конфликт обладает специфической особенностью, которая и придает ему остроту. Национальные противоречия усиливаются благодаря наличию религиозных различий. Национальная борьба малайцев ведется под религиозным флагом.

Эволюция малайско-мусульманского сепаратизма

Сепаратистское движение малайских мусульман берет начало с конца 40-х гг. XX в., когда правительство Таиланда приступило к проведению политики их насильственной «таизации»,

насаждая тайский язык, буддизм и усиливая государственный административный контроль над южными провинциями⁴. Это привело к росту националистических настроений у части малайско-мусульманской общины, выступившей с требованием самоопределения.

Их выразителем был Хаджи Сулонг, видный религиозный деятель, который сформулировал следующие требования: назначить верховного комиссара для управления южными провинциями на правах муфтия; использовать все денежные доходы государства, получаемые на Юге, для развития южных провинций; обеспечить полную свободу религии; признать малайский язык в качестве государственного в южных провинциях наравне с тайским; назначить малайцев-мусульман на 80% штатных мест в аппарате местного управления; передать управление религиозными делами местным органам, образованным из служителей исламской религии. Им же должно быть присвоено право сбора церковной десятины [Исвольский 1965, с. 183].

Стремление к независимости стало все глубже проникать в малайское общество и явилось его ответной реакцией на ухудшение экономического положения и на дискриминационную политику правительства. Не получив политического разрешения⁵, конфликт между малайско-мусульманским меньшинством и государством принял форму вооруженного противостояния с участием широких масс местного населения. Отряды восставших, во главе которых стояли представители духо-

3 Marwaan Macan-Markar (2014) In Thailand's Deep South, Teaching Is a Dangerous Profession // Nikkei Asian Review, September 12, 2014 // <https://asia.nikkei.com/Economy/In-Thailand-s-deep-south-teaching-is-a-dangerous-profession>, дата обращения 14.12.2020.

4 Мусульманские законы в отношении брака и семьи стали подменяться буддийскими, было запрещено носить саронг, традиционную одежду малайцев, которая заменялась европейской, даже жевание бетеля и то преследовалось. От мусульман стали требовать, чтобы они забыли родной язык, обычаи и вековые традиции.

5 В 1948 г. тайское большинство парламента отвергло представленный малайской фракцией законопроект об автономии.

венства, совершали налеты на местные учреждения госаппарата, организовывали поджоги железнодорожных мостов. Лидеры этого движения выступали за определенную автономию четырех южных провинций. Правительство жестоко подавило вспышку недовольства в южных провинциях. Хаджи Сулонг и его сторонники из числа местного духовенства были арестованы.

Отношения между правительством и малайцами обострились и грозили перерасти в затяжной конфликт, что заставило власти Таиланда пересмотреть свою национальную политику и пойти на некоторые уступки. В высшую администрацию южных районов стали назначаться лица, изучавшие шариат и малайские обычаи. Вместо субботы официальным выходным днем была объявлена пятница, малайцам было разрешено носить национальную одежду в правительственных учреждениях, их стали принимать на службу в полицию и армию. Были сделаны уступки в области образования. В государственных школах южных провинций было введено преподавание малайского языка – один урок в день, отводилось время и на изучение ислама (раньше говорить по-малайски считалось зазорным, а детей в обязательном порядке учили буддизму по учебникам). С 1950 г. в Бангкоке работает мусульманский колледж.

Однако формально провозгласив свободу вероисповедания, предоставив малайцам автономию в решении религиозных вопросов, выделив деньги на строительство мечетей, разрешив им изучать родной язык, правительство все же не решило основных проблем, вызывавших недовольство местного населения. Прикрываясь красивыми словами о соблюдении интересов малайцев-мусульман, оно не отказалось от своих планов интегрировать их в состав тайской нации с тем, что-

бы в будущем они стали «настоящими» тайландцами.

Эта цель достигается различными средствами: усилением государственного контроля над районами проживания южных мусульман, подавлением их национальных выступлений, распространением тайской культуры и тайского языка, навязыванием им буддизма. Суть политики тайландского правительства в отношении малайского населения может вестись в простую формулу «контролируй и властвуй». При этом наибольшую тревогу у малайцев как прежде, так и сегодня вызывает фактически полное отсутствие их соотечественников в административном аппарате, что ограничивает их возможности участвовать в управлении регионом. Отсюда и требование самоопределения и получения независимости.

Таким образом, побудительный мотив для роста сепаратистских настроений у малайских мусульман Таиланда сохранялся, что способствовало активизации их протеста с конца 1960-х гг., когда резко ухудшилось их экономическое положение (главным образом по причине снижения мировых цен на сельскохозяйственную продукцию, производимую в регионе, – морепродукты и каучук), а правительство под предлогом борьбы с бандитскими группировками значительно увеличило численность полицейских и арамейских подразделений в южных провинциях. В правящих кругах страны было принято считать любую форму протеста мусульман проявлением их сепаратистских настроений, и все мусульмане, независимо от того, выступали ли они за культурно-религиозную автономию или требовали отделения четырех провинций от Таиланда, механически зачислялись в лагерь сепаратистов, которых, однако, официально было принято именовать бандитами.

Малайские мусульмане использовали различные формы протеста: они отказывались платить налоги и устраивали демонстрации протеста против незаконных действий тайской администрации, подавали правительству петиции или брались за оружие. Среди мусульманских лидеров национального движения не было единства во взглядах относительно целей, методов и форм борьбы. Некоторые из них выступали за отделение четырех южных районов Таиланда и объединение их с Малайзией и Индонезией в одно государство. Другие мечтали о создании самостоятельного государства, включающего исламизированные районы Таиланда и провинцию Келантан, а возможно, и провинцию Перлис, входящие в состав Малайзии. Третьи выступали за формирование самостоятельного независимого государства только из жителей таиландских провинций Наративат, Яла и Паттани. Наконец, четвертые хотели получить административную и культурно-религиозную автономию, оставаясь в границах таиландского государства. Многочисленные националистические группировки малайцев то появлялись на политической арене, то исчезали. В общей сложности в начале 1970-х гг. в малайских провинциях действовало около 20 разрозненных малочисленных организаций, некоторые из них насчитывали не более 100 человек. Они конкурировали между собой за влияние в массах, а их выступления носили спорадический характер.

Малайско-мусульманское протестное движение в 1960–1990-е гг. распалось на два направления. Одно было представлено так называемыми лоялистами, или буржуазно-либеральными

группами, заинтересованными в стабилизации политического и экономического положения на юге. Они выступали против идеи отделения четырех провинций и создания самостоятельного государства, считая, что этот шаг не только нежелателен, но и невозможен. Стремясь к соглашательству и сотрудничеству, эти группы местной крупной и средней буржуазии тем не менее обвиняли таиландское правительство в нежелании развивать местную промышленность и инфраструктуру; они выступали за справедливое распределение доходов по всем провинциям страны.

Второе направление было представлено сторонниками отделения южных провинций, которые в течение ряда лет формировали костяк организации Barisan Nasional Pembebasan Patani – BNPP (Национальный Фронт освобождения Патани)⁶. Созданная в 1947 г., она объединяла в своем составе сепаратистов из числа крупных землевладельцев и мусульманских религиозных лидеров, которые считали своим долгом освобождение мусульманских провинций из-под власти тай-буддистов и создание самостоятельного государства «Великий Патани»: При этом борьба за него стала вестись под флагом священной религиозной войны против иноверцев (буддистов-тай) и в начале 1980-х гг. приняла форму вооруженного сопротивления.

После сокрушительного удара, нанесенного таиландской армией по повстанческим силам BNPP⁷, значительно укрепились позиции другой воинствующей сепаратистской организации – Patani United Liberation Organization – (PULO, Объединенная организация освобождения Патани),

6 Считается одной из первых вооруженных повстанческих группировок малайских мусульман.

7 Некоторые из ее членов вошли в состав PULO, другие с 1986 г. находятся в эмиграции в Малайзии, но воюют на территории Таиланда под флагом Barisan Islam Pembebasan Patani (Исламский фронт освобождения Патани – Islamic Liberation Front of Patani, BIPP).

которая в конце прошлого века считалась самой крупной и влиятельной сепаратистской группировкой на юге Таиланда. Созданная в 1968 г. религиозным деятелем Тенгу Бира Котанила, она объединила разрозненные в организационном и политическом плане группировки с целью борьбы за создание независимого государства Патани любыми средствами, вплоть до вооруженного сопротивления. В 1980–1990-х гг. она насчитывала в своих рядах более 15 тыс. человек.

PULO имела четко налаженную структуру: возглавлялась комитетом лидеров, контролирующих работу низовых ячеек, члены которых не знали людей, стоящих наверху. Ступенчатый характер организации позволял сохранить секретность и боеспособность PULO, которая изначально пыталась сочетать ненасильственные действия с насильственными. Ненасильственная деятельность организации была связана с работой среди местного населения с целью повышения уровня его образования и формирования у него понимания своей этнонациональной идентичности. На имеющуюся в структуре организации Patani United Liberation Army (Объединенная армия освобождения Патани), действовавшую с территории Малайзии, была возложена ответственность по осуществлению вооруженной повстанческой борьбы. Приоритизация этой формы противодействия тайской власти у части членов PULO привела к расколу организации на две фракции – «старую» и «новую». Последняя представлена сторонниками исключительно насильственных форм борьбы за создание независимого государства Патани, которые образовали группировку под названием New PULO.

Доминирование сегодня в организации салафитов предопределяет и ее стратегический сдвиг от достижения

сугубо националистической цели возрождения Патани в сторону создания исламского халифата, чему способствует и преобладание в организации молодого поколения, имеющего связи с более радикально настроенными исламистскими группировками, которые подмяли под себя PULO.

В начале 2000-х гг. позиции PULO в сепаратистском движении ослабли, уступив их Barisan Revolusi Nasional (BRN – Национально-революционный фронт), самой воинствующей сепаратистской организации, которая действует на юге Таиланда еще с 1970-х гг. Она выделяется своей радикальной идеологией и формами борьбы. Еще в 1980-х гг. в результате возникших личных и политических разногласий среди ее лидеров организация распалась на три группировки (Coordinate, Congress, Ulama). Самой влиятельной на сегодня является BRN-Coordinate, которая придерживается тактики вооруженного сопротивления центральной власти. Ее идеологическими вдохновителями являются религиозные деятели, придерживающиеся салафитского учения, в корне отличающегося от идеологии исламского социализма, свойственного старому поколению сепаратистов. В 2005 г. она насчитывала в своем составе около 2 тыс. человек, но пользовалась поддержкой у 300 тыс. человек. BRN-Coordinate не имеет конструктивной программы действий. Ее главная цель – сделать территорию юга Таиланда неуправляемой, используя тактику нагнетания страха. Наибольшее число терактов за последние пятнадцать лет совершено ее хорошо обученными бойцами, ведущими в состав военизированного подразделения Perjuangan Kemerdekaan Patani (Patani Freedom Fighters), которое, хотя и связано с BRN-Coordinate, но действует самостоятельно в деревнях и представлено молодым поколением сепаратистов.

Runda Kumpulan Kecil (RKK), одно из главных военных подразделений BRN, отличается особой жестокостью в осуществлении своей террористической деятельности. Боевики, в основном молодого возраста, последователи салафитского учения, совершают дерзкие нападения на солдат и гражданских лиц, устраивают поджоги, устанавливают взрывные устройства на дорогах и в местах скопления людей. А после совершения террористического акта скрываются на территории Малайзии. Хотя силами безопасности Таиланда были арестованы или уничтожены некоторые ее лидеры, тем не менее группировка не утратила своей воинственности. Ее засекреченность и высокая мобильность осложняют проведение против нее антитеррористических действий.

Gerakan Mujahidin Islam Patani (GMIP), подобно BRN, использует тактику террора для достижения своей цели – создания транснационального исламского халифата. Идеологически близка Аль-Каида.

Barisan Bersatu Mujahidin Patani (BBMP), также известная как Bersatu, была создана еще в 1989 г. с задачей превращения в головную организацию по координации повстанческих действий на юге. После ареста ее лидеров в 2004 г. перестала существовать как коалиция, но сохранилась как террористическая группировка [Рогожина 2016].

Эти террористические группы и составляют основу малайско-мусульманского сепаратизма, использующего преимущественно тактику партизанской борьбы против центральной власти (засады, похищение людей, саботаж, вымогательство, убийства, вооруженные нападения), которая активизировалась после 2004 г. как реакция на усиление репрессий со стороны правительства Таиланда.

Ситуация на Глубоком юге – терроризм на службе сепаратистов

С начала 1980-х гг. правительство Таиланда стало обращать большое внимание решению экономических и административных проблем на Глубоком юге страны в попытке ослабить антитайские настроения в местном обществе. Власти страны пообещали развивать экономику региона, выделить средства на улучшение профессионального образования малайцев. В 1981 г. был учрежден Центр управления южными приграничными провинциями (SBPAC), целью которого являлось обучение чиновников и полицейских малайскому языку и ознакомление их с традициями и культурой местного населения. Однако эта политика дала лишь временный результат, поскольку остались так и не решенными проблемы бедности и безработицы, не было увеличено представительство местного населения в органах управления, возможности для развития местного бизнеса оставались ограниченными. А пришедший к руководству страной в 2001 г. Таксин Чинават, взявший курс на ужесточение режима безопасности в регионе, упразднил SBPAC и передал полномочия по контролю за ситуацией полиции, которая «прославилась» своей жестокостью в подавлении сепаратистских настроений. Использование преимущественно силовых методов в пресечении антиправительственного протеста привело лишь к активизации воинствующих сепаратистов. Число терактов возросло с 75 в 2002 г. до 119 в 2003 г. [Chalk 2008]. А в 2004 г. было совершено одно из самых дерзких нападений на военную часть в провинции Наративат и захвачено боевиками более 360 единиц вооружения, что стало переломным этапом в развитии сепаратизма.

ратистской вооруженной борьбы малайских мусульман.

С января 2004 г. по апрель 2014 г. было совершено 17 тыс. нападений, в основном моджахедами PULO и BRN. По оценкам независимой организации Deep South Watch, в год взрывалось 280 бомб. За этот период времени было убито более 6 тыс. человек – больше, чем погибло в секторе Газа⁸. Сегодня эта цифра превысила 7 тыс. человек (ранено свыше 13 тыс. человек). Совершено более 20 тыс. терактов [Vikram Rajakumar 2016].

На пике вооруженной борьбы на юге Таиланда в ней принимали участие, по официальным данным, от 3 до 10 тыс. бойцов. Однако, согласно независимым источникам, число лиц, взявшихся за оружие и готовых оказать логистическую помощь повстанцам (сбор разведывательных данных, разработка маршрутов отступления бойцов и т. п.), варьировалось в пределах 100–300 тыс. человек [Kurlantzick 2016, p. 4]. Сепаратисты пользовались поддержкой мусульманских организаций Ближнего Востока, которые обеспечивали их денежными средствами и осуществляли военную подготовку участников националистического движения.

В самом сепаратистском движении за последние 15 лет произошли заметные изменения в его организации и идеологии. Практически полностью отказавшись от политической деятельности, сепаратисты сконцентрировались на осуществлении актов террора. Они действуют небольшими группами, состоящими из трех-четырех человек, которые образуют более расширенное формирование из 15–18 человек, так называемых *juwae* (бойцы), в возрасте 16–21 года [Jihadism in Southern

Thailand 2017]. В прошлом сепаратисты были объединены в сеть подпольных ячеек, которые имели иерархическую структуру построения. Однако сегодня, несмотря на формальную принадлежность к головной организации, эти ячейки функционируют практически автономно, независимо друг от друга, не имея единоначалия и четких политических целей [Liow, Pathan 2010]. Решения по поводу выбора цели теракта принимаются на уровне ячейки. Скоординированные атаки совершаются достаточно редко. Но встречи лидеров (*pemimpin*), которые контролируют пять-шесть низовых структур, происходят регулярно – каждые два месяца, чтобы определить тактику действий.

Децентрализация терроризма не означает ослабления его угрозы. Подобная организационная структура не исключает возможности быстрой мобилизации террористических ячеек для совершения запланированных операций и в то же время осложняет проведение против них контртеррористических операций. Придерживаясь тактики партизанской войны, боевики сохраняют прочные связи с общиной, откуда они родом. В каждой деревне и даже в тех, которые считаются «миролюбивыми», имеются *juwae*. Они, по признанию старшего поколения боевиков, действуют более решительно и смело.

На смену националистически настроенным сепаратистам пришло новое поколение, выросшее в период активизации терроризма как локального, так и международного. Борьба за независимость определяется молодыми бойцами как джихад, участвовать в котором является обязанностью каждого мусульманина, а сами себя они именуют моджахедами. Они воспринима-

8 Winn P. (2014) Red Light. Jihad: Islamic Insurgency in Thailand's Strangest Party Town // Global Post, December 8, 2014 // <https://www.pri.org/stories/2014-12-08/red-light-jihad-islamic-insurgency-thailand-s-strangest-party-town>, дата обращения 15.09.2020.

ют джихад как войну против кафи́ров – тайцев – с целью воссоздания исламского государства Патани⁹. Повстанцы прибегают к религиозному лексикону для легитимизации своих насильственных действий против несправедливого порядка, навязанного им тайцами [Liow, Pathan 2010]. Как отмечает Л.Р. Полонская, «обращение к исламу является важнейшим средством национальной консолидации, наиболее доступной сознанию масс формой выражения национального протеста» [Полонская 1982, с. 135].

Многие представители старшего поколения сепаратистов с озабоченностью наблюдают за тем, как происходит сдвиг в сознании и настроении их более молодых «соратников», придерживающихся идеологии дикого джихада. Многие из них получили религиозное обучение в медресе в Пакистане и прошли военную подготовку в лагерях Талибан. Старшее поколение сепаратистов не разделяет салафитские взгляды молодых бойцов, считая, что это религиозное учение противоречит этно-исламской идентичности малайцев¹⁰.

Но раскола в движении нет. Старшее поколение признает за молодым лидерство и высоко оценивает его воинствующий настрой. Соппротивление властям Таиланда, которое раньше было окрашено в националистические оттенки, сегодня приняло религиозный характер в немалой степени из-за радикализация молодежи, которой они подвергаются в мусульманских учебных заведениях, являющихся и основ-

ным центром вербовки воинствующих сепаратистов.

По мнению тайландской администрации, повсеместное распространение светского обучения является единственным средством мирной и безболезненной интеграции малайцев в состав господствующей тайской нации. Государственные школы стали создаваться в районе еще в 1930–1940-х гг. Но поскольку учителями в них были буддисты, а в классах было запрещено преподавание малайского языка, большинство по-прежнему получало религиозное образование в местных исламских школах при мечетях и молельнях – пондоках, где ученики изучают арабский язык, исламскую теологию, знакомятся с историей и географией Патани¹¹. Эта практика сохраняется до настоящего времени, и пондоки представляют серьезную конкуренцию светским государственным школам.

Часть пондоков контролируется BRN. Рекрутами будущих боевиков выступают их религиозные наставники, которые отбирают молодых людей: набожных, впечатлительных и проворных. Те ученики, которые проявляют восприимчивость к националистической идее, приглашаются к участию в сепаратистском движении после предварительной военной подготовки в засекреченных лагерях, находящихся в джунглях. Однако вербовка сторонников вооруженной борьбы не ограничивается пондоками – происходит она и в общественных местах, например в чайханах, или во время групповых собраний в деревне.

9 Walker L.J. (2010) Southern Thailand and Islamization // <https://islamicpersecution.wordpress.com/2010/05/19/southern-thailand-and-islamization/>, дата обращения 14.12.2020.

10 Hunter M. (2020) The Changing Nature of Thailand's Deep South Insurgency – Analysis // Eurasia Review, March 24, 2020 // <https://www.eurasiareview.com/24032020-the-changing-nature-of-thailands-deep-south-insurgency-analysis/>, дата обращения 14.12.2020.

11 В исламскую школу поступают восьмилетние дети; они живут несколько лет вместе с учителями. Школа представляет собой дом мусульманского учителя, вокруг которого стоят хижины учеников. В пондоке учатся до 500 учеников, в зависимости от квалификации и авторитета наставника. Учитель не берет платы, учащиеся сами готовят еду, выращивают овощи и рис, чтобы прокормить себя. Срок обучения – 15–20 лет.

Беднейшие слои населения, обездоленные малайские крестьяне нередко присоединяются к сепаратистским группировкам всей семьей. Сепаратисты охотно принимают в свои ряды всех недовольных тайской администрацией. Неудивительно, что в движении много случайных людей, в т. ч. бандитов и тех, кто присоединился к движению не из-за принципов, а по чисто личным мотивам. Их, несмотря на социальную разнородность и противоречивость политических убеждений (или отсутствие таковых), объединяет одно – ненависть к чиновникам таи, которые, по их мнению, своими действиями и беззаконием доводят людей до нищеты и голода. В некоторых случаях сепаратисты, по их признанию, вынуждены похищать и убивать мусульман с тем, чтобы заставить других сотрудничать с ними [Suhrke 1977, p. 244]. На мусульман умеренного толка, которых они считают «коллорабационистами и предателями», приходится, согласно оценкам Deep South Watch, 60% жертв террора¹². Действуя под лозунгом восстановления Патани, джихадисты убивают не только солдат, но и буддийских монахов, учителей.

Теракты, убийства мирного населения стали для воинствующих сепаратистов средством демонстрации своей способности вести затяжную партизанскую вооруженную борьбу. Несмотря на определенный спад активности (если судить по числу жертв терактов, которые сократились с 892 человек в 2007 г. до 218 в 2018 г.), вооруженные группировки воинствующих сепаратистов остаются угрозой безопасности для страны и вызовом для власти, которая до последнего времени относилась к ним как к бандитским группировкам. Вопреки

устоявшемуся во властных кругах мнению, что ослабление террористической активности сепаратистов является проявлением их отчаяния вследствие утраты социальной базы (благодаря успешной политике правительства по завоеванию поддержки местного населения), очевидно другое – террористы становятся более искусными и более подготовленными для организации и осуществления терактов [Thailand 2012].

Появление ИГИЛ и распространение ее влияния в мусульманских странах ЮВА породило много вопросов у экспертного сообщества относительно возможной связи местных джихадистов с международным терроризмом, что могло вывести этнорелигиозный конфликт на новый уровень обострения и способствовать его интернационализации. События последних шести лет говорят об обратном. Несмотря на то, что не исключается вероятность привлечения отдельных радикально настроенных местных исламистов в ряды сторонников ИГИЛ, в целом малайско-мусульманские сепаратисты-джихадисты предпочитают дистанцироваться от этой международной террористической организации.

Джихадисты, действующие на юге Таиланда, считают себя в первую очередь борцами за национальное освобождение малайских мусульман из-под контроля Таиланда, избегая в то же время транснационализации конфликта по ряду причин. Во-первых, поддержка международного терроризма в лице ИГИЛ может привести к ослаблению социальной базы местных сепаратистов. Грубое насилие, свойственное ИГИЛ, не поддерживается консервативно настроенной местной общи-

12 Srisompob Jitpiromsri (2014) An Inconvenient Truth about the Deep South Violent Conflict: A Decade of Chaotic, Constrained Realities and Uncertain Resolution // Deep South Watch, February 7, 2014 // <https://deepsouthwatch.org/en/node/5904>, дата обращения 15.09.2020.

ной, которая к тому же исповедует отличные от сторонников ИГИЛ религиозные учения ислама. Как отметил один из наставников учащихся пондока в Патани, «наши люди, может быть, не получают образования в современном формате, но имеют непоколебимое понимание своей веры» [Chalk 2008].

Во-вторых, лидеры местных группировок воинствующих сепаратистов видят в ассоциации с международными терроризмом угрозу для достижения своей цели по самоопределению Патани. В-третьих, в случае транснационализации конфликта BRN может утратить свои доминирующие позиции в движении. Как пишет журнал *The Diplomat*, «по крайней мере, сегодня повстанцы, действующие на юге Таиланда, испытывают такую же неприязнь к исламистам и террористам, как властные круги Бангкока, Манилы, Нейпидо и Вашингтона»¹³.

Однако, несмотря на сохранение конфликта в локальном виде, его затяжной характер, имеющий серьезные экономические и политические последствия и связанный с немалыми человеческими жертвами, ставит перед правительством Таиланда задачу по поиску путей его урегулирования.

Реакция тайландских властей на сепаратизм малайских мусульман

Традиционно политика правительства в отношении малайско-мусульманского меньшинства сочетала в себе элементы мягкой и жесткой силы, чередуя репрессии с уступками, но не упу-

скакая из виду главную цель – интегрировать малайских мусульман в тайландскую политическую и экономическую систему. Правда, ее достижение осложнялось отсутствием разработанной программы действий в силу непоследовательности позиции властей в отношении Глубокого юга.

И если в 1980–1990-х гг., благодаря осуществлению мер по стимулированию экономического развития малайско-мусульманских провинций, удалось снизить уровень активности группировок воинствующих сепаратистов, то ужесточение репрессивных мер в бытность правления Таксина Чинавата в начале 2000-х гг. привело, наоборот, к расширению их вооруженного сопротивления. В трех южных провинциях было введено чрезвычайное положение (действует и сегодня), сопровождающееся массовыми арестами и убийствами малайских мусульман под предлогом борьбы с бандитскими группировками. В этих районах было размещено более 60 тыс. солдат – один на каждые 30 жителей. Они постоянно совершали рейды в деревни под любым предлогом и задерживали подозреваемых в причастности к сепаратистскому движению, размещая их в специально созданных лагерях. Однако это не привело к снижению уровня террористической угрозы, а, наоборот, способствовало ее росту. По данным правозащитной организации Cross Cultural Foundation, с 2004 по 2008 г. около 5 тыс. малайских мусульман были задержаны и содержались в заключении на основании закона о чрезвычайном положении. Среди них были и мусульманские учителя, обвиненные в поддержке терроризма¹⁴.

13 Bodetti A. (2017) Will Southern Thailand Turn to Jihad? // *The Diplomat*, November 20, 2017 // <https://thediplomat.com/2017/11/will-southern-thailand-turn-to-jihad/>, дата обращения 15.09.2020.

14 Mark E. (2018) Understanding the Terrorism Threat in Southern Thailand // *Today*, June 7, 2018 // <https://www.todayonline.com/commentary/understanding-terrorism-threat-southern-thailand>, дата обращения 15.09.2020.

Ухудшение политической обстановки на юге в сочетании с обострением проблемы неравенства, безработицы и наркомании, особенно среди малайско-мусульманской молодежи, побудили демократически избранное в 2011 г. правительство Йинглак Чинават отказаться от исключительно силовых методов подавления сепаратизма и разработать новую программу по стимулированию экономики южных провинций на период 2012–2014 гг. Ответственность за ее реализацию была возложена на возрожденный орган SBPAC, который получил финансирование на поддержку различных программ, направленных на повышение уровня жизни местного населения с целью сокращения социальной базы терроризма/сепаратизма. Однако отсутствие опыта в реализации этих проектов ограничивало возможности по раскрытию всего экономического потенциала региона. Оставались нерешенными проблемы наркомании и безработицы среди молодежи, что порождало недовольство местного общества действиями правительства.

Правительство Йинглак Чинават, столкнувшись с неудачей в завоевании доверия местного населения, выступавшего за создание системы самоуправления в южных провинциях¹⁵, в 2013 г. приступило к переговорам с BRN по урегулированию конфликта. Власти страны, несмотря на противодействие со стороны армии, готовы были рассмотреть вопрос об учреждении здесь специальной административной зоны и предоставить жителям южных районов автономию.

Требования BRN к правительству сводились к следующему: вывод тай-

ландских сил безопасности из трех южных провинций; освобождение из тюрем всех задержанных повстанцев; привлечение к участию в переговорах Организации исламского сотрудничества и АСЕАН. Однако базовым оставалось требование о признании Бангкоком суверенитета малайско-мусульманского населения над своей территорией: провинциями Патани, Наративат и Яла. BRN заявляла, что готова отказаться от идеи отделения южных провинций от Таиланда в пользу территориальной автономии.

Однако, несмотря на определенное сближение позиций двух сторон, переговоры не дали никаких результатов. Этому помешали два основных обстоятельства. Во-первых, в самом сепаратистском движении не было единства относительно необходимости участия в них, поскольку легитимность переговорных полномочий BRN-С ставилась под сомнение¹⁶. Во-вторых, резко осложнилась политическая ситуация в Таиланде, и в результате военного переворота в 2014 г. было свергнуто правительство Йинглак Чинават.

Приход к власти военных поставил под сомнение саму возможность возобновления переговорного процесса в силу их устоявшейся позиции по этому вопросу, которая сводилась к необходимости использования преимущественно силовых методов подавления сепаратистов. Опасалось того, что проведение официальных встреч с повстанцами приведет к повышению их политического статуса и укрепит их позиции.

И тем не менее сохраняющаяся напряженная ситуация на юге заставила правительство Прают-чан Оча пере-

15 Marwaan Macan-Markar (2014) In Thailand's Deep South, Teaching Is a Dangerous Profession // Nikkey Asian Review, September 12, 2014.

16 Thailand's Deep South Smoldering Imbroglia: Causes and Exit Strategies (2014) // Asia Peacebuilding Initiatives, January 15, 2014 // <http://peacebuilding.asia/thailands-deep-south-smoldering-imbroglia-causes-and-exit-strategies/>, дата обращения 15.09.2020.

смотреть свое отношение, которое пришло к мнению, что военные методы подавления сепаратизма не дают ожидаемого результата, а лишь способствуют усугублению конфликта. И с 2015 г. переговорный процесс возобновился. От лица сепаратистов на этот раз выступила зонтичная организация *Majlis Syura Patani*, (*MARA Patani*), в состав которой вошли представители *PULO*, *BIPP*, *BIMP* и *GMIP*, а также некоторые члены *BRN*. Встречи за закрытыми дверями проводились на территории Малайзии при ее посредничестве.

Представленная лидерами в эмиграции *MARA Patani* взяла на себя ответственность говорить от лица всех сепаратистов, хотя ее легитимность ставилась под сомнение *BRN*, самой влиятельной группировкой, практически отстранившейся от участия в переговорном процессе. Она поставила условием присутствия на них признание правительством Таиланда пяти ее основных требований, выдвинутых еще в 2013 г. Главными из них являются обеспечение суверенного права жителей провинции над своей территорией; присутствие на переговорах международных посредников и наблюдателей, что не устраивало тайландскую сторону, опасавшуюся внешнего вмешательства в конфликт, который она традиционно считает сугубо национальной проблемой. И чтобы заставить власть принять свою позицию, *BRN* активизировала террористическую деятельность.

Переговоры так и не стали платформой для согласований позиций сторон, каждая из которых сомневалась в искренности действий другой стороны, что препятствовало достижению консенсуса по поиску путей урегулирова-

ния конфликта. Переговоры то прерывались, то вновь возобновлялись. Сепаратисты так и не пришли к единому мнению относительно цели переговоров, а в действиях правительства они усматривают лишь желание затянуть время, чтобы собрать необходимую информацию о группировках, и работать на публику, создавая видимость своего активного участия в разрешении конфликта. Со своей стороны правительство Таиланда не готово идти на уступки в решении вопроса о децентрализации системы управления и предоставлении малайским мусульманам широкой автономии, на чем настаивают представители *MARA Patani*. К тому же тайландская сторона выражает сомнения в легитимности переговорных полномочий этой структуры как представителя всех сепаратистских организаций и в ее способности контролировать их деятельность. И хотя в ходе переговоров удалось прийти к согласию относительно создания безопасной от насилия зоны на юге страны, тем не менее это решение на практике не было реализовано, прежде всего в силу отсутствия на переговорах *BRN*, которая продолжала совершать теракты. И хотя правительство настаивало на капитуляции *BRN*, выдвигая это главным условием урегулирования конфликта¹⁷, тем не менее понимало, что без нее переговоры теряют смысл.

Поэтому решение о приглашении ее к участию в диалоге с тайландскими властями носило явно вынужденный характер. Однако начавшиеся в январе 2020 г. встречи двух сторон были прерваны из-за пандемии. Ситуация остается напряженной, но не безнадешной. Готовность власти к проведению пере-

17 Wheeler M. (2019) Behind the Insurgent Attack in Southern Thailand // Crisis Group, November 8, 2019 // https://www.crisisgroup.org/asia/south-east-asia/thailand/behind-insurgent-attack-southern-thailand?utm_source=Sign+Up+to+Crisis+Group%27s+Email+Updates&utm_campaign=50f5919e47-EMAIL_CAMPAIGN_2019_11_08_10_02&utm_medium=email&utm_term=0_1dab8c11ea-50f5919e47-359239185, дата обращения 15.09.2020.

говоров с BRN уже само по себе является началом мирного процесса урегулирования конфликта, в котором намечились определенные сдвиги. Соглашение BRN на переговоры с тайской властью, прошедшие в январе 2020 г. за закрытыми дверями в Германии, можно расценить как уступку с ее стороны, в то время как правительство уступило в другом вопросе, на котором настаивали сепаратисты, – согласилось на приглашение международных наблюдателей из Германии и Швейцарии. Малайзия по-прежнему выступает в роли посредника.

Однако это не дает повода делать оптимистичные прогнозы относительно примирения сторон в ближайшее время. И не только потому, что переговоры были прерваны во время пандемии. Надежда на то, что наступит пауза в применении насилия, себя не оправдала. Военные продолжают осуществлять контртеррористические операции против воинствующих сепаратистов, которые, в свою очередь, периодически напоминают о себе терактами.

В то же время власти страны отдают себе отчет, что без экономического развития и до тех пор, пока сохраняются побудительные мотивы для недовольства местного населения действиями правительства, невозможно будет стабилизировать ситуацию на юге. Предусматривается уделить особое внимание развитию на местном уровне, наряду с осуществлением проектов по привлечению инвестиций, туризма и приграничной торговли, строительству шоссейных дорог и железнодорожных путей, созданию специальных экономических зон, реализации энергетических проектов¹⁸.

Планы по стимулированию экономического развития региона дополняются работой по вовлечению местного населения в проекты мирного строительства, осуществляемые при непосредственном участии организаций гражданского общества и Центра по управлению южными приграничными провинциями (SBPAC). Как отметил генеральный секретарь этой организации контр-адмирал Сомкьят Пхольпрайон, в основе реализации этой программы лежит концепция, предложенная предыдущим королем страны Пумипоном Адульядетом по достижению мира на Глубоком юге, суть которой сводится к тому, что развитие и стабильность первоначально должны быть обеспечены на локальном уровне за счет улучшения жизненного уровня местного населения¹⁹.

Позиция правительства остается расплывчатой, что дает повод усомниться в его готовности (по крайней мере, на сегодня) пойти на уступки в вопросе предоставления широкой автономии малайским мусульманам (вопрос о независимости никогда не рассматривался). Таиланд – унитарное государство, поэтому передача малайским мусульманам даже ограниченного суверенитета над своей территорией, по мнению властей, может подорвать основы государственного управления. Соответственно сохраняется причина, побуждающая сепаратистов отстаивать свои требования, поддерживаемые частью местного населения, недовольного злоупотреблениями тайских чиновников, относящихся неуважительно к местным традициям и языку.

18 Phusadee Arunmas (2019) Govt to Speed up Development in Deep South // Bangkok Post, July 21, 2019 // <https://www.bangkokpost.com/thailand/general/1715983/govt-to-speed-up-development-in-deep-south>, дата обращения 15.09.2020.

19 Peacebuilding in Small Areas in the Southern Border Provinces (2020) // Public Relations Department, July 3, 2020 // https://thailand.prd.go.th/ewt_news.php?nid=9807, дата обращения 15.09.2020.

И это лишь укрепляет в малайских мусульманах убежденность в своей особой этнонациональной идентичности, защита которой является для них формой выживания в чуждой этнорелигиозной среде. Эти различия в культуре и религии воспринимаются местным населением с особой остротой в условиях снижения уровня его доходов (одни из самых низких в стране), роста безработицы и обострения проблемы бедности – неизбежные последствия экономической стагнации южных провинций Таиланда. В силу отсутствия инвестиций в экономику региона современная промышленность развита слабо, основная сфера занятости местного населения – работа на каучуковых плантациях и занятие сельским хозяйством и рыболовством. Однако говорить о наличии у сепаратистов широкой социальной базы для развития движения протеста не приходится. Многие местные жители все чаще начинают себя воспринимать двояким образом – представителями особой этнорелигиозной группы и одновременно гражданами Таиланда – следствие расширения интеграционных связей с другими районами страны и роста возможностей для получения светского образования. В то же время неравенство в экономических, политических и образовательных возможностях у разных групп малайско-мусульманского населения при преобладании сельских жителей в составе населения и отставании деревни от города в своем развитии создает почву для формирования радикальных взглядов у части местного населения, в основном сель-

ской молодежи, которая подвергается религиозной обработке в традиционных исламских учебных заведениях. Именно из этой среды и вербуются боевики сепаратистских группировок, использующих теракт как средство давления на власть, что, в свою очередь, ведет к ответным контртеррористическими действиям.

По мнению Захари Абуза, специалиста по проблемам безопасности, власти Таиланда не демонстрируют заинтересованности в мире. Они заявляют об этом, но для них мирные переговоры означают только капитуляцию BRN... При этом само правительство не готово ни к каким уступкам. Он считает, что в этом случае переговоры бесперспективны. Если правительство будет по-прежнему применять силу, то сепаратисты будут отвечать на нее терактами²⁰.

Может ли этот порочный круг быть разорван? Существует несколько вариантов развития ситуации. Скорее всего, можно предположить сохранение этнорелигиозного конфликта в состоянии статус-кво, по крайней мере, на ближайшую перспективу. Вооруженные сепаратисты не хотят отказываться от борьбы, которая носит для них символический характер, хотя цифры говорят о том, что их активность снижается. С октября 2019 г. по май 2020 г. ими было совершено 46 терактов (для сравнения: в предыдущем году за тот же период времени – 141)²¹. Вряд ли они рассчитывают на скорую победу, но продолжают совершать акты террора, которые являются для них единственно доступной и привычной формой протеста. В сознании боевиков-джихади-

20 Quinley C. (2020) Thailand's Deep South Conflict, a 'Glimpse of Hope', but No Momentum to Sustain a COVID-19 Ceasefire // The New Humanitarian, August 3, 2020 // <https://www.thenewhumanitarian.org/news/2020/08/03/Thailand-deep-south-conflict-coronavirus-ceasefire>, дата обращения 15.09.2020.

21 Phaicharoen N., Ahmad M. (2020) Thai Deep South: Security Budget Faces Cuts over Reduced Violence, COVID-19 Concerns // Bengali News, July 12, 2020 // <https://www.benarnews.org/english/news/thai/security-spending-07132020143025.html>, дата обращения 15.09.2020.

стов поиски мира с Таиландом адекватны капитуляции. Что же касается правительства Таиланда, то оно до сих пор не имеет четкого плана урегулирования конфликта, продолжает опираться на силовые методы его разрешения.

Второй вариант развития ситуации более оптимистичный и предполагает достижение некоего консенсуса в позициях сторон. Надежду на это вселяет тот факт, что сепаратисты могут согласиться на получение широкой автономии, отказавшись от требования независимости. Решение этого вопроса остается за правительством Таиланда и в конечном итоге зависит от развития демократии в стране. Возможен вариант создания специальной административной зоны и предоставления малайским мусульманам большего контроля в решении вопросов, касающихся местного развития. Достижению мира на Глубоком юге требует поддержки населения, завоевать которую правительство может уважением традиций малайско-мусульманского населения, проведением реформы местного управления и вложениями в развитие региона. Задача непростая, но выполнимая. До тех пор, пока таиландское общество будет разделено на «мы» и «они», среда для произрастания малайского национализма сохранится.

Список литературы

- Искольдский В.И. (1965) Национальное движение в малайских районах Таиланда после второй мировой войны // Очерки из истории Юго-Восточной Азии. М.: Наука. С. 177–194.
- Полонская Л.Р. (1982) Причины активизации политической роли ислама на рубеже 80-х годов // Структурные сдвиги в экономике и эволюции политических систем в странах Азии и Африки в 70-е годы. М.: Наука.
- Рогожина Н.Г. (2016) «Исламское Государство» – угроза безопасности стран Юго-Восточной Азии // Мировая экономика и международные отношения. Т. 60. № 2. С. 5–14 // https://www.imemo.ru/index.php?page_id=1248&file=https://www.imemo.ru/files/File/magazines/meimo/02_2016/5-14_Rogozhuna_.pdf, дата обращения 15.12.2020.
- Chalk P. (2008) The Malay-Muslim Insurgency in Southern Thailand Understanding the Conflict's Evolving Dynamic // RAND Counterinsurgency Study // https://www.rand.org/content/dam/rand/pubs/occasional_papers/2008/RAND_OP198.pdf, дата обращения 15.12.2020.
- Chayathip Weerakajorn (2019) Counterinsurgency in the Deep South of Thailand: A Continuing Failure? // Small Wars Journal, November 17, 2019 // <https://smallwarsjournal.com/jrnl/art/counterinsurgency-deep-south-thailand-continuing-failure>, дата обращения 15.12.2020.
- Jihadism in Southern Thailand: A Phantom Menace (2017) // The Crisis Group, November 8, 2017 // <https://www.crisisgroup.org/asia/south-east-asia/thailand/291-jihadism-southern-thailand-phantom-menace>, дата обращения 15.09.2020.
- Kurlantzick J. (2016) A New Approach to Thailand's Insurgency. Discussion Paper // Council on Foreign Relations // https://cdn.cfr.org/sites/default/files/pdf/2016/09/Discussion_Paper_Kurlantzick_Thailand_OR.pdf, дата обращения 15.09.2020.
- Liow J.Ch., Pathan D. (2010) Thailand's Shapeless Southern Insurgency. Confronting Ghosts // Lowy Institute Paper. No 30 // https://www.lowyinstitute.org/sites/default/files/pubfiles/Liow_and_Pathan%2C_Confronting_ghosts_web_1.pdf, дата обращения 15.12.2020.
- Suhrke A. (1977) Loyalists and Separatists. The Muslim in Southern Thailand // Asian Survey, vol. 17, no 3, pp. 237–250. DOI: 10.2307/2643498

Thailand: The Evolving Conflict in the South (2012) // The Crisis Group Asia Report, December 11, 2012 // <https://www.crisisgroup.org/asia/south-east-asia/thailand/thailand-evolving-conflict-south>, дата обращения 15.09.2020.

Vikram Rajakumar (2016) Insurgency in Southern Thailand: What Does ISIL's Black Flag of Pattani Portend // RSIS Commentaries. No 078-8 // <https://dr.ntu.edu.sg/bitstream/10356/80219/1/CO16078.pdf>, дата обращения 15.12.2020.

DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-1-9

The Problem of the Deep South of Thailand – Separatism of the Malay Muslims

Natalia G. ROGOZHINA

DSc in Politics, Chief Researcher

Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations of the Russian Academy of Sciences, 117997, Profsoyuznaya St., 23, Moscow, Russian Federation

E-mail: ngrogozhina@mail.ru

ORCID: 0000-0002-9924-2493

CITATION: Rogozhina N.G. (2021) The Problem of the Deep South of Thailand – Separatism of the Malay Muslims. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 14, no 1, pp. 176–193 (in Russian). DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-1-9

Received: 01.10.2020.

ABSTRACT. *The article examines the history of the development of the nationalist movement of Malay Muslims living in the south of Thailand, which is more than half a century old and is a demonstration of their identify in conditions of being in an alien and even hostile religious, cultural and ethnic environment and a form of protest against the government policy of forced assimilation. The desire of Malay Muslims for independence, which has taken the form of armed resistance to the central government, is a response to the marginalization of their economic and political position and to the discriminatory policy of the government. Separatism as an ideology of ethno-nationalism and as a political movement of Malay Muslims, which originated in the 1940s of the last century, has transformed in the last fifteen years*

into a religious jihad with an accompanying increase in violence. It is based on small groups of militant separatists recruiting their supporters from students of traditional Muslim schools. Having almost completely abandoned political activity, the separatists concentrated on carrying out acts of terror. With the emergence of ISIS and its attempts to create its base in the Muslim countries of Southeast Asia, a threat arose that a local conflict would develop into a transnational one. However, local jihadists, following the interests of self-survival and adhering to a nationalist ideology, show their distance from ISIS, avoiding involvement in the international terrorist movement. The author notes that despite the limited social base of terrorist separatist groups, the idea of independence remains widely demanded in local socie-

ty. The prolonged nature of the ethno-religious conflict poses the task to resolve it by Thai government. Attempts to suppress the separatism of Malay Muslims by force have been unsuccessful, which prompts the Thai government to look for political ways to resolve the conflict in the framework of the negotiation process with insurgent groups. However, differences in the positions of the parties on the hard core of the problem complicate reaching consensus. The author concludes that as long as Thai society is divided into “we” and “they”, the basis for the growth of Malay nationalism remains.

KEYWORDS: Thailand, Malay-Muslim minority, separatism, nationalist movement, terrorist groups

References

- Chalk P. (2008) The Malay-Muslim Insurgency in Southern Thailand Understanding the Conflict's Evolving Dynamic. *RAND Counterinsurgency Study*. Available at: https://www.rand.org/content/dam/rand/pubs/occasional_papers/2008/RAND_OP198.pdf, accessed 15.12.2020.
- Chayathip Weerakajorn (2019) Counterinsurgency in the Deep South of Thailand: A Continuing Failure? *Small Wars Journal*, November 17, 2019. Available at: <https://smallwarsjournal.com/jrnl/art/counterinsurgency-deep-south-thailand-continuing-failure>, accessed 15.12.2020.
- Iskoldsky V.I. (1965) National Movement in the Malay Regions of Thailand after the Second World War. *Essays on the History of Southeast Asia*, Moscow: Nauka, pp. 177–194 (in Russian).
- Jihadism in Southern Thailand: A Phantom Menace (2017). *The Crisis Group*, November 8, 2017. Available at: <https://www.crisisgroup.org/asia/south-east-asia/thailand/291-jihadism-southern-thailand-phantom-menace>, accessed 15.09.2020.
- Kurlantzick J. (2016) A New Approach to Thailand's Insurgency. Discussion Paper. *Council on Foreign Relations*. Available at: https://cdn.cfr.org/sites/default/files/pdf/2016/09/Discussion_Paper_Kurlantzick_Thailand_OR.pdf, accessed 15.09.2020.
- Liow J.Ch., Pathan D. (2010) Thailand's Shapeless Southern Insurgency. *Confronting Ghosts*. *Lowy Institute Paper*. No 30. Available at: https://www.lowyinstitute.org/sites/default/files/pubfiles/Liow_and_Pathan%2C_Confronting_ghosts_web_1.pdf, accessed 15.12.2020.
- Polonskaya L.R. (1982) The Reasons for the Intensification of the Political Role of Islam at the Turn of the 80s. *Structural Shifts in the Economy and the Evolution of Political Systems in Asia and Africa in the 70s*, Moscow: Nauka (in Russian).
- Rogozhina N.G. (2016) “Islamic State” – A Threat to the Security of the Countries of South-East Asia. *World Economy and International Relations*, vol. 60, no 2, pp. 5–14. Available at: https://www.imemo.ru/index.php?page_id=1248&file=https://www.imemo.ru/files/File/magazines/meimo/02_2016/5-14_Rogozhina_.pdf, accessed 15.12.2020 (in Russian).
- Suhrke A. (1977) Loyalists and Separatists. The Muslim in Southern Thailand. *Asian Survey*, vol. 17, no 3, pp. 237–250. DOI: 10.2307/2643498
- Thailand: The Evolving Conflict in the South (2012). *The Crisis Group Asia*, December 11, 2012. Available at: <https://www.crisisgroup.org/asia/south-east-asia/thailand/thailand-evolving-conflict-south>, accessed 15.09.2020.
- Vikram Rajakumar (2016) Insurgency in Southern Thailand: What Does ISIL's Black Flag of Pattani Portend. *RSIS Commentaries*. No 078-8. Available at: <https://dr.ntu.edu.sg/bitstream/10356/80219/1/CO16078.pdf>, accessed 15.12.2020.

В национальном разрезе

DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-1-10

Сепаратизм в Южном Камеруне: истоки и перспективы

Татьяна Сергеевна ДЕНИСОВА

кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, заведующая Центром изучения стран Тропической Африки

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт Африки РАН, 123001, ул. Спиридоновка, д. 30/1, Москва, Российская Федерация

E-mail: tsden@hotmail.com

ORCID: 0000-0001-6321-3503

Сергей Валерьянович КОСТЕЛЯНЕЦ

кандидат политических наук, ведущий научный сотрудник, заведующий Центром социологических и политологических исследований

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт Африки РАН, 123001, ул. Спиридоновка, д. 30/1, Москва, Российская Федерация;

старший научный сотрудник, Международный центр антропологии

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», 101000, ул. Мясницкая, д. 20, Москва, Российская Федерация

E-mail: sergey.kostelyanyets@gmail.com

ORCID: 0000-0002-9983-9994

ЦИТИРОВАНИЕ: Денисова Т.С., Костелянец С.В. (2021) Сепаратизм в Южном Камеруне: истоки и перспективы // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. Т. 14. № 1. С. 194–213.

DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-1-10

Статья поступила в редакцию 21.08.2020.

ФИНАНСИРОВАНИЕ: Статья опубликована в рамках проекта «Посткризисное мироустройство: вызовы и технологии, конкуренция и сотрудничество» по гранту Министерства науки и высшего образования РФ на проведение крупных научных проектов по приоритетным направлениям научно-технологического развития (Соглашение № 075-15-2020-783).

АННОТАЦИЯ. В 2010-е гг. проблема сепаратизма в Африке обрела особое значение в связи с появлением в 2011 г. нового государства – Республики Южный Судан (РЮС), где в течение всего периода независимого развития продолжается военно-политический конфликт, сопровождающийся многочис-

ленными жертвами среди мирного населения. Ситуация, сложившаяся в РЮС, подчеркивает слабость сепаратизма как инструмента решения проблем национальной идентичности, социально-экономического развития и преодоления политической маргинализации, а также ставит вопрос, может ли се-

партизм в Африке привести к стабильности, к улучшению материального положения и к повышению уровня безопасности граждан отколовшихся государств.

В статье рассматриваются исторические предпосылки распространения сепаратистских настроений и появления в Южном Камеруне организаций и вооруженных группировок, борющихся за отделение от Республики Камерун и независимость самопровозглашенной Республики Амбазония. В настоящее время страна охвачена военно-политическим конфликтом, сторонами которого являются центральное (франкофонное) правительство и англофонные сепаратистские движения, представляющие собой десятки вооруженных группировок, имеющих различные цели, интересы и сражающихся также и между собой за влияние на местные общины, за ресурсы и за право представлять камерунских англофонов на международной арене. То есть Южный Камерун оказался в состоянии войны «всех со всеми».

Ситуация в Южном Камеруне осложняется тем, что центральным камерунским властям под руководством Поля Бийи приходится одновременно отражать атаки террористов «Боко Харам» на крайнем севере страны и преодолевать социально-экономический кризис, сопровождающийся ростом безработицы, что, в свою очередь, позволяет повстанческим движениям легко пополнять свои ряды. Авторы отмечают, тем не менее, что сепаратисты не пользуются поддержкой мирового сообщества и, в отличие от многих других африканских повстанческих движений, почти не получают ни финансовой, ни военно-технической помощи извне, что обрекает на поражение их вооруженную борьбу и повышает значение возможных мирных договоренностей с правительством.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Африка, Камерун, сепаратизм, федерализм, политические партии, вооруженные группировки, диаспора

Понятие «сепаратизм» относится к территориальным политическим движениям, целями которых являются отделение от государства части его пространства и создание нового независимого государства (см. [Баранов, Вартумян 2005, с. 107]). Под сепаратизмом понимают и политические программы, и действия по достижению независимости (см. [Крылов 1990, с. 3]).

Международное право обеспечивает принцип равноправия и самоопределения народов, сформулированный в Декларации о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом ООН от 24 октября 1970 г. [Международное право 1982, с. 10].

Сепаратистские движения возникали в ряде независимых стран Тропической Африки: в начале 1960-х гг. попытку отделения от Республики Конго (нынешняя Демократическая Республика Конго) осуществили лидеры провинций Катанга и Южное Касаи; в 1967 г. в Нигерии началась междоусобная война между федеральным правительством и сепаратистами Биафры, закончившаяся в 1970 г. полным поражением последних; в Сенегале с 1982 г. наблюдается вялотекущий конфликт между сепаратистами региона Казаманс и центральным правительством и т. д. Однако лишь немногим африканским сепаратистским движениям удалось добиться создания собственного государства. Так, в 1993 г. на карте мира появилась независимая Эритрея, отделившаяся от Эфиопии (см. [Pool 1993]), а в 2011 г. из состава Судана вышли южные районы и образовалась Республика Южный Судан (см. [Костелянец 2014]).

В середине 2010-х гг. сепаратистский конфликт вспыхнул в Республике Камерун.

Исторические корни сепаратизма

После обретения в 1960 г. независимости Камерун, получивший название Республика Камерун (РК), пережил ряд различавшихся по форме и степени интенсивности конфликтов, по мере их эскалации обретавших региональный (трансграничный) характер. Перманентная политическая нестабильность в этой стране в значительной степени была обусловлена ее колониальным прошлым – разделением территории (после ее аннексии у Германии, которая владела Камеруном с 1884 по 1916 г.) на две неравные части, большая из которых с 1916 по 1960 г. управлялась Францией, меньшая – Великобританией (в 1916–1961 гг.) (см.: [Логинава 1982]). Первый генерал-губернатор Нигерии (в 1913–1918 гг.) Фредерик Лугард описывал британскую территорию как «незначительную полоску, которую вряд ли стоило резервировать» [Yearwood 1993, p. 232]. Тем не менее англичане создали там ряд правительственных учреждений: судов, школ и др., – деятельность которых заметно отличалась от функционировавших в районах, подконтрольных Парижу. В отличие от Франции, вкладывавшей в Камерун значительные средства, Великобритания пренебрегала социально-экономическим развитием своих камерунских территорий, управляя ими как мало-значительной частью Восточной провинции Нигерии; в результате к моменту обретения независимости британский Западный Камерун оказался наименее развитым регионом страны.

Возникновение в Камеруне такого явления, как сепаратизм, в значитель-

ной степени было связано с произвольностью внутренних и внешних границ колонии, а также с отсутствием их четкой демаркации в постколониальный период, что послужило источником напряженности в отношениях как между англоязычными и франкоязычными регионами, так и между Камеруном и Нигерией.

До середины 2010-х гг. в Южном Камеруне (ЮК) существовали и мирные группы, выступавшие за возвращение федеративной системы, уничтоженной в 1972 г. при президенте Ахмаду Ахиджо (1960–1982 гг.), и вооруженные формирования, которые в тот период вели достаточно вялую борьбу за независимость региона, периодически нападая на правительственные объекты, полицейские участки и др. С 2016 г. ситуация изменилась: начались массовые антиправительственные демонстрации, на которые правительство отвечало жестокими репрессиями. В результате англофоны, в предшествовавшие годы отстаивавшие восстановление федеративной системы управления, начали рассматривать вариант отделения как единственно приемлемый для изменения их маргинального положения.

11 февраля 1961 г. на британских территориях были проведены два референдума (отдельно на севере и на юге Западного Камеруна), в ходе которых англофоны должны были решить вопрос о присоединении либо к франкоязычной части страны, либо к Нигерии. 60% «северян» проголосовали за союз с Нигерией (территория вошла в ее состав), 70% «южан» – за воссоединение с Республикой Камерун. Следующим после референдума шагом стали переговоры об условиях интеграции. 17–21 июля 1961 г. в г. Фумбане состоялась конституционная конференция, на которой собрались политические лидеры и традиционные правители «двух (франкофонного и англофон-

ного) Камерунов». 1 сентября была обнародована новая Конституция, а 1 октября 1961 г. отпраздновано рождение Федеративной Республики Камерун (ФРК) – так с этого дня и до 1972 г. стала называться страна. Таким образом, Южный Камерун (разделенный на два региона – Северо-Западный и Юго-Западный) официально вошел в состав ФРК [Rubin 1971].

Глава РК А. Ахиджо стал президентом ФРК, а премьер-министр Южного Камеруна Джон Нгу Фонча – вице-президентом. В момент воссоединения казалось, что две территории, несмотря на разные политические системы, унаследованные у бывших метрополий, смогут эффективно развиваться в рамках федерации [Ebune 2016, p. 133], тем более что были введены два официальных языка и в Конституции зафиксирован равный правовой статус всех граждан при сохранении обеих европейских правовых систем, функционировавших в соответствующих регионах. Однако, вопреки ожиданиям и заявлениям, принцип равенства был нарушен в отношении как двуязычия, так и сохранения культурного наследия обеих территорий. Напротив, объединение оказалось завуалированным подготовительным этапом к полной ассимиляции ЮК в высокоцентрализованном франкоязычном унитарном государстве.

Следует отметить, что большинство южнокамерунцев никогда не стремились к воссоединению с франкоязычным Камеруном; их голосование на референдуме свидетельствовало, скорее, о неприятии интеграции с Нигерией: еще в колониальный период начались масштабные миграции в британские районы нигерийцев, преимущественно игбо из дельты р. Нигер, которые, благодаря своей деловой хватке, начали доминировать в местной экономике и постепенно монополизировали торговлю

продуктами питания и импортными товарами, производство и продажу – в ряде районов – пальмового масла, а также сферу грузовых и пассажирских перевозок, и, самое главное, именно нигерийцы назначались чиновниками колониальной администрации и надсмотрщиками на плантациях. Сложившаяся ситуация вызывала недовольство местных жителей, чувствовавших себя «порабощенными» даже не Великобританией, а Нигерией. Именно поэтому они предпочли выбрать «меньшее из двух зол» и присоединиться к РК.

Между тем, пройдя несколько этапов ассимиляции, Южный Камерун полностью утратил свою автономию и стал маргинализированным районом в составе федерации – как в политическом, так и в социально-экономическом плане. Процесс ассимиляции вызвал недовольство жителей ЮК, стремившихся исправить ситуацию путем либо «совершенствования» федеральной системы, либо обретения независимости. Действительно, у англофонов были справедливые претензии и веские юридические аргументы в пользу обоих вариантов, но они столкнулись с рядом препятствий на пути достижения своих целей. Так, помимо отсутствия у них четкой стратегии сопротивления центральной власти, они не имели заслуживавшего доверия руководства; в регионе существовали многочисленные группы с различными интересами, соответственно, развивалось внутрианглоязычное и межплеменное соперничество. Все это облегчало использование режимом против жителей ЮК таких стратегий, как репрессии, направленные против их лидеров; вооруженное подавление мирных протестов; объявление чрезвычайного положения; введение комендантского часа; манипулирование разногласиями между группами англофонных политических элит [Bayart 1984]; назначения лояльных

южан на высокие посты и предоставление им синекур [Eyo 1998]; запугивание [Konings, Nyamnjoh 1997]; отказ от переговоров о восстановлении федерализма [Konings, Nyamnjoh 2000] и т. д. Успех южан в восстановлении автономии либо в рамках федеральной системы, либо в качестве суверенного государства зависел исключительно от отношения центрального правительства, которое могло поддержать стремления англофонов или, напротив, воспрепятствовать им, и оно выбрало второе.

Процессы ассимиляции

Ассимиляция южнокамерунцев в ФРК осуществлялась различными способами. В 1962 г. валюта ЮК – фунт стерлингов – была заменена на западноафриканский франк (КФА), а левостороннее дорожное движение сменилось правосторонним. В 1966 г. на англофонные районы была распространена однопартийная система, существовавшая во Французском Камеруне в момент «воссоединения» в 1961 г., и все англоязычные политические партии (Камерунская национально-демократическая партия во главе с Джоном Нгу Фонча, Народный национальный конгресс Камеруна Эммануэля Энделея и Объединенный конгресс Камеруна Соломона Т. Муны) были поглощены единственной партией страны – Камерунским союзом (КС, с 1966 г. – Камерунский национальный союз, КНС) во главе с А. Ахиджо.

Но особенно заметное обострение в отношениях между «двумя Камерунами» произошло после референдума, состоявшегося 6 мая 1972 г., посредством которого Ахиджо преобразовал федерацию в унитарное государство – Объединенную Республику Камерун (ОРК). Следующий этап ассимиляции пришелся на годы правления преемни-

ка Ахиджо Поля Бийи, вернувшего указом № 84-001 от 2 апреля 1984 г. ОРК первое название – Республика Камерун.

Поэтапный процесс ассимиляции сопровождался стиранием всех культурных и институциональных основ англоязычной идентичности: началось навязывание французского языка в англоязычных районах путем радиовещания, причем 7/8 эфирного времени предоставлялось франкофонным программам; на французском начали оформляться официальные документы; кинотеатры принуждались к показу фильмов лишь на французском языке; губернаторами и служащими местных органов власти назначались франкофоны (первый губернатор Северо-Западной провинции даже не говорил на английском) и т. д. По словам Ахиджо, которые цитирует в своей работе Ж.-Ф. Байяр, процесс ассимиляции должен был привести «к апофеозу национального единства» [Bayart 1984, p. 153]. Интересно, что, хотя англоязычная территория утратила свою автономию и влилась в ФРК, таможенные пункты, существовавшие между двумя Камерунами до 1961 г., остались нетронутыми и товары на них подвергаются строгому досмотру [Fonchingong 2013, p. 226].

Еще одной проблемой англофонов является стремление правительства избавиться от наследия англосаксонской культуры в системе образования Южного Камеруна. Англофоны подвергаются дискриминации при приеме в высшие учебные заведения, особенно в Национальную школу управления, в которой англоязычная секция была ликвидирована. Они практически отстранены от обучения в Национальной высшей политехнической школе университета Дуалы, и лишь около десятка англофонов получили в ней образование с момента создания школы в 1977 г.

То есть, закончив англоязычную школу, они лишены возможности продолжить образование, которое ведется на французском языке. Эта практика вынудила многих англоязычных камерунцев покинуть страну.

В 1983 г. правительство привело англоязычный аттестат об образовании (GCE) в соответствие с французским дипломом бакалавра. В результате начались студенческие беспорядки, жестоко подавлявшиеся полицией. Вступительные экзамены в вузах принимаются на французском языке независимо от региона.

То же происходит и с системой правосудия. Большинство камерунских юристов получили образование во французских университетах и практикуют лишь на французском, отказывая англофонам в праве на перевод документов и проводя допросы на языке, который они с трудом понимают.

Маргинализация Южного Камеруна

Параллельно с ассимиляцией франкофонные правительства проводили политику политической и экономической маргинализации ЮК. Так, после оглашения спорных результатов президентских выборов 1992 г., в которых в качестве кандидатов участвовали П. Бийя (франкофон) и Ни Джон Фру Нди (англофон), президент Франции Франсуа Миттеран 11 октября 1992 г. заявил по французскому радио, что «ни один англофон никогда не станет президентом... французской провинции» [Toh 2001, p. 37]. Безусловно, тогдашний французский лидер имел в виду сохранявшуюся экономическую и военно-политическую зависимость от бывшей метрополии Камеруна – страны, которую российский исследователь В.Р. Филиппов назвал «первой жертвой

политики “Франсафрик”», подразумевая, что спустя несколько десятилетий страна не представляла собой ничего, кроме «залежей сырья», и что «федеративный эксперимент» для Франции был лишь способом «распространить свое влияние на Южный Камерун и вытеснить британцев из зоны “своих” интересов» [Филиппов 2016, с. 40].

За весь постколониальный период ни один англофон не был назначен на должности министров обороны, территориального управления, финансов, образования и иностранных дел; из 58 административных единиц страны лишь две возглавлялись англофонами, хотя 13 из них находятся в Южном Камеруне; из 15 генералов в начале 2010-х гг. лишь два были англоязычными [Fonchingong 2013, p. 227].

Еще в 1980-е гг. англофоны начали выражать недовольство своим маргинальным положением, требуя расширения политического представительства и перераспределения государственных ресурсов, тем более что более 60% ВВП приходилось на англоязычный регион [Konings, Nyamnjoh 1997]. Именно южные районы Камеруна, в которых проживает примерно пятая часть (5–6 млн) населения (всего около 28 млн, 2020 г.) [Cameroon 2020] страны, наиболее богаты природными ресурсами: плодородными почвами – на побережье осуществляется коммерческое выращивание чая, бананов, какао и масличной пальмы; добываются нефть и древесина, идущие на экспорт. В регионе находится крупнейшая полугосударственная Камерунская корпорация развития, являющаяся вторым по величине работодателем после государственной службы. ЮК – крупный производитель и поставщик продовольственных культур в другие африканские страны: Габон, Нигерию, Экваториальную Гвинею и Центральнуюафриканскую Республику.

Можно было бы предположить, что эксплуатация природных ресурсов будет сопровождаться быстрым социально-экономическим развитием, однако этого не произошло: большинство сельских районов ЮК лишены дорог; движение с северо-запада на юго-запад возможно лишь через франкоязычные районы, при этом путь увеличивается в три раза; отсутствие у местных производителей доступа к рынкам снижает производительность и препятствует улучшению материального положения местных жителей, вынужденных продавать продукцию, особенно скоропортящуюся, по низким ценам. Правительство уничтожило в англоязычном регионе финансовые и другие учреждения или их филиалы, например, Совет по маркетингу, Банк Камеруна, управления по производству кофе, морскими и речными портами и др.

В ходе лесозаготовок фермерские земли уничтожаются без какой-либо компенсации; доходы от экспорта идут в государственную казну, но при распределении бюджетных средств лишь их незначительная часть попадает в южные районы.

Нефтяные ресурсы страны также сосредоточены в ЮК, но государственные нефтяные корпорации – Société Nationale des Hydrocarbures (SNH), Société Nationale de Raffinage (SONARA), Société Camerounaise des Dépôts Pétroliers (SCDP) и Hydrocarbures Analyses Contrôles (HYDRAC) – «укомплектованы» франкофонами, и, хотя добыча и переработка нефти осуществляются в англоязычной части страны, доходы от экспорта получает центральное правительство. То есть жители нефтеносных районов не извлекают выгоду из ресурсов, хотя испытывают на себе все последствия ухудшения экологии (ситуация, аналогичная той, которая сложилась в нигерийском районе дельты Нигера) и отсутствия государственных

инвестиций в инфраструктуру и социальную сферу.

Неудивительно, что большинство англофонов остро ощущают свое маргинальное положение. Даже район Ндиан, где находится полуостров Бакасси, за право владения которым Камерун в течение нескольких десятилетий боролся с Нигерией и который окончательно перешел под камерунскую юрисдикцию в 2008 г., хотя большинство населения на полуострове – нигерийцы и нигерийское правительство до сих пор оказывает Бакасси материальную помощь, остается в плачевном состоянии – без дорог и другой инфраструктуры. И это при том, что район богат не только нефтью, но и лесом, и рыбой. Именно поэтому Южный Камерун, который обеспечивает почти 70% экспортных доходов страны, но почти не получает инвестиций, чувствует себя обделенным заботой центрального правительства и борется за автономию и самоуправление [Ngalim 2016].

Институционализация сепаратизма

Англоязычные политические элиты с 1961 г. оспаривали присоединение к Французскому Камеруну и решения Фумбанской конституционной конференции. Однако открытые проявления недовольства начались лишь в 1980-е гг., когда Бийя в 1982 г. сменил Ахиджо на посту президента и провел ограниченные политические реформы.

Возвращение первого названия страны – Республики Камерун – побудило ряд англофонных политиков воспринять это как предложение ЮК объявить о своей независимости, окрестив Южный Камерун Республикой Амбазония. 26 мая 1990 г. на фоне начавшихся репрессий была создана партия «Со-

циал-демократический фронт» (СДФ) во главе с Фру Нди, выступавшая за «прекращение политической и экономической маргинализации англофонов» [Konings 2005]. Режим отреагировал на ее появление, назвав лидеров СДФ «предателями» [Fonchingong 2013, р. 228], чем еще больше возмутил англоязычное сообщество.

В 1991–1992 гг. партия организовала несколько акций гражданского неповиновения, поставив перед правительством вопрос о тяжелом экономическом положении южнокамерунцев. Однако, пытаясь опровергнуть обвинения в адрес СДФ в том, что он отстаивает региональные, а не национальные интересы, Фронт не выдвигал требований возвращения к федеральной системе или предоставления ЮК независимости. Более того, партия заняла неопределенную позицию, предложив создать федерацию из четырех государств и столичной территории без обозначения внутренних границ [Konings, Nyamnjoh 2003], и постепенно лишилась статуса «авангардной» общественной организации англофонов.

В 1990-е гг. было создано несколько ассоциаций, нацеленных на защиту интересов южнокамерунцев: Движение за свободу Западного Камеруна; Движение Амбазонии; Движение за восстановление Южного Камеруна; Молодежная лига Южного Камеруна; Организация народов Южного Камеруна; Движение за освобождение Южного Камеруна, Национальный совет Южного Камеруна (НСЮК) и др. Однако лишь последняя имела четкие партийные структуры и артикулированные цели.

В 1991 г., после очередной кампании гражданского неповиновения, президент Бийя провел переговоры с южнокамерунскими политиками. Четыре англофонных участника («четверка») – Сэм Эконтанг Элад, Саймон Мунзу, Бенджамин Ито из Юго-Западной про-

винции и Карлсон Аньянгве из Северо-Западной – разработали проект конституции, предусматривавшей создание государства Западный Камерун в составе свободной федерации. После объявления правительством в 1993 г. о начале общенациональных дебатов по конституционной реформе «четверка» созвала в г. Буза первую Всеанглоязычную конференцию (ВАК I), девизом которой стали слова «сила аргумента, а не аргумент силы»; была принята так называемая Декларация Буза. В ней, среди прочего, говорилось, что создание унитарного государства в 1972 г. было неконституционным, незаконным и что все англоязычные камерунцы привержены восстановлению федерации [Ngwane 2003]. Однако правительство отказалось даже обсуждать вопрос федерализма.

С 29 апреля по 2 мая 1994 г. в Баменде прошла вторая конференция (ВАК II), принявшая «Декларацию Баменды». В ней указывалось, что, если федеральное государство не будет восстановлено, ЮК в одностороннем порядке объявит о своей независимости. В 1995 г. в Южном Камеруне был проведен референдум, в котором участвовали 315 тыс. человек, 99% проголосовали за независимость от РК [Elections in Cameroon 2012].

Эффективность любого радикального движения, в т. ч. сепаратистского, зависит от характера его руководства. Отсутствие лидеров, приверженных реализации поставленных целей, является серьезным препятствием на пути их достижения. Англофонная «четверка», как вскоре выяснилось, не была настроена на борьбу. Еще до ВАК I в 1993 г. Б. Ито начал добиваться благосклонности режима. Его попытки окупались: он был назначен председателем коллегии Верховного суда. Вскоре после ВАК II С. Мунзу и К. Аньянгве покинули страну и отправились в Руанду

и Замбию, соответственно. С.Э. Элад в 1996 г. уехал в США, а когда вернулся, дистанцировался от движения. Между лидерами НСЮК Генри Фосунгом и Ндоки Мукете возникли разногласия и, больше озабоченные ими, они, по сути, перестали заниматься делами организации, вместо этого призывая англофонов «молиться о спасении от политического рабства» [Konings, Nyamnjoh 1997].

В декабре 1999 г. группа южнокамерунских активистов во главе с судьей Фредериком Эбонгом Алобведе захватила радиостанцию в Буза и провозгласила независимость ЮК, однако лидеры НСЮК Фосунг и Мукете не только открыто осудили заявление, но и вышли из организации. 4 апреля 2000 г. на первом заседании «реорганизованного НСЮК» Алобведе, находившийся под арестом, был заочно «назначен» первым президентом «Федеративной Республики Южный Камерун». Однако проблема лидерства не исчезла. После освобождения 15 марта 2001 г. «президент» Алобведе, недовольный практическим отсутствием общественной поддержки в течение 14 месяцев его заключения (не было организовано ни одной демонстрации в его защиту), отправился в добровольную ссылку в Нигерию [Fonchingong 2013, p. 230]. После его отъезда НСЮК раскололся на две фракции: одна стала дожидаться возвращения Алобведе, другую возглавил вождь Этте Отун Аямба, из-за плохого здоровья неспособный обеспечивать эффективное руководство.

Тем не менее лидеры НСЮК начали готовиться к длительным переговорам с правительством, которое последовательно игнорировало их призывы к диалогу; что касается вооруженной борьбы, то к ней сепаратисты не были готовы. Постепенно их тактика сместилась в сторону расширения контактов

с международными организациями, но ни ООН, ни Африканский союз, ни ключевые державы не пожелали поддерживать камерунских англофонов. Как показали события, происходившие в других африканских странах, мировое сообщество скорее признает силу оружия, нежели аргумента. Поэтому, когда камерунские англофоны провозгласили независимость, создали свой флаг и обратились к ООН, АС и Содружеству с просьбой о членстве, они потерпели полное поражение.

Между тем важной проблемой для камерунских англофонов оставалось соперничество между Северо-Западным и Юго-Западным регионами ЮК, которые заметно отличаются друг от друга в географическом и этнокультурном отношении. Северо-Западный регион расположен внутри материка, это травянистая возвышенность, в то время как Юго-Западный находится на побережье на лесистой низменности. Обычаи, образ жизни и языки северо-западных племен тикар, видекум и других заметно отличаются от культурных традиций и хозяйственной деятельности баквери, бафав, байянг и других, проживающих на Юго-Западе. Более того, жители Северо-Запада близки бамилеке и бамум из соседней франкоязычной Западной провинции, а жители Юго-Запада имеют культурное сходство с дуала и другими группами из франкофонной Прибрежной провинции. То есть два англофонных региона больше отличаются друг от друга, чем от франкоязычных соседей, поэтому, кроме колониального опыта и английского языка в качестве «лингва франка» их, по сути, ничто не объединяет, не считая, конечно, недовольства центральной властью.

Впрочем, и колониальный опыт имеет ряд нюансов. Во-первых, английский язык в основном популярен среди

грамотного населения, а в случае необходимости также используется франкоязычной элитой, в то время как «англофонные» массы говорят на пиджин, который представляет собой смесь английского, французского и местных диалектов. Во-вторых, не все англофоны считают себя таковыми «по происхождению», а потому в зависимости от ситуации могут занимать ту или иную сторону в конфликте, т. е. на них нельзя рассчитывать как на союзников в борьбе за автономию.

В 1996 г. англофоны и франкофоны прибрежных районов даже сформировали единый фронт, чтобы помешать переселению жителей Северо-Запада в места нефтедобычи на берегу залива Бонни (части Гвинейского залива).

Разногласия и соперничество между жителями, прежде всего элитами (каждая фракция предлагала свое понимание проблемы и выдвигала предложения по ее решению) двух регионов ЮК, побудили правительство использовать тактику «разделяй и властвуй» в качестве главного инструмента борьбы с сепаратизмом, искусственно создавая впечатление, что «северяне», а не франкофоны являются врагами «южан». Для защиты унитарной системы П. Бийя также пытался использовать союзников среди англоязычной элиты, которые в обмен на вознаграждения в виде назначений и sinecur выступали с критикой лидеров сепаратистов за их «демагогические и безответственные» призывы к восстанию федерации или к отделению и оспаривали их заявления о том, что они являются представителями всех англофонов [Ebini 2019, p. 6]. Режим пытался воспрепятствовать выстраиванию общей англофонной идентичности и подчеркивал их этно-региональные различия, выходившие за рамки раскола между англо- и франкоязычными камерунцами.

Республика Амбазония

23 марта 1997 г. в ходе жандармского рейда в Баменде были убиты более 10 человек; около 300, в основном членов и сторонников НСЮК и СДФ, арестованы. В 1999 г., когда многие «политзаключенные» были признаны виновными в подрывной деятельности, НСЮК во главе с новым лидером движения Эсокой Ндоки Мукете активизировал свою деятельность [Konings, Nyamnjoh 2003, pp. 99–101]. 1 октября 1999 г. сепаратисты захватили «Радио Буэа», чтобы провозгласить независимость Южного Камеруна и объявить о создании Амбазонии («Земля Амбас», наименование происходит от бухты Амбас, местного названия устья р. Вури) – самопровозглашенного образования, претендовавшего на территорию всей англоязычной части Камеруна. Вскоре после этой акции руководство и многие члены НСЮК были арестованы; в 2001 г. правительство официально поставило организацию вне закона, однако она продолжала действовать в подполье.

В середине 2010-х гг. начались антиправительственные выступления, организованные ассоциациями юристов, протестовавших против назначения в ЮК франкоязычных судей, многие из которых не знали английского языка. В свою очередь, преподаватели выражали недовольство по поводу работы учителей-франкофонов в школах и университетах англоязычных регионов [Pommerolle, Heungouir 2017, p. 530].

На волне недовольства юристов и преподавателей в 2016 г. в ЮК возникла организация Консорциум англоязычного гражданского общества Камеруна (КАГОК), включившая в себя многие общественные и профессиональные ассоциации, требовавшие восстановления федеративной системы. В октябре того же года социально-политическая

напряженность между англоязычными и франкоязычными регионами вылилась в массовые протесты жителей ЮК против ущемления их гражданских прав. Однако вместо того, чтобы вступить в диалог с оппозицией, правительство ответило подавлением инакомыслия. После волны арестов, осуществленных силами безопасности, руководство КАГОК в поисках убежища переместилось в соседнюю Нигерию [Fornies 2017], где организация была переименована в «Объединенный фронт консорциума Амбазонии в Южном Камеруне» (ОФКАЮК), возглавлявшийся Аюком Табе.

1 октября 2017 г. ОФКАЮК в одностороннем порядке провозгласил независимость Федеративной Республики Амбазонии (ФРА). Правительство Бийи заявило, что декларация не имеет юридической силы, однако 28 марта 2018 г. Амбазония была принята в международную Организацию наций и народов, не имеющих представительства [Unrepresented Nations 2020].

В 2017 г. было сформировано Временное правительство (ВП) Амбазонии, претендовавшее на то, чтобы представлять интересы всех южнокамерунцев, в т. ч. на международной арене. Аюк Табе стал первым президентом ФРА. Требование восстановления федерации сменилось требованием полной независимости Южного Камеруна.

Деятельность Временного правительства, поддерживаемого диаспорой, разбросанной по разным странам и насчитывающей около 2 млн человек [Sombaye 2018, p. 32], в значительной степени зависит от социальных сетей и Интернета, посредством которых ВП пропагандирует идеи независимости и получает материальную помощь от своих сторонников за пределами Камеруна. Другим источником финансирования сепаратистского движения являются добровольные и принудительные

взносы «амбазонцев» в размере 1 долл. в день [Aartsen 2019, p. 57], что вызывает недовольство многих англофонов, во-первых, потому, что эта сумма является непосильной для многих семей, а во-вторых, из-за непрозрачности расходования ВП получаемых средств.

Между тем в самом Камеруне результатом провозглашения независимости ФРА стало заметное обострение внутривнутриполитической обстановки. В 2017 г. были арестованы сотни людей, запрещены организации гражданского общества, заблокированы телефонные линии и на 6 месяцев Интернет [A Turn for the Worse 2017]. Действия властей подлили масла в огонь и привели к появлению большого числа вооруженных групп (иногда их называют «мальчиками Амбы»), которые, в основном прикрываясь сепаратистскими лозунгами, грабят, убивают, насилизуют; сжигают жилые дома и школы, в которых обучение ведется на французском языке или вводится его изучение; похищают людей, в т. ч. детей, с целью получения выкупа и т. д. Десятки тысяч детей уже в течение нескольких лет не посещают школу. Правительственные силы безопасности осуществляют ответные нападения на населенные пункты. Атаки сопровождаются беспорядочной стрельбой по мирным жителям, облавами и расстрелами. То есть обе стороны несут ответственность за насилие [Aartsen 2019, p. 53]. Правительство применяет внесудебные казни, пытки, конфискацию имущества, создает для арестованных бесчеловечные условия содержания под стражей [Willis et al. 2019]. Вооруженные столкновения усилились в 2018–2020 гг.; с начала кризиса погибли более 2 тыс. человек; свыше 500 тыс. стали внутренне перемещенными лицами и беженцами в соседние страны, в основном в Нигерию [Longari 2019], что сделало камерунцев шестым по ве-

личине перемещенным населением в мире [Cameroon's Unfolding Catastrophe 2019]. С начала конфликта более 200 населенных пунктов в англоязычных регионах подверглись разрушению [Rights Group Says 2018].

К октябрю 2018 г. конфликт распространился на большую часть ЮК, однако война зашла в тупик: армия не могла победить сепаратистов, а сепаратисты были недостаточно сильны в военном отношении, чтобы изгнать армию. 7 октября, в день президентских выборов, победу на которых Бийя одержал с 71% голосов [Cameroon Events 2019], на юге Камеруна произошли столкновения, в которых обе стороны обвиняли друг друга; правительство заявило, что сепаратисты приняли меры, чтобы помешать голосованию в англоязычных регионах, а сепаратисты обвинили правительство в разжигании насилия. 23 октября армия осуществила одновременные нападения на сепаратистские лагеря в Северо-Западном регионе; сражения продолжались более 24 часов; по меньшей мере 30 сепаратистов и неизвестное число солдат были убиты [Gunfire 2018].

Осенью 2019 г. президент П. Бийя призвал к диалогу между англоязычными политиками, правительством и лидерами гражданского общества. Это привело к выработке ряда рекомендаций по прекращению конфликта и освобождению сотен политзаключенных, однако переговоры не были успешными, поскольку многие лидеры сепаратистов отказались в нем участвовать под тем предлогом, что правительство не желает обсуждать вопрос о независимости ЮК. В конце 2019 г. сепаратисты начали кампанию саботажа предстоявших в Камеруне в 2020 г. парламентских выборов, а 31 декабря в своих новогодних речах президенты П. Бийя (Республика Камерун) и С.И. Сако (ФРА) пообещали в 2020 г. активизиро-

вать военные действия [Paul Biya's 2019; Ambazonia Leader 2019].

Действительно, парламентские выборы состоялись на пике насилия: в течение двух предшествовавших им недель сепаратисты похитили около 120 политиков, а правительство развернуло дополнительные силы, несмотря на то, что многие вооруженные группировки объявили о прекращении огня в связи с эпидемией COVID-19 [Cameroon's Separatists 2019]. Вооруженные столкновения и аресты в регионе не прекращаются.

Для ведения войны с повстанцами, численность которых, по оценкам, достигает 3–4 тыс. вместе с сотнями нигерийских наемников, в 2018 г. камерунская армия была увеличена на 2 600 бойцов и ныне превышает 15 тыс. человек. Кроме того, существует более 30 проправительственных «групп самообороны», которые правительство поддерживает материально и поставками оружия. Не рассчитывая на скорую военную победу, власти пытаются по крайней мере сдерживать конфликт и контролировать городские районы. В свою очередь сепаратисты, разбросанные по двум десяткам лагерей на территории ЮК, ведут партизанскую войну, осуществляя быстрые атаки и устраивая засады [Cameroon's Separatist 2019].

Англоязычный кризис стал дипломатическим вызовом для Камеруна и нанес ущерб отношениям страны с некоторыми ее союзниками. В то время как государства – члены Африканского союза и Франция заняли нейтральную позицию или встали на сторону правительства Камеруна, некоторые европейские государства и США подвергли критике правительство П. Бийи. Роль посредника в разрешении конфликта взяла на себя Швейцария, где с целью подготовки к будущим мирным перегово-

ворам с середины 2019 г. состоялось несколько встреч с представителями враждующих сторон [Cameroon: Ambazonia 2019].

Сложность «англофонного кризиса» постоянно растет из-за многочисленности и меняющегося состава вовлеченных в него групп. Около десятка сепаратистских ополчений сражаются с регулярной армией и проправительственными силами самообороны, а Временное правительство Амбазонии осуществляет руководство с территории Нигерии. Наиболее активной вооруженной фракцией сепаратистов являются Силы обороны Амбазонии, насчитывающие около 1 500 бойцов, осуществившие 9 сентября 2017 г. первое нападение – на военную базу неподалеку от местечка Бесонгабанг в Юго-Западном Камеруне. Различные бандформирования также расширяют свою деятельность, пользуясь хаосом, охватившим страну.

Несмотря на очевидную способность ВП ФРА к мобилизации новых бойцов, сепаратистское движение до сих пор не имеет четкой структуры, стратегии и тактики борьбы за независимость ЮК. Деятельность отдельных вооруженных группировок практически не координируется, каждая имеет своего полевого командира и действует в определенном регионе, что зачастую не позволяет определить, действительно ли это сепаратистское движение, сражающееся «под знаменами» ФРА, или преступная группировка, преследующая собственные интересы.

Позиция Нигерии также является важным фактором в нынешнем камерунском конфликте. Во-первых, эта страна имеет прочные торгово-экономические связи с Камеруном, которые заметно пострадали в результате военных действий, т. к. многие нигерийские предприниматели и торговцы покинули РК. Кроме того, в восточные районы

Нигерии устремились потоки беженцев, число которых достигает 50 тыс. [Is the Conflict 2019], что создает дополнительную нагрузку на местные органы власти и угрозу безопасности, в т. ч. продовольственной.

Абуджа выступает против присутствия сепаратистов на территории Нигерии, что, в частности, было продемонстрировано арестом в нигерийской столице в январе 2018 г. 69 сепаратистов и их экстрадицией в Камерун, где 10 лидеров Амбазонии, в т. ч. Аюк Табе, были приговорены к пожизненному заключению [Willis et al. 2019]. (Исполняющим обязанности президента ФРА 4 февраля 2018 г. был назначен Самуэль Икоме Сако.)

Позиция нигерийского правительства понятна, т. к. и оно столкнулось с подобной проблемой – с попытками возрождения Республики Биафра и с сепаратизмом в юго-восточной части страны, граничащей с англоязычным Камеруном. Отчасти поэтому с самого начала конфликта Абуджа заняла позицию поддержки правительства Бийи. Тем более что две страны сотрудничают в борьбе с террористическим движением «Боко Харам», распространившим свое влияние на крайний Север Камеруна.

Перспективы обретения ЮК независимости весьма слабы. Во-первых, большинство международных организаций выступают за территориальную целостность страны и не оказывают сепаратистам никакой поддержки. Во-вторых, правительство Бийи применяет многочисленные тактики, которые оказались в значительной степени успешными в сдерживании «англоязычной угрозы». В-третьих, между руководством различных англоязычных движений существуют разногласия по поводу стратегии решения англоязычной проблемы, что препятствует реализации сепаратистской повестки дня.

Ни одно правительство не может оставаться равнодушным к деятельности сепаратистов, которые препятствуют выполнению властями их основных функций, в т. ч. обеспечения безопасности, и потому всячески сопротивляются отделению той или иной части страны, к тому же богатой ресурсами. Режим Камеруна – не исключение. Между тем, как уже указывалось выше, некоторым африканским сепаратистским движениям удалось добиться отделения части страны и создать новое государство. То есть, если претензии камерунских англофонов в известном смысле правомерны, достижение ими независимости сталкивается и с другими проблемами, кроме сопротивления властей, прежде всего с отсутствием лидеров, преданных целям движения, и с соперничеством между англофонными элитами.

Список литературы

- Баранов А.В., Вартумян А.А. (2005) Политическая регионалистика: Курс лекций. М.: Союз.
- Костелянец С.В. (2014) Судан после раздела страны: поиск путей преодоления кризиса // Азия и Африка сегодня. №. 10. С. 31–35 // https://www.elibrary.ru/download/elibrary_22303704_57777840.pdf, дата обращения 16.12.2020.
- Крылов А.Б. (1990) Сепаратизм: истоки и тенденции развития. М.: Знание.
- Логинова В.П. (1982) Объединенная Республика Камерун. Справочник. М.: Наука.
- Международное право в документах (1982). М.: Международные отношения.
- Филиппов В.Р. (2016) «Франсафрик»: тень Елисейского дворца над Черным континентом. М.: Горячая линия – Телеком.
- A Turn for the Worse: Violence and Human Rights Violations in Anglophone Cameroon (2017) // Amnesty International // <https://www.amnesty.org/en/documents/afr17/8481/2018/en>, дата обращения 04.08.2020.
- Aartsen A. (2019) The Struggle for an Independent State in Southern Cameroons: Measuring the Effectiveness of the Interim Government in Mobilizing Collective Action // University of Amsterdam, June 28, 2019 // <http://scriptiesonline.uva.nl/document/675715>, дата обращения 04.08.2020.
- Ambazonia Leader Delivers End of Year Message (2019) // Journal du Cameroun, December 31, 2019 // <https://www.journalducameroun.com/en/cameroonambazonia-leader-delivers-end-of-year-message>, дата обращения 16.08.2020.
- Bayart J.-F. (1984) L'État au Cameroun, Paris: Presses de Sciences Po // <https://www.cairn.info/l-etat-au-cameroun--9782724605105.htm>, дата обращения 31.07.2020.
- Cameroon (2020) // CIA // <https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/geos/cm.html>, дата обращения 11.08.2020.
- Cameroon: Ambazonia Leaders Endorse Swiss-led Dialogue to Solve Anglophone Crisis (2019) // Journal du Cameroun.com, June 28, 2019 // <https://www.journalducameroun.com/en/cameroon-ambazonia-leaders-agree-to-participate-in-swiss-led-dialogue/>, дата обращения 14.09.2020.
- Cameroon Events of 2018 (2019) // Human Rights Watch // <https://www.hrw.org/world-report/2019/country-chapters/cameroon>, дата обращения 15.08.2020.
- Cameroon's Separatist Movement Is Going International (2019) // Foreign Policy, May 13, 2019 // <https://foreignpolicy.com/2019/05/13/cameroons-separatist-movement-is-going-international-ambazonia-military-forces-amf-anglophone-crisis>, дата обращения 17.08.2020.
- Cameroon's Separatists Intensify Attacks to Protest Dialogue (2019) //

Voice of America, September 24, 2019 // <https://www.voanews.com/africa/cameroons-separatists-intensify-attacks-protest-dialogue>, дата обращения 16.08.2020.

Cameroon's Unfolding Catastrophe. Evidence of Human Rights Violations and Crimes against Humanity (2019) // Centre for Human Rights and Democracy in Africa, Raoul Wallenberg Centre for Human Rights // https://static1.squarespace.com/static/5ab13c5c620b859944157bc7/t/5cf685bc19d167000186c6fb/1559659972339/Cameroon%27s+Unfolding+Catastrophe+%28June+2019%29_report.pdf, дата обращения 09.08.2020.

Ebini Ch.A. (2019) Policy Alternatives for the Cameroon Conflicts with Views on Abolishing the Federation // Walden University // <https://scholarworks.waldenu.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=8811&context=dissertations>, дата обращения 08.08.2020.

Ebune J.B. (2016) The Dilemma of the Federal System in West Cameroon, 1961–1972 // *Journal of Scientific Research and Studies*, vol. 3, no 7, pp. 133–139 // <http://www.modernrespub.org/jsrs/pdf/2016/July/Ebune.pdf>, дата обращения 16.12.2020.

Elections in Cameroon (2012) // African Elections Database, March 25, 2012 // <http://africanelections.tripod.com/cm.html>, дата обращения 08.08.2020.

Eyoh D. (1998) Conflicting Narratives of Anglophone Protest and the Politics of Identity in Cameroon // *Journal of Contemporary African Studies*, vol. 16, no 2, pp. 249–276. DOI: 10.1080/02589009808729630

Fonchingong T. (2013) The Quest for Autonomy: The Case of Anglophone Cameroon // *African Journal of Political Sciences and International Relations*, vol. 7, no 5, pp. 224–236. DOI: 10.5897/AJPSIR10.033

Fornies D. (2017) Southern Cameroons Crisis Has Marginalized Anglophones Seeking Independent Republic // *Nationalia*, December 28, 2017 // <https://www.nationalia.info/new/11051/>

southern-cameroons-crisis-has-marginalized-anglophones-seeking-independent-republic, дата обращения 01.08.2020.

Gunfire in Cameroon's Anglophone Regions Deters Voters on Polling Day (2018) // *The Guardian*, October 7, 2018 // <https://www.theguardian.com/world/2018/oct/07/gunfire-in-cameroons-anglophone-regions-deters-voters-on-polling-day>, дата обращения 15.08.2020.

Is the Conflict in Anglophone Cameroon an Ethnonational Conflict? (2019) // *E-International Relations*, August 26, 2019 // <https://www.e-ir.info/2019/08/26/is-the-conflict-in-anglophone-cameroon-an-ethnonational-conflict>, дата обращения 17.08.2020.

Konings P. (2005) Anglophone University Students and Anglophone Nationalist Struggles in Cameroon // *African Dynamics* (eds. Abbink J., van Kessel W.M.J.), Leiden: Leiden University, pp. 161–188.

Konings P., Nyamnjoh F.B. (1997) The Anglophone Problem in Cameroon // *The Journal of Modern African Studies*, vol. 35, no 2, pp. 207–229 // <https://www.jstor.org/stable/161679?seq=1>, дата обращения 17.12.2020.

Konings P., Nyamnjoh F.B. (2000) Construction and Deconstruction: Anglophones or Francophones? // *The African Anthropologist*, vol. 7, no 1, pp. 5–32. DOI: 10.4314/aa.v7i1.23088

Konings P., Nyamnjoh F.B. (2003) Negotiating an Anglophone Identity: A Study of the Politics of Recognition and Representation in Cameroon, Leiden: Brill.

Longari M. (2019) Cameroon's President Vows 'National Dialogue' to Ease Tensions with Anglophone Separatists // *France 24*, September 11, 2019 // <https://www.france24.com/en/20190911-cameroonian-president-biya-national-dialogue-anglophone-separatists>, дата обращения 06.08.2020.

Ngalim A.N. (2016) African Boundary Conflicts and International Media-

tion: The Absence of Inclusivity in Mediating the Bakassi Peninsula Conflict // African Peacebuilding Network. Working Paper. No 9 // https://s3.amazonaws.com/ssrc-cdn1/crmuploads/new_publication_3/african-boundary-conflicts-and-international-mediation-the-absence-of-inclusivity-in-mediating-the-bakassi-peninsula-conflict.pdf, дата обращения 10.08.2020.

Ngwane M.G. (2003) Because We Were Involved (Reflections on the All Anglophone Conference Ten Years after) // Ngwane.com // https://www.gngwane.com/files/acc110_years_after.pdf, дата обращения 09.08.2020.

Paul Biya's 2019 End of Year Message to Cameroonians (2019) // Journal du Cameroun, December 31, 2019 // <https://www.journalducameroun.com/en/paul-biyas-end-of-year-message-to-cameroonians-2>, дата обращения 16.08.2020.

Pommerolle M.-E., Heungoup H. (2017) The "Anglophone Crisis": A Tale of the Cameroonian Postcolony // African Affairs, vol. 116, no 464, pp. 526–538. DOI: 10.1093/afraf/adx021

Pool D. (1993) Eritrean Independence: The Legacy of the Derg and the Politics of Reconstruction // African Affairs, vol. 92, no 368, pp. 389–402 // <https://www.jstor.org/stable/723289?seq=1>, дата обращения 16.12.2020.

Rights Group Says over 100 Villages Burnt in Cameroon's Anglophone Regions (2018) // Journal du Cameroun, August 22, 2018 // <https://www.journalducameroun.com/en/rights-group-says-100-villages-burnt-in-cameroon-anglophone-regions>, дата обращения 15.08.2020.

es-burnt-cameroonsanglophone-regions, дата обращения 15.08.2020.

Rubin N. (1971) Cameroon: An African Federation, New York: Praeger Publishers.

Sombaye E.J.R. (2018) Inside the Virtual Ambazonia: Separatism, Hate Speech, Disinformation and Diaspora in the Cameroonian Anglophone Crisis // <https://repository.usfca.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=2242&context=thes>, дата обращения 02.08.2020.

Toh N.P. (2001) The Anglophone Problem in Cameroon. The Prospects of Non-violent Transformation: Proposals for Peaceful Transformation of the Anglophone Problem in Cameroon, Ann-Arbor: University of Michigan.

Unrepresented Nations and Peoples Organization (2020) // Wikipedia // https://en.wikipedia.org/wiki/Unrepresented_Nations_and_Peoples_Organization, дата обращения 02.08.2020.

Willis R., McAulay J., Ndeunyema N., Angove J. (2019) Human Rights Abuses in the Cameroon Anglophone Crisis. A Submission of Evidence to UK Parliament // <https://ohrh.law.ox.ac.uk/human-rights-abuses-in-the-cameroon-anglophone-crisis-recommendations-for-action>, дата обращения 05.08.2020.

Yearwood P.J. (1993) In a Casual Way with a Blue Pencil: British Policy and the Partition of Kamerun, 1914–1919 // Canadian Journal of African Studies/La Revue canadienne des études africaines, vol. 27, no 2, pp. 218–244. DOI: 10.1080/00083968.1993.10804318

National Peculiarities

DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-1-10

Separatism in South Cameroon: Sources and Prospects

Tatyana S. DENISOVA

PhD in History, Leading Researcher, Head of the Centre for Tropical Africa Studies
Institute for African Studies of the Russian Academy of Sciences, 123001, Spiridonovka
St., 30/1, Moscow, Russian Federation
E-mail: tsden@hotmail.com
ORCID: 0000-0001-6321-3503

Sergey V. KOSTELYANETS

PhD in Political Science, Leading Researcher, Head of the Centre for Sociological
and Political Science Studies
Institute for African Studies of the Russian Academy of Sciences, 123001, Spiridonovka
St., 30/1, Moscow, Russian Federation;
Senior Researcher
National Research University Higher School of Economics, 101000, Myasnitskaya St., 20,
Moscow, Russian Federation
E-mail: sergey.kostelyanyets@gmail.com
ORCID: 0000-0002-9983-9994

CITATION: Denisova T.S., Kostelyanets S.V. (2021) Separatism in South Cameroon: Sources and Prospects. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 14, no 1, pp. 194–213 (in Russian). DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-1-10

Received: 21.08.2020.

ACKNOWLEDGEMENTS: The study was carried out as part of the work on the Ministry of science and higher education of the Russian Federation project no 075-15-2020-783 "Post-Crisis world order: challenges and technologies, competition and cooperation".

ABSTRACT. *In the 2010s, the issue of separatism in Africa gained special significance in connection with the emergence in 2011 of a new state – the Republic of South Sudan (RSS), where a military and political conflict has continued throughout the entire period of independent development, accompanied by massive casualties among the civilian population. The situation in the RSS underscores the weakness of secessionism as a tool for solving the problems of national*

identity, socio-economic development and political marginalization, and also raises the question of whether separatism in Africa is able to lead to stability, an improvement in living standards and an increase in the level of security of citizens of breakaway territories.

The present paper examines the historical background of separatism in South Cameroon and of organizations and armed groups fighting for the separation of

the region from the Republic of Cameroon and for the independence of the self-declared Republic of Ambazonia. Currently, the country is engulfed in a military and political conflict, the parties to which are the central (Francophone) government and the Anglophone secessionist movements, which include dozens of armed groups with varying goals and interests and which fight among themselves for influence on local communities, resources, and the right to represent Cameroon's Anglophone minority in the international arena. In fact, South Cameroon is now in a state of war of all against all.

The situation in South Cameroon is compounded by the fact that President Paul Biya's government simultaneously has to fend off attacks by Boko Haram terrorists in the far north of the country and deal with a socio-economic crisis, which is accompanied by rising unemployment, which, in turn, allows insurgents to expand their ranks with relative ease. The authors note, however, that the separatists do not enjoy the support of the world community and, unlike many other African rebel movements, receive hardly any financial or military-technical assistance from outside, which dooms their armed struggle and increases the consequence of a peaceful agreement with the government.

KEYWORDS: Africa, Cameroon, separatism, federalism, political parties, armed groups, diaspora

References

- A Turn for the Worse: Violence and Human Rights Violations in Anglophone Cameroon (2017). *Amnesty International*. Available at: <https://www.amnesty.org/en/documents/afr17/8481/2018/en>, accessed 04.08.2020.
- Aartsen A. (2019) The Struggle for an Independent State in Southern Cameroon: Measuring the Effectiveness of the Interim Government in Mobilizing Collective Action. *University of Amsterdam*, June 28, 2019. Available at: <http://scriptiesonline.uba.uva.nl/document/675715>, accessed 04.08.2020.
- Ambazonia Leader Delivers End of Year Message (2019). *Journal du Cameroun*, December 31, 2019. Available at: <https://www.journalducameroun.com/en/cameroonambazonia-leader-delivers-end-of-year-message>, accessed 16.08.2020.
- Baranov A.V., Vartumyan A.A. (2005) *Political Regional Studies: A Lecture Course*, Moscow: Soyuz (in Russian).
- Bayart J.-F. (1984) *L'État au Cameroun*, Paris: Presses de Sciences Po. Available at: <https://www.cairn.info/l-etat-au-cameroun--9782724605105.htm>, accessed 31.07.2020.
- Cameroon (2020). *CIA*. Available at: <https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/geos/cm.html>, accessed 11.08.2020.
- Cameroon: Ambazonia Leaders Endorse Swiss-led Dialogue to Solve Anglophone Crisis (2019). *Journal du Cameroun.com*, June 28, 2019. Available at: <https://www.journalducameroun.com/en/cameroon-ambazonia-leaders-agree-to-participate-in-swiss-led-dialogue/>, accessed 14.09.2020.
- Cameroon Events of 2018 (2019). *Human Rights Watch*. Available at: <https://www.hrw.org/world-report/2019/country-chapters/cameroon>, accessed 15.08.2020.
- Cameroon's Separatist Movement Is Going International (2019). *Foreign Policy*, May 13, 2019. Available at: <https://foreign-policy.com/2019/05/13/camerouns-separatist-movement-is-going-international-ambazonia-military-forces-amf-anglophone-crisis>, accessed 17.08.2020.
- Cameroon's Separatists Intensify Attacks to Protest Dialogue (2019). *Voice of America*, September 24, 2019. Available at: <https://www.voanews.com/africa/cam>

eroons-separatists-intensify-attacks-protest-dialogue, accessed 16.08.2020.

Cameroon's Unfolding Catastrophe. Evidence of Human Rights Violations and Crimes against Humanity (2019). *Centre for Human Rights and Democracy in Africa*, Raoul Wallenberg Centre for Human Rights. Available at: https://static1.squarespace.com/static/5ab13c5c620b859944157bc7/t/5cf685bc19d167000186c6fb/1559659972339/Cameroon%27s+Unfolding+Catastrophe+%28June+2019%29_report.pdf, accessed 09.08.2020.

Ebini Ch.A. (2019) Policy Alternatives for the Cameroon Conflicts with Views on Abolishing the Federation. *Walden University*. Available at: <https://scholarworks.waldenu.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=8811&context=dissertations>, accessed 08.08.2020.

Ebune J.B. (2016) The Dilemma of the Federal System in West Cameroon, 1961–1972. *Journal of Scientific Research and Studies*, vol. 3, no 7, pp. 133–139. Available at: <http://www.modernrespub.org/jrsr/pdf/2016/July/Ebune.pdf>, accessed 16.12.2020.

Elections in Cameroon (2012). *African Elections Database*, March 25, 2012. Available at: <http://africanelections.tripod.com/cm.html>, accessed 08.08.2020.

Eyoh D. (1998) Conflicting Narratives of Anglophone Protest and the Politics of Identity in Cameroon. *Journal of Contemporary African Studies*, vol. 16, no 2, pp. 249–276. DOI: 10.1080/02589009808729630

Filippov V.R. (2016) “*Françafrique*”: *The Shadow of The Elysee Palace over the Dark Continent*, Moscow: Goryachaya liniya – Telekom (in Russian).

Fonchingong T. (2013) The Quest for Autonomy: The Case of Anglophone Cameroon. *African Journal of Political Sciences and International Relations*, vol. 7, no 5, pp. 224–236. DOI: 10.5897/AJPSIR10.033

Fornies D. (2017) Southern Cameroons Crisis Has Marginalized Anglophones

Seeking Independent Republic. *Nationalia*, December 28, 2017. Available at: <https://www.nationalia.info/new/11051/southern-cameroons-crisis-has-marginalized-anglophones-seeking-independent-republic>, accessed 01.08.2020.

Gunfire in Cameroon's Anglophone Regions Deters Voters on Polling Day (2018). *The Guardian*, October 7, 2018. Available at: <https://www.theguardian.com/world/2018/oct/07/gunfire-in-cameroons-anglophone-regions-deters-voters-on-polling-day>, accessed 15.08.2020.

International Law in Documents (1982), Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya (in Russian).

Is the Conflict in Anglophone Cameroon an Ethnonational Conflict? (2019). *E-International Relations*, August 26, 2019. Available at: <https://www.e-ir.info/2019/08/26/is-the-conflict-in-anglophone-cameroon-an-ethnonational-conflict>, accessed 17.08.2020.

Konings P. (2005) Anglophone University Students and Anglophone Nationalist Struggles in Cameroon. *African Dynamics* (eds. Abbink J., van Kessel W.M.J.), Leiden: Leiden University, pp. 161–188.

Konings P., Nyamnjoh F.B. (1997) The Anglophone Problem in Cameroon. *The Journal of Modern African Studies*, vol. 35, no 2, pp. 207–229. Available at: <https://www.jstor.org/stable/161679?seq=1>, accessed 17.12.2020.

Konings P., Nyamnjoh F.B. (2000) Construction and Deconstruction: Anglophones or Francophones? *The African Anthropologist*, vol. 7, no 1, pp. 5–32. DOI: 10.4314/aa.v7i1.23088

Konings P., Nyamnjoh F.B. (2003) *Negotiating an Anglophone Identity: A Study of the Politics of Recognition and Representation in Cameroon*, Leiden: Brill.

Kostelyanets S.V. (2014) Sudan after the Partition of the Country: Search for Paths to Overcome the Crisis. *Asia and Africa Today*, no 10, pp. 31–35. Available at: <https://www.elibrary.ru/download/eli>

brary_22303704_57777840.pdf, accessed 16.12.2020 (in Russian).

Krylov A.B. (1990) *Separatism: Sources and Trends of Development*, Moscow: Znanie (in Russian).

Loginova V.P. (1982) *United Republic of Cameroon. Handbook*, Moscow: Nauka (in Russian).

Longari M. (2019) Cameroon's President Vows 'National Dialogue' to Ease Tensions with Anglophone Separatists. *France 24*, September 11, 2019. Available at: <https://www.france24.com/en/20190911-cameroon-president-biya-national-dialogue-anglophone-separatists>, accessed 06.08.2020.

Ngalim A.N. (2016) African Boundary Conflicts and International Mediation: The Absence of Inclusivity in Mediating the Bakassi Peninsula Conflict. *African Peacebuilding Network*. Working Paper. No 9. Available at: https://s3.amazonaws.com/ssrc-cdn1/crmuploads/new_publication_3/african-boundary-conflicts-and-international-mediation-the-absence-of-inclusivity-in-mediating-the-bakassi-peninsula-conflict.pdf, accessed 10.08.2020.

Ngwane M.G. (2003) Because We Were Involved (Reflections on the All Anglophone Conference Ten Years after). *Ngwane.com*. Available at: https://www.gngwane.com/files/acc110_years_after.pdf, accessed 09.08.2020.

Paul Biya's 2019 End of Year Message to Cameroonians (2019). *Journal du Cameroun*, December 31, 2019. Available at: <https://www.journalducameroun.com/en/paul-biyas-end-of-year-message-to-cameroonians-2>, accessed 16.08.2020.

Pommerolle M.-E., Heungoup H. (2017) The "Anglophone Crisis": A Tale of the Cameroonian Postcolony. *African Affairs*, vol. 116, no 464, pp. 526–538. DOI: 10.1093/afraf/adx021

Pool D. (1993) Eritrean Independence: The Legacy of the Derg and the Politics of Reconstruction. *African Affairs*,

vol. 92, no 368, pp. 389–402. Available at: <https://www.jstor.org/stable/723289?seq=1>, accessed 16.12.2020.

Rights Group Says over 100 Villages Burnt in Cameroon's Anglophone Regions (2018). *Journal du Cameroun*, August 22, 2018. Available at: <https://www.journalducameroun.com/en/rights-group-says-100-villages-burnt-cameroonsanglophone-regions>, accessed 15.08.2020.

Rubin N. (1971) *Cameroon: An African Federation*, New York: Praeger Publishers.

Sombaye E.J.R. (2018) *Inside the Virtual Ambazonia: Separatism, Hate Speech, Disinformation and Diaspora in the Cameroonian Anglophone Crisis*. Available at: <https://repository.usfca.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=2242&context=thes>, accessed 02.08.2020.

Toh N.P. (2001) *The Anglophone Problem in Cameroon. The Prospects of Nonviolent Transformation: Proposals for Peaceful Transformation of the Anglophone Problem in Cameroon*, Ann-Arbor: University of Michigan.

Unrepresented Nations and Peoples Organization (2020). *Wikipedia*. Available at: https://en.wikipedia.org/wiki/Unrepresented_Nations_and_Peoples_Organization, accessed 02.08.2020.

Willis R., McAulay J., Ndeunyema N., Angove J. (2019) *Human Rights Abuses in the Cameroon Anglophone Crisis. A Submission of Evidence to UK Parliament*. Available at: <https://ohrh.law.ox.ac.uk/human-rights-abuses-in-the-cameroon-anglophone-crisis-recommendations-for-action>, accessed 05.08.2020.

Yearwood P.J. (1993) In a Casual Way with a Blue Pencil: British Policy and the Partition of Kamerun, 1914–1919. *Canadian Journal of African Studies/La Revue canadienne des études africaines*, vol. 27, no 2, pp. 218–244. DOI: 10.1080/00083968.1993.10804318

DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-1-11

Азавад – самопровозглашенное государство туарегов

Василий Рудольфович ФИЛИППОВ

доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт Африки

РАН, 123001, ул. Спиридоновка, д. 30/1, Москва, Российская Федерация

E-mail: fvr1957@mail.ru

ORCID: 0000-0003-0501-8528

ЦИТИРОВАНИЕ: Филиппов В.Р. (2021) Азавад – самопровозглашенное государство туарегов // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. Т. 14. № 1. С. 214–227. DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-1-11

Статья поступила в редакцию 11.09.2020.

АННОТАЦИЯ. Автор ставил перед собой задачу выяснить причины сепаратизма туарегов в Республике Мали. Рассмотрена эволюция идентичности туарегов и консолидация кочевых племен в общность, стремящуюся к суверенитету в пределах собственного государства Азавад. Стремление к государственному самоопределению кочевников – это фактор, оказывающий серьезное влияние на внутриполитическую ситуацию в стране на протяжении всей ее истории, начиная со времени обретения независимости в начале 60-х гг. прошлого столетия и до настоящего времени. Исследование показало, что противостояние между темнокожим большинством населения страны и сравнительно малочисленными «белыми людьми пустыни» (туарегами, маврами, арабами) обусловлено, прежде всего, параллельным бытием различных «культур жизнеобеспечения» на территории Сахеля. Относительно мирные земледельцы, рыбаки и охотники сосуществуют здесь с воинственными кочевниками-скотоводами. Земли, которые возделывают одни, считают своими исконными пастбищами другие. Сделан вывод о том, что ост-

рые конфликтные ситуации, возникающие на северных территориях Мали, обусловлены воздействием этого определяющего фактора. Этим определяется суть дискриминационной политики в отношении туарегов со стороны властей, защищающих интересы большинства, ошибки Бамако, связанные с попытками модернизации сообществ кочевников. Автор приходит к заключению, что ситуация осложняется нежеланием Елисейского дворца отказаться от экономических преференций в Мали и вывести свои войска с территории этого государства, с территории, которую туареги считают своими исконными землями. В условиях острого политического кризиса в этой стране стремление туарегов к государственному самоопределению будет нарастать.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Африка, Сахель, Мали, туареги, сепаратизм, кочевники, Франция, операция «Бархан», путч

Сепаратизм в африканских странах обусловлен рядом факторов. Это и иррациональность границ, и антагонизмы между социально-статусными группа-

ми населения, и борьба за доминирование тех или иных культур, языков, религий. Это и разница «культур жизнеобеспечения», и застарелые трайбалистские конфликты. С разной степенью интенсивности они проявили себя в Мали.

Предпосылки конфликта

В 2020 г. население Мали превысило 20 млн человек. За предыдущий год его численность увеличилась на 579 055 человек; годовой прирост составил почти 3%, что несколько выше среднего для африканских стран. Это обусловлено, так же как и во всех африканских странах, слабым развитием контрацепции, традиционными нормами бытового поведения, запретом на аборт в мусульманских странах и проч.

Соотношение языковых групп населения таково: носители языков манде – 51% (бамбара – 37%, сонинке – 8%, малинке – 6%); носители волтийских языков – 20% (сенуфо – 12%, догоны – 8%); на языках фульбе говорят 14% малийцев; сонгай – 7%. Туареги (3% населения Мали) говорят на языке тамашек, мавры Сахары (2%) – на магрибинском диалекте арабского языка. Европейцы составляют всего 1% населения страны, прочие в совокупности – 3%¹. При этом нужно иметь в виду, что данные эти условны и могут служить лишь общими ориентирами для изучения демографических изменений в регионе. Статистический учет населения в стране, находящейся в состоянии войны уже много лет, оставляет желать лучшего. Кроме того, в условиях прозрачности границ

значительные группы населения беспрепятственно перемещаются по странам всего сахаро-сахельского региона. Кочевники бредут по саванне, следуя за источниками воды, в зависимости от того, насколько обильными были дожди в тот или иной год. Большие группы оседлых племен неоднократно покидали места постоянного проживания из-за военных действий или спасаясь от голода в засушливые годы. О больших погрешностях в статистическом учете кочевников Сахеля писали многие известные исследователи этого региона [Clau-dot-Hawad 1996, p. 11].

По разным данным, около 90 % малийцев исповедуют ислам суннитского толка (мандеязычные и волтийские группы, туареги, арабы и мавры), около 9% – анимисты (это сенуфо и догоны), 1% – христиане (по большей части европейцы)².

Оседлые земледельцы, рыбаки манде и сонгай живут на берегах Нигера, на юго-востоке страны. Фульбе разводят рогатый скот на юго-западных ее окраинах. В саваннах Сахеля кочуют туареги, арабы и мавры, известные как торговцы и скотоводы³. Отмечу, что туареги кочуют не только по северу Мали, но и по окраинам Алжира, Ливии, Мавритании, Нигера, Чад и Буркина-Фасо [Айхенвальд 1988, с. 99–100]. Всю эту зону полупустынь они считают территорией своего государства Азавад. Сепаратизм северных территорий Мали – следствие конфликта «культур жизнеобеспечения» разных групп населения [Bourgeot 1995, pp. 140, 149]. Земледельцы сосуществуют здесь с воинственными кочевниками-скотоводами;

1 Population Statistics: Historical Demography of All Countries, Their Divisions and Towns (2020) // University of California, Davis Library // <https://www.library.ucdavis.edu/database/population-statistics-historical-demography-countries-divisions-towns/>, дата обращения 06.09.2020.

2 Le Mali, ethnies et religions (2013) // La Croix, Avril 23, 2013 // https://www.la-croix.com/Actualite/Monde/Le-Mali-ethnies-et-religions-_NG_-2013-01-23-902823, дата обращения 09.10.2020.

3 Hershovits A. (2012) The Tuareg in Mali and Niger // Washington, American University, Library // <http://www1.american.edu/ted/ice/tuareg.htm>, дата обращения 08.07.2013.

земли, которые возделывают одни, считают своими пастбищами другие.

После обретения независимости Мали уже в 1960 г. дал о себе знать антагонизм интересов населения северных и южных районов страны [Ramir 1991, p. 134; Boilleu 1999, p. 648]. Левацкие эксперименты президента Модибы Кейты вызвали протест архаичных сообществ кочевников. Поводом для столкновений послужило намерение Бамако обложить налогом скотоводов⁴. В 1962 г. кочевники восстали. Против них были направлены войсковые подразделения, но подавить бунт удалось только в 1964 г.

Во время засухи 1968–1974 гг. правительство решило покончить с эксплуатацией в крестьянской среде. Разрушение традиционных устоев жизни кочевников вновь спровоцировало столкновение «рыцарей пустыни» с правительственными войсками [Issouf ag Maha 2006, pp. 35–37, 68–69]. Кроме того, этот социальный эксперимент привел к конфликту между властью и приверженцами ортодоксального ислама.

Путч Муссы Траоре в 1968 г. и вовсе поставил северян в положение социальных парий. Они не могли занимать даже скромные должности в органах государственной власти или служить в армии на офицерских должностях⁵. Попытки Бамако посадить кочевников на землю не увенчались успехом: купив несколько голов скота, туареги откочевывали в саванну. В конце 1960-х гг. часть кочевников вступила в ливийский «исламский легион», часть нашла работу на нефтяных промыслах. Но в конце 1980-х гг.

Ливия расформировала батальоны туарегов, а снижение цен на нефть стало причиной сокращения рабочих мест, что повлекло за собой выселение из Алжира десятков тысяч рабочих.

Туареги поняли, что решить свои проблемы они смогут только силой оружия⁶. В 1990 г. началась война. Созданное в Ливии Народное движение Азавада (НДА) смогло эффективно противостоять армейским частям, которые терпели одно поражение за другим. Президент М. Траоре осознал, что победа над кочевниками в сложившейся ситуации невозможна и предпочел заключить мир [Bernus 1994, pp. 162–172]. Подписанное в 1991 г. соглашение предусматривало выделение дотаций на развитие северных территорий и давало возможность кочевникам занимать ответственные посты в государственных структурах⁷.

Однако темнокожее большинство было возмущено поражением армии и автономизацией Севера. Это стало причиной острого политического кризиса в стране. В марте 1991 г. полковник Амаду Тумани Туре совершил военный переворот и отказался признать легитимность мирного договора.

Возглавив страну, он инициировал переговорный процесс при посредничестве Алжира. Туареги осознали необходимость координации действий: было создано Объединение движений и фронтов Азавада (ОДФА), что позволило туарегам консолидировать требования и позволило сторонам договориться о прекращении огня. Итогом переговоров стал Национальный пакт, кото-

4 Hershovits A. (2012) The Tuareg in Mali and Niger // Washington, American University, Library // <http://www1.american.edu/ted/ice/tuareg.htm>, дата обращения 08.07.2013.

5 Bode P. (2004) Touareg // Mali Music, Avril 4, 2004 // <http://mali-music.com/Cat/CatT/Touareg.htm>, дата обращения 05.09.2020.

6 Lode K. (2002) Peace Process in Mali: Context, Analysis and Evaluation // Conciliation Resources, December 2002 // <http://www.c-r.org/our-work/accord/public-participation/english/lode.php>, дата обращения 06.09.2020.

7 Bernus E. (1992) Etre Touareg // Politique Africaine: La Revue. Karthala Publishing Press, Janvier 1992 // <http://www.politique-africaine.com/numeros/pdf/047023.pdf>, дата обращения 10.02.2018.

рый был подписан 11 апреля 1992 г.⁸ Но и он представлял собой лишь декларацию о намерениях.

В июне 1994 г. туареги предприняли новые атаки на правительственные войска. Стало ясно, что правительство не способно в одностороннем порядке положить конец насилию. Президент Альфа Умар Конаре объявил о начале консультаций, призванных вовлечь в дебаты структуры гражданского общества. Это дало свои результаты: 27 марта 1996 г. Конаре инициировал акцию, которая символизировала общенациональное примирение; в Тимбукту в «костре мира» сгорели 3 тыс. стволов, изъятых в ходе разоружения повстанцев.

Обострение сепаратизма

Вновь ситуация обострилась весной 2006 г., когда туареги потребовали реализации условий заключенных мирных соглашений в полном объеме. Полевые командиры нескольких вооруженных группировок учредили Альянс за демократию и изменения (АДИ); их основным требованием стала федерализация Мали. После этого в Алжире было подписано еще одно мирное соглашение между АДИ и президентом. Важно отметить, что вожди ряда племен заявили тогда и в Париже, и в Бамако о готовности туарегов противостоять проникновению на территорию Мали исламских фундаменталистов.

«Аль-Каида» дала о себе знать в сахаро-сахельском регионе на рубеже веков [Нечитайло 2007, с. 25–28]. В 2004 г.

фундаменталисты предприняли попытку обосноваться на севере Мали, но тогда туареги предложили им покинуть пределы Азавада. Опасаясь вооруженного конфликта, исламисты перебрались в соседний Нигер. Но уже тогда к ним примкнули несколько десятков туарегов. Позже на севере Мали оформились две группы вооруженных сторонников ортодоксального ислама: одна из них состояла из алжирских салафитов, вторая рекрутировалась из пакистанцев и фактически изначально являлась подразделением «Аль-Каиды». В сентябре 2006 г. салафиты также признали главенство Усамы бен Ладена. Таким образом «Аль-Каида исламского Магриба» (АКИМ) стала важным актором политического процесса в регионе⁹. Наряду с АКИМ, в Сахеле действует группировка исламских фундаменталистов, получившая название «Ансар ад-Дин»; она оформилась из туарегов и арабов, наиболее последовательных сторонников суверенизации Азавада.

Присутствие на севере Мали этих организаций заметно сказывается на взаимоотношениях Бамако с «белыми людьми пустыни». Власти боятся перевооружать туарегов, но не хотят отказываться от идеи использовать кочевников для борьбы с террористами¹⁰. В 2006 г. между племенными вождями кочевников и правительством было заключено соглашение, предусматривавшее обучение туарегов офицерами регулярной армии¹¹. А в феврале 2007 г. власти Алжира и Мали решились на формирование подразделений, призванных противостоять террористам АКИМ и полно-

8 Bague Ph. (1995) Nouvel enlèvement des espoirs de paix dans le conflit touareg au Mali // Le Monde Diplomatique, Avril 1995 // <http://www.monde-diplomatique.fr/1995/04/BAQUE/1370>, дата обращения 10.02.2018.

9 «Al-Qaïda» irréductible au Sahel (2010) // Courrier International, Septembre 9, 2010 // <http://www.courrierinternational.com/article/2010/09/09/al-qaïda-irreductible-au-sahel>, дата обращения 05.09.2020.

10 Mali: Les Touaregs s'en vont en guerre contre «Al-Qaïda» (2010) // Algérie-Politique, Octobre 12, 2010 // <http://ffs1963.unblog.fr/2010/10/12/mali-les-touaregs-sen-vont-en-guerre-contre-al-qaïda/>, дата обращения 06.09.2020.

11 Daniel S. (2006) Ce que veulent les «rebelles» de Kidal // RFI - Radio française internationale, Juin 1, 2006 // http://www.rfi.fr/actufr/articles/078/article_44115.asp, дата обращения 06.09.2020.

стью укомплектованных из числа туарегов. Но на сотрудничество с Бамако согласились лишь три тысячи человек; идея борьбы с исламским фундаментализмом не смогла сплотить племена кочевников и примирить их с властями.

В 2007 г. восстали туареги Нигера, которые потребовали справедливо-го распределения доходов от эксплуатации природных богатств и предоставления туарегам возможности заниматься политической деятельностью¹². Вслед за ними вновь начали военные действия и туареги Мали [*Bouhleb-Hardy, Guichaoua, Tamboura* 2008, pp. 2–3]. 17 мая 2007 г. они разгромили военную базу на границе Мали и Нигера, захватив 30 заложников. 12 сентября туареги обстреляли американский самолет, который должен был доставить боеприпасы правительственным войскам Мали. Спустя два дня они захватили г. Тинзаутен и заминировали дорогу в Бамако. Это была попытка взять под полный контроль караванные пути, связывающие страны Магриба и Сахеля. Контроль над ними всегда приносил немалый доход «корсарам пустыни».

Вскоре после этих событий лидеры повстанцев объявили о создании Альянса туарегов Нигер-Мали (АТНМ), официальным лидером которого был объявлен Хама Аг Сид Ахмед. В требованиях Альянса громко прозвучала «урановая тема». Дело в том, что на границе Мали и Нигера находятся богатейшие залежи урановой руды, которые разрабатываются (главным образом) французским концерном AREVA. Французы закупают это стратегиче-

ское сырье по демпинговым ценам, но даже к этим крохам власти Мали и Нигера не подпускают кочевников. Требование туарегов обеспечить справедливое участие в доходах от продажи урана придавало особый колорит событиям 2007–2008 гг.¹³

Дело в том, что для Франции стратегическое значение имеет «мирный атом»: он обеспечивает около 75% энергобаланса страны. Реакторы многочисленных французских АЭС нужно бесперебойно обеспечивать урановым топливом. Более того, крупнейшие энергетические корпорации Франции – EDF и AREVA – заключили долгосрочные договоры о поставках ядерного топлива европейским партнерам. В начале нынешнего столетия собственные урановые ресурсы Франции полностью иссякли¹⁴. С этого времени обеспечение французских компаний ураном достигается главным образом за счет Тропической и Центральной Африки [*Filippov* 2015, pp. 386–400].

Именно этим объясняется появление французских войск на севере Мали и Нигера, именно это обусловило такую остроту борьбы за пески Сахеля.

В декабре 2008 г. кочевники атаковали малийских военных и захватили урановые рудники на севере Нигера. Работа французских горнодобывающих компаний была парализована. В мае 2009 г. было достигнуто соглашение о прекращении огня, но в январе 2010 г. боестолкновения возобновились¹⁵.

Нападение стран НАТО на Ливию в 2011 г. заметно повлияло на ситуацию в странах сахаро-сахельского ре-

12 Куделев В.В. (2007) Второе восстание туарегов: причины и возможные последствия // Институт Ближнего Востока. 17 октября 2007 // <http://www.iimes.ru/?p=6326>, дата обращения 01.09.2020.

13 Les Touaregs déclenchent la guerre de uranium (2008) // Tamazgha, Février 3, 2008 // <http://www.tamazgha.fr/Les-Touaregs-declenchent-la-guerre-de-l-uranium%2C2169.html>, дата обращения 20.02.2015.

14 Урановые рудники и запасы урана. Табл. 3. Добыча урана на рудниках разных стран в 2001–2003 гг. // http://profbeckman.narod.ru/RH0.files/21_2.pdf, дата обращения 16.12.2020.

15 Les Touaregs déclenchent la guerre de uranium (2008) // Tamazgha, Février 3, 2008 // <http://www.tamazgha.fr/Les-Touaregs-declenchent-la-guerre-de-l-uranium%2C2169.html>, дата обращения 20.02.2015.

гиона. Отметим, что Муаммар Каддафи покровительствовал туарегам: он был одержим идеей объединения амазигов (берберов) в пределах одного государства. В 2005 г. полковник предложил вид на жительство в Ливии всем туарегам Мали и Нигера, желающим переселиться в его страну. А год спустя призывал всех кочевников Сахары объединиться в борьбе с терроризмом и наркотрафиком. Во время восстания туарегов 2007 г. он был посредником между мятежными туарегами и правительствами стран Сахеля¹⁶.

Во время ливийской войны 2011 г. туареги выступили на стороне Каддафи. Вожди племен Ливии, Мали и Нигера заявили, что объявят войну своим правительствам, если в этих странах будут преследовать сторонников опального полковника. После падения Джамахирии туареги вынуждены были возвращаться в страны исхода, но и здесь они не сложили оружие. Разрозненные боевые отряды вскоре объединились под знаменами Национального движения за освобождение Азавада.

В январе 2012 г. сепаратисты атаковали г. Менаку на севере Мали¹⁷, а в феврале в Сахеле началась большая война. Правительство направило против сепаратистов бронетехнику и вертолеты, но в конце февраля повстанцы захватили практически весь Север и большую часть Центра страны. В Бамако начались демонстрации, участники которых потребовали от президента А.Т. Туре остановить нашествие кочевников. На этом фоне 21 марта 2012 г. в стране произошел военный переворот. Главарь путчистов капитан Амаду Са-

ного объявил о захвате верховной власти в стране [Корендясов 2013, с. 304–327]. Есть все основания думать, что этот военный переворот был задуман в Париже и реализован при участии спецслужб Пятой республики. Слишком близко подпустил А.Т. Туре к залкемам урана китайцев. Не секрет, что именно Поднебесная стала угрозой всевластию Пятой республики в Западной Африке [Будущее Африки 2012, с. 232].

Что произошло в Мали после путча? Целью А. Саного и его немногочисленных сторонников, якобы, было остановить нашествие туарегов и реанимировать армию. А в итоге кочевники перешли в наступление и двинулись на столицу. Армия же занялась мародерством и грабежами, солдаты были деморализованы и никому не подчинялись. 10 января 2013 г. Д. Траоре (он, как спикер Национального собрания, был назначен исполняющим обязанности главы государства) запросил помощи у президента Пятой республики.

Фактор Франции

11 января началась операция французских войск, получившая название «Сервал». В Мали прибыли две тысячи французских солдат «для оказания помощи малийской армии в борьбе с сепаратистами-туарегами и исламистами-фундаменталистами»¹⁸. 13 января французские штурмовики уничтожили лагерь сепаратистов близ г. Гао, а десантники продвинулись вглубь территории, объявленной государством Азавад. На следующий день французы атаковали го-

16 Куделев В.В. (2011) Ливия: туареги против берберов? // Институт Ближнего Востока. 1 сентября 2011 // <http://www.iimes.ru/?p=13193>, дата обращения 03.08.2020.

17 Combats dans le nord, la nouvelle 'guerre' des Touaregs (2012) // Reliefweb. News and Press Release, Janvier 20, 2012 // <http://reliefweb.int/node/471708>, дата обращения 05.09.2020.

18 French Troops Continue Operation against Mali Islamists (2013) // BBC News, January 30, 2013 // <http://www.bbc.co.uk/news/world-africa-20997522>, дата обращения 21.08.2018.

родки Кона, Дуэнце и Лере и нанесли бомбовые удары по г. Кидал, в котором размещался штаб группировки «Ансар ад-Дин». Не дожидаясь новых ударов французских штурмовиков, туареги покинули Тимбукту¹⁹. 3 февраля 2013 г. Ф. Олланд объявил, что миссия французской армии в Сахеле окончена²⁰. Президент Франции выразил надежду на то, что малийцы смогут «провести выборы в срок на всей территории страны»²¹.

На президентских выборах в августе 2013 г. победу одержал ставленник Парижа, экс-премьер малийского правительства Ибрагим Бубакар Кейта. Он вступил в должность президента Мали 4 сентября 2013 г. Но назначенный Елисейским дворцом президент не смог добиться желаемого умиротворения в стране. Уже в первые месяцы его правления произошел новый всплеск сепаратизма и военный мятеж в одном из военных лагерей. Правительство не смогло предложить ничего нового в борьбе с кочевниками. Выступая в Европарламенте 9 декабря 2013 г., И.Б. Кейта отозвался о НДОО, как о «вооруженной банде», и отменил идею независимости северных территорий. «Никакой независимости, никакой автономии, но высокая степень децентрализации...»²².

В январе 2015 г. глава государства назначил премьер-министром Модибо Кейту, который до этого выступал в роли главного переговорщика по проблемам северных территорий. Это был жест, который должен был убедить туарегов в том, что разрешение конфлик-

та в Сахеле – это первостепенная задача правительства. Начались многомесячные переговоры сторон. Лишь 20 июня 2015 г. при посредничестве европейских стран и Алжира правительство заключило мирное соглашение с повстанцами. Но в этом документе не было внятной программы разоружения комбатантов, плана демилитаризации северных территорий и, главное, не было концепции экономической реабилитации северных территорий. В соответствии с мирным соглашением была сформирована Комиссия наблюдения за исполнением договоренностей, но она оказалась полностью недееспособной. Провал переговорного процесса привел к обострению ситуации. Туареги убедились в неспособности правительства к исполнению принятых на себя обязательств и вновь взялись за оружие.

За первые три года правления Кейты в ходе боев с той и другой стороны погибли более 1 300 человек (включая мирных жителей). Резко возросло число нападений на туристов и захватов заложников. Самым опасным стало нападение террористов на отель Radisson Blue 20 ноября 2015 г. в Бамако. Тогда боевики взяли в заложники 170 человек, погибли 19 человек, в т. ч. 6 россиян²³. Эскалация конфликта на севере Мали продолжала нарастать и все последующие годы правления И.Б. Кейты. По оценкам экспертов, число погибших в конфликте в 2017 г. составило 716 человек, это значительно больше, чем в 2015–2016 гг.

19 Des islamistes sont cachés parmi la population (2013) // Le Figaro, Javier 30, 2013 // <http://www.lefigaro.fr/international/2013/01/30/01003-20130130ARTFIG00662-des-islamistes-sont-caches-parmi-la-population.php>, дата обращения 20.03.2020.

20 Франция скоро начнет выводить войска из Мали (2013) // Росбалт. 20 февраля 2013 // <https://www.rosbalt.ru/main/2013/02/20/1096648.html>, дата обращения 01.09.2020.

21 Олланд: Власти Мали договорились с сепаратистами о проведении выборов (2013) // Российская газета. 18 июня 2013 // <http://www.rg.ru/2013/06/18/olland-anons.html>, дата обращения 01.09.2020.

22 Быстров А.А. (2013) Мали: тупик в переговорах с туарегами // Институт Ближнего Востока. 16 декабря 2013 // <http://www.iimes.ru/?p=19045>, дата обращения 12.08.2020.

23 Mali: Aqmi, rebelles touaregs, même combat? (2019) // aBamaco.com, Janvier 28, 2019 // <http://fr.news.yahoo.com/mali-aqmi-rebelles-touaregs-m%C3%Aame-combat-182147884.html>, дата обращения 06.09.2020.

Грубые дипломатические просчеты Парижа и правительства Мали имели печальные последствия: туареги все больше отдалялись от Бамако и все чаще вставали на сторону джихадистов. В настоящее время в Сахеле сложился своеобразный террористический альянс, получивший название «Нусрат аль-Ислам валь-Муслимин». Его образуют племена туарегов из группировки «Ансар ад-Дин» (они называют себя филиалом «Аль-Каиды в странах исламского Магриба» – АКИМ), террористическая группировка «Аль-Мурабитун», созданная ныне покойным алжирцем Мухтаром Бельмухтаром, группировка «Эмират Сахара», действующая на севере Мали, группировка «Нусрат аль-Ислам валь-Муслимин». Все эти террористические организации так или иначе аффилированы с Национальным движением за освобождение Азавада, Арабским движением Азавада и Высшим советом за единство Азавада. Таким образом, произошла своеобразная институционализация конфликта. С одной стороны выступают правительство Мали и действующие от его имени французские военные, а с другой – ассоциация исламских фундаменталистов и туарегов-сепаратистов.

В конце 2019 – начале 2020 г. в северных и центральных районах Мали террористическая активность джихадистов приобрела невиданный прежде размах. С декабря 2019 г. по март 2020 г. исламисты совершили 266 террористических атак, в ходе которых 242 человека были убиты и 119 ранены. Имели место 22 нападения на миротворческий контингент ООН, десятки терактов против французских военных, действовавших в операции «Бархан», и нападений на солдат малийской на-

циональной армии. Как констатируют эксперты, «адекватного отпора джихадисты не получили ни от «голубых касок», ни от французского контингента, ни от национальной армии»²⁴.

Как это ни странно, в середине июня 2019 г. правительство Мали сочло возможным объявить об окончательном уничтожении джихадистов в стране. Сразу после этого последовали атаки на поселения фульбе в центральной части страны. В результате конфликта были убиты 160 мирных жителей. (В последние годы противостояние между кочевыми скотоводами фульбе и фермерами бамбара и догонами становилось все более острым.) Оправдывая жестокость этих акций устрашения, догоны обвинили фульбе в сотрудничестве с джихадистами и объявили, что это месть за нападение «Аль-Каиды» на военную базу, результатом которого стала гибель 23 малийских военнослужащих, среди которых были бамбара и догоны. Отмеченный факт свидетельствует о том, что в настоящее время формируется новый альянс исламистов, в который входят не только туареги, арабы и мавры, но и значительная часть темнокожего населения страны, недовольная действиями правительства и присутствием на территории Мали французских оккупационных войск.

Развертывание сил малийской армии в регионе Мопти позволило несколько снизить накал противостояния, но межплеменные стычки возникают до сих пор. Джихадисты, которые переместились в центральную часть Мали после размещения французского экспедиционного корпуса на севере страны, подогревают трайбалистскую рознь и сами участвуют в кровавых столкновениях.

24 Корендясов Е.Н. (2020) Парламентские выборы в Мали: напряженность в стране не снижается // ИМЭМО // <https://www.imemo.ru/news/events/text/parlamentskie-vybory-v-mali-napryazhennosty-v-strane-ne-snizhaetsya>, дата обращения 02.09.2020.

Острый кризис малийской государственности стал очевидным. Фактически страна распалась на две части: правительство не контролирует обширные области, находящиеся под властью джихадистов и сепаратистов (в настоящее время это зачастую одно и то же) [Манойло 2014, с. 105–116]. Традиционный конфликт между темнокожим населением страны и «белыми людьми пустыни» усугубляется нарастанием противостояния различных племен темнокожего населения.

Власть не смогла предложить объединяющую граждан Мали национальную идею и консолидировать малийское общество. Коррупция и nepотизм дискредитируют государственный аппарат и провоцируют недоверие к власти. Граждане страны массово отказываются принимать участие в президентских и парламентских кампаниях, «голосуют ногами» против действующей власти. Армия деморализована и не в состоянии противостоять террористическим угрозам и сепаратизму.

На территории страны находятся французские оккупационные войска, присутствие которых вызывает нарастающее недовольство малийцев. Елисейский дворец оправдывает присутствие своих военных в Сахеле необходимостью борьбы с сепаратистами и джихадистами, однако наиболее образованная часть малийского общества все более отчетливо осознает, что истинными целями французской армии в Мали является защита интересов Пятой республики в Западной Африке. Это, прежде всего, сохранение контроля над урановыми рудниками и месторождениями золота в Мали и Нигере. В

стране быстро нарастает социальный протест, направленный против присутствия французской армии в Сахеле.

В этом контексте следует вспомнить о кризисе в отношениях Пятой республики со странами, которые входят в состав военно-политического альянса G5 Sahel. (Это Нигер, Мали, Чад, Буркина-Фасо и Мавритания.) Его создание было инспирировано Парижем в 2014 г. Декларируемая цель альянса – борьба с исламским терроризмом в регионе. Очередной саммит G5 Sahel состоялся 13–14 января 2020 г. в г. По на юге Франции. Для президента Франции Эммануэля Макрона этот саммит имел особый смысл. Дело в том, что в последние месяцы 2019 г. присутствие французских военных вызывало острое недовольство в странах Западной Африки. Особенно массовыми и частыми стали антифранцузские демонстрации молодежи в Мали, Буркина-Фасо и Нигере. Участники этих акций требовали у национальных лидеров защитить суверенитет своих государств. Это, по понятным причинам, раздражало президента Пятой республики. Агентство France 24 констатировало: «В последнее время президент Франции критиковал тех, кто осуждает французское присутствие в странах Западной Африки. Он не понимает это недовольство гражданского населения и некоторых политиков»²⁵. Дело дошло до того, что Макрон предупредил африканских коллег о возможности сокращения участия или даже о выходе Франции из операции «Бархан». (Эта операция стала продолжением операции упомянутой выше операции «Сервал»²⁶.) Макрон потребовал, чтобы лидеры G5S подтвердили свою поддержку операции на терри-

25 Sommet du G5 Sahel à Pau: Emmanuel Macron veut resserrer le front antijihadiste (2020) // France 24, Janvier 13, 2020 // <https://www.france24.com/fr/20200113-un-sommet-du-g5-sahel-%C3%A0-pau-pour-resserrer-le-front-antijihadiste>, дата обращения 06.09.2020.

26 Guisnel J. (2014) Le Drian et Hollande installent l'opération Barkhane // Le Point, Juillet 16, 2014 // http://www.lepoint.fr/editos-du-point/jean-guisnel/le-drian-et-hollande-installent-l-operation-barkhane-16-07-2014-1846497_53.php, дата обращения 20.02.2015.

тории своих стран. Африканские коллеги Макрона вынуждены были подписать совместную декларацию, в которой они подтвердили свое одобрение военного присутствия французских военных в регионе²⁷. Это, по понятным причинам, только усилило протестное движение в странах Сахеля.

На встрече «сахельской пятерки» в г. По произошло еще одно знаменательное событие. Э. Макрон обнародовал информацию о том, что глава Пентагона Марк Эспер рассматривает возможность сокращения или полного вывода американских войск из стран субсахарской Африки. Согласно этому плану, американцы должны покинуть военную базу в Нигере и прекратить поддержку Франции в борьбе с исламистами²⁸. Макрон назвал это «плохой новостью».

Пандемия коронавируса еще более накалила ситуацию. В апреле 2020 г. Елисейский дворец вынужден был отменить саммит «Африка – Франция» (его проведение во французском Бордо было запланировано на июнь). Одновременно было заявлено об «инициативе, посвященной здравоохранению и экономическому реагированию на COVID-19 на всем континенте». 3 апреля Макрон и десять лидеров африканских государств принимали участие в телеконференции, которая была организована с целью обсуждения этой «инициативы»²⁹.

Более подробной информации администрация Елисейского дворца не

предоставила, но известно, что специалисты Центра анализа, прогнозирования и стратегии (CAPS) направили французскому президенту доклад «Эффект панголина: грядущий шторм в Африке». Его авторы призвали Э. Макрона готовиться к «длительной дестабилизации» в Африке в условиях «предстоящего кризиса обществ и государств»³⁰. Известные французские дипломаты высказывали обоснованные опасения в том, что грядущий кризис может уничтожить «хрупкие режимы» в Сахеле и Центральной Африке. Они сочли, что коронавирус может стать «политическим вирусом, который <...> покажет неспособность этих государств защитить свое население». При этом аналитики CAPS указывали на особую уязвимость «некоторых экономически слабых и политически нестабильных франкоязычных стран, менее надежных и структурированных, чем другие». Эксперты предупредили, что «сравнение определенных государств, чья государственная политика терпит неудачу (государства Сахеля и Центральной Африки), с другими африканскими странами, обладающими более прочными властными институтами (например Руанда или Сенегал), было бы «неблагоприятно» для первых. «Эффект сравнения» может стать дополнительным конфликтогенным фактором и привести к смене политических элит. Дипломаты Quai d'Orsay полагают, что пря-

27 Sommet de Pau: bientôt une "Coalition pour le Sahel" (2020) // BBC News, Janvier 14, 2020 // <https://www.bbc.com/afrique/region-51102086>, дата обращения 06.09.2020.

28 Cooper H., Gibbons-Neff Th., Savage Ch., Schmitt E. (2019) Pentagon Eyes Africa Drawdown as First Step in Global Troop Shift // The New York Times, December 24, 2019 // <https://www.nytimes.com/2019/12/24/world/africa/esper-troops-africa-china.html?action=click&module=Top%20Stories&pgtype=Homepage>, дата обращения 20.03.2020.

29 Coronavirus: Macron et dix dirigeants africains discutent d'un effort coordonné (2020) // Le Monde Afrique, Avril 4, 2020 // https://www.lemonde.fr/afrique/article/2020/04/04/coronavirus-macron-et-dix-dirigeants-africains-discutent-d-un-effort-coordonne_6035551_3212.html, дата обращения 20.03.2020.

30 Robin F., Tilouine J. (2020) Coronavirus: les experts du Quai d'Orsay redoutent le «coup de trop» qui «déstabilise» l'Afrique // Le Monde Afrique, Avril 3, 2020 // https://www.lemonde.fr/afrique/article/2020/04/03/coronavirus-les-experts-du-quai-d-orsay-redoutent-le-coup-de-trop-qui-destabilise-l-afrique_6035470_3212.html, дата обращения 06.06.2020.

мым следствием пандемии коронавируса станет «жесткая конкуренция» за передел геополитического и экономического пространства на африканском континенте».

Как показали события лета 2020 г., концептуальные положения, содержащиеся в этом документе, оказались пророческими. В августе Мали вновь оказалась на изломе своей истории: 18 августа на военной базе Кати в 15 км от Бамако военнослужащие подняли мятеж. (Напомним, что военный мятеж на базе в Кати привел к государственному перевороту в 2012 г., в результате которого был отстранен от власти президент А.Т. Туре.) Вечером того же дня мятежники объявили об аресте И.Б. Кейты, премьер-министра Бубу Сиссе и председателя Ассамблеи Мусу Тимбине. Кроме того, мятежники арестовали министра экономики и финансов страны Абдулая Даффе, еще несколько министров, а также высокопоставленных офицеров Мали³¹.

19 августа И.Б. Кейта в эфире телеканала Малийской службы радиовещания и телевидения сказал о своей отставке. Он заявил, что не желает, чтобы для удержания его у власти «была пролита кровь»³². Экс-президент объявил также об отставке правительства и роспуске парламента Мали. После этого путчисты анонсировали создание Национального комитета спасения наро-

да и призывали к политическим изменениям для последующего проведения выборов³³. Вечером того же дня по решению созданного мятежниками Национального комитета спасения были освобождены из тюрем оппозиционеры из «Движения 5 июня», в т. ч. Усман Мамаду Траоре – один из признанных лидеров оппозиции.

Важно то, что на фоне военного переворота в Мали президент Пятой республики Э. Макрон заявил, что власть в африканской стране должна вернуться к гражданскому населению, но не более того³⁴. Французский лидер, очевидно, понимает, что возвращение в президентское кресло столь одиозного в своей стране И.Б. Кейты уже нереально, но пока не понимает, что можно сделать в этой патовой ситуации. Остается уповать на штыки французского экспедиционного корпуса, призванного защитить интересы бывшей метрополии в странах Сахеля.

В этом контексте важно обратить внимание на воинственную риторику главы военного ведомства Франции. Комментируя произошедший в Мали военный переворот, Флоранс Парли цинично заявила, что французские военные, якобы, «находятся на малийской территории по просьбе ее жителей» и что они «продолжат выполнять свои обязанности в целях обеспечения всеобщей безопасности»³⁵.

31 Verner R. (2020) Putsch au Mali: les jihadist peuvent-ils profiter de la crise en cours? // BFM TV, Août 19, 2020 // https://www.bfmtv.com/international/putsch-au-mali-les-jihadistes-peuvent-ils-profiter-de-la-crise-en-cours_AN-202008190175.html, дата обращения 07.09.2020.

32 Démission du président Keita: cinq minutes pour comprendre le coup d'État au Mali (2020) // Le Parisien, Août 19, 2020 // <https://www.leparisien.fr/international/demission-du-president-keita-cinq-minutes-pour-comprendre-le-coup-d-etat-au-mali-19-08-2020-8370246.php>, дата обращения 06.09.2020.

33 Lagneau L. (2020) Dirigé par des militaires, un «Comité national pour le salut du peuple» a pris le pouvoir à Bamako // Zone militaire. Actualités sur la défense et la sécurité, Août 19, 2020 // <http://www.opex360.com/2020/08/19/dirige-par-des-militaires-un-comite-national-pour-le-salut-du-peuple-a-pris-le-pouvoir-a-bamako/>, дата обращения 21.08.2020.

34 Putsch au Mali: Macron réclame que le pouvoir soit «rendu aux civils» (2020) // BFM TV, Août 19, 2020 // https://www.bfmtv.com/politique/elysee/putsch-au-mali-macron-reclame-que-le-pouvoir-soit-rendu-aux-civils_AD-202008190214.html, дата обращения 06.09.2020.

35 Malgré le coup d'Etat et la défiance des Maliens, la France maintient l'opération «Barkhane» (2020) // Le Monde Afrique, Août 27, 2020 // https://www.lemonde.fr/afrique/article/2020/08/27/malgre-le-coup-d-etat-et-la-defiance-des-maliens-la-france-maintient-l-operation-barkhane_6050075_3212.html, дата обращения 01.09.2020.

Трудно прогнозировать развитие ситуации в Мали. Однако в контексте интересующей нас темы можно предположить, что в обозримом будущем произойдет эскалация конфликта на севере страны, на землях, объявленных территорией суверенного Исламского государства Азавад. Ведь путчисты объясняют свои действия неспособностью И.Б. Кейты решить проблему с сепаратизмом туарегов силой оружия, а объединенная гражданская оппозиция обвиняет его в излишней мягкости по отношению к джихадистам и сепаратистам. Вместе с тем оппозиция протестует против присутствия в стране оккупационных французских войск, которые под предлогом борьбы с исламским экстремизмом защищают экономические и политические преференции Пятой республики в зоне Сахеля. Если оппозиция добьется вывода французских войск с территории Мали, то северные территории страны, скорее всего, окажутся под полным контролем сепаратистов и джихадистов. Очевидно, что в Мали сложилась взрывоопасная ситуация, грозящая спровоцировать острый региональный кризис во всем сахаро-сахельском регионе.

Список литературы

- Айхенвальд А.Ю. (1988) Берберы // Бромлей Ю.В. (ред.) Народы мира. Историко-этнографический справочник. М.: Советская энциклопедия.
- Будущее Африки: борьба новых и старых акторов (2012). Материалы международной научной конференции. Москва, 13–14 марта 2012 г. М.: Институт Африки РАН.
- Корендясов Е.Н. (2013) Кризис в Республике Мали // Конфликты в Африке: причины, генезис и проблемы урегулирования. М.: Институт Африки РАН. С. 304–327.
- Манойло А.В. (2014) Сепаратизм как вызов и угроза международной безопасности // Тренды и управление. № 2. С. 105–116 // https://www.elibrary.ru/download/elibrary_23204425_69380776.pdf, дата обращения 16.12.2020.
- Нечитайло Д.А. (2007) «Аль-Каида» в Африке // Азия и Африка сегодня. № 11. С. 25–28.
- Bernus E. (1990) Azawad // *Encyclopédie berbère*, vol. 8, pp. 1206–1207.
- Bernus E. (1994) Les Touareg // *Val-lées du Niger*. Musée des Arts d'Afrique et d'Océanie, pp. 162–172.
- Boilley P. (1999) Les Touaregs Kel Adagh. Dépendances et révoltes: du Soudan français au Mali contemporain, Paris, Karthala.
- Bouhleb-Hardy F., Guichaoua Y., Tamboura A. (2008) Tuareg Crises in Niger and Mali. Seminar on the 27th November, 2007 // IFRI. Sub-Saharan Africa Program, Paris-Bruxelles, pp. 1–7.
- Bourgeot A. (1995) Les sociétés touarègues. Nomadisme, identité, résistance, Paris: Karthala.
- Claudot-Hawad H. (1996) Touaregs: Voix solitaires sous l'horizon confisqué // *Ethnies-Documents*. No 20–21 // <https://halshs.archives-ouvertes.fr/halshs-00293895/document>, дата обращения 16.12.2020.
- Filippov V. (2015) Uranium Factor in France's Foreign Policy towards Africa // *National Security / Nota Bene*, no 3, pp. 386–400. DOI: 10.7256/2073-8560.2015.3.15671
- Issouf ag Maha (2006) Touareg du XXI siècle, Grandvaux.
- Ramir S. (1991) Les pistes de l'oubli: Touaregs au Niger, Paris: Editions du Felin.

DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-1-11

Azawad As a Self-proclaimed Tuareg State

Vasily R. FILIPPOV

DSc in History, Leading Researcher

Institute for African Studies of the Russian Academy of Sciences, 123001, Spiridonovka St., 30/1, Moscow, Russian Federation

E-mail: fvr1957@mail.ru

ORCID: 0000-0003-0501-8528

CITATION: Filippov V.R. (2021) Azawad As a Self-proclaimed Tuareg State. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 14, no 1, pp. 214–227 (in Russian). DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-1-11

Received: 11.09.2020.

ABSTRACT. *The author was set to find out the fundamental reasons for the separatism of the Tuareg community in the Republic of Mali. The article examines the evolution of the political identity of the Tuaregs and the consolidation of scatted nomadic tribes into a community, which aims for sovereignty within their own state. It is known that the desire for state self-determination of nomads within the self-proclaimed state of Azawad is a factor that has a serious impact on the internal political situation in the country throughout its history, starting from the time of gaining independence in the early of 60s years of last century and to the present. The study showed that the confrontation between the black majority of the population of the country and in comparison with small number of “white people of the desert” (Tuaregs, Moors, Arabs) is primarily due to the parallel existence of various “life necessities cultures” in the territory of Sahel. Relatively peaceful farmers, fishermen and hunters coexist here with the warlike nomadic cattle herders. The lands cultivated by some are considered by others to be their original pasture - lands. The author substantiates the conclusion that all acute conflict situations arising in the northern territories of Mali are ultimately conditioned*

by the influence of this determining factor. This determines the essence of the discriminatory policy against the Tuaregs on the part of the authorities protecting the interests of the majority, Bamako’s mistakes associated with attempts to accelerate the modernization of archaic nomadic communities. The author comes to the conclusion that the situation is complicated by the reluctance of the Elysee Palace to abandon political and economic preferences in Mali and withdraw its troops from the territory of this sovereign state, from the territory that the Tuaregs consider their ancestral lands. In his opinion, in the conditions of an acute political crisis in this country, the Tuareg’s desire for state self-determination will grow.

KEYWORDS: Africa, Sahel, Mali, Tuareg, separatism, nomads, France, Operation Barkhan, putsch

References

Africa’s Future: A Struggle between New and Old Actors (2012). Materials of the International Scientific Conference, March 13–14, 2012, Moscow: Institute for African Studies, RAS (in Russian).

Aykhenvald A.Yu. (1988) Berbers. *Peoples of the World. Historical and Ethnographic Reference Book* (ed. Bromley Yu.V.), Moscow: Soviet encyclopedia (in Russian).

Bernus E. (1990) Azawad. *Encyclopédie berbère*, vol. 8, pp. 1206–1207.

Bernus E. (1994) Les Touareg. *Valées du Niger. Musée des Arts d'Afrique et d'Océanie*, pp. 162–172.

Boilley P. (1999) *Les Touaregs Kel Adagh. Dépendances et révoltes: du Soudan français au Mali contemporain*, Paris, Karthala.

Bouhleb-Hardy F., Guichaoua Y., Tamboura A. (2008) Tuareg Crises in Niger and Mali. Seminar on the 27th November, 2007. *IFRI. Sub-Saharan Africa Program*, Paris-Bruxelles, pp. 1–7.

Bourgeot A. (1995) *Les sociétés touarègues. Nomadisme, identité, résistance*, Paris: Karthala.

Claudot-Hawad H. (1996) Touaregs: Voix solitaires sous l'horizon confisqué. *Ethnies-Documents*. No. 20–21 Available at:

<https://halshs.archives-ouvertes.fr/halshs-00293895/document>, accessed 16.12.2020.

Filippov V. (2015) Uranium Factor in France's Foreign Policy towards Africa. *National Security / Nota Bene*, no 3, pp. 386–400. DOI: 10.7256/2073-8560.2015.3.15671

Issouf ag Maha (2006) *Touareg du XXI siècle*, Grandvaux.

Korendyasov E.N. (2013) Crisis in the Republic of Mali. *Conflicts in Africa: Causes, Genesis and Problems of Settlement*, Moscow: Institute for African Studies, RAS, pp. 304–327 (in Russian).

Manoilo A.V. (2014) Separatism as a Challenge and Threat to International Security. *Trends and Management*, no 2, pp. 105–116. Available at: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_23204425_69380776.pdf, accessed 16.12.2020 (in Russian).

Nechitailo D.A. (2007) Al-Qaeda in Africa. *Asia and Africa Today*, no 11, pp. 25–28 (in Russian).

Ramir S. (1991) *Les pistes de l'oubli: Touaregs au Niger*, Paris: Editions du Felin.

В рамках дискуссии

DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-1-12

Косово: сецессия как национальный проект

Ирина Владимировна КУДРЯШОВА

кандидат политических наук, доцент, кафедра сравнительной политологии
Московский государственный институт международных отношений МИД
России, 119454, проспект Вернадского, д. 76, Москва, Российская Федерация
E-mail: i.kudryashova@inno.mgimo.ru
ORCID: 0000-0003-1842-4672

Елена Юрьевна МЕЛЕШКИНА

доктор политических наук, главный научный сотрудник
Институт научной информации по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН),
117418, Нахимовский проспект, д. 51/21, Москва, Российская Федерация
E-mail: elenameleshkina@yandex.ru

ЦИТИРОВАНИЕ: Кудряшова И.В., Мелешкина Е.Ю. (2021) Косово: сецессия как национальный проект // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. Т. 14. № 1. С. 228–249. DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-1-12

Статья поступила в редакцию 19.10.2020.

ФИНАНСИРОВАНИЕ: Статья подготовлена при поддержке РФФИ, грант № 19-011-00662.

АННОТАЦИЯ. В статье рассматривается процесс национально-государственного строительства в частично признанной Республике Косово. Авторы отвечают на вопрос, возможно ли успешное решение задачи создания институтов государства при активном участии международных акторов в случае правозащитной сецессии. Выявляются факторы, определяющие возможности создания эффективных государственных институтов и их легитимность в Косово: традиции самостоятельной государственности и организации власти в целом, особенности социокультурного и этнического состава населения, его изменение в

ходе вооруженного конфликта, цели и стратегии внешних акторов – «строителей государства», соответствие целей и мер внешних «строителей государства» запросам внутренних акторов и населения, качество использования новых институтов местными акторами. Сделан вывод, что специфика традиций организации власти, неконсолидированность границ (в т. ч. социокультурных и этнических), противоречия между участвующими в политических процессах Косово международными структурами, а также между ними и внутренними акторами в значительной степени осложняют процесс государственного строительства в респуб-

лике. Это подтверждают основные показатели развития институтов и экономики, которые за годы после провозглашения независимости не улучшаются или улучшаются незначительно. Кроме того, одной из значительных проблем консолидации политики является слабая политическая интеграция сербского меньшинства, особенно в Северном Косово, что ставит под вопрос перспективы образования единой гражданской нации в рамках существующих границ.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Республика Косово, правозащитная сецессия, строительство государства, формирование нации, этничность, институциональные реформы, традиции организации власти, международные организации, легитимность

Рост сепаратистских движений и идей, сопряженный с противоречивыми процессами умножения и углубления социокультурных размежеваний в многосоставных обществах (см. [Семениченко 2018]), актуализировал вопрос о правозащитной сецессии (*remedial secession*) как пути решения этнополитических конфликтов.

Теория правозащитной сецессии стала обретать популярность среди экспертов с начала 1980-х гг. Сам термин был введен в научный оборот Л. Бакхайтом [Buchheit 1978]. Развивая эту теорию, М. Веллер определяет случай Косово уже не как сецессию, но как «правозащитное самоопределение» [Weller 2008, р. 86]. Мнение о легитимности такой формы права на самоопределение разделяют и некоторые другие исследователи (см., например [Александрян 2017]).

Однако большинство специалистов занимают более сдержанную позицию и не считают, что одобрение теории правозащитной сецессии приведет к новой и более продвинутой форме международной политики (см. [Горовиц 2013; Del Mar 2013; Lu 2018]). Нет и ни одного международно-правового документа, устанавливающего право на сецессию при наступлении определенных обстоятельств.

Вместе с тем вопрос о допустимости/недопустимости правозащитной сецессии¹ имеет не только теоретическое, но и практическое измерение, определяемое «качеством жизни» новых политических образований. В этом контексте интерес представляет случай Республики Косово (РК), который выделяется как масштабом официального признания результатов сецессии (около 100 государств), так и уровнем и характером участия в государственном строительстве международных акторов, придерживавшихся либеральной рамки урегулирования. С этой точки зрения нас интересует, насколько успешной можно считать реализацию проекта «независимое Косово», т. е. каким образом и в какой степени всем заинтересованным участникам удалось реализовать задачи государственного строительства.

Вслед за Р. Пэрисом и Т. Сиском мы можем понимать этот процесс как «усиление или формирование легитимных институтов управления» на национальном уровне [Paris, Sisk 2009, р. 14]. В этом определении можно выделить два связанных друг с другом аспекта, каждый из которых может быть подвергнут оценке. Первый – это эффективное функционирование государственных институтов, их способность

¹ Используя это понятие, мы хотим отметить, что и проекты осуществления правозащитной сецессии, и сопровождающий их дискурс обладают избирательным характером в отношении установления субъектов этого права; о различных подходах к независимости Косово см. [Романенко 2008].

обеспечивать безопасность и верховенство закона, сбор налогов и базовые общественные блага. Второй – это легитимность на международном и внутригосударственном уровнях.

В условиях, когда государство возникает в результате сецессии, а формирование государственных институтов происходит во многом при участии внешних сил, актуальным является вопрос об эффективности институциональной трансплантации. В политической науке выделяют несколько факторов, обуславливающих ее успех. Отметим наиболее важные для целей нашей работы.

Во-первых, это специфика контекста. Среди значимых особенностей контекста, влияющих на успех институционального строительства, следует отметить наличие этнокультурного разнообразия и совпадение или несовпадение границ различного рода (территориальных, политических, культурных, экономических и др.). Сторонники функционалистского подхода к анализу формирования государств отмечают, что границы определяют конфигурацию акторов и публичных ресурсов на определенной территории. Открытые границы увеличивают возможности «выхода» для политических акторов и населения (в т. ч. в форме сецессии), закрытые – способствуют реализации функции «голоса» (воздействия на правительство) (см. [Finer 1974, pp. 80–82]). Соответственно, контроль над границами и сокращение возможностей «выхода» акторов запускают процессы политического производства, развивают механизмы легитимации внутренней иерархии и структурирования политики, способствуют более эффективному выполнению специализированных функций политической властью [Bartolini 2005, p. 29].

Во-вторых, это адаптация к контексту новых институтов [Berkowitz, Pistor, Richard 2003; De Jong, Stoter 2009]. В

этом аспекте исключительно значимыми оказываются существующие институциональные традиции организации власти, в частности, наличие или отсутствие собственного значительного опыта независимой государственности.

В-третьих, это знакомство общества-реципиента с новым институтом, облегчающее процесс адаптации [Berkowitz, Pistor, Richard 2003]. В этом процессе значительную роль могут играть «институциональные предприниматели», «правовые посредники» [Zweynert 2009; De Jong, Stoter 2009]. Этот фактор оказывается особенно важным, если в государственном строительстве задействованы участники военных действий или если государственное строительство осуществляется при участии внешних сил (см., например [Krasner, Risse 2014, pp. 555–558]).

С. Краснер и Т. Риссе выделяют три источника «внутренней» легитимности применительно к внешним акторам: легитимность «входа» и «выхода», а также соответствие международных норм моральным убеждениям или нормам локальных или национальных сообществ [Krasner, Risse 2014, p. 556]. Легитимность «входа» обусловлена качеством участия местных акторов (соглашение/принуждение) в процессе принятия решений, «выхода» – уровнем эффективности международных участников государственного строительства. Их долгосрочная стратегия предполагает постепенную передачу власти местным акторам, которые управляли бы эффективными и легитимными институтами [Narten 2009, p. 252].

Процесс передачи власти местным акторам не является простым и однонаправленным. Среди его рисков отмечаются противостояние и (или) соревнование между местными элитами и международными акторами [Richmond, Jason 2007], принижение роли местных акторов в демократическом процессе

[Blease, Qehaja 2013], сложность борьбы с коррупцией и организованной преступностью в условиях низкой стабильности [King, Mason 2006; Capussela 2015], а также маргинализация меньшинств [Franks, Richmond 2008].

В-четвертых, это обратное влияние новых институтов на местную культуру и неформальные институты, т. е. рекогнитивный процесс [Chang, Evans 2005, p. 103]. Влияние этого фактора определяет, насколько возникающее при таком взаимодействии наполнение новых институтов отвечает задачам формирования эффективных государственных институтов и их легитимности.

Обобщение этих идей позволяет нам выделить и систематизировать факторы, которые, как представляется, во многом определяют возможности создания эффективных государственных институтов и их легитимность в Республике Косово. Во-первых, это традиции существования собственной государственности и институтов государственной власти, традиции организации власти в целом. Во-вторых, особенности социокультурного и этнического состава населения и его изменение в ходе вооруженного конфликта. В-третьих, цели и стратегии внешних акторов – «строителей государства». В-четвертых, соответствие целей и мер внешних «строителей государства» запросам внутренних акторов и населения. В-пятых, качество использования новых институтов местными акторами.

Традиции государственности

В нынешних границах Косово никогда не существовало как самостоятельное государство. После поражения на Косовом поле в 1389 г. правитель Сербии Лазаревич признал сюзеренитет Османской империи. Полно-

стью территория Косово была завоевана в 1454 г. К началу XX в. на албанском юге сформировались городские сообщества зажиточных торговцев и ремесленников, которые, однако, не имели какого-либо политического влияния. На албанском севере проживали горные кланы, очень бедные, но хорошо вооруженные, чье влияние выходило за пределы их земель, поскольку они были готовы служить тому, кто предложит лучшую цену. Между ними лежали территории, управляемые землевладельцами (беями), которые воплощали османскую власть. Клановые структуры способствовали устойчивости неформальных связей.

Религиозные различия между албанцами не были политизированы. На юге мусульмане соседствовали с романо-католиками и православными, большинство жителей центральных территорий были мусульманами-суннитами или членами суфийского ордена бекташи, близкого к шиитскому мистицизму. Албанцы Косово и Черногории в большинстве своем следовали суннизму и придерживались норм традиционного права (о кодексе Лека Дукагини см. ниже). Исследователи отмечают их любовь к огнестрельному оружию, которое стало частью традиционных норм (защита чести) и костюма (см. [Tasić 2020, pp. 70–72]).

В 1877 г. был образован Косовский вилайет с центром в Скопье. Привилегированный статус албанцев при султани Абдель Хамиде II (1878–1908 гг.) привел к тому, что практически все они были вооружены и могли быть быстро мобилизованы в иррегулярные формирования (башибузуки). Все пытавшиеся ограничить их в праве на оружие (например, младотюрки после революции 1908 г., сербы после балканских войн 1912–1913 гг. или югославы после 1918 г.) встречали упорное сопротивление [Tasić 2020, p. 72].

В 1913 г. вилайет был включен в Королевство Сербия и впоследствии – в Королевство Югославия. Во время Второй мировой войны Косово было присоединено к Албании в рамках проекта Великой Албании, но после ее завершения возвращено в состав Югославии. За этот период на его территории значительно сократилась доля сербского и черногорского населения.

Окончание войны активизировало переговоры коммунистических лидеров балканских стран о создании Балканской федерации, одним из членов которой должна была быть Албания. Однако противоречия в советско-югославских и югославско-албанских отношениях вынудили И. Броз Тито сосредоточиться на строительстве югославской федерации на основе принципа «равноправия народов» и югославской идеи.

Неравномерное социально-экономическое развитие и политические разногласия субъектов федерации стали источником обострения «национального вопроса». Находясь в составе Сербии первоначально как Автономная область Косово и Метохия (после 1963 г. как автономный край), Косово было наименее развитым регионом федерации и специализировалось на добыче сырья (бурый уголь, металлы) и производстве сельскохозяйственной продукции. В 1955–1956 и 1968 гг. автономия переживала периоды политической нестабильности; в ходе массовых протестов 1968 г. выдвигались как требования повышения статуса края до уровня республики, так и идея объединения с Албанией. В результате были приняты меры для развития албанской культуры и образования, создана система квотирования рабочих и административ-

ных мест. По Конституции 1974 г. Косово получило фактически статус субъекта федерации, оставаясь формально автономией в составе Сербии.

Из-за отсутствия подвижек в решении экономических проблем края в 1981 г. там вновь вспыхнули беспорядки, которые продолжались до середины 1980-х гг. В 1989 г. были приняты поправки к Конституции Сербии, в соответствии с которыми край перешел под прямое управление республики, что вызвало радикализацию албанского национального движения. С конца 1989 г. в Косово было введено чрезвычайное положение, но оно не остановило процесс дезинтеграции. После решений Скупщины о лишении Косово и Воеводины автономного статуса в 1991 г. косовские албанцы объявили о создании независимой Республики Косово, образовали парламент и провели президентские выборы, не признанные властями Сербии. В 1996 г. отряды албанцев, объединенные в Освободительную армию Косово (ОАК), начали вооруженные акции, к 1998 г. переросшие в полномасштабную партизанскую войну. В 1999 г. в результате прямого военного вмешательства НАТО сербское правительство было вынуждено согласиться на ввод в Косово военного контингента альянса и переход края под управление ООН при соблюдении территориальной целостности Союзной Республики Югославия (СРЮ). В 2008 г. косовский парламент во второй раз провозгласил независимость республики².

Как отмечают международные эксперты, после завершения в 1999 г. вооруженного конфликта в Косово образовался «полный институциональный вакуум». Основные функции по организации общественной жизни выпол-

2 Основные документы по истории Косово различных периодов собраны на сайте EuroDocs: Online Sources for European History // https://eudocs.lib.byu.edu/index.php/History_of_Kosovo:_Primary_Documents, дата обращения 10.12.2020.

няли международные акторы. В северных муниципалитетах с сербским большинством были созданы параллельные структуры, предоставляющие услуги в области здравоохранения и образования, которые финансировались сербским правительством [A Comprehensive Review 2005]. Таким образом, можно оценить собственный опыт институционального строительства в Косово как достаточно ограниченный и недостаточный для самостоятельного решения задачи по созданию национального государства.

Динамика этнического и социокультурного состава населения

Для сецессий, являющихся результатом этнополитического конфликта и осуществляемых во имя восстановления права меньшинства «на свою землю», этническая идентичность населения оспариваемой территории имеет первостепенное значение: чем выше этническая гомогенность, тем больше шансов на согласие по устанавливающим вопросам для новой политики.

Таблица 1. Этнический состав населения Косово, 1941–2011 гг.
Table 1. Population of Kosovo by Ethnicity, 1941–2011

Перепись, год	Всего	Албанцы	Сербы	Турки	Цыгане	Другие
1948	733 034	498 244	176 718	1 320	11 230	5 522
%	100	68,0	24,1	0,2	1,5	6,2
1953	815 908	524 562	189 869	34 590	11 904	54 983
%	100	64,3	23,3	4,2	1,5	6,7
1961	963 988	646 605	227 016	25 764	3 202	61 401
%	100	67,1	23,5	2,7	0,3	6,4
1971	1 243 693	916 168	228 264	12 244	14 593	72 424
%	100	73,7	18,4	1,0	1,2	5,8
1981	1 584 440	1 226 736	209 798	12 513	34 126	101 267
%	100	77,4	13,2	0,8	2,2	6,4
1991	1 956 196	1 596 072	194 190	10 445	45 745	109 744
%	100	81,6	9,9	0,5	2,3	5,6
2006*	2 100 000	1 932 000	111 300	8 400	23 512	24 788
%	100	92	5,3	0,4	1,1	1,2
2011**	1 739 825	1 644 865	27 983	19 568	5 860	39 297
%	100	94,5	1,6	1,1	0,3	2,5
2011***	1 780 021	1 647 436	65 608	н/д	н/д	н/д

Примечания:

* Оценочные данные;

** Без учета населения четырех муниципалитетов (Лепосавич, Звечан, Зубин Поток, Северная Митровица), не принимавших участия в переписи.

*** Вместе с оценочными данными по этническому составу четырех вышеназванных муниципалитетов.

Источник: Demographic Changes of the Kosovo Population 1948–2006 // Kosovo Agency of Statistics // <https://ask.rks-gov.net/media/1835/demographic-changes-of-the-kosovo-population-1948-2006.pdf>; Kosovo in Figures 2006 // Kosovo Agency of Statistics // <https://ask.rks-gov.net/media/2172/kosovo-in-figures-2006.pdf>; Estimation of Kosovo Population 2011 // Kosovo Agency of Statistics // <https://ask.rks-gov.net/media/2129/estimation-of-kosovo-population-2011.pdf>, дата обращения 29.09.2020.

Впервые учет этнического состава населения Косово был произведен в переписи 1948 г. В социалистический период этническая принадлежность фиксировалась на основе заявлений респондентов, а в случае детей, не достигших 10 лет (в последующих переписях – 15 лет), – со слов родителей. В 2006 г. она определялась по родному языку, а в 2011 г. – вновь на основе самоидентификации.

Корректная интерпретация демографических изменений в Косово требует объяснения некоторых процессов, например, стремительного увеличения албанского населения (и снижения численности сербского) в 1970–1980 гг., а также «исчезновения» почти 400 тыс. чел. в период между 2006 и 2011 гг. Очень высокая рождаемость среди албанцев (в 1979 г. Косово вышло по этому показателю на первое место в СФРЮ и Европе в целом – 26,1 на 1 000 женщин [Pavlović 2013]) была политизирована и преподносилась националистическими сербскими силами как стратегия «захвата Косово». Однако в бедных сельских обществах, где для женщин нет рабочих мест, она объективно не могла быть низкой. Следует также учитывать, что переписи 1971 и 1981 гг. проводились в крае местными властями, отказавшимися от помощи федеральных органов.

Начавшаяся дезинтеграция СФРЮ остановила развитие экономики края (в 1986–1990 гг. туда было направлено 48,1% всех средств Федерального фонда ускоренного развития недостаточно развитых республик и Косово). В 1990 г. в регионе насчитывалось 140 тыс. безработных; среди молодежи безработица достигала 70% [Ramet 2006, pp. 274–275]. Демографическое давление и недостаток рабочих мест с достойной оплатой побуждали более образованных сербов покидать Косово.

Перепись 1991 г. бойкотировалась албанцами, и Федеральное статистическое управление СРЮ представило прогнозную оценку численности и состава населения края на основе переписи 1981 г. и наблюдавшихся тенденций. Эти цифры в целом оцениваются специалистами как достоверные.

В 1990-е гг. имела место существенная, но неучтенная миграция албанцев, сербов и представителей других групп, сопровождавшаяся падением рождаемости, поэтому перепись 2011 г. зафиксировала очень значительную убыль населения по сравнению с оценкой 2006 г. Ею также не были охвачены жители четырех северных муниципалитетов, преимущественно сербских, поэтому была представлена лишь оценка их численности (около 37 тыс. чел.). Эту цифру косвенно подтверждают данные о записи детей в сербские школьные учреждения и сведения Сербской православной церкви (2019 г.): количество резидентов-сербов в Косово оценивается приблизительно в 100 тыс. чел., около 40% которых проживают в северных районах [Judah 2019]. Остальные сербские сообщества находятся в центре и на юго-востоке страны, преимущественно в сельской местности.

Какими бы сторонами ни осуществлялись подсчеты, их сопоставление показывает, что Косово представляет собой общество с полным доминированием албанцев (92–93%). Одновременно оно остается глубоко разделенным из-за четырех муниципалитетов с сербским большинством к северу от р. Ибар, инфраструктура которых связана с Сербией. Разделенным является и город Косовска-Митровица.

Из-за ограниченного эффекта экономических реформ социалистического периода, длительной нестабильности и вооруженного конфликта уровень урбанизации в крае остался низ-

ким. В 1990-е гг. рост межэтнической конфликтности спровоцировал миграцию из города в деревню, и обратный процесс начался только после установления контроля международных миротворческих сил.

Реальная численность городских жителей в РК может достигать 45–50%, поскольку далеко не все мигранты официально регистрируют смену места жительства [Gollopeni 2015, р. 98]. Тем не менее слабость экономики и инфраструктуры, как и сельский образ жизни большинства населения, способствует воспроизводству патримониальных культурных установок и ценностей.

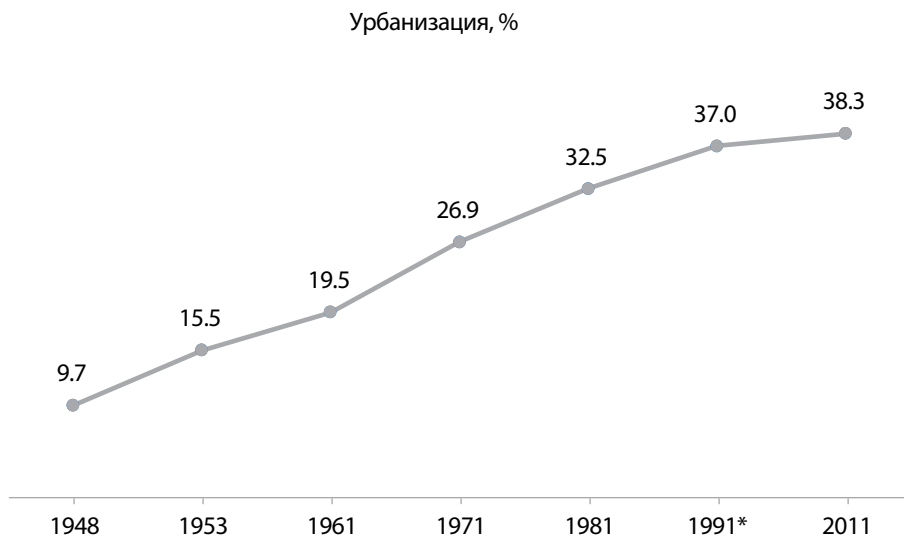
Исследователи отмечают, что в 1990-е гг. слабость государственных и судебных структур вернула в жизнь албанцев обычное право (нормы которого зафиксированы в средневековом законнике Лека Дукагьини (см. [Закон-

ник Лека Дукагьини 1961]), которое защищает институт родовой общины и регулирует кровную месть, систему наказаний, ведение хозяйства, наследование и др. Семейные кланы олицетворяют в глазах албанцев безопасный образ жизни и уважение к воле главы семьи (см. [Cara, Margjeka 2015]). Как отмечают Ш. Эйзенштадт и Л. Ронигер, патрон-клиентские отношения тесно связаны со специфическим восприятием общественного порядка как «ограниченного блага» (блага общины, семьи и т. д.) [Эйзенштадт, Ронигер 2016, с. 374–375].

Обостренная войной этническая идентичность в сочетании с клиентелизмом представляет собой серьезный вызов целям международных акторов, главная из которых предполагает построение в Косово демократического государства.

Рисунок 1. Динамика урбанизации в Косово, 1948–2011 гг.

Figure 1. Urbanization Dynamics in Kosovo, 1948–2011

Примечание:

* Оценочные данные.

Источник: составлено по данным Kosovo Agency of Statistics // <https://ask.rks-gov.net/en/kosovo-agency-of-statistics>, дата обращения 10.09.2020.

Цели и стратегии внешних акторов

Институциональную основу будущей РК заложили такие документы, как Соглашения Рамбуйе (1999 г.) и Конституционные рамки временного самоуправления в Косово (2001 г.). В 2008 г. была объявлена независимость Косово и принята Конституция. Новую республику она определяет как «мультиэтническое общество, состоящее из албанской и других общин и управляемое демократическим путем». Албанский и сербский языки имеют статус государственных, языки других меньшинств – статус официально используемых языков. Гарантированы культурные права общин, сбалансированное представительство общин на государственной службе и государственных предприятиях, учрежден консультативный совет общин при президенте, сохранен порядок квотирования мест в парламенте и его президиуме. Косово стало парламентской республикой.

Децентрализации власти должна способствовать высокая степень автономности муниципалитетов, получивших право на развитие межмуниципальных связей и трансграничного сотрудничества. В Законе о местном самоуправлении закреплён принцип subsidiarity (ст. 15).

Анализ Конституции показывает, что ее нормы закрепляют скорее представительство меньшинств, а не их участие в принятии политических решений. В частности, в документе отсутствуют элементы консенсуализма, предусмотренные конституционными рамками (право меньшинств блокировать нежелательное законодательство, учреждение верхней палаты легислатуры, территориальная автономия для сербов в Северном Косово). Вместе с тем нельзя говорить и об эффективности подобных мер, если бы они имели

место: политические элиты всех косовских общин не проявляют готовности к сотрудничеству.

Как отмечалось выше, важным фактором, определяющим эффективность государственного строительства, является тип внешних акторов, участвующих в этом процессе, их цели и стратегии. В РК действует целый ряд таких акторов. Помимо основного, Миссии ООН по делам временной администрации в Косово (МООНК), среди них – ЕС, ОБСЕ, Международный валютный фонд, Всемирный банк, разнообразные агентства, военные миссии и миротворческие силы ООН.

Этот плюрализм в немалой степени обусловлен мандатом МООНК, который в настоящий период включает четыре компонента, входящие в сферу ответственности разных структур: законность и правопорядок (миссия ЕС по верховенству закона), гражданская администрация (ООН), строительство институтов (ОБСЕ), восстановление и экономическое развитие (ЕС). До 2012 г. в Косово функционировала Международная гражданская служба, которая отвечала за реализацию мирного плана.

Мандат миссии по верховенству закона предусматривал помощь косовским властям в обеспечении законности, особенно в сфере деятельности полиции, юридических структур и таможни. Он несколько раз продлевался, а после 2018 г. функции миссии свелись в основном к мониторингу ситуации и консультациям в правовой сфере.

Взгляды на цели международного управления и международного контроля основных «спонсоров» косовского проекта – ЕС и США – различались. США основной задачей видели поддержание стабильности и мира, в то время как ЕС был заинтересован в долгосрочном процессе формирования государства [Capussela 2015, p. 35]. В 2015 г. между ним и Косово было подписано

соглашение о стабилизации и ассоциации, однако путь в ЕС осложнен тем, что несколько его членов, в первую очередь Испания и Греция, РК не признают. Ближней целью выступает либерализация визового режима со странами шенгенской зоны.

Возглавляемые НАТО миротворческие силы для Косово сыграли решающую роль в приведении легковоруженных сил безопасности Косово в состояние полной боевой готовности. В 2018 г. США поддержали решение парламента РК о преобразовании их в регулярную армию, несмотря на критику других членов альянса.

Косово рассматривает США как гаранта безопасности и принципиального союзника; многие эксперты отмечают, что они сохраняют большое влияние на внутреннюю политику РК [Kosovo: Background and U.S. Policy 2020]. Администрация Д. Трампа сигнализирует о растущем интересе к расширению присутствия США на Западных Балканах. В 2020 г. при ее посредничестве была анонсирована нормализация экономических отношений между Сербией и РК (что долгое время не удавалось сделать ЕС).

Участие в косовском проекте большого количества международных организаций и отдельных государств не раз порождало конфликты между ними относительно приоритетов, лидерства, взаимодействия, представлений о системе управления [Papadimitriou, Petrov 2013, p. 221]. Непростым был и процесс постепенной передачи власти от международных организаций местным институтам и элитам, начавшийся после 2008 г. Как указывают исследователи, он сопровождался разногласиями по вопросу о том, «кто является боссом», а также расхождениями во мнениях относительно характера формируемых институтов и их функций [Tholens, Gross 2015].

Новые институты и местные акторы

Политический ландшафт Косово отличается наличием существенных конфликтов, которые уходят корнями к событиям войны 1998–1999 гг. и выражаются в конкуренции между тремя влиятельными партиями: Демократической лигой Косово (ДЛК), Демократической партией Косово (ДПК) и Альянсом за будущее Косово (АБК). Первая возникла на основе движения мирного сопротивления в 1990-х гг., а две последних были созданы на основе Армии освобождения Косово (АОК). После завершения военного конфликта ООН, чтобы придать формирующейся системе управления легитимность и устойчивость, сделала ставку на кооптацию во власть сильных местных фигур и представителей довоенных элит. В ходе парламентских выборов 2010, 2014 и 2017 гг. в РК сложилась система мирной передачи власти: по их итогам премьерами назначались лидеры этих партий и значительно обновлялся депутатский корпус.

О росте электоральной конкуренции говорит усиление таких партий, как «Самоопределение» (ныне самая авторитетная политическая сила, выступающая в поддержку принципов меритократии, государства развития и социального государства) и «Социал-демократическая инициатива» (СДИ), организованная бывшими членами ДПК. В 2019 г. партия «Самоопределение» выиграла парламентские выборы под лозунгами борьбы с коррупцией и плохим управлением.

Несмотря на противостояние на политической сцене, ни у одной из этих партий нет отчетливых идеологий и программ. Основной мотив партийного активизма – это получение дивидендов от участия во власти [Strengthening the Statehood 2012, p. 11].

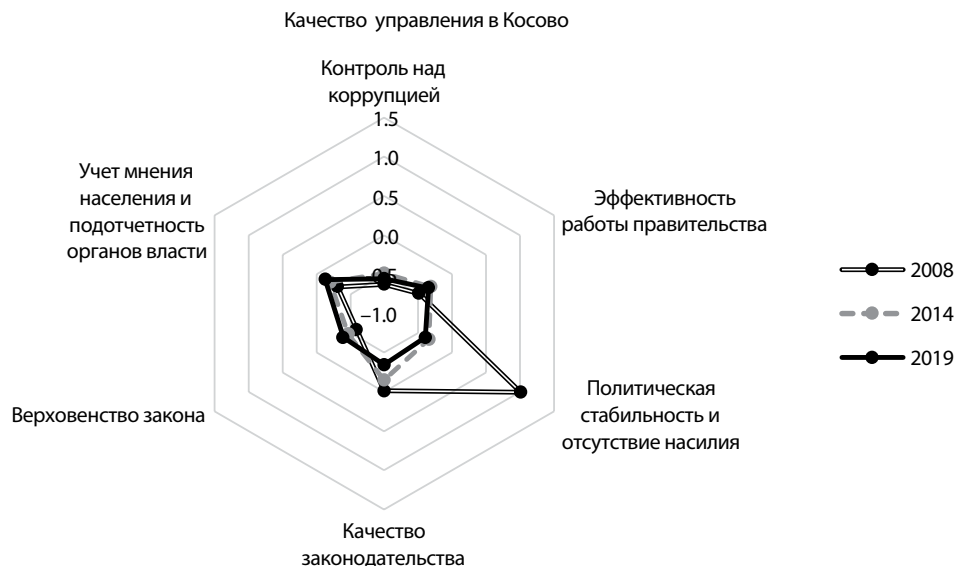
Огромную роль в жизни этих партий играют политические лидеры. Большинство из нынешних и прошлых лидеров – хорошо известные фигуры, обладающие популярностью среди албанского населения благодаря участию в мирном (как И. Ругова (ДЛК) и А. Курти («Самоопределение»)) или вооруженном (как Х. Тачи (ДПК) и Р. Харадинай (АБК)) сопротивлении режиму С. Милошевича. Исследователи характеризуют организованные ими партии как феодальные по стилю и организации, в иерархию которых встроены лидеры, члены совета партии, рядовые члены и неформальные кланы, соединяющие все эти уровни внутри партии и обеспечивающие связи с внешними акторами. Как правило, решения принимаются лидером партии совмест-

но с представителями кланов [Hoxha, Milovanović, Buzhala 2016, p. 90; Visoka, Richmond 2017]³.

Что касается сербских партий, то самая влиятельная из них – «Сербский список»; ее поддерживают власти Сербии. На парламентских выборах 2019 г. партия получила 6,4% голосов, что позволило провести в парламент 10 депутатов.

После 2008 г. местные власти совместно с международными акторами предприняли значительные усилия по строительству институтов, и в настоящее время косовские власти имеют широкие полномочия и сферу ответственности во многих общественных сферах. Однако противоречия между международными структурами и местными элитами, разногласия внутри первых, а так-

Рисунок 2. Динамика индикаторов управления в Косово, 2008–2019 гг.
Figure 2. Dynamics of governance indicators in Kosovo, 2008–2019

Источник: сост. по: Worldwide Governance Indicators // <https://info.worldbank.org/governance/wgi/Home/Reports>, дата обращения 08.10.2020.

³ Все эти черты в той или иной степени присущи и правящим партиям Сербии, Болгарии, Македонии и Боснии и Герцеговины.

же особенности политических партий и традиций организации власти в Косово отрицательно сказались на результатах структурных реформ, в частности механизма формирования корпуса чиновников, приватизации и образования.

Закон о гражданской службе 2010 г. быстро стал инструментом контроля над карьерными возможностями для правящих партий, т. к. предусматривал одобрение назначений на должности партийным правительством [Doli, Korenica, Rugova 2012, р. 680]. Этот механизм способствовал превращению публичной администрации в инструмент контроля над распределением ренты и иных ресурсов государства, а также распространению патронажа и nepотизма, что позволяет характеризовать Косово как «захваченное государство» (*captured state*) – пример чрезмерной эксплуатации общественных ресурсов правящей элитой.

Как показывают исследования, в процессе осуществления структурных реформ, в частности, в области госу-

дарственной службы, образования и приватизации, возник разрыв между изначальным видением и реальными результатами. Новые институты носили неформальный и гибридный характер [Elbasani, Šabić 2017], только по форме напоминая исходные модели. В реальности они были организованы и функционировали в соответствии с интересами местных акторов, обеспечивая проникновение партийной клиентуры в администрацию [Tadić 2017], этническую сегрегацию в области высшего образования [Selenica 2017] и злоупотребления во время приватизации [Dobranja 2017].

До провозглашения независимости Косово оценивалось как общество с худшей системой управления на Балканах [Capussela 2015, р. 12]. Согласно индикаторам Всемирного банка, за период после провозглашения независимости ситуация существенно не изменилась – за исключением роста политической стабильности и прекращения насилия (см. рис. 3).

Рисунок 3. Индекс теневой экономики в Косово и других посткоммунистических странах, 2018 г.

Figure 2. Shadow Economy Index in Kosovo and Other Post-Communist Countries, 2018

Источник: Сост. по: [Isa, Shiroka-Pula, Krasniqi, Sauka 2019].

По мнению экспертов USAID, устойчивость неформальных властных сетей во многом обусловлена повсеместным распространением бедности и безработицы: в 1989–1994 гг. промышленное производство и добыча угля упали на более чем 50%, а конфликт 1998–1999 гг. уничтожил то, что оставалось от косовской экономики и инфраструктуры, и оставил сотни тысяч бездомных и перемещенных лиц [Kosovo Political Economic Analysis 2017]. В настоящее время состояние экономики остается неудовлетворительным.

Общие доходы государства (*total government revenue*) за 2011–2017 гг. равнялись 14% от ВВП. Налоги в 2014–2017 гг. составляли 88% доходов государства. За тот же период доля налогов в ВВП Косово равнялась 22,4%, в то время как в Албании, Черногории и Сербии она составляла 24,4%, 26,1% и 35,4% соответственно [Hernandez et al. 2019, pp. 6, 10, 11].

Уровень безработицы в Косово – один из наиболее высоких в мире. Согласно официальной статистике, за I квартал 2020 г. ее уровень составляет 25% (23,0% – среди мужчин, 30,6% – среди женщин, 46,4% – среди молодежи 15–24 лет) [Labour Force Survey Q1 2020].

Заключение

Пример Косово свидетельствует, что реализация национально-государственного проекта в результате правозащитной сецессии – неоднозначный и нелинейный процесс даже при сторонней поддержке влиятельных международных акторов: и международных организаций, и отдельных государств (в частности, США и Германии).

В ходе исследования среди факторов, существенно ограничивающих возможности государственного строи-

тельства и легитимность новой системы, нами были выделены: специфика традиций организации власти у косовских албанцев (клановость и патронаж); неконсолидированность границ (в т. ч. социокультурных и этнических); противоречия между участвующими в «проекте Косово» международными структурами, а также между ними и внутренними акторами. Это проявляется в том, что основные показатели, свидетельствующие о развитии государственных институтов и экономики, за годы после провозглашения независимости не улучшаются или улучшаются незначительно.

Главная проблема национального проекта в условиях этнокультурной разделенности – воспроизводство межгрупповых границ в целях стабильности и безопасности (см. [Кудряшова, Харитоновна 2020, с. 15–17]) – также остается нерешенной, хотя в политическую рамку Косово вмонтирован механизм, который должен способствовать снижению этнокультурной конфликтности и улучшению условий жизни сербов. Это децентрализация власти и постепенное расширение прав муниципалитетов, особенно с сербским большинством. Результаты муниципальных выборов показывают, что сербы, проживающие на юге-востоке и в центре, постепенно вынуждены включаться в политический процесс. В то же время большинство албанских партий выступают против реализации ратифицированного парламентом соглашения о создании Ассоциации сербских муниципалитетов, хотя Ассоциация не наделена исполнительными полномочиями.

Перспектива развития сотрудничества с ЕС (или условная европейская перспектива), а также давление международных акторов вынуждают Косово и Сербию взаимодействовать. Встреча их лидеров в Вашингтоне (2020 г.) привела к заключению ряда соглаше-

ний экономического и инфраструктурного характера, а также обещаниям приостановить борьбу против признания РК (Сербия) и не подавать заявку о вступлении в международные организации (Косово) в течение года. Однако нормализация отношений с Сербией, как и дальнейшее развитие отношений с Албанией, объективно работает против косовского национального проекта, препятствуя формированию общегражданской идентичности.

Список литературы

- Алексанян С.Р. (2017) К вопросу о теории ремедиальной сецессии в современном международном праве // Московский журнал международного права. № 4. С. 141–150. DOI: 10.24833/0869-0049-2017-4-141-150
- Горовиц Д.Л. (2013) Разрушенные основания права сецессии // Власть. № 11. С. 189–191 // https://www.elibrary.ru/download/elibrary_20744506_72606637.pdf, дата обращения 10.12.2020.
- Законник Лека Дукагьини (1961) // Хрестоматия памятников феодального государства и права стран Европы. М.: Гос. изд. юр. лит. // http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Albanien/Zakonnik_Leka/text.phtml?id=2182, дата обращения 10.12.2020.
- Кудряшова И.В., Харитонов О.Г. (ред.) (2020) Метаморфозы разделенных обществ. М.: МГИМО-Университет.
- Романенко С.А. (2008) Урегулирование конфликта в Косово и международная безопасность // Мир перемен. № 1. С. 43–52 // https://www.elibrary.ru/download/elibrary_17773898_40729806.pdf, дата обращения 10.12.2020.
- Семененко И.С. (2018) Национализм, сепаратизм, демократия... Метаморфозы национальной идентичности в «старой» Европе // ПОЛИС. № 5. С. 70–87. DOI: 10/17976/jpps/2018.05.07
- Эйзенштадт Ш.Н., Ронигер Л. (2016) Патрон-клиентские отношения как модель структурирования социального обмена // Патрон-клиентские отношения в истории и современности. Хрестоматия. М.: РОССПЭН. С. 366–414.
- A Comprehensive Review of the Situation in Kosovo (2005) // Security Council, October 7, 2005 // <https://www.securitycouncilreport.org/atf/cf/%7B65BFCF9B-6D27-4E9C-8CD3-CF6E4FF96FF9%7D/Kos%20S2005%20635.pdf>, дата обращения 21.10.2020.
- Bartolini S. (2005) Restructuring Europe: Centre Formation, System Building, and Political Structuring between the Nation State and the European Union, Oxford: Oxford University.
- Berkowitz D., Pistor K., Richard J.F. (2003) Economic Development, Legality, and the Transplant Effect // European Economic Review, vol. 47, no 1, pp. 165–195. DOI: 10.1016/S0014-2921(01)00196-9
- Besnik B., Kalaja B. (2014) Employment Party: Physiognomy of Political Patronage in Kosovo // Preportr, no 1, pp. 1–5 // http://preportr.cohu.org/repository/docs/Employment_10_Party_541680_963129.pdf, дата обращения 10.12.2020.
- Blease D., Qehaja F. (2013) The Conundrum of Local Ownership in Developing a Security Sector: The Case of Kosovo // New Balkan Politics, no 13, pp. 1–21 // <http://www.newbalkanpolitics.org.mk/item/the-conundrum-of-local-ownership-in-developing-a-security-sector-the-case-of-kosovo#.X4wttNAzbIU>, дата обращения 10.12.2020.
- Briscoe I., Price M. (2011) Kosovo's New Map of Power: Governance, Crime and Independence // https://www.researchgate.net/profile/Ivan_Briscoe2/publication/265566016_Kosovo's_new_map_of_power_governance_and_crime_in_the_wake_of_independence/links/56b45f0208ae61c480589379.pdf, дата обращения 10.12.2020.

Buchheit L.C. (1978) *Secession: The Legitimacy of Self-determination*, New Haven: Yale University Press.

Capussela A.L. (2015) *State-Building in Kosovo: Democracy, Corruption and the EU in the Balkans*, London: I.B. Tauris.

Cara A., Margjeka M. (2015) Kanun of Leke Dukagjini Customary Law of Northern Albania // *European Scientific Journal*, vol. 11, no 28, pp. 174–186 // <https://core.ac.uk/download/pdf/328025156.pdf>, дата обращения 10.12.2020.

Chang H.-J., Evans P. (2005) *The Role of Institutions in Economic Change // Re-imagining Growth – Towards a Renewal of Development Theory* (eds. Dym-ski G., Da Paula S.), London, New York: Zed Books, pp. 99–129.

De Jong M., Stoter S. (2009) *Institutional Transplantation and the Rule of Law: How This Interdisciplinary Method Can Enhance the Legitimacy of International Organisations* // *Erasmus Law Review*, vol. 2, no 3, pp. 311–330 // <https://poseidon01.ssrn.com/delivery.php?ID=604064031-098126096078114067065077103018-051001046052028106017001094006-110078113025069062043121044102001-042026094009121097087110024070038021022093074099031002067117123001069095126087007100004068098069068018080107099096123108120093074025083001006088020127&EXT=pdf>, дата обращения 10.12.2020.

Del Mar K. (2013) *The Myth of Remedial Secession // Statehood and Self-Determination: Reconciling Tradition and Modernity in International Law* (ed. French D.), Cambridge: Cambridge University Press, pp. 79–108. DOI: 10.1017/CBO9781139248952.007

Dobranja D. (2017) *Privatization or Patronage: Assessment of Difficulties in Kosovo's Privatization Process // State-building in Postindependence Kosovo: Policy Challenges and Societal Considerations* (eds. Armakolas I. et al.), Prishtinë: Kosovo Foundation for Open Society, pp. 73–94.

Doli D., Korenica F., Rugova A. (2012) *The Post-independence Civil Service in Kosovo: A Message of Politicization* // *International Review of Administrative Science*, vol. 78, no 4, pp. 665–691. DOI: 10.1177/0020852312455992

Elbasani A., Šabić S. (2018) *Rule of Law, Corruption and Democratic Accountability in the Course of EU Enlargement* // *Journal of European Public Policy*, vol. 25, no 9, pp. 1317–1335. DOI: 10.1080/13501763.2017.1315162

Finer S.E. (1974) *State-Building, State Boundaries and Border Control: An Essay on Certain Aspects of the First Phase of State-Building in Western Europe Considered in the Light of the Rokkan-Hirschman Model* // *Social Science Information*, vol. 13, pp. 79–126. DOI: 10.1177/053901847401300407

Franks J., Richmond O.P. (2008) *Coopting Liberal Peace-building: Untying the Gordian Knot in Kosovo* // *Cooperation and Conflict*, vol. 43, no 1, pp. 81–103. DOI: 10.1177/0010836707086738

Gashi D., Emerson S. (2013) *A Class of Its Own – Patronage and Its Impact on Social Mobility in Kosovo* // *Democracy for Development* // https://d4d-ks.org/wp-content/uploads/2013/05/D4D_PI_2_ENG_WEB.pdf, дата обращения 10.12.2020.

Gollopeni B. (2015) *Rural Urban Migration in Kosovo* // *International Journal of Business and Social Science*, vol. 6, no 9, pp. 96–105 // https://www.researchgate.net/publication/292989258_Rural_Urban_Migration_in_Kosovo, дата обращения 10.12.2020.

Hernandez M., Karver J., Negre M., Perng J. (2019) *Promoting Tax Compliance in Kosovo with Behavioral Insights* // *International Development Agency* // <https://openknowledge.worldbank.org/bitstream/handle/10986/31357/135032-WP-PUBLIC-Kosovo-Tax-Compliance.pdf?sequence=1&isAllowed=y>, дата обращения 10.12.2020.

Hoxha F., Milovanović D., Buzhala Y. (2016) Actors, Resources and Mechanisms of Informality and Klientelism in Kosovo // *Informal Power Networks, Political Patronage and Klientelism in Serbia and Kosovo* (ed. Cvejić S.), Belgrade: SeConS, pp. 87–109.

Isa M.A., Shiroka-Pula J., Krasniqi B.A., Sauka A. (2019) Analysis of the Shadow Economy in Kosovo, Prishtina: Kosova Academy of Sciences and Arts. DOI: 10.13140/RG.2.2.17653.32487

Judah T. (2019) Kosovo's Demographic Destiny Looks Eerily Familiar // *BalkanInsight*, November 7, 2019 // <https://balkaninsight.com/2019/11/07/kosovos-demographic-destiny-looks-eerily-familiar/>, дата обращения 10.12.2020.

King I., Mason W. (2006) *Peace at Any Price: How the World Failed Kosovo*, Ithaca, New York: Cornell University Press.

Kosovo: Background and U.S. Policy (2020) // Congressional Research Service, May 5, 2020 // <https://fas.org/sgp/crs/row/R46175.pdf>, дата обращения 10.12.2020.

Kosovo Political Economic Analysis. Final Report (2017) // USAID, December 26, 2017 // <https://usaidlearninglab.org/sites/default/files/resource/files/pa00n87p.pdf>, дата обращения 12.10.2020.

Krasner S.D., Risse T. (2014) External Actors, State-Building, and Service Provision in Areas of Limited Statehood: Introduction // *Governance*, vol. 27, no 4, pp. 545–567. DOI: 10.1111/gove.12065

Labour Force Survey Q1 2020 // Kosovo Agency of Statistics // <https://ask.rks-gov.net/media/5610/afp-tm1-2020-anglisht.pdf>, дата обращения 12.10.2020.

Lu J. (2018) *Exploring the Legal Color of Secession: On State Secession from International Law Perspectives*, Springer.

Narten J. (2009) Dilemmas of Promoting “Local Ownership”: The Case of Postwar Kosovo // *The Dilemmas of Statebuilding: Confronting the Contradictions of Postwar Peace Operations* (eds. Paris R., Sisk T.D.), Abingdon: Routledge, pp. 252–283.

Papadimitriou D., Petrov P. (2013) *State-Building without Recognition: A Critical Retrospective of the European Union's Strategy in Kosovo (1999–2010)* // *In European Integration and Transformation in the Western Balkans. Europeanisation or Business as Usual* (ed. Elbasani A.), Oxford: Routledge, pp. 121–137.

Paris R., Sisk T.D. (2009) Introduction: Understanding the Contradictions of Postwar State-building // *The Dilemmas of State-building: Confronting the Contradictions of Postwar Peace Operations* (eds. Paris R., Sisk T.D.), Abingdon: Routledge, pp. 1–20.

Pavlović M. (2013) Demographic Changes in Kosovo – 1974–1981 // *Transconflict*, April 5, 2013 // <http://www.transconflict.com/2013/04/demographic-changes-in-kosovo-1974-1981-054/>, дата обращения 10.12.2020.

Ramet S.P. (2006) *The Three Yugoslavias: State-Building and Legitimation, 1918–2005*, Bloomington: Indiana University Press.

Richmond O., Jason F. (2007) Liberal Hubris? Virtual Peace in Cambodia // *Security Dialogue*, vol. 38, no 1, pp. 27–48. DOI: 10.1177/0967010607075971

Selenica E. (2017) Crafting Exclusive Nations? The Role of Education in Postwar Kosovo // *State-Building in Postindependence Kosovo: Policy Challenges and Societal Considerations* (eds. Armakolas I. et al.), Prishtinë: Kosovo Foundation for Open Society, pp. 95–114.

Skendaj E. (2014) International Insulation from Politics and the Challenge of State Building: Learning from Kosovo // *Global Governance: A Review of Multilateralism and International Organizations*, vol. 20, no 3, pp. 459–481. DOI: 10.1163/19426720-02003009

Strengthening the Statehood of Kosovo through the Democratization of Political Parties (2012) // KIPRED // http://www.kipred.org/repository/docs/Strengthening_the_statehood_of_Kos

ovo_through_the_democratization_of_political_parties_17969.pdf, дата обращения 10.12.2020.

Tadić K. (2017) Hybrid Institutions? International Templates and Political Patronage in the Recruitment of Civil Servants in Kosovo // *State-building in Postindependence Kosovo: Policy Challenges and Societal Considerations* (eds. Armarkolas I. et al.), Prishtinë: Kosovo Foundation for Open Society, pp. 53–72.

Tasić D. (2020) Paramilitarism in the Balkans: Yugoslavia, Bulgaria, and Albania, 1917–1924, New York: Oxford University Press.

Tholens S., Gross L. (2015) Diffusion, Contestation and Localisation in Post-War States: 20 Years of Western Balkans Reconstruction // *Journal of International Re-*

lations and Development, vol. 18, no 3, pp. 249–264. DOI: 10.1057/jird.2015.21

Visoka G., Richmond O. (2016) After Liberal Peace? From Failed State-Building to an Emancipatory Peace in Kosovo // *International Studies Perspectives*, vol. 18, no 1, pp. 1–20. DOI: 10.1093/isp/ekw006

Weller M. (2008) Negotiating the Final Status of Kosovo // *Chaillot Paper*. No 114, Paris: European Union Institute for Security Studies // <https://www.iss.europa.eu/sites/default/files/EUISSFiles/cp114.pdf>, дата обращения 10.12.2020.

Zweynert J. (2009) Interests versus Culture in the Theory of Institutional Change? // *Journal of Institutional Economics*, vol. 5, no 3, pp. 339–360. DOI: 10.1017/S174413740999004X

Under Discussion

DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-1-12

Kosovo: Secession as a Nation-building Project

Irina V. KUDRYASHOVA

PhD in Politics, Associate Professor, Department of Comparative Politics
Moscow State Institute of International Relations (MGIMO University), 119454,
Vernadsky Av., 76, Moscow, Russian Federation
E-mail: i.kudryashova@inno.mgimo.ru
ORCID: 0000-0003-1842-4672

Elena Yu. MELESHKINA

DSc in Politics, Chief Researcher
Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of
Sciences (INION RAN), 117418, Nakhimovskiy Av., 51/21, Moscow, Russian Federation
E-mail: elenameleshkina@yandex.ru

CITATION: Kudryashova I.V., Meleshkina E.Yu. (2021) Kosovo: Secession as a Nation-building Project. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 14, no 1, pp. 228–249 (in Russian). DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-1-12

Received: 19.10.2020.

ACKNOWLEDGEMENTS: The study was carried out as part of the work on the RFBR project no 19-011-00662.

ABSTRACT. *The article focuses on state- and nation-building in the partially recognized Republic of Kosovo. The main research question is whether it is possible to build effective state institutions within non-consolidated borders after a “remedial secession” relying on the support of international actors. The article identifies the factors that determine this possibility. They are tradition of independent political being and power organization; peculiarities of sociocultural and ethnic composition; goals and strategies of the external actors and their compliance with needs of the internal actors and the population; level of new institutions’ applicability. The authors conclude that the tradition of power organization, non-consolidated borders (in-*

cluding socio-cultural borders), contradictions between different international organizations and between them and internal actors hamper the process of state-building in Kosovo to a great extent. The evidence is the lack of visible improvements reflected by indicators of the economic and institutional development. Furthermore, weak integration of Serbian minority, especially in the North Kosovo, remains a major challenge to nation-building within existing borders.

KEYWORDS: *Republic of Kosovo, remedial secession, state-building, nation-building, ethnicity, institutional reforms, traditions of power organization, international organizations, legitimacy*

References

- A Comprehensive Review of the Situation in Kosovo (2005). *Security Council*, October 7, 2005. Available at: <https://www.securitycouncilreport.org/atf/cf/%7B65BFCF9B-6D27-4E9C-8CD3-CF6E4FF96FF9%7D/Kos%20S2005%20635.pdf>, accessed 21.10.2020.
- Aleksanian S.R. (2017) On Theory of Remedial Secession in Contemporary International Law. *Moscow Journal of International Law*, no 4, pp. 141–150 (in Russian). DOI: 10.24833/0869-0049-2017-4-141-150
- Bartolini S. (2005) *Restructuring Europe: Centre Formation, System Building, and Political Structuring between the Nation State and the European Union*, Oxford: Oxford University.
- Berkowitz D., Pistor K., Richard J.F. (2003) Economic Development, Legality, and the Transplant Effect. *European Economic Review*, vol. 47, no 1, pp. 165–195. DOI: 10.1016/S0014-2921(01)00196-9
- Besnik B., Kalaja B. (2014) Employment Party: Physiognomy of Political Patronage in Kosovo. *Preportr*, no 1, pp. 1–5. Available at: http://preportr.cohu.org/repository/docs/Employment_10_Party_541680_963129.pdf, accessed 10.12.2020.
- Blease D., Qehaja F. (2013) The Conundrum of Local Ownership in Developing a Security Sector: The Case of Kosovo. *New Balkan Politics*, no 13, pp. 1–21. Available at: <http://www.newbalkanpolitics.org.mk/item/the-conundrum-of-local-ownership-in-developing-a-security-sector-the-case-of-kosovo#.X4wttnAzBIU>, accessed 10.12.2020.
- Briscoe I., Price M. (2011) *Kosovo's New Map of Power: Governance, Crime and Independence*. Available at: https://www.researchgate.net/profile/Ivan_Briscoe2/publication/265566016_Kosovo's_new_map_of_power_governance_and_crime_in_the_wake_of_independence/links/56b45f0208ae61c480589379.pdf, accessed 10.12.2020.
- Buchheit L.C. (1978) *Secession: The Legitimacy of Self-determination*, New Haven: Yale University Press.
- Capussela A.L. (2015) *State-Building in Kosovo: Democracy, Corruption and the EU in the Balkans*, London: I.B. Tauris.
- Cara A., Margjeka M. (2015) Kanun of Leke Dukagjini Customary Law of Northern Albania. *European Scientific Journal*, vol. 11, no 28, pp. 174–186. Available at: <https://core.ac.uk/download/pdf/328025156.pdf>, accessed 10.12.2020.
- Chang H.-J., Evans P. (2005) The Role of Institutions in Economic Change. *Reimagining Growth – Towards a Renewal of Development Theory* (eds. Dymksi G., Da Paula S.), London, New York: Zed Books, pp. 99–129.
- De Jong M., Stoter S. (2009) Institutional Transplantation and the Rule of Law: How This Interdisciplinary Method Can Enhance the Legitimacy of International Organisations // *Erasmus Law Review*, vol. 2, no 3, pp. 311–330 // <https://poseidon01.ssrn.com/delivery.php?ID=60406403109812609607-8114067065077103018051001046052028-106017001094006110078113025069062-043121044102001042026094009121097087110024070038021022093074099031002067117123001069095126087007100004068098069068018080107099096123108120093074025083001006088020127&EXT=pdf>, accessed 10.12.2020.
- Del Mar K. (2013) The Myth of Remedial Secession. *Statehood and Self-Determination: Reconciling Tradition and Modernity in International Law* (ed. French D.), Cambridge: Cambridge University Press, pp. 79–108. DOI:10.1017/CBO9781139248952.007
- Dobranja D. (2017) Privatization or Patronage: Assessment of Difficulties in Kosovo's Privatization Process. *State-building in Postindependence Kosovo: Policy Challenges and Societal Considerations* (eds. Armakolas I. et al.), Prishtinë: Kosovo Foundation for Open Society, pp. 73–94.
- Doli D., Korenica F., Rugova A. (2012) The Post-independence Civil Ser-

vice in Kosovo: A Message of Politicization. *International Review of Administrative Science*, vol. 78, no 4, pp. 665–691. DOI: 10.1177/0020852312455992

Elbasani A., Šabić S. (2018) Rule of Law, Corruption and Democratic Accountability in the Course of EU Enlargement. *Journal of European Public Policy*, vol. 25, no 9, pp. 1317–1335. DOI: 10.1080/13501763.2017.1315162

Eisenstadt S., Roniger L. (1980) Patron-Client Relations as a Model of Structuring Social Exchange. *Comparative Studies in Society and History*, vol. 22, no 1, pp. 42–77. DOI: 10.1017/S0010417500009154

Finer S.E. (1974) State-Building, State Boundaries and Border Control: An Essay on Certain Aspects of the First Phase of State-Building in Western Europe Considered in the Light of the Rokkan-Hirschman Model. *Social Science Information*, vol. 13, pp. 79–126. DOI: 10.1177/053901847401300407

Franks J., Richmond O.P. (2008) Coopting Liberal Peace-building: Untying the Gordian Knot in Kosovo. *Cooperation and Conflict*, vol. 43, no 1, pp. 81–103. DOI: 10.1177/0010836707086738

Gashi D., Emerson S. (2013) A Class of Its Own – Patronage and Its Impact on Social Mobility in Kosovo. *Democracy for Development*. Available at: https://d4d-ks.org/wp-content/uploads/2013/05/D4D_PI_2_ENG_WEB.pdf, accessed 10.12.2020.

Gollopeni B. (2015) Rural Urban Migration in Kosovo. *International Journal of Business and Social Science*, vol. 6, no 9, pp. 96–105. Available at: https://www.researchgate.net/publication/292989258_Rural_Urban_Migration_in_Kosovo, accessed 10.12.2020.

Hernandez M., Karver J., Negre M., Perng J. (2019) Promoting Tax Compliance in Kosovo with Behavioral Insights. *International Development Agency*. Available at: <https://openknowledge.worldbank.org/bitstream/handle/10986/31357/135032-WP-PUBLIC-Kosovo-Tax-Compliance.pdf?sequence=1&isAllowed=y>, accessed 15.07.2020.

Horowitz D.L. (2013) Destroyed Foundations of the Right for Secession. *Vlast*, no 11, pp. 189–191. Available at: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_20744506_72606637.pdf, accessed 10.12.2020 (in Russian).

Hoxha F., Milovanović D., Buzhala Y. (2016) Actors, Resources and Mechanisms of Informality and Klientelism in Kosovo. *Informal Power Networks, Political Patronage and Klientelism in Serbia and Kosovo* (ed. Cvejić S.), Belgrade: SeConS, pp. 87–109.

Isa M.A., Shiroka-Pula J., Krasniqi B.A., Sauka A. (2019) *Analysis of the Shadow Economy in Kosova*, Prishtina: Kosova Academy of Sciences and Arts. DOI: 10.13140/RG.2.2.17653.32487

Judah T. (2019) Kosovo's Demographic Destiny Looks Eerily Familiar (2019). *BalkanInsight*, November 7, 2019. Available at: <https://balkaninsight.com/2019/11/07/kosovos-demographic-destiny-looks-eerily-familiar/>, accessed 10.12.2020.

King I., Mason W. (2006) *Peace at Any Price: How the World Failed Kosovo*, Ithaca, New York: Cornell University Press.

Kosovo: Background and U.S. Policy (2020). *Congressional Research Service*, May 5, 2020. Available at: <https://fas.org/sgp/crs/row/R46175.pdf>, accessed 10.12.2020.

Kosovo Political Economic Analysis. Final Report (2017). *USAID*, December 26, 2017. Available at: <https://usaidlearninglab.org/sites/default/files/resource/files/pa00n87p.pdf>, accessed 10.12.2020.

Krasner S.D., Risse T. (2014) External Actors, State-Building, and Service Provision in Areas of Limited Statehood: Introduction. *Governance*, vol. 27, no 4, pp. 545–567. DOI: 10.1111/gove.12065

Kudryashova I.V., Kharitonova O.G. (eds.) (2020) *Metamorphoses of Divided Societies*, Moscow: MGIMO-University (in Russian).

Labour Force Survey Q1 2020. *Kosovo Agency of Statistics*. Available at:

<https://ask.rks-gov.net/media/5610/afp-tm1-2020-anglisht.pdf>, accessed 10.12.2020.

Lu J. (2018) *Exploring the Legal Color of Secession: On State Secession from International Law Perspectives*, Springer.

Narten J. (2009) Dilemmas of Promoting “Local Ownership”: The Case of Postwar Kosovo. *The Dilemmas of Statebuilding: Confronting the Contradictions of Postwar Peace Operations* (eds. Paris R., Sisk T.D), Abingdon: Routledge, pp. 252–283.

Papadimitriou D., Petrov P. (2013) State-Building without Recognition: A Critical Retrospective of the European Union’s Strategy in Kosovo (1999–2010). In *European Integration and Transformation in the Western Balkans. Europeanisation or Business as Usual* (ed. Elbasani A.), Oxford: Routledge, pp. 121–137.

Paris R., Sisk T.D. (2009) Introduction: Understanding the Contradictions of Postwar State-building. *The Dilemmas of State-building: Confronting the Contradictions of Postwar Peace Operations* (eds. Paris R., Sisk T.D), Abingdon: Routledge, pp. 1–20.

Pavlović M. (2013) Demographic Changes in Kosovo – 1974–1981. *Transconflict*, April 5, 2013. Available at: <http://www.transconflict.com/2013/04/demographic-changes-in-kosovo-1974-1981-054/>, accessed 10.12.2020.

Ramet S.P. (2006) *The Three Yugoslavias: State-Building and Legitimation, 1918–2005*, Bloomington: Indiana University Press.

Richmond O., Jason F. (2007) Liberal Hubris? Virtual Peace in Cambodia. *Security Dialogue*, vol. 38, no 1, pp. 27–48. DOI: 10.1177/0967010607075971

Romanenko S.A. (2008) Settlement for Kosovo and International Security. *World of Change*, no 1, pp. 43–52. Available at: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_17773898_40729806.pdf, accessed 10.12.2020. (in Russian).

Selenica E. (2017) Crafting Exclusive Nations? The Role of Education in Post-

war Kosovo. *State-Building in Postindependence Kosovo: Policy Challenges and Societal Considerations* (eds. Armakolas I. et al.), Prishtinë: Kosovo Foundation for Open Society, pp. 95–114.

Semenenko I. (2018) Nationalism, Separatism, and Democracy. New Patterns of National Identity in “Old” Europe. *POLIS*, no 5, pp. 70–87 (in Russian). DOI: 10/17976/jpps/2018.05.07

Skendaj E. (2014) International Insulation from Politics and the Challenge of State Building: Learning from Kosovo. *Global Governance: A Review of Multilateralism and International Organizations*, vol. 20, no 3, pp. 459–481. DOI: 10.1163/19426720-02003009

Strengthening the Statehood of Kosovo through the Democratization of Political Parties (2012). *KIPRED*. Available at: http://www.kipred.org/repository/docs/Strengthening_the_statehood_of_Kosovo_through_the_democratization_of_political_parties_17969.pdf, accessed 10.12.2020.

Tadić K. (2017) Hybrid Institutions? International Templates and Political Patronage in the Recruitment of Civil Servants in Kosovo. *State-building in Postindependence Kosovo: Policy Challenges and Societal Considerations* (eds. Armakolas I. et al.), Prishtinë: Kosovo Foundation for Open Society, pp. 53–72.

Tasić D. (2020) *Paramilitarism in the Balkans: Yugoslavia, Bulgaria, and Albania, 1917–1924*, New York: Oxford University Press.

The Kanun of Lek Dukagjini (1961). *Monuments of the Feudal State and Law of European Countries*. Moscow: State Publishing House of Legal Literature: A Reader. Available at: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Albanien/Zakonnik_Leka/text.phtml?id=2182, accessed 10.12.2020 (in Russian).

Tholens S., Gross L. (2015) Diffusion, Contestation and Localisation in Post-War States: 20 Years of Western Balkans

Reconstruction. *Journal of International Relations and Development*, vol. 18, no 3, pp. 249–264. DOI: 10.1057/jird.2015.21

Visoka G., Richmond O. (2016) After Liberal Peace? From Failed State-Building to an Emancipatory Peace in Kosovo. *International Studies Perspectives*, vol. 18, no 1, pp. 1–20. DOI: 10.1093/isp/ekw006

Weller M. (2008) Negotiating the Final Status of Kosovo. *Chaillot Paper*. No 114,

Paris: European Union Institute for Security Studies. Available at: <https://www.iss.europa.eu/sites/default/files/EUISSFiles/cp114.pdf>, accessed 10.12.2020.

Zweynert J. (2009) Interests versus Culture in the Theory of Institutional Change? *Journal of Institutional Economics*, vol. 5, no 3, pp. 339–360. DOI: 10.1017/S174413740999004X

DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-1-13

Подходы президентов П. Порошенко и В. Зеленского к урегулированию конфликта в Донбассе: сравнительный анализ

Максим Евгеньевич СЕМЕНОВ

аспирант аспирантской школы по международным отношениям и зарубежным региональным исследованиям

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
101000, ул. Мясницкая, д. 20, Москва, Российская Федерация

E-mail: semenovmaxim1812@gmail.com.

ORCID 0000-0002-1691-8516

ЦИТИРОВАНИЕ: Семенов М.Е. (2021) Подходы президентов П. Порошенко и В. Зеленского к урегулированию конфликта в Донбассе: сравнительный анализ // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. Т. 14. № 1. С. 250–270. DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-1-13

Статья поступила в редакцию 01.06.2020.

АННОТАЦИЯ. Избрание Владимира Зеленского в 2019 г. президентом Украины породило у части политиков и экспертов надежду относительно возможности урегулирования продолжающегося с 2014 г. конфликта в Донбассе. Это объяснялось тем, что В. Зеленский, в отличие от своего предшественника, ранее не имел отношения к политике, не имел отношения к развязыванию конфликта на юго-востоке страны, а также тем, что в своей предвыборной кампании активно использовал миролюбивую риторику. В этой связи целью статьи было сравнение его подхода с подходом П. Порошенко к урегулированию конфликта в Донбассе. В исследовании последовательно разбираются подходы украинской власти в 2014–2019 гг. к конфликту на юго-востоке страны, сложившиеся в украинском политическом клас-

се к 2019 г. подходы к проблеме Донбасса и непосредственно политика самого В. Зеленского относительно урегулирования конфликта. С учетом вовлеченности России в события на Украине политика Киева в отношении Донбасса также рассматривается в контексте внешнеполитической стратегии Украины в отношении РФ. В результате исследования делается вывод о значительной преемственности политики В. Зеленского. Вместе с тем в статье отмечаются отличия в подходах двух украинских президентов и дается прогноз относительно дальнейшего выстраивания Украиной политики в отношении урегулирования конфликта в Донбассе.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Украина, Россия, конфликт в Донбассе, внешняя политика Украины

Введение

Президентские и парламентские выборы, состоявшиеся на Украине весной и летом 2019 г. соответственно, закончились поражением правящей с 2014 г. команды главы государства Петра Порошенко и победой популистов во главе с шоуменом Владимиром Зеленским. Приход к власти В. Зеленского, ранее не имевшего отношения к политике и в своей предвыборной кампании использовавшего миролюбивую риторику, сформировало у части экспертов и политиков надежду на возможность, если не окончательного завершения, то как минимум существенного продвижения в вопросе мирного урегулирования конфликта в Донбассе.

Значимость конфликта в Донбассе, как составного элемента украинского кризиса, объясняется его многомерностью и масштабностью, раскалывающего постсоветское пространство, подрывающего основы иницилируемых Россией региональных интеграционных проектов, а также изменяющего позиционирование государств региона на международной арене на антироссийский формат.

Среди украинских элит, пришедших к власти после победы Евромайдана и начала боевых действий в Донбассе, сформировался консенсус относительно непризнания автономного статуса региона и ликвидации непризнанных республик, позиционирования России в качестве врага и безусловной внешнеполитической ориентации на ЕС и НАТО [Лукин 2018, с. 359]. В свою очередь, это знаменовало пересмотр традиционной для постсоветской Украины политики балансирования между различными центрами влияния [Лукин 2018, с. 343].

На региональном уровне конфликт в Донбассе стал проявлением продолжающегося распада постсоветского

пространства, и попыткой США усилить свое присутствие в традиционной сфере влияния России. Это, в частности, проявилось в полномасштабной военной, дипломатической и экономической поддержке Соединенными Штатами установившегося после свержения президента Виктора Януковича режима [Лукин 2018, с. 343].

В свою очередь, для России эскалация ситуации на Украине несла вызовы ее традиционным интересам как в этой стране, так и на всем постсоветском пространстве. В результате Россия вынуждена была вмешаться в конфликт для его урегулирования и стабилизации ситуации как на своих границах, так и в регионе в целом.

Подход президента П. Порошенко к урегулированию конфликта в Донбассе оценивается различными авторами по-разному, во многом исходя из политических пристрастий самих исследователей. Так, часть украинских и западных авторов позитивно оценивают действия П. Порошенко по урегулированию конфликта, обвиняют Россию и, как утверждается, подконтрольные ей непризнанные республики Донбасса в срыве выполнения Минских соглашений [Yasko 2020].

Одновременно с этим существует и противоположная точка зрения, представители которой указывают на незаинтересованность Украины в правление П. Порошенко в урегулировании конфликта и обвиняли тогдашнего главу государства в затягивании мирного процесса [Игнатов 2019; Сушенцов, Силаев 2018]. Эти исследователи отмечают опасения украинских элит относительно того, что с реинтеграцией Донбасса Россия получит дополнительные рычаги влияния на украинскую внешнюю и внутреннюю политику.

Стоит отметить, что подобной точки зрения придерживаются не только

российские, но и часть украинских авторов-реалистов, в т. ч. эксперты, участвовавшие в 2014–2019 гг. в выработке рекомендаций в сфере внешней политики Украины. Например, советник П. Порошенко и директор Национального института стратегических исследований (НИСИ) В. Горбулин указывал на существующие риски и отсутствие выгоды для Украины от реинтеграции Донбасса на основе Минских соглашений, а также на возможность России получить рычаги воздействия на украинскую политическую систему [Горбулин и др. 2015].

После победы В. Зеленского и его партии на президентских и парламентских выборах ряд экспертов озвучивали осторожный оптимизм [Мироненко и др. 2019] и отмечали готовность новой украинской власти к компромиссам в части урегулирования конфликта в Донбассе [Скоркин 2019]. Оппонирующие этой позиции эксперты и ученые отмечают долгосрочность конфликтного потенциала в отношениях двух стран, а следовательно, и устойчивость основополагающих установок внешнеполитической программы Украины в отношении России [Лукин 2018, с. 359; Чеснаков 2019].

С момента победы В. Зеленского и его партии на президентских и парламентских выборах прошло более года, что позволяет оценить эффективность его политики в вопросе урегулирования конфликта в Донбассе, а также провести сравнительный анализ действий В. Зеленского относительно политики его предшественника. Важность изучения данного вопроса обосновывается необходимостью выявления преемственности в действиях украинской власти после 2014 г. в вопросе урегулирования конфликта в Донбассе и, как следствие, выстраивания Украиной своей внешней политики в отношении России.

В контексте обвинений Киева в адрес Москвы во вмешательстве во внутриукраинские дела и поддержке непризнанных республик Донбасса внутриполитическую стратегию Украины необходимо рассматривать в комплексе как в отношении России в целом, так и, в частности, в вопросе отношения к конфликту в Донбассе.

Подход к урегулированию конфликта в Донбассе президента П. Порошенко (2014–2019 гг.)

После смены власти в Киеве в феврале 2014 г., присоединения Крыма к России и начала боевых действий на юго-востоке Украины Киев приступил к выстраиванию нового внешнеполитического курса и формированию долгосрочной внешнеполитической программы в отношении России, включая в качестве ее составного элемента подход к вопросу урегулирования конфликта в Донбассе [Лукин 2018, с. 362].

Данная политика сформировалась в результате двух крупных военных поражений украинской армии: в августе-сентябре 2014 г. в районе Иловайска и в феврале 2015 г. в районе Дебальцево. По итогу этих двух операций были заключены соответственно Первые и Вторые Минские соглашения, определяющие порядок урегулирования конфликта в Донбассе [Комплекс мер по выполнению Минских соглашений 2015] и признанные Советом Безопасности ООН в качестве мирного плана по урегулированию конфликта в регионе [СБ ООН единогласно принял предложенную Россией резолюцию 2015].

Выполнение политической части «Минска-2», касающейся предоставления Донбассу особого статуса, амнистии участников боевых действий, восстановления социальных выплат жите-

лям неподконтрольных Киеву территорий и т. д., лежит именно на Украине. При этом Минские соглашения, по мнению украинской стороны, рассматриваются руководством РФ в качестве не площадки урегулирования конфликта, а как «дипломатическая составляющая» «российской гибридной войны против Украины» [О внутреннем и внешнем положении Украины 2018, с. 81].

Россия обвиняется в использовании переговоров и самого текста Минских соглашений в качестве инструмента управления конфликтом на востоке Украины. Утверждается, что российская сторона навязывает «губительные для украинской государственности условия урегулирования конфликта», под которыми, очевидно, подразумевается, «Минск», ради легитимации руководителей и бойцов самопровозглашенных республик Донбасса. В результате Киев во время правления П. Порошенко уклонялся от выполнения политического блока Минских соглашений в части предоставления региону особого статуса [Игнатов 2019].

Верховная Рада Украины дважды, в январе 2015-го и январе 2018 г., признала Россию страной-агрессором [Рада признала Россию 2018]. Украинский парламент призвал международное сообщество также признать РФ страной-агрессором и усилить секторальные санкции, которые, по замыслу украинского руководства, должны привести к прекращению «российской агрессии» в Донбассе, выполнению Россией Минских соглашений, прекращению «незаконной оккупации Крыма» и компенсации потерь от «российской агрессии» в Крыму и Донбассе.

Стратегия Украины по вопросу выстраивания политики в отношении Донбасса и России после 2014 г. также изложена в Стратегии национальной безопасности Украины [Стратегия национальной безопасности Украины

2015]. «Агрессивные действия России» названы в Стратегии в качестве первого пункта актуальных угроз национальной безопасности Украины. Исходя из этого первым направлением государственной политики в сфере обеспечения национальной безопасности является восстановление территориальной целостности страны в том виде, как ее видит украинское руководство, т. е. в границах начала 2014 г.

Исходя из анализа текста и основных положений Стратегии можно сделать вывод, что Украина определяла построение своей внешней политики на антироссийской платформе, отказывалась от идеи нормализации отношений с Россией, а мирное политическое урегулирование не рассматривалось как необходимый элемент урегулирования конфликта. В частности, Минские соглашения не упоминаются в Стратегии национальной безопасности. Представляется, что Киев не был заинтересован в нормализации отношений с Россией и урегулировании конфликта в Донбассе [Данилов 2015].

С учетом определенного Стратегией национальной безопасности подхода Украина во время правления П. Порошенко предполагала выстраивание своей политики в отношении конфликта в Донбассе и отношений с Россией исключительно в рамках ряда негативных сценариев. Их разработала группа экспертов Национального института стратегических исследований при президенте Украины во главе с директором НИСИ (2014–2018 гг.) и советником президента П. Порошенко Владимиром Горбулиным [Горбулин и др. 2015, с. 67].

Первый сценарий – это замораживание конфликта в Донбассе по примеру Приднестровского и Абхазского конфликтов. В. Горбулин называет такой вариант желаемым для России и негативным для Украины, поскольку

ку создает для страны источник нестабильности и давления.

Второй сценарий – «ни мира, ни войны» – заключается в поддержании состояния перманентных боевых действий и затягивании переговоров. По мнению В. Горбулина, это способствует истощению сил республик Донбасса и России из-за санкционного давления и создает условия для наращивания военного потенциала Украины. Данный сценарий рассматривается в качестве оптимального, поскольку оставляет украинской стороне поле для маневров.

Третий сценарий заключается в отсечении неподконтрольных Киеву территорий Донбасса и изоляции их с украинской стороны, а также минимизации связей с Россией. По мнению В. Горбулина, такой шаг поспособствует укреплению внутреннего единства страны.

Четвертый сценарий – сценарий сепаратности. Он предусматривает сепаратное замирение с Россией (В. Горбулин не уточняет этот момент, однако под сепаратным, по всей видимости, подразумевается сепаратное замирение относительно позиции Запада) на выгодных для России условиях. Фактически речь идет о выполнении взятых Украиной обязательств относительно Минских договоренностей. Автор рассматривает данный сценарий как наилучший для Украины, который грозит ей «подчинением Кремлю».

Пятый сценарий заключается в переходе к тотальной войне с Россией, милитаризации общества, нагнетании идеологической ненависти, ограничении свобод и бескомпромиссной войне в Донбассе до победного конца. В. Горбулин отмечает, что в случае перехода к этому сценарию у Украины есть шансы победить в потенциальной войне с Россией.

Исходя из проводимой президентом П. Порошенко политики можно сделать

вывод, что Украина в 2014–2019 гг. следовала по второму сценарию В. Горбулина. Одновременно с этим введение П. Порошенко блокады Донбасса и милитаризация общества могут рассматриваться как элементы реализации третьего и пятого сценариев.

Дополнительным свидетельством консенсуса украинских элит относительно выбора политики затягивания переговоров может рассматриваться программная статья министра внутренних дел Арсена Авакова «Красные линии. Стратегии деоккупации Донбасса на основе “Механизма малых шагов”», опубликованная изданием «Украинская правда» в июле 2018 г. [Аваков 2018]. В ней глава МВД прямо постулирует невозможность перехода Украины к федеративному устройству и декларирует отказ от внесения изменений в Конституцию страны. Также в статье А. Аваков выступал за передачу Украине контроля над российско-украинской границей в Донбассе до проведения в регионе местных выборов и отказывал бойцам непризнанных республик Донбасса в праве на амнистию. Таким образом, глава МВД, обозначая украинские «красные линии» в переговорах по Донбассу, с одной стороны, подчеркивал свою готовность к диалогу по другим вопросам, а с другой – фактически выступал за пересмотр положений Минских соглашений на неприемлемых для Донбасса и России условиях.

Выбор политики затягивания переговоров может объясняться ожиданием дестабилизации ситуации в РФ, что в перспективе позволило бы Украине занять более жесткую позицию в вопросе урегулирования конфликта в Донбассе. В частности, аналитики НИСИ в 2017 г. предсказывали в среднесрочной перспективе ухудшение социально-экономической ситуации в России, и, как следствие, усиление протестно-

го потенциала и увеличение угрозы сепаратизма в ряде регионов России: Калининграде, Северном Кавказе, Якутии и Сибири. Таким образом, ожидание дестабилизации России дополнительным образом стимулировало Украину при президенте П. Порошенко воздерживаться от выполнения Минских соглашений и урегулировать конфликт в Донбассе, как представлялось руководству страны, на невыгодных для Украины условиях.

Отношение ведущих украинских политических групп к конфликту в Донбассе к 2019 г.

В результате военных поражений и неприемлемых для украинского руководства в 2014–2019 гг. Минских соглашений кризис в Донбассе развивался в рамках ряда констант: это невозможность военной победы Украины над непризнанными республиками Донбасса, невозможность эффективной военной инициативы со стороны Донецкой и Луганской Народных Республик, невозможность отказа сторон от Минских соглашений, что позволило бы противнику обвинить противоположную сторону в нежелании мира, сохранение медийного, идеологического и иного давления на сторонников мира на Украине, их невозможность прийти к власти, а также невозможность отказа Киева от Донбасса [Сушенцов, Силаев 2018, с. 110].

Это нашло свое отражение в программах кандидатов в президенты Украины в ходе избирательной кампании 2019 г. Данная избирательная кампания важна потому, что стала маркером приверженности украинского политического класса сформированной при президенте П. Порошенко внешнеполитической программе в отношении

России и Донбасса. В свою очередь, исследование программ кандидатов в президенты позволяет, во-первых, получить срез украинской политической системы спустя пять лет после начала конфликта в Донбассе и, во-вторых, дает представление о поддержке украинским обществом политиков, занимающих различные позиции по вопросу выстраивания отношений с Россией и урегулирования конфликта в Донбассе.

В вопросе формирования политики Украины в отношении Донбасса и России после 2014 г. украинских политиков можно разделить на четыре группы: 1) не готовых к компромиссу с непризнанными республиками и выступающих за жесткую линию в переговорах с Россией; 2) отвергающих переговоры и выступающих за войну до победного конца; 3) выступающих за мир и завершение конфликта, однако на основе новых, отличных от «Минска-2», условий и 4) выступающих за скорейшую нормализацию отношений и мир в Донбассе на основе имеющихся Минских договоренностей.

Наиболее многочисленной стала группа кандидатов в президенты Украины, выступающих за жесткую линию в переговорах с Россией и переход к новому формату урегулирования конфликта в Донбассе. С одной стороны, она представлена президентом Украины в 2014–2019 гг. Петром Порошенко [Порошенко Петр Алексеевич 2019], с другой – большей частью системной оппозиции, выступающей за продолжение курса в ЕС и НАТО и разрыв с РФ, однако критиковавшей по тем или иным причинам политику П. Порошенко.

К подгруппе системных оппозиционеров принадлежат народный депутат и лидер партии «Батькивщина» Юлия Тимошенко [Тимошенко Юлия Владимировна 2019], экс-министр обороны Анатолий Гриценко [Гриценко Анатолий

лий Степанович 2019], лидер Радикальной партии Олег Ляшко [Ляшко Олег Валерьевич 2019]. Эти политики являются частью украинской политической системы, регулярно принимали участие в выборах и до, и после Евромайдана, имели определенный уровень поддержки избирателей.

Третьей подгруппой кандидатов, также критикующих политику П. Порошенко, выступающих за новые подходы к урегулированию конфликта в Донбассе и жесткую линию в отношении РФ, являются несистемные кандидаты. Это шоумен Владимир Зеленский [Зеленский Владимир Александрович 2019] и экс-глава Службы безопасности Украины Игорь Смешко [Смешко Игорь Петрович 2019].

Несмотря на предлагаемое распределение кандидатов в рамках первой группы, фактически все они занимали крайне схожие позиции. Все они декларировали отказ от переговоров в актуальном к моменту первого тура выборов Минском формате. Также кандидаты заявляли об отказе от прямых переговоров и учета позиции представителей непризнанных Донецкой и Луганской Народных Республик.

Что касается отношения к России, то для В. Зеленского, П. Порошенко, Ю. Тимошенко, И. Смешко Россия – агрессор, для А. Гриценко – оккупант, и лишь О. Ляшко прямо не формулирует своего отношения к РФ. В вопросе отношений с Западом, В. Зеленский, П. Порошенко, Ю. Тимошенко, И. Смешко выступали за вступление в НАТО, А. Гриценко поддерживал «ответственную перед западными партнерами внешнюю политику», а О. Ляшко предлагал подписание прямого военного соглашения с США (детали вероятного соглашения не уточняются).

Пути урегулирования конфликта в Донбассе В. Зеленский прямо не формулировал, при этом в его програм-

ме отмечалось, что «сдача национальных интересов не может быть предметом переговоров». П. Порошенко в своей предвыборной программе выступал за возврат Донбасса политико-дипломатическими методами, И. Смешко – за возврат дипломатическими и экономическими методами. Ю. Тимошенко и А. Гриценко занимали более радикальную позицию и декларировали военнo-дипломатический путь восстановления контроля Киева над Донбассом.

В. Зеленского, П. Порошенко, Ю. Тимошенко объединяет требование к России компенсировать Украине все потери, возникшие в связи с конфликтом в Донбассе. При этом А. Гриценко, И. Смешко и О. Ляшко не затрагивали этот вопрос в своих программах.

Сторонники жесткой линии в переговорах с России и перехода к новым форматам урегулирования конфликта на востоке страны по итогу первого тура выборов получили большинство голосов избирателей. Совокупно В. Зеленский (30,24% и 5,7 млн голосов), П. Порошенко (15,95% и 3 млн), Ю. Тимошенко (13,4% и 2,5 млн), А. Гриценко (6,91% и 1,3 млн), И. Смешко (6% и 1,1 млн) и О. Ляшко (5,48% и 1 млн) получили голоса 78%, или же 14,6 млн избирателей.

Можно сделать вывод, что тройка лидеров первого тура выборов, В. Зеленский, П. Порошенко и Ю. Тимошенко, в своих предвыборных программах декларировали в целом схожий набор внешнеполитических подходов. Это признание России агрессором, фактический отказ от Минских соглашений и вступление страны в НАТО.

Используя предложенные В. Горбулиным сценарии, можно сделать вывод, что первая группа кандидатов, выступающих за урегулирование конфликта в Донбассе в новом формате и за жесткую линию в отношении РФ, фактически выбрала сценарий «ни мира, ни вой-

ны», т. е. путь максимального затягивания переговоров в надежде на ослабление России и улучшение внешнеполитической обстановки для Украины.

Вторую группу кандидатов, в вопросе отношения к Донбассу выступающих за войну до победного конца, составил Руслан Кошулинский, представляющий националистическую партию «Свобода».

Российско-украинские отношения после 2014 г. Р. Кошулинский определяет как «московско-украинская война» и выступает за разрыв всех отношений с РФ. Урегулирование конфликта в Донбассе кандидат видел в рамках Будапештского формата. Также Р. Кошулинский выступал за создание Балто-Черноморского союза и подписание договоров с США и Великобританией о полномасштабном военно-техническом сотрудничестве.

Представитель наиболее радикальной части украинской политической системы на выборах набрал 1,62% (307 тыс. голосов избирателей). В сценариях В. Горбулина Р. Кошулинский является сторонником тотальной войны с Россией, в которой у Украины, в представлении советника П. Порошенко, есть шанс на победу. Можно предположить, что часть радикального электората от Р. Кошулинского оттянул действующий на тот момент президент П. Порошенко, что объясняется его изначально большей популярностью у националистов как Верховного Главнокомандующего во время продолжающегося конфликта.

К третьей группе кандидатов, которых можно выделить по их подходам к выстраиванию отношений с Россией, принадлежит Александр Вилкул, народный депутат от фракции «Оппозиционный блок», входящий в группу, ориентирующуюся на крупнейшего олигарха страны Рината Ахметова [Александра Вилкула 2019].

Необходимо отметить, что Р. Ахметов был и остается самым богатым человеком Украины. Однако конфликт на юго-востоке страны и национализация промышленных предприятий на неподконтрольной Киеву территориях [Империя под ударом 2017] привели к ощутимым потерям активов Р. Ахметова, чье состояние сократилось в 3 раза [Иванченко 2019].

И хотя влияние олигарха на происходящие в регионе процессы сохранилось, по итогу пяти лет нахождения вне Донбасса Р. Ахметов, его политические и бизнес-интересы оказались инкорпорированы не столько в региональную, сколько в общеукраинскую повестку, что в конечном счете обусловило довольно сдержанную политическую программу ориентирующегося на Р. Ахметова А. Вилкула.

В вопросах внешней политики А. Вилкул выступал [Вилкул Александр Юрьевич 2019] за переход к внеблоковому статусу при одновременном усилении военного потенциала страны, создание контрактной армии и возобновление производства ракетных комплексов.

Ориентирующийся на Р. Ахметова кандидат поддерживал отличный от «Минска» формат урегулирования конфликта в Донбассе. В частности, А. Вилкул предлагал ввести в Донбасс миротворческий контингент дружественных и нейтральных стран, к которым А. Вилкул относил Белоруссию, Казахстан, Азербайджан, Финляндию, Швецию и Австрию. После этого в регионе должны пройти выборы по украинскому законодательству, а контроль над границей необходимо передать украинским властям.

В первом туре выборов А. Вилкул получил голоса 784 тыс. избирателей (4,15%). Исходя из предлагаемых В. Горбулиным сценариев выстраивания российско-украинских отноше-

ний, подход А. Вилкула укладывается в сценарий заморозки конфликта с помощью ввода миротворцев. При этом подобный сценарий не устраивал ни Россию, выступающую за выполнение «Минска» и реинтеграцию Донбасса, ни Украину, рассматривающую такой сценарий в качестве пролога к увеличению влияния России на внутреннюю и внешнюю политику страны.

Рассматривая подходы кандидатов в президенты Украины к урегулированию конфликта в Донбассе и выстраиванию отношений с Россией, лишь один из них выступал за скорейшее достижение мира на основе имеющихся договоренностей. Это Юрий Бойко, народный депутат от парламентской фракции «Оппозиционный блок» и один из лидеров партии «Оппозиционная платформа – За жизнь».

В своей предвыборной программе [Бойко Юрий Анатольевич 2019] Ю. Бойко выступал за переход к прямым переговорам со всеми сторонами конфликта, под которыми он подразумевал непризнанные республики Донбасса. Россия при этом, по мнению кандидата, должна стать гарантом выполнения договоренностей со стороны Донецкой и Луганской Народных Республик [Бойко: Посредники в переговорах 2019].

В своей программе Ю. Бойко декларировал готовность выполнить все международные обязательства, взятые на себя Украиной. Если конкретизировать, то для Ю. Бойко правовой основой урегулирования конфликта в Донбассе являлись именно Минские соглашения. В программе кандидата дополнительно подчеркивалось, что урегулировать конфликт на востоке страны возможно исключительно мирным путем.

В вопросах внутренней политики кандидат выступал за децентрализацию, самостоятельность регионов, не-

вмешательство государства в дела церкви и право граждан учиться на родном языке. Во внешней политике Ю. Бойко выступал за нейтралитет и внеблоковый статус страны. В свою очередь, это является свидетельством отказа от декларируемого Украиной курса на вступление в НАТО. Что касается выстраивания отношений с Россией, то Ю. Бойко выступал за «преодоление противоречий со всеми странами-соседями, в т. ч. с Россией».

Позиция Ю. Бойко по выполнению Украиной взятых на себя обязательств в рамках Минского процесса и намерение урегулировать отношения с Россией позволили ему получить 2,2 млн голосов избирателей (11,6%). Рассматривая предложенные В. Горбулиным сценарии выстраивания отношений Украины с Россией, можно сделать вывод, что программа Ю. Бойко укладывается в сценарий «сателлитного подчинения Украины Кремлю», поскольку предусматривает выполнение Минских договоренностей и всего сопутствующего комплекса реформ внутри страны.

Подход к урегулированию конфликта в Донбассе при президенте В. Зеленском (2019 г. – н. в.)

Завершившиеся победой во втором туре В. Зеленского президентские выборы на Украине продемонстрировали значительную сплоченность как политического класса, так и общества вокруг идей сохранения прежней жесткой внешней политики в отношении России и неприемлемости Минских соглашений в их существующем виде. Одновременно с этим переменчивая риторика нового президента В. Зеленского создавала представление о возможности достижения новых договоренно-

стей, касающихся урегулирования конфликта в Донбассе.

Учитывая сложившийся к середине 2019 г. высокий уровень недоверия между, с одной стороны, Москвой, Донецком и Луганском, а с другой – Киевом, стороны выбрали тактику «малых шагов». В сентябре Россия и Украина обменялись заключенными [Кто попал под обмен 2019], в октябре–ноябре в Донбассе произошло разведение войск на отдельных участках фронта [В Донбассе завершился очередной этап 2019], а также состоялось подписание Украиной «формулы Штайнмайера» в качестве механизма поэтапного выполнения отдельных положений Минских соглашений [Украина подписала «формулу Штайнмайера» 2019].

Тактика «малых шагов» была продолжена и в результатах встречи лидеров стран – членов «нормандского формата» 9 декабря в Париже, в ходе которой стороны согласовали новый обмен пленными, разведение войск еще на нескольких участках фронта и увеличение пунктов пропуска на линии разграничения. Важным результатом встречи стала также письменная фиксация Украиной своих обязательств по выполнению Минских соглашений [Итоги саммита в Париже 2019].

Помимо этого, при президенте В. Зеленском началась ревизия внешнеполитической концепции его предшественника. В январе 2020 г. был опубликован проект новой Стратегии национальной безопасности при одновременном сохранении евроатлантического курса страны, предусматривающий реализацию ряда мер, направленных на уменьшение вероятности эскалации конфликта с Россией и снятие напряжения в двусторонних отношениях [СНБО рассмотрел проект 2020]. Однако данная Стратегия так и не была утверждена президентом В. Зеленским, что может рассматриваться в качестве

стремления украинского руководства создать видимость готовности к миролюбивым действиями в адрес Донбасса и России при одновременном стремлении избежать самих действий.

Вместе с тем свидетельством преемственности подхода В. Зеленского к вопросу урегулирования конфликта в Донбассе является сохранение на посту министра внутренних дел А. Авакова, при президенте П. Порошенко выступившего за жесткую линию в отношениях с Россией и против любых компромиссов с республиками Донбасса.

При неопытном и не обладающем сильной командой В. Зеленском А. Аваков стал незаменимым гарантом стабильности в стране, поскольку контролировал МВД, Национальную гвардию и опосредованно ряд организаций националистов. Также А. Аваков сумел выстроить рабочие отношения с главой Офиса президента Андреем Ермаком, сохранил контроль над рядом министерств и имеет группу ориентированных на него народных депутатов в Верховной Раде [Скоркин 2020].

Во время переговоров в «нормандском формате» в Париже А. Аваков также выступил гарантом неуклонности украинского курса в отношении Донбасса, отметив, что В. Зеленский занял жесткую позицию, что, в представлении А. Авакова, является признаком государственной позиции [Аваков сообщил о «хорошей» атмосфере 2019]. Также, после письменного признания президентом В. Зеленском в ходе парижской встречи обязательств Украины в рамках Минских соглашений, в частности, о проведении сначала выборов, а после передачи под контроль украинским силовикам границы, А. Аваков заявил, что Украина по-прежнему намерена обеспечить свой контроль над границей до выборов [Аваков озвучил план по взятию под контроль украинской границы 2019].

Дополнительным свидетельством тактики затягивания переговоров может считаться заявление В. Зеленского о его стремлении изменить Минские соглашения, сделанное спустя несколько дней после встречи лидеров стран «нормандской четверки» [Зеленский выступил за изменение 2019]. Украинский президент также сообщил о наличии плана «Б» в отношении Донбасса в случае нереализации Минских соглашений, который предусматривает возведение стены на линии разграничения и изоляция Украины от неподконтрольных Киеву территорий [Зеленский рассказал о «последнем плане» 2019].

Можно предположить, что под планом «Б» подразумевается, по В. Горбулину, сценарий отсечения неподконтрольных территорий Донбасса от Украины. В частности, в августе 2020 г. экс-министр иностранных дел и посол Украины в Великобритании Вадим Пристайко в интервью «Европейской правде» заявил, что под планом «Б» украинская власть понимает временный отказ от идеи возврата Донбасса с сохранением планов вернуть контроль над регионом в отдаленном будущем [Вадим Пристайко 2020].

Еще одним подтверждением политики украинского руководства по затягиванию переговоров может считаться создание в рамках Трехсторонней контактной группы по мирному урегулированию в Донбассе консультативного совета с участием представителей непризнанных республик [Для урегулирования ситуации в Донбассе 2020]. Консультативный совет был создан в марте 2020 г., однако уже в апреле в заявлении на сайте президента Украины отмечалось, что соглашение о его создании «носит декларативный характер» [Подписанный 11 марта в Минске протокол 2020], а в июне 2020 г. вице-премьер-министр – министр по вопро-

сам временной реинтеграции временно оккупированных территорий Алексей Резников заявил, что идея Консультативного совета более неактуальна [Идея Консультативного совета 2020].

Проблемным также является вопрос предоставления Донбассу особого статуса, закрепленный в Минских соглашениях. Спустя неделю после проведения встречи «нормандской четверки» в Париже в декабре 2019 г., в ходе которой В. Зеленский письменно зафиксировал обязательства Украины в рамках Минских соглашений, президент Украины подал в Верховную Раду конституционный законопроект о децентрализации, определяющий унитарность как принцип территориального устройства страны и не упоминающий отдельно правовой статус Донбасса [Ни слова про особый статус Донбасса 2019].

По итогу первого полугодия Верховная Рада Украины так и не приняла закон об особом статусе Донбасса, как того требуют Минские соглашения, и приняла постановление о проведении местных выборов по старому законодательству, что представитель МИД России Мария Захарова назвала «фактическим выходом Украины из Минских соглашений» [Россия заявила о фактическом выходе Украины из минских соглашений 2020]. Можно предположить, что разработкой закона о децентрализации, наделяющего органы местного самоуправления большими полномочиями, Киев стремится заменить предоставление особого статуса непосредственно Донбассу. Опасность такого решения заключается в том, что впоследствии полномочия регионов могут быть ограничены решением Верховной Рады.

Новым глобальным вызовом, оказавшим влияние также и на политику Украины в отношении Донбасса, стала пандемия коронавируса, разразившаяся

ся в начале 2020 г. Хотя сама она не изменила базовых тенденций в международных отношениях, она, во-первых, проявила и обострила существующие вокруг конфликта в Донбассе проблемы. В частности, между Украиной и непризнанными республиками была закрыта линия разграничения, что привело к остановке любых контактов и осложнило поставки гуманитарной помощи в регион. Закономерно это приводит к дальнейшему отчуждению неподконтрольных Киеву территорий от Украины и дополнительно осложняет реализацию Минских соглашений.

Во-вторых, пандемия коронавируса вызвала, как представляется, обостренные опасения ученых относительно того, что сосредоточенность мирового сообщества и национальных правительств на преодолении вируса приведет к отвлечению ресурсов от решения иных проблем, в частности, конфликта в Донбассе [Караганов и др. 2020, с. 9]. Причем речь идет не только о борьбе с вирусом, но и преодолении социально-экономического кризиса. В условиях отсутствия свободных ресурсов Киева, весьма вероятно, не сможет реализовать программу по реинтеграции непризнанных республик.

Заключение

Подводя итоги изучения подходов президентов П. Порошенко и В. Зеленского к урегулированию конфликта в Донбассе, стоит отметить, что в 2014–2015 гг. были заложены базовые параметры подходов украинского руководства к кризису на юго-востоке страны.

Это неприятие признанных мировым сообществом Минских соглашений как основы урегулирования конфликта, выстраивание политики в отношении Донбасса и России с позиции разного уровня конфронтационности

и потенциальная готовность не юридически, но фактически отказаться от восстановления в обозримом будущем контроля над «отколовшимся» юго-востоком.

Схожим в политике П. Порошенко и В. Зеленского также является затягивание переговоров в ожидании изменений международной обстановки или же дестабилизации внутри самой России, о чем прямо пишут украинские теоретики. Примером затягивания переговоров относительно урегулирования конфликта в Донбассе может служить Консультативный совет с участием представителей непризнанных республик, создание которого весной 2020 г. сначала приветствовалось украинской стороной, после объявлялось декларативным, а по итогу и вовсе было признано неактуальным.

Одновременно с этим у подходов П. Порошенко и В. Зеленского есть и отличия. В частности, заложивший основу существующей украинской политики П. Порошенко в публичной риторике оставался приверженцем Минских договоренностей.

Его преемник В. Зеленский оказался одновременно и более гибким, выступая с различными предложениями по пересмотру «Минска», и одновременно жестким, фактически выдвигая России ультиматум об урегулировании конфликта исключительно на украинских условиях, в противном случае угрожая отказом Украины от переговоров и фактической заморозкой конфликта на неопределенный срок. Такая политика закономерно не находит поддержки у России и республик Донбасса.

В настоящее время, особенно под влиянием пандемии коронавируса и вызванного ею мирового социально-экономического кризиса, наиболее вероятным представляется в позиции Украины в отношении Донбасса сохранение статус-кво. Причем при условии

сохранения социально-политической стабильности в России и на Украине статус-кво позиции Киева в отношении Донбасса с большей долей вероятности сохранится до 2024 г., когда в России и на Украине должны состояться президентские выборы, что потенциально создаст условия для пересмотра подходов двух стран к проблематике конфликта в Донбассе.

Список литературы

Аваков А. (2018) Красные линии. Стратегия деоккупации Донбасса на основе «Механизма Малых Шагов» // Украинская правда. 16 июля 2018 // <https://www.pravda.com.ua/rus/articles/2018/07/16/7186406/>, дата обращения 11.08.2020.

Аваков озвучил план по взятию под контроль украинской границы (2019) // РИА Новости. 10 декабря 2019 // <https://ria.ru/20191210/1562231821.html>, дата обращения 01.06.2020.

Аваков сообщил о «хорошей» атмосфере на встрече «нормандской четверки» (2019) // РИА Новости. 9 декабря 2019 // <https://ria.ru/20191209/1562188639.html>, дата обращения 01.06.2020.

Александра Вилкула выдвинул в президенты «ахметовский» клон «Оппозиционного блока» (2019) // Strana.ua. 22 января 2019 // <https://strana.ua/news/182385-vybory-2019-aleksandr-vilkul-podal-dokumenty-v-tsik-dlja-rehistratsii-kandidatom-.html>, дата обращения 01.06.2020.

Бойко: Посредники в переговорах по Донбассу важны, но лишь как дополнение (2019) // 112.ua. 29 марта 2019 // <https://112.ua/politika/boyko-posredniki-v-peregovorah-po-donbassu-vazhny-no-lish-kak-dopolnenie-485939.html>, дата обращения 01.06.2020.

Бойко Юрий Анатолійович. Вибори Президента України (2019) // Цен-

тральна виборча комісія України // <https://www.cvk.gov.ua/pls/vp2019/wp005pt021f01=216pt001f01=719.html>, дата обращения 01.06.2020.

В Донбассе завершился очередной этап разведения войск (2019) // Lenta.ru. 11 ноября 2019 // <https://lenta.ru/news/2019/11/11/petrovskoe/>, дата обращения 01.06.2020.

Вадим Пристайко: «Для Донбасса был также «план С». И я понимаю, что его воспримут как «зраду»» (2020) // Европейская правда. 28 августа 2020 // <https://www.eurointegration.com.ua/rus/interview/2020/08/28/7113686/>, дата обращения 01.06.2020.

Вілкул Олександр Юрійович. Вибори Президента України (2019) // Центральна виборча комісія України // <https://www.cvk.gov.ua/pls/vp2019/wp005pt021f01=224pt001f01=719.html>, дата обращения 01.06.2020.

Горбулин В.П., Власюк А.С., Кононенко С.В. (ред.) (2015) Украина и Россия: девятый вал или Китайская стена. Киев: НИСИ.

Гриценко Анатолій Степанович. Вибори Президента України (2019) // Центральна виборча комісія України // <https://www.cvk.gov.ua/pls/vp2019/wp005pt021f01=208pt001f01=719.html>, дата обращения 01.06.2020.

Данилов Д. (2015) Стратегия национальной безопасности Украины: возможные последствия для российско-украинских отношений // Институт Европы РАН. Аналитическая записка. № 12 // <http://instituteofeurope.ru/images/uploads/analitika/an12.pdf>, дата обращения 01.06.2020.

Для урегулирования ситуации в Донбассе создали консультативный совет (2020) // РБК. 12 марта 2020 // <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/5e6982379a794750deca1dbd>, дата обращения 01.06.2020.

Зеленський Володимир Олександрович. Вибори Президента України (2019)

// Центральна виборча комісія України
// <https://www.cvk.gov.ua/pls/vp2019/wp005pt021f01=233pt001f01=719.html>, дата обращения 01.06.2020.

Зеленский выступил за изменение Минских соглашений (2019) // РИА Новости. 12 декабря 2019 // <https://ria.ru/20191212/1562335941.html>, дата обращения 01.06.2020.

Зеленский рассказал о «последнем плане» по урегулированию в Донбассе (2019) // РИА Новости. 13 декабря 2019 // <https://ria.ru/20191213/1562336387.html>, дата обращения 01.06.2020.

Иванченко В. (2019) Переосмысление Украины: ловушка юго-востока // Россия в глобальной политике. 24 февраля 2019 // <https://globalaffairs.ru/articles/pereosmyslenie-ukrainy-lovushka-yugo-vostoka/>, дата обращения 01.06.2020.

Игнатов О. (2019) Не рвать и не выполнять. Есть ли шансы у Минска-2 после четырех лет переговоров // Московский центр Карнеги. 12 февраля 2019 // <https://carnegie.ru/commentary/78336>, дата обращения 01.06.2020.

Идея Консультативного совета по Донбассу больше не актуальна – министр (2020) // Европейская правда. 4 июня 2020 // <https://www.eurointegration.com.ua/rus/news/2020/06/4/7110715/>, дата обращения 01.06.2020.

Империя под ударом. Что теряет Украина и Ринат Ахметов от национализации в республиках Донбасса (2017) // Lenta.ru. 2 марта 2017 // https://lenta.ru/articles/2017/03/02/sultan_ahmet/, дата обращения 01.06.2020.

Итоги саммита в Париже. О чем договорились Путин, Зеленский, Макрон и Меркель (2019) // Ведомости. 10 декабря 2019 // <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2019/12/10/818287-itogi>, дата обращения 01.06.2020.

Караганов С.А. и др. (2020) Защита мира, Земли, свободы выбора для всех стран: Новые идеи для внешней поли-

тики России. Доклад на XXI Апрельской международной научной конференции по проблемам развития экономики и общества. М.: ВШЭ.

Комплекс мер по выполнению Минских соглашений (2015) // ОБСЕ // <https://www.osce.org/ru/cio/140221?download=true>, дата обращения 01.06.2020.

Кошулинський Руслан Володимирович. Вибори Президента України (2019) // Центральна виборча комісія України // <https://www.cvk.gov.ua/pls/vp2019/wp005pt021f01=228pt001f01=719.html>, дата обращения 01.06.2020.

Кто попал под обмен заключенных между Россией и Украиной? Два списка (2019) // Русская служба BBC. 7 сентября 2019 // <https://www.bbc.com/russian/features-49621516>, дата обращения 01.06.2020.

Лукин А.В. (ред.) (2018) Новые международные отношения: основные тенденции и вызовы для России. М.: Международные отношения.

Ляшко Олег Валерійович. Вибори Президента України (2019) // Центральна виборча комісія України // <https://www.cvk.gov.ua/pls/vp2019/wp005pt021f01=220pt001f01=719.html>, дата обращения 01.06.2020.

Минские соглашения: итоги пяти лет реализации и перспективы на будущее // Центр политической конъюнктуры. 16 декабря 2019 // <http://cpkr.ru/issledovaniya/rossiya-ukraina/minskie-soglasheniya-itogi-pyati-let-realizatsii-i-perspektivy-na-budushchee/>, дата обращения 01.06.2020.

Мироненко В., Гуцин А., Левченков А. (2019) Как изменится жизнь Украины и украинцев после победы Зеленского // Российский совет по международным делам. 23 апреля 2019 // <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/interview/kak-izmenitsya-zhizn-ukrainy-i-ukraintsev-posle-pobedy-zelenskogo/>, дата обращения 01.06.2020.

Ни слова про особый статус Донбасса. Опубликован текст законопроекта по децентрализации (2019) // Страна.ua 16 декабря 2019 // <https://strana.ua/news/239527-tekst-zakonoproekt-o-detsentralizatsii-kotoryj-pomenjaet-konstitutsiju.html>, дата обращения 01.06.2020.

О внутреннем и внешнем положении Украины в 2018 году (2018) // Национальный институт стратегических исследований // <http://niss.gov.ua/doslidzhennya/naukovi-vidannya/poslan-nya-prezidenta-ukraini/analichna-dopovid-do-schorichnogo>, дата обращения 01.06.2020.

Пандемия коронавируса и мирный процесс в Донбассе (2020) // Центр политической конъюнктуры. 13 апреля 2020 // <http://cpkr.ru/issledovaniya/rossiya-ukraina/pandemiya-koronavirusa-i-mirnyy-protsess-v-donbasse/>, дата обращения 01.06.2020.

Подписанный 11 марта в Минске протокол не легитимизирует ОРДЛО – Зеленский (2020) // Укринформ. 6 апреля 2020 // <https://www.ukrinform.ru/rubric-politics/2913405-podpisannyj-11-marta-v-minske-protokol-ne-legitimiziruet-ordlo-zelenskij.html>, дата обращения 01.06.2020.

Порошенко Петро Олексійович. Вибори Президента України (2019) // Центральна виборча комісія України // <https://www.cvk.gov.ua/pls/vp2019/wp005pt021f01=295pt001f01=719.html>, дата обращения 01.06.2020.

Рада признала Россию агрессором и оккупантом: что изменится? (2018) // BBC Украина. 18 января 2018 // <https://www.bbc.com/ukrainian/features-russian-42731853>, дата обращения 01.06.2020.

Россия заявила о фактическом выходе Украины из минских соглашений (2020) // Lenta.ru. 23 июля 2020 // <https://lenta.ru/news/2020/07/23/vykhod/>, дата обращения 01.06.2020.

СБ ООН единогласно принял предложенную Россией резолюцию в поддержку минских соглашений (2015) // ТАСС. 17 февраля 2015 // <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/1774761>, дата обращения 01.06.2020.

Скоркин К. (2019) Какой будет политика Зеленского в отношении Донбасса // Московский центр Карнеги. 2 июля 2019 // <https://carnegie.ru/commentary/79414>, дата обращения 01.06.2020.

Скоркин К. (2020) Незаменимый Аваков. Как глава МВД становится самым могущественным политиком Украины // Московский центр Карнеги. 3 марта 2020 // <https://carnegie.ru/commentary/80954>, дата обращения 01.06.2020.

Смешко Ігор Петрович. Вибори Президента України (2019) // Центральна виборча комісія України // <https://www.cvk.gov.ua/pls/vp2019/wp005pt021f01=235pt001f01=719.html>, дата обращения 01.06.2020.

СНБО рассмотрел проект Стратегии национальной безопасности Украины // Президент Украины. 17 января 2020 // <https://www.president.gov.ua/ru/news/rnbo-rozglyanula-proekt-strategiyi-nacionalnoyi-bezpeki-ukra-59321>, дата обращения 01.06.2020.

Стратегия национальной безопасности Украины от 26.05.2015 № 287/2015 (2015) // Верховная Рада Украины // <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/287/2015>, дата обращения 01.06.2020.

Сушенцов А.А., Силаев Н.Ю. (2018) Сценарный прогноз развития украинского кризиса // Вестник РУДН. Серия: Международные отношения. Т. 18. № 1. С. 107–123. DOI: 10.22363/2313-0660-2018-18-1-107-123

Тимошенко Юлія Володимирівна. Вибори Президента України (2019) // Центральна виборча комісія України // <https://www.cvk.gov.ua/pls/vp2019/wp005pt021f01=225pt001f01=719.html>, дата обращения 01.06.2020.

Украина подписала «формулу Штайнмайера» (2019) // РИА Новости. 10 октября 2019 // <https://ria.ru/20191001/1559327262.html>, дата обращения 01.06.2020.

Чеснаков: нельзя играть с Украиной в поддавки (2019) // Актуальные комментарии. 21 августа 2019 // [http://actual-comment.ru/chesnakov-nelzya-igrat-s-](http://actual-comment.ru/chesnakov-nelzya-igrat-s-ukrainoy-v-poddavki-1908210956.html)

[ukrainoy-v-poddavki-1908210956.html](http://actual-comment.ru/chesnakov-nelzya-igrat-s-ukrainoy-v-poddavki-1908210956.html), дата обращения 01.06.2020.

Yasko L. (2020) Why Ukraine Cannot Risk Recognizing Putin's Proxies // Atlantic Council, February 23, 2020 // <https://www.atlanticcouncil.org/blogs/ukrainealert/why-ukraine-cannot-risk-recognizing-putins-proxies/>, дата обращения 01.06.2020.

DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-1-13

The Approaches of Presidents P. Poroshenko and V. Zelensky to the Settlement of the Conflict in the Donbass: Comparative Analysis

Maxim E. SEMENOV

3d year PhD Student Doctoral School of Political Science

National Research University Higher School of Economics, 101000, Myasnitskaya St., 20, Moscow, Russia Federation

E-mail: semenovmaxim1812@gmail.com

ORCID 0000-0002-1691-8516

CITATION: Semenov M.E. (2021) The Approaches of Presidents P. Poroshenko and V. Zelensky to the Settlement of the Conflict in the Donbass: Comparative Analysis. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 14, no 1, pp. 250–270 (in Russian). DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-1-13

Received: 01.06.2020.

ABSTRACT. *The article is devoted to the analysis of the approaches of the presidents of Ukraine Petro Poroshenko and Volodymyr Zelensky to the issue of resolving the conflict in Donbass. The election of Vladimir Zelensky in 2019 as president of Ukraine gave rise to hope among some politicians and experts regarding the possibility of resolving the conflict that has been ongoing in 2014 in the Donbass. This was explained by the fact that, unlike his predecessor, he had no previous relation to politics, was not related to the outbreak of the conflict, and also that V. Zelensky actively used peace-loving rhetoric in his election campaign. In this regard, more than a year after V. Zelensky's victory in the presidential election, the aim of the article was to compare his approach with P. Poroshenko's approach to resolving the conflict in the Donbass. The study sequentially examines the approaches of the Ukrainian government in 2014-2019 to the con-*

flict in the southeast of the country, the current Ukrainian political class approaches to the Donbass problem and directly the politician V. Zelensky himself regarding the settlement of the conflict. Taking into account Russia's involvement in the events in Ukraine, Kiev's policy towards Donbass is also considered in the context of Ukraine's foreign policy towards Russia. As a result of the study, the conclusion is drawn about the significant continuity of the policy of V. Zelensky regarding his predecessor. At the same time, the material notes differences in the approaches of the two Ukrainian presidents and gives the forecast regarding the further development of Ukraine's policy regarding the settlement of the conflict in the Donbass.

KEYWORDS: *Ukraine, Russia, Conflict in Donbass, Ukraine's foreign policy*

References

- A Set of Measures to Implement the Minsk Agreements (2015). OSCE. Available at: <https://www.osce.org/en/cio/140221?download=true>, accessed 01.06.2020 (in Russian).
- Alexander Vilkul Nominated for President the “Akhmetovsky” Clone of the “Opposition Bloc” (2019). *Strana.ua*, January 22, 2019. Available at: <https://strana.ua/news/182385-vybory-2019-aleksandr-vilkul-podal-dokumenty-v-tsik-dlja-rehistratsii-kandidatom-.html>, accessed 01.06.2020 (in Russian).
- Avakov A. (2018) Red Lines. Donbass De-occupation Strategy Based on the Small Steps Mechanism. *Ukrainska Pravda*, July 16, 2018. Available at: <https://www.pravda.com.ua/rus/articles/2018/07/16/7186406/>, accessed 01.06.2020 (in Russian).
- Avakov Announced a Plan to Take Control of the Ukrainian Border (2019). *RIA Novosti*, December 10, 2019. Available at: <https://ria.ru/20191210/1562231821.html>, accessed 01.06.2020 (in Russian).
- Avakov Reported on the “Good” Atmosphere at the Meeting of the “Normandy Four” (2019). *RIA Novosti*, December 9, 2019. Available at: <https://ria.ru/20191209/1562188639.html>, accessed 01.06.2020 (in Russian).
- Boyko: Mediators in the Negotiations on the Donbass Are Important, but Only as an Addition (2019). *112.ua*, March 29, 2019. Available at: <https://112.ua/politika/boyko-posredniki-v-peregovorah-po-donbassu-vazhny-no-lish-kak-dopolnenie-485939.html>, accessed 01.06.2020 (in Russian).
- Boyko Yuriy Anatoliyovych. Elections of the President of Ukraine (2019). *Central Election Commission of Ukraine*. Available at: <https://www.cvk.gov.ua/pls/vp2019/wp005pt021f01=216pt001f01=719.html>, accessed 01.06.2020 (in Russian).
- Central Election Complex of Measures to Implement the Minsk Agreements. OSCE. Available at: <https://www.osce.org/ru/cio/140221?download=true>, accessed 01.06.2020 (in Russian).
- Chesnakov: You Cannot Play Giveaway with Ukraine (2019). *Actual Comments*, August 21, 2019. Available at: <http://actualcomment.ru/chesnakov-nelzya-igrat-s-ukrainoy-v-poddavki-1908210956.html>, accessed 01.06.2020 (in Russian).
- Danilov D. (2015) National Security Strategy of Ukraine: Possible Implications for Russian-Ukrainian Relations. *Institute of Europe*. Analytic Note. No 12. Available at: <http://instituteofeurope.ru/images/uploads/analitika/an12.pdf>, accessed 01.06.2020 (in Russian).
- Gorbunin V.P., Vlasjuk A.S., Kononenko S.V. (eds.) (2015) *Ukraine and Russia: The Ninth Wall or the Wall of China*, Kiev: NISI (in Russian).
- Gritsenko Anatoliy Stepanovych. Elections of the President of Ukraine (2019). *Central Election Commission of Ukraine*. Available at: <https://www.cvk.gov.ua/pls/vp2019/wp005pt021f01=208pt001f01=719.html>, accessed 01.06.2020 (in Russian).
- Ignatov O. (2019) Do not Tear and Do not Fulfill. Does Minsk-2 Have Any Chances after Four Years of Negotiations. *Carnegie Moscow Center*, February 12, 2019. Available at: <https://carnegie.ru/commentary/78336>, accessed 01.06.2020 (in Russian).
- In the Donbass, the Next Stage of Troop Withdrawal (2019). *Lenta.ru*, November 11, 2019. Available at: <https://lenta.ru/news/2019/11/11/petrovskoe/>, accessed 01.06.2020 (in Russian).
- Ivanchenko V. (2019) Rethinking Ukraine: The Trap of the Southeast. *Russia in Global Affairs*, February 24, 2019. Available at: <https://globalaffairs.ru/articles/pereosmyslenie-ukrainy-lovushka-yugo-vostoka/>, accessed 01.06.2020 (in Russian).
- Karaganov S.A. et al. (2020) *Protecting the World, the Earth, Freedom of Choice for*

All Countries: New Ideas for Russia's Foreign Policy, Moscow: HSE (in Russian).

Koshulynsky Ruslan Vladimirovich. Elections of the President of Ukraine (2019). *Central Election Commission of Ukraine*. Available at: <https://www.cvk.gov.ua/pls/vp2019/wp005pt021f01=228pt001f01=719.html>, accessed 01.06.2020 (in Russian).

Lukin A.V. (ed.) (2018) *New International Relations: Main Trends and Challenges for Russia. Under the General*, Moscow: International relations (in Russian).

Lyashko Oleg Valerievich. Elections of the President of Ukraine (2019). *Central Election Commission of Ukraine*. Available at: <https://www.cvk.gov.ua/pls/vp2019/wp005pt021f01=220pt001f01=719.html>, accessed 01.06.2020 (in Russian).

Minsk Agreements: Results of Five Years of Implementation and Prospects for the Future (2019). *Center for Political Conjuncture*, December 16, 2019. Available at: <http://cpkr.ru/issledovaniya/rossiya-ukraina/minskie-soglasheniya-itogi-pyati-let-realizatsii-i-perspektivy-na-budushchee/>, accessed 01.06.2020 (in Russian).

Mironenko V., Gushchin A., Levchenkov A. (2019) How Will Life of Ukraine and Ukrainians Change after Zelensky's Victory. *Russian Council on Foreign Affairs*, April 23, 2019. Available at: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/interview/kak-izmenitsya-zhizn-ukrainy-i-ukraintsev-posle-pobedy-zelenskogo/>, accessed 01.06.2020 (in Russian).

Not a Word about the Special Status of Donbass. The Text of the Draft Law on Decentralization (2019). *Strana.ua*, December 16, 2019. Available at: <https://strana.ua/news/239527-tekst-zakonoproekt-o-detseentralizatsii-kotoryj-pomenjaet-konstitutsiju.html>, accessed 01.06.2020 (in Russian).

On the Internal and External Situation of Ukraine in 2018 (2018). *National Institute for Strategic Studies*. Available at: [\[nya/naukovi-vidannya/poslannya-prezidenta-ukraini/analitichna-dopovid-doschorichnogo\]\(http://niss.gov.ua/doslidzheniya/naukovi-vidannya/poslannya-prezidenta-ukraini/analitichna-dopovid-doschorichnogo\), accessed 01.06.2020 \(in Russian\).](http://niss.gov.ua/doslidzhen-</p>
</div>
<div data-bbox=)

Parliament Recognized Russia as Aggressor and Occupier: What Will Change? (2018). *BBC Ukraine*, January 18, 2018. Available at: <https://www.bbc.com/ukrainian/features-russian-42731853>, accessed 01.06.2020 (in Russian).

Poroshenko Petro Oleksiyovych. Elections of the President of Ukraine (2019). *Central Election Commission of Ukraine*. Available at: <https://www.cvk.gov.ua/pls/vp2019/wp005pt021f01=295pt001f01=719.html>, accessed 01.06.2020 (in Russian).

Protocol Signed on March 11 in Minsk Does not Legitimize ORDLO - Zelensky (2020). *Ukrinform*, April 6, 2020. Available at: <https://www.ukrinform.ru/rubric-politics/2913405-podpisan-nyj-11-marta-v-minske-protokol-ne-legitimiziruet-ordlo-zelenskij.html>, accessed 01.06.2020 (in Russian).

Russia Announced the Actual Withdrawal of Ukraine from the Minsk Agreements (2020). *Lenta.ru*, July 23, 2020. Available at: <https://lenta.ru/news/2020/07/23/vykhod/>, accessed 01.06.2020 (in Russian).

Skorkin K. (2019) What Will Zelensky's Policy Be with Respect to the Donbass. *Carnegie Moscow Center*, July 2, 2019. Available at: <https://carnegie.ru/commentary/79414>, accessed 01.06.2020 (in Russian).

Skorkin K. (2020) Irreplaceable Avakov. How the Interior Minister Becomes the Most Powerful Politician in Ukraine. *Carnegie Moscow Center*, March 3, 2020. Available at: <https://carnegie.ru/commentary/80954>, accessed 01.06.2020 (in Russian).

Smeshko Igor Petrovich. Elections of the President of Ukraine (2019). *Central Election Commission of Ukraine*. Available at: <https://www.cvk.gov.ua/pls/vp2019/wp005pt021f01=235pt001f01=719.html>, accessed 01.06.2020 (in Russian).

Sushentsov A.A., Silaev N.Yu. (2018) Possible Scenarios for the Ukrainian Crisis. *Bulletin of the RUDN University. Series: International Relations*, vol. 18, no 1, pp. 107–123 (in Russian). DOI: 10.22363/2313-0660-2018-18-1-107-123

The Coronavirus Pandemic and the Peace Process in the Donbass (2020). *Center for Political Conjuncture*, April 13, 2020. Available at: <http://cpkr.ru/issledovaniya/rossiya-ukraina/pandemiya-koronavirusa-i-mirnyy-protsess-v-donbasse/>, accessed 01.06.2020 (in Russian).

The Empire is Under Attack. What Does Ukraine and Rinat Akhmetov Lose from Nationalization in the Republics of Donbass (2017). *Lenta.ru*, March 2, 2017. Available at: https://lenta.ru/articles/2017/03/02/sultan_ahmet/, accessed 01.06.2020 (in Russian).

The Idea of the Advisory Council on Donbass Is no Longer Relevant - Minister (2020). *Evropeyskaya Pravda*, June 4, 2020. Available at: <https://www.eurointegration.com.ua/rus/news/2020/06/4/7110715/>, accessed 01.06.2020 (in Russian).

The National Security Strategy of Ukraine of 05.06.2015 No 287/2015 (2015). *Verkhovna Rada of Ukraine*. Available at: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/287/2015>, accessed 01.06.2020 (in Russian).

The NSDC Reviewed the Draft National Security Strategy of Ukraine. *President of Ukraine*, January 17, 2020. Available at: <https://www.president.gov.ua/en/news/rnbo-rozglyanula-proekt-strategiyi-natsionalnoyi-bezpeki-ukra-59321>, accessed 01.06.2020 (in Russian).

The Results of the Summit in Paris. What Agreed Putin, Zelensky, Macron and Merkel (2019). *Vedomosti*, December 10, 2019. Available at: <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2019/12/10/818287-itogi>, accessed 01.06.2020 (in Russian).

The UN Security Council Unanimously Adopted the Resolution Proposed by Russia in Support of the Minsk Agreements

(2015). TASS, February 17, 2015. Available at: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/1774761>, accessed 01.06.2020 (in Russian).

To Resolve the Situation in Donbass, an Advisory Council (2020). RBC, March 12, 2020. Available at: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/5e6982379a794750deca1dbd>, accessed 01.06.2020 (in Russian).

Tymoshenko Yulia. Elections of the President of Ukraine (2019). *Central Election Commission of Ukraine*. Available at: <https://www.cvk.gov.ua/pls/vp2019/wp005pt021f01=225pt001f01=719.html>, accessed 01.06.2020 (in Russian).

Ukraine Signed the Steinmeier Formula (2019). *RIA Novosti*, October 10, 2019. Available at: <https://ria.ru/20191001/1559327262.html>, accessed 01.06.2020 (in Russian).

Vadim Prystaiko: “There Was Also ‘Plan C’ for Donbass. And I Understand that He Will Be Perceived as ‘Zrada’” (2020). *Evropeyskaya Pravda*, August 28, 2020. Available at: <https://www.eurointegration.com.ua/rus/interview/2020/08/28/7113686/>, accessed 01.06.2020 (in Russian).

Vilkul Alexander Yurievich. Elections of the President of Ukraine (2019). *Central Election Commission of Ukraine*. Available at: <https://www.cvk.gov.ua/pls/vp2019/wp005pt021f01=224pt001f01=719.html>, accessed 01.06.2020 (in Russian).

Who Came under the Prisoner Exchange between Russia and Ukraine? Two Lists (2019). *Russian BBC Service*, September 7, 2019. Available at: <https://www.bbc.com/russian/features-49621516>, accessed 01.06.2020 (in Russian).

Yasko L. (2020) Why Ukraine Cannot Risk Recognizing Putin's Proxies. *Atlantic Council*, February 23, 2020. Available at: <https://www.atlanticcouncil.org/blogs/ukrainealert/why-ukraine-cannot-risk-recognizing-putins-proxies/>, accessed 01.06.2020.

Zelensky Advocated Amending the Minsk Agreements (2019). *RIA Nov-*

osti, December 12, 2019. Available at: <https://ria.ru/20191212/1562335941.html>, accessed 01.06.2020 (in Russian).

Zelensky Spoke about the “Last Plan” for a Settlement in the Donbass (2019). *RIA Novosti*, December 13, 2019. Available at: <https://ria.ru/20191213/1562336387.html>, accessed 01.06.2020 (in Russian).

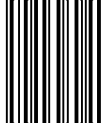
Zelensky Vladimir Alexandrovich. Elections of the President of Ukraine (2019). *Central Election Commission of Ukraine*. Available at: <https://www.cvk.gov.ua/pls/vp2019/wp005pt021f01=233pt001f01=719.html>, accessed 01.06.2020 (in Russian).

ISSN 2542-0240

9 772542 024004

2 1 0 0 1

>